

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Зарубежная остросюжетная фантастика

ГАРРИ ГАРРИСОН

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

3

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежная
остросюжетная
фантастика**

**ГАРРИ
ГАРРИСОН**

СТАЛЬНАЯ КРЫСА

ТАЛЛИНН „БИБЛИОТЕКА ”ЛООМИНГ“ 1991.

Составитель *А. Саяпин*
Перевод с англ. *А. Снежко*
Художеств. оформление *В. Завьялов*

Г. Гаррисон

«Стальная крыса». Перевод с английского А. Снежко. Составитель А. Саяпин. — Таллинн «Библиотека «Лооминг». 1991—320 с. ил. /«Библиотека зарубежного криминалистического и приключенческого романа». Выпуск 3/.

ИБ — 2247

Издательство продолжает публикацию книг серии «БЗАКИПР». В настоящем сборнике мы предлагаем Вам три наиболее «крутых» романа известного американского писателя-фантаста Гарри Гаррисона, составляющих серию «Стальная крыса». Все три романа объединены одним героем и выдержаны в духе увлекательнейшего остроюжетного фантастического детектива с погонями в космосе, стрельбой из сверхмощного оружия и приключениями героев на неведомых планетах...

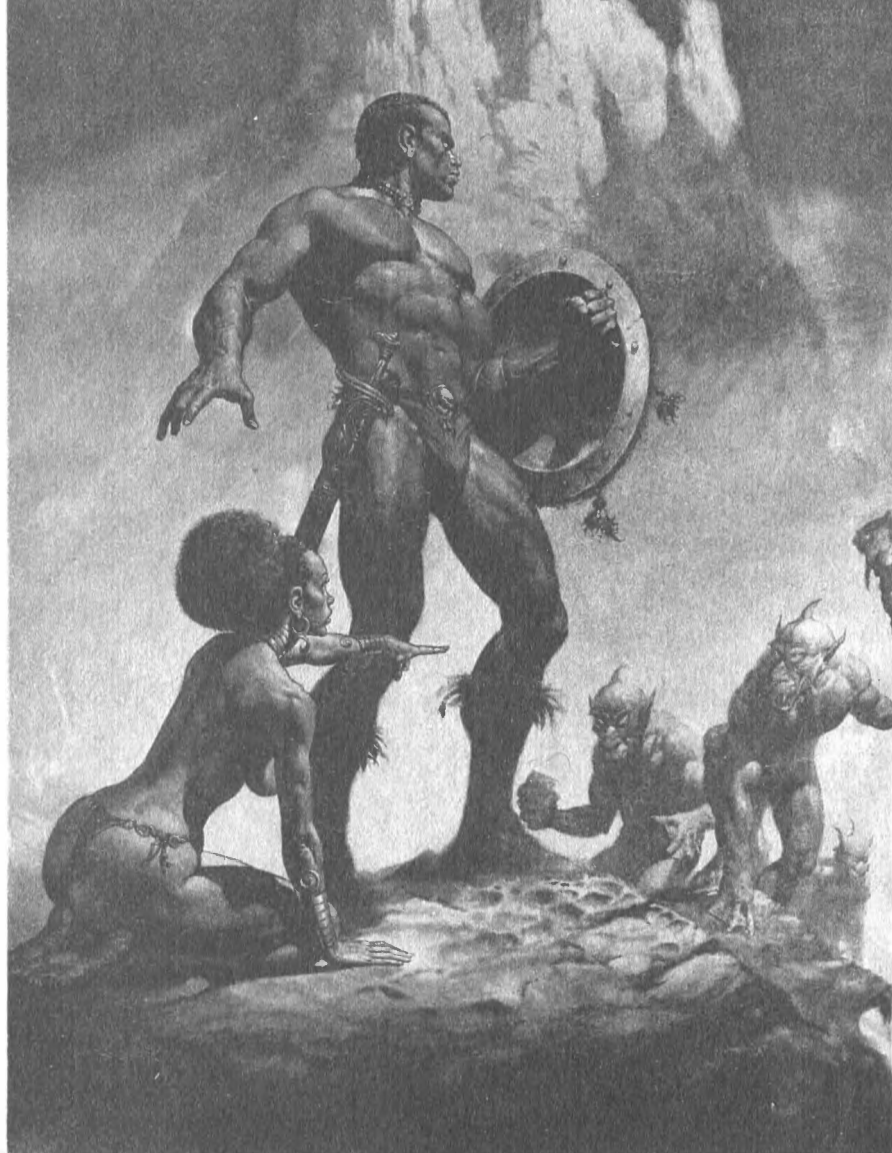
Предлагаемая серия романов Г. Гаррисона предлагается вниманию русского читателя впервые.

Г $\frac{4703010100-13}{904(15)-91}$ Без объявл.

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-7979-0427-5

© Библиотека «Лооминг»

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

Глава 1

Когда дверь офиса внезапно открылась, я понял, что игра окончена. Это было выгодное дельце, но ему пришел конец. Я встретил входящего полицейского, сидя в кресле, изображая на лице счастливую улыбку. Он шел твердой походкой с обычным для всех копов угрюмым выражением лица. И то же самое отсутствие юмора. Еще до того, как он открыл рот, я уже знал, что он скажет.

«Джеймс Боливар ди Гриз, я арестую вас по обвинению...» Я ждал слово «обвинению», именно этого слова. Когда он произнес его, я нажал на кнопку, соединенную с зарядом черного пороха в патроне. Заряд взорвался — и трехтонный сейф рухнул на голову полицейского. Когда осело облако штукатурки, я увидел только одну слабо шевелившуюся руку. Она дергалась до тех пор, пока не зафиксировала указующий перст, нацеленный на меня.

Его голос был слегка приглушен сейфом и звучал раздражающе отрывисто. Он забыл:

— «...по обвинению в нелегальном въезде, краже, подлоге...» Он долбил и долбил монотонно, это был бесконечный список, но я все это уже слышал раньше. Я переложил все деньги из ящика письменного стола в кейс. Список закончился новым обвинением, и мне посчастливилось услышать, как в его голосе зазвучали нотки обиды.

«...ко всему прочему вам добавляется обвинение в нападении на полицейского робота. Это бессмысленно, так как мой мозг и гортань бронированы, а в моей средней секции...»

— Что я знаю точно, Хорж, так это то, что маленький двухсторонний передатчик расположен у тебя на макушке, а мне так хотелось, чтобы ты в данный момент обратился к своим друзьям.

Один хороший пинок открыл в стене потайную дверь, открылся доступ к ступенькам. Когда я обходил груды штукатурки на полу, пальцы робота рванулись к моей ноге, но я ждал этого и ему не хватило пары дюймов. В своей жизни я много раз встречался с полицейскими роботами и отлично знал, что они практически неразрушимы. Вы можете бить его сверху, подрывать снизу, а он тащится за вами, подтягивая себя, если остался целым хоть один палец, и непрерывно поливает вас ушами сахариновой морали. Вот это сейчас и делалось. Он разобрал всю мою преступную жизнь и цену моего долга обществу и тому подобное. Я слышал эхо его голоса на лестничной площадке, даже когда уже достиг подвала.

Сейчас на счету была каждая секунда. У меня было около трех секунд до того, как они сядут мне на хвост, и не более одной минуты и восьми секунд, чтобы покинуть здание. Еще один пинок — и открылся проход в комнату без таблички и номера.

Ни один из роботов не взглянул, как я спустился вниз, и я был страшно удивился, если бы это было не так. Все они были устаревшего М-типа, пригодные только для простой однообразной работы. Им было абсолютно все равно, зачем они сдирают наклейки с заполненных консервных банок и что находится на другом конце конвейера, который доставляет эти банки через стену. Они не подняли взгляда даже тогда, когда я открыл дверь, которая никогда не открывалась, ведущую по ту сторону стены. Я не стал ее закрывать, так как сейчас секреты уже не имели смысла.

Двигаясь вдоль грохочущего конвейера, я прошел через грубую дыру, которая была пробита мною в стене правительственных складов. Я и конвейер установил сам, и дыру сделал, нелегально, конечно.

В склад вела еще одна дверь, автопогрузчик деловито накладывал консервы на ленту конвейера, выгребая их на нее из огромного контейнера. Этот со своими микромозгами не тянул даже на робота. Я обошел его и помчался дальше по проходу. Звуки моей продовольственной деятельности замирали за моей спиной. Я улыбнулся от приятных воспоминаний.

Это был один из моих чудесных маленьких рэкетов. За небольшую сумму я арендовал склад, который примыкал к правительственным складам. Простая дырка в стене — и я получил доступ к целому ассортименту разнообразных товаров длительного хранения, к которым, как мне было известно, в таких больших складах не прикасались месяцами, а то и годами. Не прикасались, разумеется, пока меня не было.

После пробития дыры я установил конвейер, все остальное было делом техники. Я нанял роботов сдирать старые наклейки и лепить новые, которые я отпечатал. Мой ассортимент был наилучшим, а цены, естественно, очень низки. Я мог себе позволить продавать дешевле конкурентов и получать тем не менее значительную прибыль. Местные оптовики быстро поняли свою выгоду, и я имел заказы на месяц вперед. Это была отличная операция, и она могла бы длиться еще долго.

Я быстро подавил в себе этот поток мыслей. Одним из основных правил моего бизнеса было, что если операция закончена, значит — ЗАКОНЧЕНА! Искушение потянуть еще хотя бы денек и получить еще по одному чеку могло стать губительным. Ах, как хорошо я это знал. Я знал также, что это наилучший способ познакомиться с полицией.

Поворачиваться и убираться.

А на следующий день за то же самое приняться.

Это мой девиз и девиз отличный, а всякие мечтания не для меня. Я выбросил из головы все мысли, когда достиг конца прохода.

Снаружи сейчас тьма полицейских, и я должен действовать быстро и безошибочно. Быстрый взгляд налево и направо. Никого. Два шага вперед, нажимаю на кнопку лифта. Я установил в этом лифте приборчик, который показал, что им пользуются не чаще одного раза в месяц.

Он появился через три секунды, пустой. Я влетел в него, одновременно нажимая кнопку «крыша». Подъем, казалось, никогда не кончится, но это только казалось. Он длился ровно четырнадцать секунд. Началась наиболее опасная часть дела. Мой 0,75 калибр был у меня в руке, он позаботится об одном полицейском, но не более.

Дверь открылась, и я вздохнул с облегчением. Никого. Их, очевидно, согнали только ко входам, и не осталось никого, чтобы послать на крышу.

На открытом воздухе стали слышны звуки сирен — чудесные звуки. Такой шум могла создать только по крайней мере половина всех полицейских сил страны. Я, как истинный артист, преисполнился гордостью.

Доска лежала позади подъемника, где я ее и оставлял. Немного выцвела, но все еще довольно крепкая. Несколько секунд, чтобы установить ее на парапет и передвинуть к следующему зданию.

Да, это самый опасный участок цепи, скорость тут не нужна. Осторожно вступаю на край доски, кейс прижимаю к груди, стараясь удерживать центр тяжести над доской. Один шаг вперед. До земли лететь тысячу футов. Если смотреть вниз, можно упасть.

Все, теперь надо нажать. Хорошо, если они снизу не заметили эту доску на парапете. Десять быстрых шагов — и передо мной дверь на лестницу. Она открылась легко, конечно, не случайно, так как я тщательно смазал петли. Войдя внутрь, я закрыл засов и сделал глубокий вдох. Это было еще не все, но худшая часть, где я подвергался максимальному риску, была позади. Еще две минуты, и они никогда не найдут Джеймса Боливара ди Гриза по кличке Скользящий Джим.

Лестницей на крышу, грязной и плохо освещенной, никто не пользовался. Неделию назад я тщательно проверил ее. Багов — аппаратов для подслушивания и тайного наблюдения — на ней не было. Пыль лежала нетронутой, за исключением моих собственных отпечатков. Была надежда, что багов нет и сейчас. Оправданный риск в таком деле всегда имеет место.

Прощай, Джеймс ди Гриз, вес 98 килограммов, возраст около 45, округлый животик, типичный бизнесмен, чей портрет вместе с отпечатками пальцев известен полицейским тысяч планет. В первую очередь долой отпечатки. Когда надеваешь их, они словно вторая кожа. Несколько капель растворителя — и они слезают, словно пара прозрачных перчаток.

Теперь очередь одежды, а затем и целого пояса, тщательно укрепленного вокруг поясицы и содержащего 20 килограммов свинца, смешанного с термитом. Пригоршня отбеливателя из бутылки — и мои

волосы снова приобрели естественный коричневый оттенок. Вставлены подушечки за щеки и расширители в ноздри. Затем контактные линзы голубого цвета. Я стоял в чем мать родила и чувствовал себя так, будто родился заново.

Это было недалеко от истины, я стал новым человеком, на 20 килограммов легче, на десять лет моложе и с совершенно другой внешностью. В большом кейсе лежал полный комплект одежды и темные очки, которые можно было использовать вместо контактных линз. Все деньги были аккуратно уложены в коробку.

Когда я выпрямился, то и вправду почувствовал, словно сбросил десять лет. Все дело в весе. Я не замечал пояса, пока его не снял, а сейчас чуть ли не подпрыгивал на каждом шагу.

Термит должен уничтожить все улики. Я сложил все в кучу и запалил. Бутылки, одежда, сумки, ботинки и все остальное вспыхнуло и сгорело в ослепительном пламени термита. Полиция может отыскать щепотку цемента, да микроанализ даст пару молекул, но это все, что они могут найти здесь. Пламя горящего термита еще отбрасывало на меня отблески, когда я спустился на три пролета к 112 этажу.

Удача пока не покидала меня. Когда я открыл дверь, на этом этаже никого не было. Минутой позже скоростной лифт, подобрав по пути еще несколько других бизнесменов, доставил меня в вестибюль.

На улицу вела единственная дверь, над которой была установлена портативная телекамера. Не было заметно никаких попыток остановить входящих и выходящих из здания людей, большинство из них даже не замечало телекамеры и крупы копов около нее. Я направился туда.

На мгновение я оказался в поле зрения этого холодного стекляннo-го глаза. Ничего не случилось — значит, я был чист. Эта камера должна была иметь связь с главным полицейским компьютером. Если бы мое описание хотя бы в основных чертах сошлось, было бы мгновенно дано указание этим роботам, и я не успел бы и шагу ступить. Мы не можем состязаться в скорости с комбинацией «компьютер — робот», так как ее реакция измеряется микросекундами, но мы можем перехитрить ее, что я снова и проделал.

Я взял такси через десять кварталов отсюда. Отъехав на значительное расстояние, я взял второе, но только в третьем я почувствовал себя в безопасности и направился к космодрому. Звуки сирен позади меня становились все слабее и слабее, и только один случайный полицейский кар промчался мне навстречу.

Они устроили такую страшную суету вокруг такого пустякового воровства, но так всегда бывает на этих сверхцивилизованных мирах. Преступление сейчас такая редкость, что полицейские действительно лезут из кожи вон, как только что-то нащупывают. Я не мог порицать их за откровенное служебное рвение. И я искренне считал, что они должны быть мне благодарны за то небольшое удовольствие, которым я нарушил однообразную тупость их жизни.

Глава 2

Поездка в космопорт, расположенный, конечно, далеко от города, проходила спокойно. Я мог наконец предаться спокойному течению своих мыслей. Было время даже немного пофилософствовать. Наконец-то я мог снова насладиться хорошей сигарой. В своей предыдущей жизни я курил только сигареты и никогда не нарушал этого правила, даже находясь в одиночестве. Сигары были отличные, хотя и пролежали полгода в специальной коробке в сумке с одеждой. Я глубоко затаился, посматривая на мелькавшие мимо пейзажи. Хорошо быть свободным от работы, но так же хорошо быть и при деле.

Я, пожалуй, затруднился бы ответить, какой из периодов устраивает меня больше и больше доставляет мне удовольствия — у каждого были свои прелести и преимущества.

Моя жизнь настолько отличается от жизни большинства людей нашего общества, что боюсь, даже не смогу им этого объяснить. Они существуют в богатом, очень богатом союзе миров, где практически уже забыто, что означает слово «преступление».

Однако несмотря на века генетического контроля, есть небольшая группа недовольных и еще меньшее число тех, кто вообще не принимает существующий социальный порядок. Некоторые из них выявляются рано и быстро приводятся к норме. Другие не показывают своей слабости, а когда становятся взрослыми, понемногу приворовывают — ночные квартирные кражи, кражи в магазинах или что-то в этом роде. Потом они исчезают на неделю или на месяц, в зависимости от степени своей сообразительности. Но благодаря последним достижениям техники полиция отыскивает и вылавливает их.

Вот это, пожалуй, и все преступники и преступления в нашем организованном и прекрасном мире. Точнее девяносто девять процентов их. Но есть еще последний, самый главный процент, ради которого и содержится полицейский департамент. Этот один процент есть Я и горстка людей, рассеянных по всей Галактике. Теоретически мы не существуем, а если и существуем, то не можем существовать, действовать.

Мы — крысы в пределах общества, мы живем вне его запретов и вне его правил. В обществе тем больше крыс, чем мягче его законы, так же его как в старых деревянных строениях крыс больше, чем в железобетонных, поставленных позже. Сейчас все общество — это железобетон и нержавеющая сталь, все меньше остается щелей и зазоров, и крысе нужно быть очень шустрой, чтобы найти их. В такой окружающей среде нормальным явлением становится крыса из нержавеющей стали.

Крысой из нержавеющей стали быть и странно, и почетно, особенно если вы шатаетесь по Галактике. Эксперты-социологи не приходят к соглашению о причинах нашего существования, а некоторые в него просто не верят. Наиболее распространенная теория гласит, что мы — жертвы наших психологических расстройств, которые не проявились в детстве, когда могли были быть легко исправлены, а прояви-

лись лишь позже. У меня на это своя точка зрения, не совпадающая с теорией.

Несколько лет назад я написал небольшую книгу по этому вопросу, конечно, под псевдонимом, по моей теории — это отклонение как психологическое, так и нет. На определенной стадии интеллектуального размышления индивидум должен сделать выбор: либо жизнь вне условностей общества, либо смерть от абсолютной скуки. У окружающей жизни нет ни будущего, ни свободы, альтернативной может быть только другая жизнь с полным игнорированием законов. Нет такого варианта для авантюристов и джентльменов удачи — жить как внутри, так и вне общества. Сегодня надо делать выбор: все или ничего. Чтобы сохранить свою психику нормальной, я выбрал все.

Негативная часть моих размышлений была прервана прибытием в космопорт. В наших делах очень опасной является праздность или бездеятельность. Они вместе с жалостью к себе могут полностью вывести вас из строя. Активность всегда помогала мне, ощущение опасности и погони всегда прочищало мне мозги. Когда я рассчитывался за проезд, я обдурил водителя, спрятав одну из отсчитанных кредиток в рукав. Он был слеп, как корабельная переборка, его доверчивость потешила меня. Я сделал это только от скуки, тут же дав ему двойные чаевые.

За окошком билетной кассы сидел робот-контролер, у которого роль камеры выполнял третий глаз во лбу. Пока я покупал билет, он слабо пощелкивал, регистрируя мою личность и место назначения.

Нормальная полицейская предусмотрительность: я был бы удивлен, если бы этого не случилось. Целью моей поездки была внутренняя система. На этот раз я не собирался совершать межзвездного прыжка, как обычно поступал после большого дела, в этом не было необходимости. Для большой работы мономир, как небольшая система — маловата, но Бета Мингус имела около двенадцати планет с условиями, схожими с земными. Только на планете III сейчас было жарковато, на остальных погода была в самый раз. Коммерческая конкуренция внутри системы отсутствовала, а полицейский департамент, по моим данным, работал неважно. Они должны были за это поплатиться. Мой билет был на Морий, номер XVIII — большую и в основном сельскохозяйственную планету.

В космопорте было несколько небольших магазинчиков. Я внимательно осмотрел их и приобрел новый кейс с полным набором одежды и необходимыми дорожными принадлежностями.

Напоследок я зашел к портному. Он быстро соорудил для меня пару дорожных костюмов и форменную юбочку в складку, и я забрал все это в примерочную кабинку. Во избежание неприятностей я повесил один из костюмов поверх оптического бага на стене и нарочито громко стал снимать ботинки, а сам занялся подделкой только что купленного билета. На другом конце моего ножа для обрезки сигар находился перфоратор, с помощью которого я изменил обозначенный на билете код места назначения. Теперь я летел вместо планеты XVIII на планету X и на этом изменении курса терял почти 200 кредиток. В этом

состоит суть моего метода. Никогда не увеличивать стоимость, слишком много шансов засыпаться на таком билете. Если же вы уменьшите его стоимость, то если даже это будет замечено, все сочтут это ошибкой машины, ни у кого не возникнет и тени подозрения, так как терять на подделке деньги — явная бессмыслица.

Чтобы не вызвать подозрения у полиции, я снял костюмы с камеры и занялся примеркой. Когда все было готово, у меня оставался еще час до отправления корабля. Я пошел в автоматическую чистку, и через некоторое время получил всю мою готовую одежду вычищенной и отутюженной. У меня не было ничего интересного для таможенников, кроме кейса, полного поношенной одежды.

Они быстро пропустили меня, и я погрузился. Корабль был заполнен только наполовину, и я смог занять место рядом со стюардессой. Я безуспешно флиртовал с ней, пока она не ушла, записав меня в категорию: «Самец, нахал, приставала». Старая дева, сидевшая рядом со мной, занесла меня в тот же раздел, она демонстрировала свое святое презрение мне, смотря демонстративно в окно. Я счастливо задремал, так как быть отмеченным и попасть в категорию в данном случае лучше, чем отмеченным не быть. Мое описание теперь не отличимо от любого другого парня, а это мне и было нужно.

Когда я проснулся, мы уже были рядом с планетой X, и я еще чуть подремал, пока корабль осматривался таможенниками. Мои вещи не вызвали никаких подозрений, так как шесть месяцев тому назад я предусмотрительно подделал бумаги, в которых стал фигурировать как банковский курьер.

Межпланетный кредит почти полностью отсутствовал на этой планете, и таможенники привыкли видеть кучи денег, перевозимых туда и обратно.

Почти автоматически, по привычке замечая следы, я перебрался в большой центр текстильной промышленности Бругх, расположенный больше чем в тысяче километров от места моего приземления. Используя полностью измененные идентификационные документы, я зарегистрировался в тихом отеле в пригороде.

Обычно после большого дела, подобного последнему, я отдыхал один-два месяца. Это было необходимо, хотя я и не ощущал такой потребности. Прогуливаясь по городу и делая небольшие покупки, я присматривал себе возможности для нового дела. Одновременно восстанавливая личность Джеймса ди Гриза. День ото дня я убеждался, что выгляжу все лучше и лучше.

Мне всегда удавалось ускользнуть от лап закона, и одной из многих причин этого было то, что я никогда не повторялся. Я придумывал какой-нибудь маленький чудесный рэкёт, потом удирали оттуда и никогда больше не возвращался к нему. Единственной общей чертой всех этих рэкётов было то, что они делали деньги. А единственное, что я еще не успел проделать, был вооруженный грабеж. Пора было обдумать и этот вариант.

Пока я восстанавливал брюшко Скользкого Джима, я обдумывал

план операции. К тому времени, когда были готовы напальчники с новыми отпечатками, операция была спланирована.

Как и всякое по-настоящему хорошее дело, она была гениально проста.

Я собирался заняться Морансом — крупнейшим магазином в городе. Каждый вечер точно в одно и то же время бронированный автомобиль увозил дневную выручку универсального магазина в банк — гигантскую сумму в кредитных билетах. Передо мной стояла единственная реальная проблема: как один человек может унести такое огромное количество денег. Когда я получил ответ на этот вопрос, операция была готова.

Все приготовления велись мной, конечно, мысленно, пока я снова не приобрел обличья Джеймса ди Гриза. Как только брюшко округлилось, я почувствовал, что снова вхожу в форму. Почти с удовольствием я закурил первую сигарету и приступил к работе. День или два на несколько пустяковых краж, и я был готов. Работа была запланирована на следующий день после обеда.

Купленный мной большой фургон с некоторыми изменениями, которые я сделал, был ключом к операции. Я припарковал его в Г-образной аллее в полумиле от Моранса. Фургон почти полностью блокировал аллею, но это было неважно, так как ею пользовались только ранним утром. Двигаясь не спеша обратно к магазину, я достиг его почти одновременно с броневиком. Я для виду изучал стену гигантского здания, в то время как охрана носила деньги. Мои деньги.

Я думаю, что у некоторых людей со слабым воображением ситуация вызвала благоговейный ужас. По меньшей мере пятеро вооруженных охранников стояло около входа, двое сбоку, несколько внутри, да еще водитель и его помощник. Как дополнительная предосторожность, рядом с обочиной фыркало три мотоцикла. Они должны были в качестве прикрытия сопровождать автомобиль в пути. О, очень впечатляюще! Я с трудом подавил улыбку, когда подумал, что произойдет со всеми этими тщательно продуманными предосторожностями.

Еще раньше я сосчитал количество тюков с деньгами, выносимыми через дверь. Их всегда было пятнадцать, не больше и не меньше, и это сильно помогло мне в разработке плана операции. Как только в броневик была загружена четырнадцатая пачка, в дверях показалась пятнадцатая. Водитель, как и я, вел счет. Он вышел из кабины и подошел к задней дверце, чтобы запереть ее, когда погрузка будет закончена.

Мы действовали исключительно синхронно. В тот момент, когда он подошел к задней дверке, я подошел к кабине. Спокойно и уверенно я вошел внутрь и захлопнул за собой дверь. Помощнику хватило времени лишь для того, чтобы открыть глаза и рот. Я шлепнул ему на колени анестезирующую бомбу, и он тут же отключился. Я, конечно, предварительно вставил в ноздри соответствующие фильтры. Заведя мотор левой рукой, я выбросил назад через окно бомбу побольше. Приятной музыкой отдалось в ушах, когда охранники, стоявшие в кузове, попадали на пол.

Весь процесс занял шесть секунд. До стражников, стоящих на ногах, наконец то дошло, что происходят странные вещи.

Я дружески помахал им через окно и рванул броневик от обочины. Один из них бросился вслед и попытался вскочить в открытую заднюю дверь, но уже не успел. Все произошло так быстро, что никто из охранников и не подумал стрелять, а ведь я был уверен, что без нескольких пуль даже не обойдется. Малоподвижный образ жизни на этих планетах притупляет рефлексы.

Мотоциклисты опомнились быстрее, они бросились за мной, когда я еще не успел отъехать и на сотню футов. Я чуть притормозил, чтобы они приблизились, затем нажал на акселератор, не давая им обогнать меня.

Конечно, их сирены ревели, а револьверы стреляли, но я это предвидел. Мы неслись как профессиональные гонщики, оставляя позади весь транспорт. У них не было времени подумать и понять, что, собственно, может произойти в результате. Ситуация была очень смешной, и я боялся расхохотаться, лавируя броневиком.

Конечно, сигналы тревоги должны быть слышны очень далеко, и дорога впереди должна быть заблокирована, но эти полмили мы неслись на полной скорости. Через несколько секунд я увидел въезд в аллею. Я повернул машину туда, нажав одновременно кнопку моего карманного коротковолнового передатчика.

По всей длине аллеи сработали мои дымовые бомбы. Они, конечно, как и все мое оборудование, были самодельными, но создали прекрасное темное облако дыма в этой узкой аллее. Я подал машину вправо, пока крыло не стало скрестись по стене, и, немного снизив скорость, поехал таким способом. Мотоциклисты, конечно, так сделать не могли, и перед ними стала дилемма: либо остановиться, либо сломя голову ринуться в темноту. Я надеялся, что они сделают правильный выбор и не станут подвергать себя опасности.

Предполагалось, что радиопимпульс, взорвавший бомбы, одновременно откроет задние дверцы моего трейлера и опустит пандус. Все это прекрасно работало во время испытаний, оставалось надеяться, что не подведет и сейчас. Я попытался оценить расстояние по времени движения в аллее, но, видимо, неудачно. Передние колеса автомобиля буквально врезались в пандус, и броневик скорее впрыгнул, чем вкатился внутрь фургона. Меня сплющило, ударило, и я вывалился из кабины, отскочил от борта и выпал наружу.

Из-за абсолютной темноты от дымовых бомб и сотрясения моих мозгов чуть не погибла вся операция. Я ощупывал стену, пытаясь сориентироваться, и терял драгоценные секунды. Прошло время, пока я в конце концов не наткнулся на заднюю дверь. Послышались голоса охранников, бегающих взад и вперед в дыму. Они слышали шум от удара, и мне, чтобы сбить их с толку, пришлось выбросить еще две газовые бомбы.

Когда я добрался до кабины и завел фургон, дым начал рассеиваться, и через несколько футов я выскочил на солнечный свет. Недалеко впереди аллея вливалась в центральную улицу, на которой стояли две

полицейские машины. Достигнув ее, я остановился и внимательно изучил обстановку. Никто не проявлял никакого интереса к фургону, видимо, все следили за другим концом аллеи. Я выехал на улицу и покотил в сторону от магазина, который ограбил.

Конечно, я проехал в этом направлении только несколько кварталов, затем свернул в боковую улицу. На следующем углу я повернул еще раз и направился к Морансу, месту моего последнего преступления. Холодный воздух, врывающийся через окно, окончательно привел меня в чувство, и я начал насвистывать, ведя большой фургон по боковым дорогам.

У меня просто зудело выехать на проспект перед Морансом и взглянуть на весь их переполох. Но не стоило рисковать. Да и времени на это не было. Я аккуратно вел машину по разработанному маршруту, избегая улиц с большим движением. Через несколько минут я выехал на отгрузочную площадку, расположенную на заднем дворе магазина. Здесь тоже чувствовалось небольшое возбуждение, но оно терялось в обычной деловой суете. Пока роботы, не занимавшиеся сплетнями, выполняли свою обычную работу, кучки водителей и продавцов тут и там обсуждали свои точки зрения на происшедшее. Все они были настолько увлечены беседой, что не обратили на меня никакого внимания. Я припарковал свою машину рядом с другим фургоном, выключил мотор и облегченно вздохнул.

Первая часть была закончена, но вторая была не менее важна. Я порылся в своем набрюшнике, где хранил некоторое снаряжение. Я всегда был с ним на работе, он был незаменим вот в таких ситуациях. Обычно я не доверял стимуляторам, но сейчас потрясение от удара было все еще довольно сильным. Две таблетки лимотена подействовали довольно быстро, шаг мой снова приобрел упругость, когда я пошел к задней двери фургона.

Помощник водителя и охранники были все еще без сознания и будут пребывать в этом состоянии по крайней мере десять часов. Я отволоч их в чистенький закуток в передней части фургона и принял-ся за работу.

Поскольку, как мне было известно, броневик займет всю внутренность трейлера, я укрепил коробки на стенах. Это были прекрасные крепкие упаковочные коробки, разукрашенные надписями «Моранс». Я аккуратно спер их заранее из склада магазина — это тоже было легко и прошло незамеченным. Опустив коробки, я приготовил их для упаковки. Пот лил с меня градом, пришлось снять рубашку.

Почти два часа я перекладывал деньги. Когда коробка заполнялась, я закреплял ее лентой. Приблизительно каждые десять минут я посматривал в глазок через дверь: снаружи все было спокойно. Полиция, конечно, закрыла город и прочесывала его улица за улицей, высматривая автомобиль. Я был абсолютно уверен, что задний двор ограбленного магазина будет последним местом, куда они заглянут.

Вместе с коробками я прихватил со склада и отгрузочные талоны

и теперь лепил их по одному на коробку, вписывая в каждый разнообразные адреса и стоимость. Работа подходила к концу.

Почти стемнело, но как я знал, отдел погрузок работал и ночью. Мотор завелся с пол-оборота, я медленно выехал из ряда и стал аккуратно подавать к платформе. Выбрав относительно спокойный участок, я подвел трейлер вплотную к линии, отделяющей приемную площадку. Я не открывал заднюю дверь до тех пор, пока все рабочие не занялись своими делами и не отвернулись. Ведь даже самый тупой из них заинтересовался бы, почему из фургона выгружают собственные фирменные коробки магазина. В течение нескольких минут, произведя выгрузку и прикрыв коробки брезентом, я волновался, и, только закончив разгрузку, я скинул его и стал курить.

Ждать пришлось недолго. Сигарета еще дымилась, когда рядом появился робот из отдела погрузки.

— Послушай! У М-10, куда были загружены коробки, полетела тормозная лента. Позаботься о грузе.

В глазах робота мелькнуло чувство долга. Некоторые из этих моделей М-типа относятся к работе с большой серьезностью. Я только успел отскочить, как из дверей показался М-фургон. Быстрая суeta сортировки и погрузки — и платформа начала пустеть. Закурив сигарету, я наблюдал, как мои коробки штемпелюются и грузятся на рейсовые фургоны и транспортеры.

Все, что мне теперь оставалось сделать, это отвести свой трейлер на улицу и изменить внешность.

Садясь в трейлер, я в первый раз почувствовал, что что-то идет не так. Я, конечно, наблюдал за воротами, но близко к ним не подходил. Фургоны въезжали и выезжали. И тут меня словно молотом ударило по голове. Большой красный междугородный трейлер только что выехал. Я слышал его рев, эхо которого смещалось вниз по улице. Затихая, он перешел в слабое ворчание. Затем рев усилился и трейлер въехал обратно через вторые ворота. За этой стеной стояли и ждали полицейские машины.

ЖДАЛИ МЕНЯ.

Глава 3

В первый раз я почувствовал острый страх затравленного человека. В первый раз на моем хвосте оказалась полиция, когда я ее не ждал. Деньги были потеряны, это было очевидно, но не это сейчас меня заботило. Главное, что будет дальше со мной.

Сперва думать — потом действовать. На какое-то время я был в безопасности. Они, конечно, войдут, но дело пойдет медленно, так как они не знают, где меня искать в таком хаосе, в этом гигантском дворе. Как они меня найдут? Это было важным моментом. Местная полиция существовала в мире, где почти нет преступлений, поэтому они не смогут найти мой след быстро. Но я и не оставлял следов. Однако же кто-то устроил мне ловушку очень логично и технично.

Неожиданно в мозгу возникли слова: «Специальный Корпус».

Об этом нигде не писалось и не говорилось, только одни слухи ползли по Галактике. Специальный Корпус, отдел Лиги, который берется за решение проблем, непосильных отдельным мирам. Предполагалось, что это он покончил с остатками рейдеров Хескелла после заключения мира, вывел из дела подпольных торговцев Т энд П, поймал в конце концов Инскина. А теперь настал мой черед.

Они идут, чтобы схватить меня, они продумали все пути моего отхода и, наверное, блокировали их. Я должен соображать быстро и соображать правильно.

Существует только два варианта: через ворота или через магазин. Ворота слишком легко перекрыть, через них не прорваться, а в магазине должны быть другие выходы. Я должен выбрать этот вариант.

Хотя я пришел к такому выводу, но понимал, что другие должны мыслить точно так же, и двери, наверное, заблокированы. Возникло чувство страха, и это вконец меня разозлило. Мысль, что кто-то предвосхитил мои действия, была для меня невыносима. Они должны были все предусмотреть, но я тоже должен утереть им нос на их деньги. У меня все еще оставалось в запасе несколько хитростей.

Во-первых, сбить со следа. Я переключился на первую передачу и направил фургон в ворота. Как только он достиг их, я поставил ведущие колеса на тормоза и, выскочив из кабины с противоположной стороны, помчался обратно. Позади меня раздалось несколько выстрелов и наступила тишина. Это мне больше понравилось.

На дверях, ведущих собственно в магазин, висели ночные замки. Старомодные сигнализаторы, которые я мог открыть за несколько секунд.

Отмычка сработала безукоризненно, пинок ногой — и дверь открыта. Сигнального звонка не последовало, но я знал, что где-то там внутри индикатор показал, что дверь открыта. Насколько можно быстрее я побегал к последней двери на противоположной стороне здания. По пути я проверял отсутствие сигнальной сирены при открытии очередной двери и запирал ее за собой.

Самое трудное на свете — это убежать и оставаться при этом спокойным. Мои легкие разрывались, когда я достиг служебного хода. Несколько раз я видел вспышки света впереди и прятался в различных закоулках, это была большая удача, что меня никто не заметил. Перед дверью, через которую мне надо было выйти, стояло двое мужчин в униформе. Держась поближе к стене, я подкрался метров на двадцать и бросил газовую гранату. В первый момент мне показалось, что они в противогазах и путь мой закончен, но через несколько мгновений они упали. Один из них перегородил дверь, и, откатив его в сторону, я приоткрыл ее на несколько дюймов.

Не более чем в тридцати футах за дверью был установлен прожектор, когда он вспыхнул, то ослепил меня до боли в глазах. Я только успел присесть, как автоматная очередь проделала в двери ряд блестящих отверстий. Я буквально оглох от рева разрывных пуль, но

сумел услышать снаружи топот подкованных сапог. Я выхватил свой 0.75 и вклепил в дверь, прямо через нее, целясь повыше, чтобы никого не задеть. Это вряд ли их остановит, но залечь заставит.

Они открыли такой ответный огонь, что мне показалось, как будто там стояла целая батарея. Пули свистели по коридору, во все стороны летели куски пластика. За себя я был спокоен, я знал, что никто не появится позади меня. Буквально вжавшись в пол, я пополз в противоположном направлении, уходя с линии огня. Я дважды свернул за угол и наконец оказался достаточно далеко от стрельбы, чтобы рискнуть встать. Колени мои подгибались, а глаза застилала прыгающие цветные пятна. Прожектор хорошо поработал, все виделось в каком-то тумане.

Я двигался медленно, стараясь уйти как можно дальше. А ведь залп последовал сразу же, как только я приоткрыл дверь, значит, был отдан приказ стрелять в каждого, кто попытается покинуть здание. Неплохая ловушка. Копы будут искать меня до тех пор, пока не найдут. Если я попытаюсь уйти, меня застрелят. Все это напоминало мне крысоловку.

Какой-то свет появился в магазине, и я остановился, замерев. Я находился около стены огромного выставочного зала сельхозтоваров. В противоположном конце стояло трое солдат. Мы заметили друг друга одновременно, я шмыгнул за дверь, и над головой засвистели пули, круша все вокруг. Стало ясно, что военные были и внутри. Пульт вызова лифта был с другой стороны двери, рядом была и лестница, ведущая вверх. Одним прыжком я вскочил в лифт, нажал кнопку подвального этажа и успел тут же выскочить до того, как дверь за мной захлопнулась.

По лестнице прогрохотали сапоги приближающихся солдат. Мне показалось, что я иду прямо на них, на их пистолеты и автоматы. Я должен успеть к лестничному пролету хотя бы на долю секунды раньше их появления. Я влетел на первую площадку. Удача все еще была на моей стороне, они не видели меня и думали, что я внизу. Прислонившись к стене, я слышал крики и свист, когда они понеслись ловить меня в подвале.

В этой толпе оказался один смысленный. Когда другие понеслись по ложному следу, я услышал, как он начал медленно подниматься вверх по лестнице. У меня больше не было газовых гранат, все что я мог сделать, это подниматься впереди него, стараясь производить как можно меньше шума.

Он поднимался медленно и упорно, а я крался перед ним. Мы прошли таким образом четыре пролета. Я в носках с ботинками на шее, он в тяжелых сапогах, грохотавших по металлической лестнице.

Подойдя к пятому пролету, я остановился, не успев сделать шага. Кто-то спускался вниз, в таких же тяжелых сапогах, грохочущих по металлу. Я нашел какую-то дверь, открыл ее и проскользнул внутрь. Передо мной тянулся длинный коридор с различными конторами. Я помчался вдоль него, пытаюсь хоть где-то укрыться до того, как дверь сзади распахнется и меня перережет очередь разрывных пуль. Коридор

казался бесконечным, и я внезапно понял, что мне ни за что не успеть добежать до конца.

Я был крысой, которая ищет дырку, а дыры нет. Двери были заперты, все до одной, я проверял их по очереди, пролетая мимо. А лестничная дверь позади меня открылась, и пистолеты нацелились. Я, не смея повернуться и убедиться, чувствовал это всеми своими фибрами. Неожиданно одна из дверей подалась, и я ввалился внутрь, не успев понять, что случилось. Я запер ее за собой и прислонился к ней внутри в темноте, задыхающийся, как загнанный зверь. Внезапно зажегся свет, и я увидел мужчину, который сидел за столом и улыбался мне.

Нет предела силе шока, который может охватить человека. Я познал это на себе. Мне было уже все равно — выстрелит он или предложит мне сигарету. Он не сделал ни того, ни другого. Он предложил мне сигару.

— Возьмите одну из них, ди Гриз, мне кажется, это ваш сорт.

Тело — раб привычки, даже рядом со смертью оно живет своей жизнью. Мои пальцы приняли самостоятельное решение и взяли сигару, мои губы сжали ее, а легкие всосали дым. Глаза же мои все время наблюдали за человеком, могущим послать мне смерть.

Это нужно было видеть. Он наклонился в кресле и положил обе руки на крышку стола. А я все еще сжимал свой пистолет, направленный на него.

— Садитесь, ди Гриз, и уберите свою пушку. Если бы я хотел вас убить, то сделал бы это гораздо раньше, чем впустить в эту комнату. — Его брови поползли вверх от изумления, когда он заметил выражение моего лица.

— Уж не думаете ли вы, что случайно оказались именно тут?

Да, именно так до последнего момента я и думал, но сейчас, когда я понял свою роль, меня охватил стыд. Меня перехитрили и победили по всем статьям, и мне не оставалось ничего, как красиво сдаться.

Я положил оружие на стол и уселся в предложенное кресло. Он смел пистолет в ящик и откинулся на спинку.

— Я пережил тревожную минуту, когда вы стояли там, вращая глазами, а артиллерия крушила все вокруг.

— Кто вы?

Он улыбнулся резвости моего тела.

— Кто я, неважно. Важно, какую организацию я представляю.

— Корпус?

— Точно. Специальный Корпус. Вы ведь не думаете, что я из местной полиции? У них был приказ застрелить вас. Только после того, как я рассказал, как вас найти, они разрешили Корпусу принять участие в деле. У меня в здании было несколько человек, которые и «подтолкнули» вас сюда. Все остальные — местные, у них пальцы чесались нажать на спусковой крючок.

Это было малопривлекательно, но это была правда. Я был у них под контролем, словно робот М-класса. Старик сидел за столом, я думаю,

ему было около 65, и держал в руках все нити. Игра была проиграна.

— Ол'райт, мистер Детектив, можете торжествовать. Что дальше? Психологическая переориентировка, лоботомия или просто стреляющий взвод?

— Да нет. Ничего из этого. Я здесь, чтобы предложить вам работать на Корпус.

Сказанное было настолько дико, что я чуть не выпал из кресла от хохота. Меня, ди Гриза, межпланетного вора, на работу полицейским? Это было слишком смешно. А он сидел и ждал, пока я успокоюсь.

— Я допускаю, что предложение имеет смешную сторону, хотя только на первый взгляд. Подумайте и скажите, кто лучше справится с поймой вора, чем другой вор?

В этом была доля правды, но я не собирался покупать свободу за службу провокатором.

— Интересное предложение, но я не могу выйти из общества «крыс». Вы знаете, что у воров есть свой кодекс.

Он разозлился и вскочил. Он был значительно выше, чем мне показалось сначала, его указательный палец протянулся в моем направлении, проткнув воздух перед собой.

— Что за глупости вы болтаете? Не стройте из себя героя телеспановки. Вы прекрасно знаете, что за всю свою жизнь с ними больше не встретитесь! Если вы чистосердечно перейдете к нам, то, несомненно, извлечете из этого пользу. Вся сущность вашей жизни — это индивидуализм и наслаждение от того, что не могут сделать другие. Покончив с этим сейчас, вы опять возвращаетесь к этому. Вы не можете больше быть межпланетным суперменом, но вы можете заняться работой, которая потребует всех ваших способностей и таланта. Вы когда-нибудь убивали человека?

Этот неожиданный поворот выбил меня из колен, я даже замешкался с ответом.

— Нет, насколько мне известно.

— Это хорошо, что нет, иначе бы вы не спали так спокойно по ночам. Я проверил это перед тем, как идти сюда. Вот поэтому я уверен, что вы пойдете в Корпус и получите истинное удовольствие, вылавливая преступников другого сорта, не тех, у кого в крови социальный протест, а тех, кто убивает и наслаждается этим.

Его убежденность была потрясающей, у него на все был готовый ответ. Крыть мне было нечем, и я выдал свой последний сильный аргумент.

— А что если Корпус узнает, что вы завербовали себе на работу бывшего преступника? Нас обоих расстреляют на рассвете!

Теперь пришло его время смеяться. Я не видел в этом ничего забавного и терпеливо ждал, пока он закончит.

— Во-первых, мой мальчик, я и есть Корпус, то есть его руководитель, и как ты думаешь мое имя? Гарольд Питер Инскин, вот так!

— Не тот ли самый Инскин...

— Тот самый. Инскин Неуловимый. Человек, который ограбил

Фарондьмен II в середине полета и сорвал множество других правительственных мероприятий. Я надеюсь, что вы читали об этом в свои юношеские годы? Меня завербовали так же, как и вас сейчас.

Он держал меня на крючке и знал это, а теперь решил добить до отказа.

— А откуда, вы думаете, берутся остальные агенты? Я, конечно, говорю не об этих лупоглазых из наших технических школ, а о настоящих агентах. О тех, кто планирует операции, делает всю предварительную работу, а затем пожинает лавры. Они мошенники. Все до единого. Но все, что они умели делать лучше всего, они теперь делают для Корпуса. Вы удивитесь некоторым проблемам, которые возникают в великой, необъятной, шумной Вселенной. Единственное, кого мы можем пригласить к нам работать, это тех, кто уже успешно действовал в таком масштабе. Ну как?

Все происходило так быстро, что у меня не было времени подумать. Наверное, мне надо было спорить, но мозг уже принял решение. Я был готов согласиться, я не мог сказать «нет».

Я кое-что терял, но надеялся приобрести больше. Хотя у меня будет свобода при работе, но ведь я буду работать с людьми. Старые отношения миновали. Я снова становился членом общества.

От этой мысли у меня появились приятные ощущения. По крайней мере, конец одиночеству. Дружба возместит мне то, что я теряю.

Глава 4

Никогда в жизни я так не ошибался.

Люди, с которыми я встречался, были тупы до изумления. Они обращались со мной, как с какой-то мелкой сошкой, и я не мог понять, как сюда угодил. Понимать-то я, конечно, понимал, память у меня хорошая. Постепенно я закрутился в этом колесе.

Мы находились на спутнике, это было очевидно, но я совершенно не представлял, вблизи какой планеты или хотя бы в какой солнечной системе. Все было абсолютно секретно, а это место было, очевидно, абсолютно сверхсекретным главным штабом и основной базой школы Корпуса.

Школа мне нравилась. Это было единственное, что удерживало меня, чтобы не спятить. Тупицы сидели и зубрили, а мне материал давался легко. Только сейчас я начал понимать, насколько серыми были мои операции. С той техникой и с теми приспособлениями, о которых я узнавал, я мог бы раньше быть в десять раз сильнее и хитрее. Эта мысль прочно засела в моем мозгу, гаденько нашептывая на ухо в минуты депрессии и тоски.

Предметы попадались и тупые, и жутко скучные. Половину времени забирала работа с архивами — изучение бесчисленных побед и нескольких поражений Корпуса. Меня порой одолевала смертельная тоска, но я понимал, что это часть проверочного периода — понаблюдать, не тянет ли меня к прошлому. Я умерял свой норов, подавив зевоту

и собравшись с мыслями. Коль я не могу ничего здесь поменять, поэтому мне надо найти что-то такое, что положило бы конец моим каторжным работам.

Это было нелегко, но я нашел это. Через некоторое время я все разведal и выяснил. Заниматься этим пришлось, когда все спали, но в некотором роде это делало поиски даже более интересными.

Когда дело дошло до отпирания замков и взламывания сейфов, я должен был признать, что это не дело. Дверь в личные апартаменты Инскина запиралась реверсивным барабаном старого типа, открыть который ничего не стоило. Мне нужно было войти в дверь спокойно, без грохота. Но так, чтобы Искин услышал меня. Зажегся свет, он сидел в кровати, направив на меня 0.75 калибр.

— Вы, должно быть, сошли с ума, ди Гриз,— проворчал он.— Полезть в мою комнату ночью! Я мог застрелить вас!

— Нет, не могли,— ответил я, когда он спрятал оружие под подушку.— Человек столь любознательный, как вы, сперва разговаривает, потом стреляет. А ведь все эти ночные страсти были бы ни к чему, если бы ваш экран был включен и я мог бы вас вызвать.

Инскин зевнул и налил себе стакан воды из автомата над кроватью.

— Из того, что я глава Специального Корпуса, не значит, что я должен работать за весь Корпус. Мне надо иногда спать. Мой экран включен только для сверхсрочного вызова, а не для каждого агента, нуждающегося в утешении.

— Не значит ли это, что я попал в категорию нуждающихся в утешении? — спросил я как можно слаще.

— Поместите себя в любую устраивающую вас категорию, черт вас подери,— прорывал он, падая снова в постель.— А также переместите себя в коридор и приходите ко мне завтра в рабочее время.

Мне стало жаль его. Он так хотел спать и собирался уснуть как можно скорее.

— Знаете ли вы, что это такое? — спросил я его, подсовывая большой блестящий снимок под его длинный, перебитый нос. Один глаз медленно открылся.

— Большой военный корабль по виду похож на Имперский. А теперь, в конце концов, убирайтесь! — простонал он.

— Отличная догадка для такого позднего часа,— сказал я ему вежливо.— Это последний Имперский линкор высшего класса. Несомненно, одна из наиболее мощных машин разрушения, среди когда-либо созданных. Полная защитная экранизация на полмили в диаметре и вооружение, способное превратить в радиоактивный пепел любую существующую сегодня флотилию...

— Исключая тот факт, что последний линкор был превращен в металлолом свыше тысячи лет назад,— пробормотал он.

Я оглянулся и приложил губы к его уху, чтобы исключить недоразумения. Я говорил тихо, но четко.

— Верно, верно,— сказал я.— Но не удивитесь ли вы, хотя бы немножко, если я скажу, что один из них строится сегодня?

О, это надо было видеть! Одежда полетело в одну сторону, Инскин

соскочил в другую. Одним четким быстрым движением он перешел из лежачего положения в стоячее и занялся изучением моего снимка. В пижаме он, конечно, смотрелся невыгодно: угловатое тело на гусиных ножках, но если ноги были тонкие, то голос был очень толстый.

— Говорите, ди Гриз, говорите, дьявол вас поберит! — прорычал он. — Что за чепуха о военном корабле? Кто его строит?

Перед тем, как говорить, я не спеша достал пилку для ногтей, эффектно откинул руку и стал обрабатывать палец. Уголком глаза я видел, как багровеет его лицо. Это была маленькая месть.

— Поместите ди Гриза в архив, чтобы он лучше ориентировался. Копаться в пыльных, вонючих папках вековой давности как раз то, что нужно для свободного духа Джеймса ди Гриза. Научите его дисциплине. Покажите ему, на чем стоит Корпус. К тому же архив давно следует привести в порядок.

Инскин открыл рот, откинулся и снова закрыл его. Он несомненно понял, что в данном случае, чтобы не затягивать дело, лучше меня не прерывать. Я улыбался. Затем кивнул и продолжал:

— Таким способом вы хотели удержать меня на пути истинном. Сломать мой дух под «предлогом «изучения некоторых сведений о деятельности Корпуса». В этом смысле ваш план провалился, произошло нечто другое. Последовательно изучая архив, я нашел его очень интересным. Особенно систему «С энд М» — категоризатор и память. Это здание полно машин, где собираются сведения и отчеты со всех планет Галактики.

Все это классифицируется, помещается в соответствующие категории и фиксируется в памяти. Я выкопал это в информации о полетах, которую заказал для себя. Я всегда интересовался этим вопросом...

— Ну еще бы, — прервал меня Инскин. — Вы в свое время украли не один корабль.

Я подарил ему горький взгляд и медленно продолжал.

— Не буду надоедать вам всеми подробностями, я вижу, вы весь в нетерпении, но в конечном итоге я выкопал этот чертеж.

Он выхватил его у меня из пальцев, не успев я его и достать.

— И что это такое? — пробормотал он, пробегая глазами по отпечатку. — Да ведь это обычный тяжелогрузный пассажирский корабль. Это такой же военный корабль, как я, например.

Это нелегко: говорить и презрительно кривить губы. Но я постарался делать это одновременно.

— Конечно, вы не найдете его в реестре Лиги для военных кораблей. Но я говорил, что немножко разбираюсь в этом. Мне показалось, что корабль слишком велик для целей, которым предназначен. Он жрет уйму топлива. К тому же достаточно старых кораблей. Это заставило меня думать, и я заказал отпечатать полный список кораблей такого размера, сконструированных в обозримое время. Вы сможете представить мое удивление, когда после трех минут размышления «С энд М» выдала список всего из шести строк. Один был построен для освоения другой Галактики и, насколько нам известно, все еще находится в пути. Пять других, это все Д-типа, построенных во

времена экспансии, когда перемещались огромные массы людей. Для нашего времени они непомерно велики.

Мне никак не давала покоя мысль, для чего мог быть использован такой большой корабль. Я двинулся назад во времени, просматривая с помощью «С энд М» всю историю освоения космоса, чтобы найти подходящие сравнения. И вот обнаружил в Золотом веке Имперских завоеваний военный корабль высшего типа. Машина даже сделала для меня отпечаток.

Инскин схватил оба снимка и стал их снова сравнивать. Я стоял у него за спиной и указывал на наиболее интересные детали.

— Отметьте, машинный зал почти не изменен, вот и грузовой трюм. Эта надстройка, очевидно, в последний момент нанесенная на план, убирается, и на ее место устанавливается орудийная башня. Корпуса идентичны. Изменение здесь, сдвиг там — и тяжелый грузовик становится быстрым линкором. Эти изменения могут быть сделаны во время постройки, а затем нанесены на чертеж. Через некоторое время кто-нибудь в Лиге обнаружит, что корабль закончен и может быть запущен. Конечно, могут сказать, что это случайность — чертежи вновь построенного корабля в шести местах совпадают с построенным тысячи лет назад. Но если вы так думаете, то я поставлю сто против одного, что вы ошибаетесь.

Никакого пари этой ночью не было. Инскин имел нюх на всякие сомнительные делишки не хуже моего. Одеваясь, он продолжал задавать вопросы.

— А имя миролюбивой планеты, которая строит это чудовище из прошлого?

— Циттануво. Вторая планета звезды в Северной Короне. Единственная обитаемая планета в этой системе.

— Никогда о такой не слышал, — сказал Инскин, открывая дверь в свой кабинет. — Это может быть как хорошим, так и плохим признаком. Не в первый раз беда приходит из таких мест, о существовании которых даже не подозреваешь.

С естественной сдержанностью, которая всегда в нем отмечалась, он нажал кнопку срочного вызова на своем пульте. Почти мгновенно сонные клерки и ассистенты притащили записи и отчеты. Мы уткнулись в них.

Скромность не позволяет мне говорить первому, но очень скоро Инскин пришел к тому же выводу, что и я. Он отшвырнул папку в другой конец кабинета и хмуро взглянул на начинающийся рассвет.

— Чем больше я смотрю на это, тем подозрительнее становится. На первый взгляд, у планеты нет абсолютно никаких мотивов для использования военного корабля. Но они строят его, это несомненно, об этом я могу биться в пари на стопку тысячных кредиток высотой в наш дом. И все же, что они будут с ним делать? Когда построят? У них процветает культура, нет безработицы, в избытке тяжелые металлы, полно прекрасных магазинов для всего того, что они производят. Нет кровавой вражды, междоусобиц и тому подобного. Если бы не этот

военный корабль, их можно было бы назвать идеальной планетой Лиги. Я должен узнать о них как можно больше.

— Я уже сообщил в космопорт, от вашего имени, конечно,— сказал я.— Готовится скоростной катер. Не позже чем через час я смогу улететь.

— Не бегите впереди меня, ди Гриз,— сказал он ледяным тоном.— Пока еще я отдаю приказания и именно я разрешу вам, когда придет время, самостоятельно покомандовать.

Чтобы подтолкнуть его в нужном мне направлении, я стал слащав и улыбочив.

— Я ведь, шеф, только стараюсь помочь вам получить побольше информации. Это ведь не реальная операция, а только разведка. Я ведь могу выполнить ее не хуже любого оперативника. И ведь это поможет мне приобрести опыт, так необходимый для получения какого-нибудь ранга...

— Ладно,— сказал он.— Хватит болтать. Можете идти. Выясните, что происходит. И сразу же назад. Никакой самостоятельности, это приказ!

Мне показалось, что он сомневается насчет самостоятельности. И он был прав.

Глава 5

Отдел снабжения и отдел документации выдали мне все, что нужно. Солнце, чистое и ясное, стояло над горизонтом, когда серебристый остов моего корабля поднялся над серым полем и выстрелил в космос.

Путешествие заняло несколько дней, более чем достаточно для того, чтобы систематизировать свои знания о Циттануво. И чем больше я узнавал, тем меньше понимал их нужду в военном корабле. Циттануво была повторно заселена из системы Целлинни, а я был в этих поселениях раньше. Они все объединились в свободные союзы, иногда ссорились между собой, но до сражения дело не доходило. Они, как и все, разделяли общее отвращение в войне.

И они тайно строили военный корабль?

В конце концов мне надоело об этом думать и я выбросил эти мысли из головы и занялся интересной шахматной задачей. Время прошло быстро и, наконец, в носовом экране блеснула Циттануво.

Одним из моих наиболее важных принципов было: «Тайное не надо специально упрятывать». У фокусников это называется отвлечением внимания. Дайте людям возможность увидеть все, что вы хотите, и они никогда не заподозрят, что за этим что-то кроется. Поэтому приземлился я очень эффектным маневром, на самом большом космодроме, в середине дня. Я уже был одет для моей работы и вышел из корабля, когда амортизаторы еще вибрировали. Застегнув платиновой пряжкой меховую накидку, я начал спускаться по пандусу. Маленький крепыш-робот М-3 громыхал сзади с моим багажом.

Игнорируя суетливую активность около таможни, я направился к главному входу, и только когда некто в форме подбежал ко мне, я проявил снисходительное внимание к окружающему.

До того, как он начал говорить, я подошел к двери и остановился.

— Прекрасная тут у вас планета! Великолепный климат! Идеальное место для дачи. Приветливые люди, всегда готовые прийти на помощь другому. Мне это нравится. Примите мою глубокую благодарность. Большое спасибо, что встретили. Я — Великий Князь Сант Анжелло. — Я с энтузиазмом потряс его руку, положив туда в то же время сотенную кредитку.

— А сейчас вы, конечно, понимаете, что таможенникам нет нужды досматривать вот этот мой багаж. Не будем отнимать у меня времени. Корабль открыт, они могут проверить все что угодно.

Мои манеры, одежда, драгоценности, легкость, с которой я расставался с деньгами, шикарные чемоданы могли обозначать только одно. Такой богатый человек не станет заниматься контрабандой. Служащий что-то пробормотал мне с улыбкой, сказал несколько слов по телефону, и все было сделано.

Кучка таможенников наклеила бирки на мой багаж, заглянула для вида в баул и пропустила. Я пожал всем вокруг руки, не просто пожал, конечно, и двинулся вперед. Такси было вызвано, водитель предложил отель. Я согласно кивнул, в то время, как робот укладывал мой багаж.

Корабль был абсолютно чист, все, что было нужно для работы, находилось в моем багаже. Кое-что было смертельным и взрывчатым и, будучи обнаруженным, доставило бы мне неприятности. Закрывшись в помещении отеля, я хотел изменить одежду и внешность. Робот проверил комнаты, нет ли где багов.

Отличная штука, эти роботы Корпуса. Они выглядят и действуют точно как слабоумные М-3. Но только внешне. Мозги у них отличные, не хуже чем у классных роботов. Кроме того, коренастое тело буквально напиговано разными приборами и машинами.

Он медленно двигался по комнате, переносил мой багаж и раскладывал вещи, и при этом не забывая исследовать каждый дюйм поверхности. Закончив, он остановился и четко доложил:

— Все комнаты проверены. Обнаружен только один оптический баг в этой стене.

— Разве можно показывать пальцем на него? — сказал я роботу. — Ведь это может вызвать подозрение у наблюдателя.

— Нет, не может, — ответил робот с механической интонацией уверенности. — Я его слегка задел, и он сейчас бездействует.

Имея такие гарантии, я сбросил роскошные одежды и одел черную форму адмирала Великого Флота Лиги. Я получил ее со всеми украшениями, золотыми кружевами и полным набором документов. Не думаю, чтобы она сильно украшала, но была нужна для создания соответствующего впечатления на Циттануво. Как и на многих других планетах, тут знали толк в униформах. Мальчишки-рассылные, дворники, клерки — все имели свою характерную форму.

Мой черный мундир выглядел эффектно и должен был привлекать внимание.

Перед тем как покинуть отель, я накинул сверху длинный плащ, скрывающий мундир, но вот со шлемом, украшенным золотом, и с кейсом с бумагами была проблема.

Я до сих пор не знал всех возможностей псевдоробота М-3. Может, он поможет?

— Эй, ты, короткий и коренастый,— позвал я,— у тебя есть какие-нибудь отделения или ящики? Если есть, то покажи.

Я подумал, что робот взорвался. В нем было больше ящиков, чем в кассовом аппарате: большие, маленькие, плоские, узкие, они выскочили из него в разные стороны. В одном был пистолет, два других были забиты гранатами, остальные — пустые. Я положил шлем в один, кейс в другой и шелкнул пальцами. Ящики втянулись вглубь, и его металлическое тело стало гладким, как и раньше.

Я надел модную кепку, застегнул плащ и был готов. Остающийся багаж у меня был заминирован: пистолеты, газ, ядовитые иглы и тому подобное. В крайнем случае все это взлетит на воздух. М-3 поехал на лифте вниз, а я спустился по черному ходу. Мы встретились на улице.

Поскольку время было еще дневное, я не стал брать вертолет, а нанял машину. Мы не спеша поехали по стране и затемно добрались к дому президента Ферраро.

Как и приличествует руководителю богатой планеты, дом был великолепен. Мои секретные предосторожности оказались просто смехотворными, если не сказать больше. Я со своим трехсоткилограммовым роботом прошел через охрану и сигнализацию без задержки. Президент Ферраро, холостяк, обедал. Это позволило мне без помех исследовать его кабинет.

Там абсолютно ничего не было. Ничего, связанного с войнами и военными кораблями. Вот если бы я был шантажистом, то это другое дело. Здесь можно было найти кое-что похуже политической коррупции.

Когда Ферраро вернулся после обеда в кабинет, там было темно. Я слышал, как он пробормотал что-то о слугах и начал нащупывать выключатель. До того, как он нашел его, робот закрыл дверь и включил свет.

Я сидел за столом, передо мной лежали все его личные бумаги, придавленные сверху пистолетом, на лице я постарался изобразить жуткую свирепость. Пока он не оправился от шока, я скомандовал:

— Подойдите и сядьте, быстро!

В тот же момент робот подтолкнул его так, что у него не оставалось выбора, кроме как повиноваться. Когда он увидел на столе бумаги, глаза у него выпучились, в горле забулькало. Не давая ему опомниться, я сунул ему под нос свою книжечку.

— Я адмирал Тар Великого Флота Лиги. Вот мои полномочия. Можете их проверить.

Они были неотличимы от настоящих, поэтому я не беспокоился.

Ферраро начал не спеша изучать книжечку, затем проверил печати ультрафиолетом. Это дало ему время взять себя в руки и перейти в наступление.

— Что означает это ваше поведение? Вы ворвались в мой кабинет, совершили кражу со взломом...

— Ваше положение ужасно, — сказал я самым загробным голосом.

От моих слов по лицу Ферраро прошла тень. Я продолжал:

— Я арестую вас за заговор, вымогательство, воровство и многое другое, что окончательно станет ясно после изучения этих документов. Взять его!

Этот последний приказ относился к роботу, который отлично сыграл свою роль. Он подался вперед и обхватил президента за поясницу.

— Я могу объяснить, — взмолился тот. — Я могу все объяснить. Не нужно обвинять меня в этом во всем. Я не знаю, что у вас тут за бумаги, поэтому не стану утверждать, что они все фальшивые. Но вы знаете, что у меня много врагов. Если бы Лига знала, как трудно управлять этой отсталой планетой...

— Ну, ладно, хватит, — прервал я его взмахом руки. — На все вопросы будете отвечать перед судом. А сейчас ответьте только на один вопрос. Зачем вы строите военный корабль?

Этот человек был великий актер. Глаза его широко открылись, челюсть отвисла, и он рухнул в кресло, как если бы его стукнули молотком. Когда он смог говорить, слова были уже больше не нужны. Весь его вид выражал оскорбленную невинность.

— Какой военный корабль? — выдохнул он.

— Военный корабль высшего класса, который строится на верфях Циттануво. В соответствии с этими чертежами. — Я кинул их ему на стол и указал на верхние углы. — А вот и ваши собственноручные подписи.

Ферраро все еще не пришел в себя. Он схватил бумаги и начал их изучать, я его не торопил. Наконец он отбросил их и тряхнул головой.

— Ничего не знаю ни о каком военном корабле. Это чертежи нового грузового пассажирского лайнера. Это все, что мне известно. И там действительно стоит моя подпись.

Я произнес свой следующий вопрос тщательно, чтобы его смысл обязательно дошел до него.

— Итак, вы отрицаете, что вам что-нибудь известно о строительстве линкора высшего класса по этим чертежам?

— Это чертежи обычного грузопассажирского лайнера. Больше я не знаю.

У него было выражение обиженного ребенка. Я откинулся в кресле, расслабился и достал сигару.

— Послушайте кое-что о роботе, который вас держит, — начал я. Он взглянул с недоумением, видимо, в возбуждении не заметив, что робот держал его за талию во время беседы.

— Это не простой робот, у него в кончики пальцев встроены очень интересные приборы: термопара, гальванометры и тому подобное. Пока

мы разговаривали, он регистрировал температуру вашего тела, давление крови, количество пота и прочее. Другими словами, перед вами эффективный и оперативный детектор лжи. Сейчас вы услышите, как вы ввали.

Ферраро шарахнулся от руки робота, как будто это была ядовитая змея. Я выпустил красивое кольцо дыма.

— Говори,— сказал я роботу,— лгал ли этот человек во время беседы?

— Много,— ответил робот.— Ровно 74% из всего сказанного им — ложь.

— Очень хорошо,— я кивнул, готовясь захлопнуть последний замок на моей ловушке.— Значит, он все знал о линкоре?

— Субъект не знал о линкоре,— возразил робот.— Все его заявления, как о корабле, так и о его конструкции, были негативными.

Сейчас пришла моя очередь таращить глаза, а Ферраро стало намного легче, если бы он знал, что меня совсем не интересуют все его проделки! Я, конечно, получил удар ниже пояса, но нельзя терять голову. Я заставил свои мысли вернуться к исходной точке и обдумать ситуацию.

Если президент Ферраро не знал о линкоре, значит, он служил просто прикрытием. Тогда кто же истинный виновник? Некая милитаристская клика, желающая сбросить его и захватить власть? Я слабо разбирался в делах планеты и решил взять Ферраро себе в помощники.

Это было уже не трудно, не требовалось даже угрожать опубликовать документы, которые я нашел у него в столе. Используя эти бумаги, я мог бы заставить его плясать под мою дудку. Но в этом не было необходимости. Как только я показал ему два чертежа и объяснил сходство, он все понял. Ему, несомненно, было легче, чем мне, найти, кто использовал его как оружие в своих руках. По молчаливому согласию о документах мы забыли.

Было решено, что следующим шагом должны быть верфи Церентолы. Президент уже начал обдумывать, как использовать ситуацию против своих политических противников. Я дал ему понять, что Лига хочет остановить строительство линкора. А уж потом пусть играет в политику со своими оппонентами.

Договорившись об этом, мы вызвали машину, взвод охраны и отправились на верфи, дорога туда занимала часа четыре. По дороге мы обдумывали линию нашего поведения.

Начальника верфи звали Рокка. Когда мы приехали, он безмятежно спал. Но не долго. Парад мундиров и пистолетов быстро привел его в чувство. Мне показалось, что он такой же воришка и плут, как Ферраро. Невинный не мог так сильно испугаться.

Воспользовавшись ситуацией, я приспособил к нему свой ходячий детектор лжи и начал задавать вопросы.

Еще не закончив нашу «беседу», я уже начал представлять себе положение вещей. Оно было следующим: начальник верфи, стро-

ящий корабль, не имел ни малейшего представления о его истинной природе.

Кто-то менее самоуверенный, чем я, или имеющий меньший жизненный опыт, в этот момент мог бы усомниться во всем. Я — нет. Корабль по-прежнему совпадал с линкором в шести местах, а я не верил в случайные совпадения. Какой же избрать путь? Если можно сделать два выбора — выбирай простейший! Только не останавливаться на глупых шансах и случайностях.

Взглянув снова на исходный чертеж, я снова обратил внимание на надстройку. Чтобы превратить корабль в военный, нужно было в первую очередь убрать ее.

— Рокка! — рявкнул я грозно. — Посмотри на эти чертежи, на этот вот выступ здесь. Он все еще пристроен к кораблю?

Он покачал головой и ответил:

— Нет, чертежи были изменены. Мы установили новый противометеоритный аппарат для прохождения планетарных астероидных слоев.

Я открыл свой кейс и достал чертеж.

— Ваш аппарат случайно не напоминает вот этот? — я протянул ему чертеж через стол.

Он потирал подбородок, рассматривая схему.

— Да, вроде, — ответил он нерешительно. — Я не могу сказать в точности, ведь все эти детали ко мне не относятся. Я отвечаю за работу в целом. Но эта деталь очень похожа на ту, что сейчас установлена. Большая штука. Сколько мы потратили...

Это был линкор вне всякого сомнения! И тут одно слово из сказанного, как громом, поразило меня.

— Установлена! — выкрикнул я. — Вы сказали установлена?

Рокка даже отшатнулся от моего крика.

— Да, — нерешительно ответил он. — Я даже помню, там были невероятные трудности...

— А еще что? — перервал я его. Холодный пот потек у меня по спине. — Двигатели, управление, они тоже установлены?

— Да, конечно, — ответил он. — Разве вы не знаете? Обычный график был сильно сжат, это вызвало массу непредвиденных трудностей.

Теперь холодный пот бежал по мне ручьями. Первоначальный срок был сокращен почти на год. И не было никаких причин, почему нельзя было сократить его еще больше.

— Машины! Оружие! — взревел я. — К кораблю! Если его строительство закончено, у нас будут огромные неприятности и ни с чем не сравнимые трудности.

Охрана включила сирены и прожектора и, вдавливая в пол акселераторы, мы, как сверкающая стрела, помчались в ночи к стапелям и влетели в ворота.

Но мы все равно опоздали. Ночной сторож бешено замахал на нас руками, и конвой остановился.

Корабля не было.

Рокка никак не мог поверить этому. Он бродил взад и вперед

по пустой площадке, на которой корабль строился. Я залез на заднее сиденье машины и со злости сжевал сигару, обзывая себя идиотом.

Игнорируя очевидные факты, я, как дурак, вбил себе в голову, что правительство планеты участвует в этом строительстве. Оно, конечно, участвовало, но только как ширма. Я почуял крысу — крысу из нержавеющей стали. Крыса, которая действовала, как действовал бы я до моего обращения.

Сейчас, когда грызун улизнул, у меня возникла идея, с чего начать поиски.

К нам, шатаясь, полошел Рокка, начальник верфи. Его схватили за волосы, и поток отборной брани пролился на него. Президент Ферраро вытащил пистолет и было непонятно, как он собирается им действовать и кем стать: убийцей или самоубийцей? Мне было все равно. Все, что можно было от него ждать и все, что могло его беспокоить, были следующие выборы, когда его избиратели и политические противники не простили бы потери корабля. Мои заботы были значительно сложнее.

Я должен был отыскать линкор до того, как он начнет шататься по Галактике.

— Рокка! — крикнул я. — Идите в машину. Я хочу посмотреть ваши отчеты, все ваши отчеты, я хочу это сделать немедленно.

Он с трудом влез в машину, видно, еще не сознавая, что от него хотят и зачем. Потом, заметив, что еще темно, промямлил:

— Но, адмирал... в это время... все еще спят...

Я собирался заорать, но этого не потребовалось. Видимо, он все понял по выражению моего лица и схватил трубку радиотелефона.

Обычно я ненавидел этот бюрократический порядок, эти бумажные завалы, но сейчас я на них молился. У этих людей была целая наука. Ни одна заклепка не пропадет, а если это и случится, и она пропадет, то об этом будет составлена бумага в пяти экземплярах. Они вывалили мне на стол меморандум, памятные записки, акты о списании, различные запросы.

Нужные мне факты буквально тонули в этих бумажных катакомбах. Но делать нечего. Я не стал отыскивать первопричины, это было бы слишком долго, а сосредоточил внимание на последних изменениях, таких, как орудийная башня. Это должно было быстро выявить группу виновных.

Клерки, наконец, поняли, чего я от них хочу. Воспламененные огнем патриотизма и грозным голосом своих начальников, они забежали сломя голову. Теперь мне достаточно было указать направление поисков, и соответствующие документы оказывались в моих руках.

Шаг за шагом картина стала проясняться. Тонкая паутина подделок, взяток, крючкотворства и фальшивок. Создать все это могла только голова, подобная моей. От зависти я даже крикнул. Как и все великие идеи, эта была чрезвычайно проста.

Группа или группы неизвестных постепенно изменили по-своему программу строительства. Несомненно, сначала это была программа

строительства огромного транспорта, затем ее слегка подправили, а потом и совсем видоизменили.

Все было проделано с искусством истинного гения. Приказы, исходившие из разных источников, изменялись и подтасовывались. Я с большим трудом выявил все эти источники. Во всех случаях они были подложными. В некоторых случаях они были настолько скрыты, что я сперва не мог поверить, как мог пройти такой приказ, пока мне не объяснили, что ряд офицеров имеют временных секретарей, в то время как их обычные секретарши и ассистенты болели, все девушки, одна за другой, получили пищевое отравление. Просто какая-то эпидемия! Каждую из них по очереди замещала одна и та же девушка. Она оставалась на каждом месте достаточно долго, чтобы убедиться в продвижении плана строительства линкора.

Эта девушка, очевидно, была помощником Главаря, который все и организовал. Он сидел в центре этого дела, словно паук в паутине, и дергал за ниточки, приводя в движение все это дело, эту свою идею. Моя первая мысль была, что в дело нужно включить бригаду, но потом я признал ее ошибочной. В дальнейшем я занялся только сущностью подлогов. В некоторых случаях документы не были подделаны, видимо, тут мой таинственный ИКС сам выполнял работу. ИКС имел постоянную должность помощника инженера дизайнера. Одна за другой распутывались нити, ведущие в контору. У него тоже была секретарша, чья болезнь совпадала с ее работой в других отделах.

Когда наконец я вылез из-за стола, спина не гнулась и горела, как будто там была раскаленная проволока. Я проглотил обезболивающее и окинул взглядом войско своих помощников, измученных, они не спали вместе со мной 72 часа. Они сидели, прислонившись к мебели, и ждали моего решения. Даже президент Ферраро был здесь, его волосы были растрепаны и свисали сосульками.

— Вы раскопали это преступное гнездо? — спросил он, запустив пятерню в свой скальп.

— Я нашел их, да,— ответил я.— Только не преступное гнездо, а одного человека, мастера преступного мира, у которого в мочке уха больше таланта, чем у всех ваших продажных бюрократов, и его женщина-ассистент. Они все проделали вдвоем. Его имя или псевдоним Пепе Перо, ее зовут Анжелина...

— Арестовать их немедленно! Стража, стража...— и Ферраро выскочил из комнаты. Я велел ему вернуться обратно.

— Это было бы самое лучшее, что мы могли бы сделать. Но в данный момент это затруднительно, так как они же и украли линкор, а не только отстроили его. В нем всё автоматизировано, на первое время не требуется даже команда.

— Что вы решили делать? — спросил один из клерков.

— Да ничего,— ответил я в манере старого космического волка.— Флот Лиги уже вышел на охоту за преступниками, и скоро вы услышите об их поимке. Благодарю всех за помощь.

Глава 6

Я сказал это бодрым веселым тоном, и они вышли. На один миг я позавидовал их святой вере во Флот Лиги. А ведь на самом деле сообщение о Флоте было такой же липой, как и мое адмиральское звание. Я продолжал работу для Корпуса. Инскин уже должен был получить последнюю информацию. Я послал ему психграмму, но ответа пока не было. Наверное, идентификация воров задержала ответ.

Мое новое сообщение было закодировано, но расшифровать его для настойчивого человека не составит труда. Я сам отнес его в передающий центр. Психграммист сидел в своей прозрачной комнатке, когда я вошел туда. Глаза его были отсутствующими, он говорил что-то в микрофон, передавая какое-то сообщение через просторы Галактики.

Снаружи шифровальщики кодировали, копировали и записывали сообщения, но ни одного звука не проникало через изолированные стены. Я подождал, пока он обратит на меня внимание, и протянул ему листки бумаги.

— Лига, Центральная-14, срочно,— сказал я.

Он поднял брови, но ничего не сказал. Через несколько секунд мы имели на связи цепочку психграммистов. Он читал кодовые сигналы отчетливо, тщательно выговаривая, но негромко. Мощь его мысли пронизывала расстояние на многие световые годы. Когда он закончил, я забрал текст, порвал его и убрал клочки в карман.

На этот раз я получил сообщение довольно быстро. Видимо, Инскин ждал моего сообщения. Микрофон вынесли к шифровальщикам, а я сам стенографировал кодовые группы.

— ...куви длил флиз, и если не сделаешь, назад не возвращайся!

Сообщение в конце шло прямым текстом и психграммист улыбнулся, читая эти слова. Я заорал на него, чтобы он не вздумал что-нибудь болтать об этом, так как сообщение секретное, и я лично пристрелю его в противном случае. Улыбка у него пропала, но мне легче от этого не стало.

Декодированное сообщение оказалось совсем не таким плохим, как я боялся. Впредь до дальнейших указаний я должен был выследить и захватить линкор. Я мог обращаться в Лигу по первой необходимости. До окончания работ я должен был оставаться в должности адмирала и держать Инскина в курсе дела. Мое счастье было бы полным, если бы не это отвратительное заключение открытым текстом.

Я получил свое долгожданное назначение. Но только как! Захвати линкор или прощайся с головой. И ни слова о моих героических усилиях по раскрытию преступления. В каком бессердечном мире мы живем!

Усталость наконец сломила меня, и я отправился спать, так как моя главная работа теперь была спать и ждать...

Действительно, ожидание было теперь единственным, что я мог делать. Не считая таких дополнительных забот, как вызов крейсера

лично для себя и сбор дополнительных данных о ворах. Но это действительно было второстепенным по отношению к главному — ждать плохих вестей. С точки зрения организации погони Циттануво было наилучшим местом. Исчезнувший корабль мог двигаться в любом направлении. С каждой минутой сфера его возможного положения росла пропорционально третьей степени времени. Команду крейсера, на котором я находился, я держал в полной боевой готовности, ограничив область ее передвижения ста ярдами от корабля.

Сведений о Пепе и Анжелине было очень мало, они умело заматали следы, их происхождение было неизвестно, только слабый акцент в произношении говорил, что они не местные. Имелась тусклая фотография Пепе, толстощекого парня со злым лицом. Фотографии девушки вообще не было. Подгоняемый своим нетерпением, я заставил психиатра корабля непрерывно прослушивать пространство и сообщать мне обо всех происшествиях в космосе.

Потом мы с навигатором нанесли их на карту, попали ли они в растущую сферу возможного положения украденного корабля. Некоторые инциденты происходили внутри этой области, но при дальнейшем исследовании оказывались естественного происхождения.

Уходя спать, я оставил приказ при обнаружении ЧП в опасной зоне будить меня немедленно. Меня подняли глубокой ночью и протянули листок бумаги. Протерев глаза и прочитав первые две строчки, я немедленно нажал кнопку общей тревоги.

Нужно сказать, что эти парни знали свое дело. Я еще не успел дочитать сообщение, а уже завывали сирены, корабль закрыл люки и взлетел. Когда мое зрение восстановилось после перегрузок и листок опять попал в фокус, я дочитал его, а затем перечитал еще раз более внимательно.

Это выглядело так, как мы и ожидали.

Свидетелей не было, но несколько мониторинговых станций зафиксировали использование оружия большой мощности, с огромной энергией. С помощью трансгуляции мы вычислили координаты и нашли грузовое судно. В его корпусе была дыра величиной с железнодорожный туннель. Груз плутония исчез.

В каждой строке сообщения я видел Пепе. Поскольку на линкоре не было команды, он действовал наверняка. При попытке захвата чужого судна или при переговорах всегда присутствует элемент риска. Поэтому он просто подождал ничего не подозревающий грузовоз и расстрелял его из своих чудовищных орудий. Восемнадцать человек были мгновенно убиты. Воры стали также и убийцами.

Я ждал действий. И очень боялся, чтобы не наделать ошибок. Коротышка Пепе показал себя безжалостным убийцей. Когда ему что-то нужно, он просто подходит и берет это, сокрушая все на своем пути. Еще много людей должно будет погибнуть, и моя задача сделать это число как можно меньше.

По идее я должен был ринуться осуществлять возмездие, сверкая пушками. Прекрасная мысль, и желание у меня есть. Не знаю только, где он? Линкор, конечно, гигантский корабль, но в масштабах космоса

это просто пылинка. Пока он будет держаться вне коммерческих линий, планет и станций с их радарам, найти его будет невозможно.

Да если я и найду его, то как захвачу? Ведь это исчадие ада по мощности не уступает любому кораблю. Это мучило меня днем и ночью, но ответа я не находил.

Догадка пришла внезапно. Если я не знаю, где будет Пепе, надо сделать так, чтобы он пришел туда, куда я хочу.

Некоторые факты были в мою пользу. Например то, что я заставил его делать игру до того, как он был полностью готов. Конечно, он не собирался улетать в тот день, когда я прибыл. Но любой план, а особенно такой тщательно разработанный, как у него, должен предусматривать действия в случае опасности. Двигатели, управление, вооружение на линкоре были установлены задолго до моего прибытия, но осталось недоделанное много другой дополнительной работы. Один из свидетелей заявил, например, что видел, как во время старта с корабля свисали силовые и подающие кабели.

Мое прибытие вывело Пепе из равновесия, и у меня в этом отношении было перед ним преимущество. Теперь мне было нужно думать так же, как и он, предвидеть следующий шаг и... поймать его в ловушку. Послали вора ловить вора. Теоретически все выглядело прекрасно, но как только я подумаю о практике, мне становилось неуютно.

Я выпиваю и закуливаю. Выпускаю кольца дыма и наблюдаю, как они движутся. Это меня расслабляет. В конце концов, что вообще можно сделать с помощью линкора? Он, конечно, хорошо приспособлен для космического пиратства, но ведь это не все.

— Чудесно, чудесно, но почему линкор?

Я заговорил сам с собой, обычно это плохой признак, но сейчас мне было не до этого. Мысль о космическом пиратстве долго мне казалась единственно верной, пока в глаза не бросилась вопиющая несообразность.

Почему линкор? Зачем все эти годы труда и хлопот, чтобы получить корабль, которым с трудом могут управлять два человека. Ведь и десятой доли усилий Пепе хватило бы, чтобы построить крейсер, который тоже прекрасно подходил для целей пиратства.

Для целей пиратства, но не для целей Пепе. Он желал линкор, и он получил линкор. Это означает, что в голове у него что-то есть и кроме пиратства. Но что? Очевидно, что он маньяк и псих и неважно, как он смог проскользнуть сквозь сеть официального тестирования. Это еще предстоит выяснить. Но для этого сначала его нужно поймать.

План уже начал складываться у меня в голове, но я хотел дать ему время созреть. Во-первых, я должен быть уверен, что хорошо знаю Пепе. Любой человек, которому удалось обмануть целый мир при строительстве корабля, а затем еще и украсть его, не будет вечно отсиживаться в тени в нем. Корабль нуждается в команде и базе для заправки горючим и ремонта.

О горячем ему придется позаботиться в первую очередь, выпотрошенный корпус грузовоза — немой свидетель тому. В качестве базы может быть использована безлюдная планета.

Получить команду в это мирное время труднее, хотя и здесь я мог бы придумать несколько вариантов. Скажем, рейд по тюрьмам и психиатрическим больницам и лечебницам. Действуйте в этом направлении, и вы получите команду, готовую на любые пиратские налеты. Однако пиратство, конечно, очень слабая штука для амбиций этого юнца. Он, наверное, хочет управлять целой планетой... а может быть и целой системой? Или больше? Я даже вздрогнул от этой мысли. Не было ли чего-нибудь подобного в прошлом? Во времена Королевских войн несколько человек с парой кораблей и общим объемом мозгов, меньшим, чем у Пепе, установили что-то вроде империи. Их всех скинули в конце концов, но цена за это была заплачена самая высокая.

План созрел, и я нутром чувствовал, что он хорош. Может быть, в некоторых деталях была слабина, но это неважно. Мне ясно основная цель и мысль, идея и способ ее осуществления. Существуют естественные законы в преступлениях, как и в любой другой области человеческой деятельности. Я знал, что все будет как надо.

— Немедленно ко мне офицера связи! — крикнул я по интеркому. — И пару клерков с транскриберами. И быстро — речь идет о жизни и смерти!

А вот последнее я сказал зря, это выводит меня из образа. Я застегнул воротничок, поправил знаки различия и расправил плечи. Теперь, когда они войдут, я снова целиком буду адмиралом.

По моему приказу корабль вышел из суперпространства, чтобы мой психграммист мог связаться с другими операторами. Капитан Стенг ворчал, что мы останавливаем двигатели и теряем драгоценные дни, в то время как его команда выполняет ненормальные приказы. Мой план был вне его понимания. Он, конечно, капитан, но я-то адмирал, пускай хотя бы и временный.

По моему приказу навигатор построил сферу убегания, которая отстояла от возможного наибольшего удаления от украденного корабля на время его дневного пути. Схема захватила ряд звездных систем, которых было немного, и психграммист мог по очереди вызвать их и передать сообщения, которые передавались там офицеру Международных Отношений.

По мере расширения сферы психграммист переходил к новым объектам. Я к нужному времени подготавливал текст основного сообщения и направления передачи и дополнительное сообщение, которое психграммист посылал на Центральную-14. Там отряд психграммистов связывался с индивидуальными планетами, постоянно пополняя их список.

Все основные и дополнительные сообщения были на одну и ту же тему. Я подробно с энтузиазмом излагал, обсуждал и негодовал. Я написал огромное число вариантов в самых разнообразных формах. Я хотел, чтобы суть информации в том или ином виде попала во все газеты и журналы внутри этой расширенной сферы.

— Что это значит, разрази вас гром? — ворчал капитан Стенг.

Ему было скучно, он отказывался участвовать в операции, считая ее бессмысленной. И большую часть времени проводил в своей каюте, ругаясь на чем свет стоит. От скуки или любопытства он прочитал одно из моих сообщений..

— Миллиардер в поисках собственного мира... Космическая яхта сказочной роскоши...— лицо капитана приобрело малиновый оттенок.

— Какое отношение имеет этот вздор к поимке убийц?

Когда мы находились вместе, он был вежлив, но по неуловимым признакам было заметно, что он считает меня поддельным адмиралом. Без сомнения, я оставался старшим, но отношения были формальными.

— Эта чепуха и вздор и есть та приманка, на которую клонет рыбка, наша рыбка,— говорил я ему.— Ловушка для Пепе и его партнерши.

— А кто этот мифический миллиардер?

— Я,— сказала я.— Я всегда хотел быть богатым.

— А этот корабль, космическая яхта, где она?

— Строится сейчас в космоверфи в Удридд. Мы пойдем туда сразу же после того, как закончим подготовку.

Капитан Стенг бросил сообщение на стол и вытер руки, так тщательно, как будто боялся подхватить инфекцию. Он пытался честно встать на мою точку зрения, но без малейшего успеха.

— Ничего не выйдет,— проворчал он.— Почему вы уверены, что они прочитают хотя бы одну из этих заметок? А если прочитают, почему должны заинтересоваться? По-моему, вы теряете время и он ускользнет у вас между пальцев. Нужно поднять тревогу и оповестить все корабли. Привести Флот в состояние боевой готовности и выслать патрули на все космолинии...

— Которые он может легко обойти или просто-напросто уничтожить, что более вероятно. Так что это не выход,— ответил я ему.— Этот Пепе очень ловок и хитер, он действует как игровой автомат. В этом его сила и одновременно слабость. Такие, как он, считают, что никто другой не может мыслить подобно им. А я могу!!!

— Вы не умрете от скромности,— бросил Стенг.

— Это точно,— ответил я.— Ложная скромность порождает некомпетентность. Я собираюсь поймать этого подлеца и расскажу вам, как я это сделаю. Он снова скоро совершит нападение. и там, где это произойдет, будет пресса с моими сообщениями.

Независимо от целей нападения, он заберет все газеты и журналы, которые сможет найти. Отчасти, чтобы удовлетворить свое самолюбие, но главным образом, чтобы быть в курсе событий, которые его интересуют. Таких, как движение кораблей.

— Вы только предполагаете, но не можете точно знать всего этого.

Его глубокая уверенность в моей некомпетентности стала действовать мне на нервы. Я сдержал раздражение и попытался в последний раз.

— Да, я предполагаю, но обоснованно предполагаю, основываясь на фактах. Из грузовоза он забрал все, что можно было читать, это сразу бросилось мне в глаза. Мы не можем предотвратить новую атаку линкора, но мы можем убедиться после этого, все ли пойдет дальше так, как я думаю.

— Я не знаю,— сказал капитан,— это звучит для меня подобно...

Я так никогда и не узнал, подобно чему это звучит для капитана, и это хорошо, так как он был в нокауте сразу после своих слов, а я тем самым уронил бы свой псевдотитул. Рев сирены прервал его, и мы бросились в комнату связи.

Капитан Стенг выиграл у меня полкорпуса, это был его корабль, и он лучше знал дорогу. Психграммист держал расшифрованный текст, но все было ясно по выражению его лица. Он посмотрел на меня твердым и холодным взглядом.

— Они снова напали, разрушили спутник снабжения и убили 34 человека.

— Если ваш план не сработает, адмирал,— прошептал хрипло капитан мне в ухо,— я буду лично наблюдать, как с вас живого сдерут кожу!

— Если мой план не сработает, капитан, нечего будет сидеть. А сейчас, с вашего разрешения, мы отправимся в Удридду за моей яхтой, и немедленно.

Эта ненависть и презрение к моим действиям взбесили меня и вывели из равновесия. Мной сейчас руководила злость, а не логика. Я вынул себя в руки и привел в порядок мысли.

— Задержите выполнение последней команды,— крикнул я, возвращаясь к роли старого космического волка.— Установите связь и выясните, не останавливался ли кто-нибудь возле спутника?

Пока психграммист занялся работой по моему запросу, я просмотрел некоторые бумаги. Рядовые и офицеры напряженно ждали, делая слабые попытки высказать мне свою ненависть. Ответ должен был прийти в течение десяти минут.

— Так точно,— наконец ответил психграммист.— Резервное судно останавливалось там за двенадцать часов до атаки. Среди прочего оставлены газеты, содержащие ваши статьи.

— Очень хорошо,— сказал я.— Пошлите общий приказ прекратить передачу разных сообщений. Передайте приказ только с помощью психграммистов, не используя никакое другое сигнальное оборудование. Нельзя, чтобы нас подслушали.

Я медленно вышел, как хозяин положения. Но отвернув лицо в сторону, чтобы они не могли видеть на моем лице холодную испарину.

Мы немедленно направились в Удридду, где меня ждала яхта миллиардера «Эльдорадо». Начальник верфи, показывая мне корабль, делал деликатные попытки удовлетворить свое любопытство. Однако из садистского мщения Флоту я не сказал ему ни слова о своей миссии. После проверки аппаратуры и системы управления я попросил очистить корабль. В астронавигатор была заложена лента, кото-

рая выведет меня на курс, упомянутый в статьях. Нужно только нажать на кнопку. И я нажал.

Это был прекрасный корабль, верфь позаботилась даже о мелочах. От носа до кормовых дюз он был покрыт металлом с высоким альбедо, то есть чистым золотом. Имеются и другие металлы с высоким альбедо, но ни один из них не производит такого впечатления. Вся гарнитура тоже сверкала великолепием. Вся эта работа не была предусмотрена чертежами. Флот вынужден был приспособливать яхту к моим нуждам.

Все было готово. Либо Пепе прихватит меня, либо я достигну райской планеты миллиардера. Если это случится, для меня будет лучше там и остаться.

Сейчас, когда я был в космосе, возродились прежние сомнения. План, выглядевший таким ясным и логичным, сейчас начал казаться идиотским.

— Стой на своем, моряк, — сказал я себе, используя адмиральский тон. — Ничего не изменилось, это все еще лучший и единственный план, возможный при данных обстоятельствах.

А так ли это? Могу я быть уверенным, что Пепе, летя на своем корабле и питаясь флотским рационом, заинтересуется комфортом и роскошью? Или, если роскошь его не волнует, захочет ли он завладеть имуществом собственника планеты? Я загрузил трюм всем, что может желать человек, и оставил информацию об этом во всех мыслимых местах. Наживка была на месте, но схватит ли он крючок?

Я не мог сказать. Состояние мое было крайне нервно. Я пытался сконцентрировать внимание на чем-нибудь еще, но ничего не получалось.

Следующие четыре дня прошли спокойно.

Глава 7

Когда зазвучал сигнал тревоги, я почувствовал огромное облегчение. Я мог быть убит и превращен в пыль, но не в этом дело.

Пепе проглотил наживку. Единственный корабль в Галактике, который мог выглядеть на экране таким огромным с такого расстояния, был его. Огромная энергия двигателей линкора позволила ему создать такое тормозящее поле, что моя яхта буквально стала на дыбы. Одновременно зажегся сигнал: «Внимание радиопередача». Я подождал, сколько хватило терпения, затем включил приемник. Ворвался голос:

— ...что вы под прицелом военного корабля! Не делайте попыток хитрить или любым другим способом...

— Кто вы и что вам нужно, черт бы вас побрал! — закричал я в микрофон. Мой сканнер был включен, так что они могли видеть меня, мой же экран оставался темным, они не послали картинку. Они могли видеть роскошную одежду на мне, богатое убранство кабины за моей спиной. Конечно, они не могли видеть мои руки.

— Неважно, кто мы! — прогремело радио. — Выполняйте распоряжения, если хотите жить. Отойдите от управления, пока мы не причалим, затем будете делать все, как я скажу.

Послышались два приглушенных щелчка, это магниты захватили корпус. Корабль накренился. Я, в расчете, что меня видят, округлил глаза в испуге и начал озиаться, ища пути к спасению. Яхта расположилась у космошлюза линкора. Я нажал кнопку и послал робота-сварщика, куда было задумано.

— А теперь позвольте мне сказать вам кое-что, — рявкнул я в микрофон, снимая маску испуганного миллиардера. — Во-первых, я повторяю ваши слова: выполняйте распоряжения, если хотите жить. И я покажу вам почему...

Я повернул переключатель, подающий последовательную программу работы. Корпус был, конечно, намагничен и крепко держал бомбы. В соответствии с заданной программой сканнер в кабине включился в заданный режим, ждущий, а в генераторном отсеке — в рабочий. Я проверил переносной экран-монитор и начал натягивать скафандр. Необходимо было сделать это быстро, одновременно поддерживая разговор. Они должны быть уверены, что я по-прежнему сижу в кабине управления.

— Как видите, это генератор корабля.

— Девяносто восемь процентов мощности сейчас питают электромагниты. Разделить нас практически невозможно. И я не советую вам это делать.

Скафандр был надет, но я продолжал говорить, используя микрофон, подсоединенный к главному передатчику через шлем. Картина в мониторе изменилась.

— Сейчас вы видите водородную бомбу, которая держится на предохранителе только за счет того, что магнитное поле прижало корпус вашего линкора к ней. Она, несомненно, взорвется, если вы попытаетесь отделиться.

Я схватил экран-монитор и помчался к шлюзовой камере.

— А вот это другая бомба, — сказал я, глядя одним глазом на экран, а другим на медленно открывающуюся входную дверь.

— У нее есть датчики на корпусе. Если вы попытаетесь разрушить часть моего корабля или открыть главный входной люк, она сдетонирует.

Я был уже в космосе, приближаясь к огромному линкору.

— Чего вы хотите? — это были первые слова Пепе, произнесенные им после моей демонстрации.

— Я хочу поговорить с вами и прийти к соглашению, представляющему интерес для нас обоих. Но чтобы вы правильно судили о моих возможностях, я покажу вам остальные бомбы.

И я показал им остальные бомбы, это было не трудно. Сканнеры яхты работали по заранее составленной программе. Я бегло продемонстрировал все свое остальное вооружение, которое могло привести к нашей совместной гибели, сам же я уже пролез в дыру в корпусе линкора, сделанную роботом. Это место было тщательно

выбрано по чертежам, здесь не было толстой брони и датчиков-сторожей.

— Да, да... я понял... вы летающая бомба. Прекратите свой репортаж и скажите, что вы собираетесь делать?

На этот раз я ему не ответил. Отключив микрофон и дыша, как загнанная гончая, я мчался по переходам линкора. Если верить чертежам, то где-то здесь должна быть дверь в рубку управления. Пепе, конечно, там.

Я вошел, выхватил пистолет и направил ему в затылок. Анжелина стояла рядом с ним и смотрела на экран.

— Игра окончена,— сказал я.— Стойте спокойно и не двигайтесь!

— Что это значит? — спросил он зло, глядя на экран перед собой. Девушка догадалась раньше. Она обернулась и воскликнула:

— Он здесь!

Они усталились на меня, растерянные и испуганные.

— Вы арестованы, главарь,— сказал я ему,— и ваша девушка тоже.

Анжелина закрыла глаза и скользнула на пол. Действительно или притворно, я не знаю. Под прицелом моего пистолета Пепе подхватил ее и уложил в амортизационное кресло у стены.

— Что... что теперь будет? — спросил он дрожащим голосом. Нижняя челюсть у него тряслась, в глазах стояли слезы. Это не произвело на меня впечатления, я не забыл, сколько людей он погубил. Он потащился к креслу и почти упал в него.

— Что они сделают со мной? — спросила Анжелина. Она уже открыла глаза.

— Я не знаю, что они сделают с вами,— сказал я отрешенно.— Это решит суд.

— Они сделают со мной все эти штуки,— заплакала она. Анжелина была молода, черноволоса и красива, слезы совсем не портили ее.

Пепе уронил лицо в ладони, плечи его тряслись. Я ткнул пистолетом в его сторону.

— Перестаньте, Пепе. Трудно поверить в ваше раскаяние. На пути сюда сейчас несколько кораблей Флота, минуту назад был автоматически включен сигнал тревоги. Я думаю, они будут рады увидеть человека, который...

— Не отдавайте меня им, пожалуйста! — она была уже на ногах, прижимаясь спиной к стене.— Они упрячут меня в тюрьму, изменят мой мозг.— Она, спотыкаясь, двигалась вдоль стены. Я оглянулся на Пепе, не желая надолго терять его из виду.

— Я ничего не могу сделать,— сказал я ей. Повернув обратно голову, я увидел, как открывается маленькая дверь и Анжелина исчезает.

— Не вздумайте бежать! — крикнул я ей вслед.— Ничего из этого не выйдет!

Пепе издал странный звук, и я повернулся к нему. Сейчас он сидел прямо, лицо его было сухим. Он смеялся, а не плакал.

— Вот так. Она и вас провела, мистер Супердетектив, бедная

маленькая Анжелина с нежными глазами.— Он опять согнулся, сотрясаясь от смеха.

— Что это значит? — прорычал я.

— Все еще не поняли? Она жалобно причитала... и обвела вас вокруг пальца. Весь план строительства линкора и его угона принадлежал ЕЙ. Это она втянула меня, полностью подчинила своей воле. Я жил с ней и одновременно был счастлив и презирал себя. Я рад, что все так случилось. По крайней мере, я дал ей шанс. Хотя мне казалось, что мы взорвемся, когда она выскочила.

Я стоял перед ним, словно парализованный.

— Вы лжете,— сказал я резко, но уже и сам не верил в это.

— Да нет. Это правда. Ваши мальчишки-психиатры разложат мой мозг по кусочкам и убедятся, что я не вру. Совершенно.

— Мы обыщем корабль, она не может прятаться долго.

— Она не будет прятаться,— ответил Пепе.— В одном из помещений мы спрятали быстроходный катер. Может быть, это он сейчас отходит.

Мы почувствовали через пол отдаленную дрожь и вибрацию толчка.

— Флот поймает ее,— сказал я ему с уверенностью, которую сам не ощущал.

— Может быть,— сказал он, внезапно прекращая смеяться и становясь серьезным.— Может быть. Но я дал ей шанс. Со мной покончено, но она знает, что я любил ее до конца.— Он скрипнул зубами, как от внезапной боли.— Да только ей это все равно.

Мы оба замолчали и больше не двигались, пока не подошли корабли Флота и их боты не причалили к линкору.

Я захватил линкор и покончил с этим кошмаром! Я не мог винить себя, если девушка ускользнет. Если она проскочит между кораблями Флота, это будет их ошибкой, а не моей.

Я торжествовал победу.

Но мое счастье было неполным. У меня было предчувствие, что с Анжелиной мы еще встретимся.

Глава 8

Жизнь была бы намного приятнее, если бы мои тяжелые предчувствия никогда не оправдались. Нельзя винить Флот, если он упустил Анжелину — они не первые и не последние, кто может недооценить то, что лежит позади этих прекрасных глаз. И я себя не винил. После моей первой ошибки, когда я позволил ей уйти, важно не сделать вторую. Я еще не до конца поверил в то, что Пепе рассказал о ней. Вся история могла оказаться ловко придуманной ложью, чтобы отвлечь мое внимание от охраны его персоны.

Я человек очень недоверчивый. Ствол моего пистолета был направлен точно ему между глаз, палец слегка нажимал спусковой крючок. Так продолжалось до тех пор, пока в кабину не вошел отряд космонавтов.

Когда они забрали Пепе, я включил сигнал общей тревоги, для поимки Анжелины, со специальным предостережением соблюдать максимальную осторожность. Еще до того, как все корабли приняли сигнал, на экране моего локатора появилось изображение ее катера.

Вздых моего облегчения прозвучал громко. Если она действительно является мозгом всей операции, я не хотел бы ее потерять. Она вместе с Пепе и линкором представляет прекрасный подарок для Инскина. Да у нее и нет шансов, корабли устремились за ней со всех сторон. Для них это привычная работа, и теперь все является только делом времени.

Передав все дела и линкор Флоту, я вернулся на свою роскошную яхту, нацедил большой стакан шотландского виски — такого нет ни у кого в радиусе двадцати световых лет — и раскурил длинную сигару. Усевшись с комфортом перед экраном, я стал наблюдать за погоней.

Анжелина, наверное, корчилась от боли, делая крутые повороты, чтобы избежать пленения. Перегрузки порядка 15 Ж могут лишить ее сознания. Но все это интересно, хотя и напрасно, так как они все равно поймали катер в сети через короткое время и скоро ее арестуют. Никто из нас не предполагал, как важна длительность этого времени, пока абордажная команда не ворвалась на катер.

Он, конечно, был пуст.

Только через десять дней мы до конца поняли, что произошло. Это было безжалостно и ужасно, и даже если бы психиатры не подтвердили нам искренность Пепе, я бы все равно поверил ему.

Анжелина все время была на шаг впереди нас. Покинув линкор на катере, она и не пыталась улететь. Вместо этого на полной скорости она настигла ближайший звездолет, небольшой крейсер, с двенадцатью членами экипажа на борту. Они, конечно, понятия не имели, что произошло на линкоре, так как я еще не давал сигнала общей тревоги. Я должен был сделать это сразу же, как только она убежала, и двенадцать хороших человек остались бы живы.

Мы никогда не узнаем, что она им наговорила, но у них не возникло ни сомнения, ни подозрения. Может быть, что-нибудь о бегстве от бандитов. В любом случае она прошла на корабль. Пятеро погибли от ядовитого газа, остальные были застрелены. Мы узнали об этом, когда крейсер был найден совершенно безжизненным, дрейфуя в нескольких парсеках от своего курса. После захвата крейсера она перевела катер на дистанционное управление и стала выполнять с ним различные номера.

Пока мы за ним гонялись, она увела крейсер в хвост погони, а затем исчезла. Дальше ее след терялся, хотя ясно, что она должна была захватить еще один корабль. Что это был за корабль и где она его нашла, было совершенно неизвестно.

Вернувшись в штаб-квартиру Корпуса, я пытался все это объяснить всемогущему Инскину. Он же смотрел на меня холодными глазами и получалось так, словно я оправдываюсь.

— Я ведь привел вам линкор и Пепе, — говорил я. — Может быть,

после чистки его личность будет жить в мире с самим собой. Анжелина перехитрила меня и сбежала. Не углядел. Но она работает в сто раз лучше, чем эти болваны из Флота!

— Зачем столько эмоций? — сказал Инскин спокойно. — Никто не обвиняет вас в нарушении долга. Вы ведете себя так, как будто у вас нечистая совесть. Вы проделали хорошую работу. Прекрасную работу. Огромную работу... для первого задания...

— Вот вы опять, — взмолился я. — Тычите мне моей совестью. Лучше за ним присматривайте... — я указал на Пепе Перо, сидевшего вблизи нас в ресторане. Он медленно что-то жевал, бормоча под нос с бессмысленным выражением лица. Из его мозга была стерта старая и внедрена новая личность. Старым осталось только тело Пепе, которое любило Анжелину и украло линкор.

— Психологи работают над новой теорией тела-личности, — мягко сказал Инскин, — так почему бы не поддержать его здесь под наблюдением? Если в новой личности будут развиваться его криминальные наклонности, это позволит нам завербовать его в Корпус. Что ты о нем думаешь?

— Ничего, — ответил я. — После той резни, которую он устроил для своей подружки, можете делать из него хоть рубленый бифштекс. Но он напоминает мне, что она еще не поймана и находится на свободе. Гуляет и планирует новые преступления. Я хочу найти ее.

— Нет, — возразил Инскин. — Ты уже спрашивал меня, и я отказал. Этот вопрос сейчас не подлежит обсуждению.

— Но я могу...

— Что ты можешь? — он со злостью посмотрел на меня. — Все офицеры в Галактике имеют ее описание и занимаются ее поисками. Разве ты сейчас сможешь сделать больше, чем сделают они?

— Да, не смогу, — проворчал я. — Я отодвинул свою тарелку, встал и сказал как можно естественнее: — Я рассчитываю получить большой графин чего-нибудь подкрепляющего. Пойду к себе и залью горе.

— Будет тебе графин. И забудь Анжелину. Приходи ко мне в 9.00 утра. Более рассудительным.

— Рабовладелец, — пробубнил я, закрывая дверь и идя по коридору от резиденции Инскина. Отойдя так, чтобы меня не было видно, я повернул в сторону космопорта.

Итак, я уже начал пользоваться уроками Анжелины. Если у вас есть план — приводите его в действие немедленно. Не давайте ему залежаться, утратить новизну, позволить другим людям тоже думать о нем. Я сейчас восстал против одного из самых проницательных людей, и уже одна эта мысль доставляла мне удовольствие. Я нарушил приказ Инскина, уходя от него из Корпуса. Уходя не в прямом смысле, а только для того, чтобы окончить работу, которую для них начал. Только теперь, очевидно, все придется делать самому.

У меня в комнате лежали инструменты, приспособления и приличная пачка денег. Это здорово пригодилось бы мне теперь. Придется

обойтись без этого. К тому времени, когда Инский задумается, почему я вдруг согласился с ним, я хочу быть в космосе.

Механик с роботом-грузчиком готовили космолет на месте старта. Я стал рядом и официальным тоном спросил:

— Это мой корабль?

— Нет, сэр. Это для полного агента Нильсена. Да вот он и сам идет.

— Ну-ка, сбегай в центральный корпус и проверь управление оттуда.

— Новая работа, Джимми? — спросил Нильсен, подходя ко мне.

Я кивнул, наблюдая за ним.

— То ли новая, то ли старая. А как твой теннис? — я поднял ладонь, изображая ракетку.

— О, с каждым днем все лучше, — ответил он, поворачиваясь к своему кораблю.

— Я научу тебя новому удару, — сказал я, опуская ребро ладони ему на шею. Он беззвучно клюнул носом. Я подхватил его и аккуратно уложил за штабелем каких-то бочек, не забыв забрать из его ослабевших пальцев коробку с лентами курса.

Пока механик не успел вернуться, я заперся в корабле, вложил курсовую ленту в блок управления и дал запрос на взлет. Прошла целая вечность, пока, наконец, не зажегся зеленый огонек.

И вот я в полете. Как только пусковые ускорители прекратили разгон, я с отверткой в руке набросился на пульт управления. В нем обязательно должен быть дистанционный блок, поскольку все корабли Корпуса должны быть способны к управлению на расстоянии. Я открыл это во время одного из моих первых тренировочных полетов на одном из таких кораблей, ведь одним из моих положительных качеств всегда была любознательность. Я отсоединил входные и выходные клеммы и перешел в машинный зал.

Может быть, я был излишне подозрителен. Я имел слишком плохое мнение о человечестве. И об Инском, у которого на все была своя точка зрения. Люди более доверчивые, чем я, наверняка бы проигнорировали радиоуправляемый заряд самоликвидации, встроенный в двигатель. Его можно использовать для взрыва корабля в случае его захвата. Я не думал, что они используют это против меня, разве что в исключительном случае. Тем не менее я решил его обезвредить.

Заряд представлял собой блок из бурмедекса, встроенный в корпус двигателя. Крышка спала легко, и глазам предстала путаница проводов, ведущих к взрывателю с шестигранной головкой, ввинченному в толщу блока. Я обхватил его пальцами, сжал до потемнения в глазах и попытался повернуть. Последним усилием рвущейся плоти и вывихнутых суставов я сдвинул его, а затем и освободил. Он повис на своих проводах, словно нерв, вырванный из зуба.

И вдруг он взорвался с громким хлопком и облаком густого черного дыма.

С противоестественным спокойствием я смотрел сквозь это облако черного дыма на дырку в блоке. Корабль и его содержимое должны были превратиться в пыль.

— Инский, — сказал я, но в горле у меня пересохло, и голос

сорвался.— Инскин,— сказал я снова,— я получил от тебя весточку. Ты думал, что даешь мне отставку. Нет, это я сам выхожу из Специального Корпуса!

Глава 9

Я почувствовал облегчение. Снова я был один и отвечал только за себя. Корабль уже достаточно долго шел по курсовой ленте, выбранной наугад из кучи. Перехватить меня было практически невозможно, но я мог подготовить ленту для нового курса.

Курса куда? Я еще не знал. Нужно было подумать, хотя у меня не было сомнений, что я должен делать. Искать Анжелину! Сперва эта мысль казалась глупой: взять на себя работу Корпуса, который от меня отказался. Это была их работа. Но потом я понял, что не в Корпусе дело. Анжелина была для меня как призовая чемпионская медаль. Есть что-то в Скользком Джиме ди Гризе, чего вы не понимаете: название этому — обычное самолюбие.

Самолюбие — это единственная вещь, которая поддерживает в мужчине бодрость духа и настраивает его на работу. Отнимите это — и вы останетесь ни с чем. Я не знал толком, что я буду с ней делать, когда найду. Возможно, сдам в полицию, так как людей, ей подобных, позорящих мое бывшее ремесло, нужно изолировать от нас же самих. Но лучше делить рыбку, когда она уже будет поймана.

Необходим был план, и в первую очередь необходимо было подготовить все для его создания. Сперва мне показалось, что на корабле нет сигар, это был ужасный момент. Но потом сервировочный блок, поскрипев, выдал мне из какого-то дальнего и темного угла коробку. Сигары были, конечно, не блеск, но это лучше, чем ничего. А вот бренди у Нильсена всегда лучших сортов, тут у меня не было замечаний. Промочив горло и закулив, я велел своей черепушке заняться проектом.

Для начала мне нужно было поставить себя на место Анжелины во время ее бегства. Лучше всего, конечно, фактически оказаться там, но это было нереально. Уж один-то корабль Флота там наверняка дежурит. Однако, чтобы решать подобные проблемы, они построили компьютер, и я ввел в него координаты места, где это случилось. Мне не было нужды лазить по справочникам, эти цифры горели у меня в мозгу огненными письменами. У компьютера была огромная память и высокое быстродействие. Он блаженно хмыкнул, когда я запросил у него координаты всех звезд, близлежащих к месту происшествия. Через десять секунд он закончил просмотр всех своих каталогов и сообщил об окончании работы мелодичным звоном колокольчиков. Я взял список первой дюжины звезд и отметил, что расстояния до них очень велики.

Сейчас я должен думать так же, как и Анжелина. Я должен стать убийцей, за которым охотятся, которого травят и у которого за спиной двадцать свеженьких трупов. Во всех направлениях враги.

Она должна держать тот же список, выданный компьютером

похищенного крейсера. Теперь куда? Огромное напряжение. Скрыться куда-нибудь. Куда-нибудь прочь отсюда. Взгляд на список — и ответ кажется очевидным. Две ближайшие звезды расположены в одном и том же квадрате неба в пятнадцати градусах одна от другой, приблизительно на равном расстоянии от крейсера. Очень важным было то, что третья звезда находилась в другом секторе и вдвое дальше.

Итак, вперед к первым двум звездам. Это было решение, принятое в спешке, но вполне разумное. Вперед, к солнцам, мирам и трассам, где можно найти другие корабли. Крейсер должен быть брошен до появления какой-нибудь планеты, и чем скорее, тем лучше, так как любой корабль в Галактике может опознать его. Надо встретить другой корабль — корабль ИКС — захватить его, крейсер бросить и... что дальше?

Тут мои мозги забуксовали, и я должен был подкрепить их градусами и свежей сигарой. Сидя с полужакрытыми глазами, я постарался восстановить полет. Захвачен новый корабль, и надо лететь к планете. В космосе Анжелина находится в постоянной опасности, ей грозит изменение личности. Когда я нашел эти две звезды в планетарном каталоге, выбор был очевиден. Место имело варварское название Фрейбур.

Там было еще полдюжины планет вокруг двух солнц, но они отпадали сами собой. Либо слишком слабо заселены, так что каждый переселенец или незнакомец оказывался на виду, либо организованы так хорошо, что нельзя было долго оставаться незамеченным. У Фрейбура отсутствовали эти недостатки. Он состоял в Лиге меньше двухсот лет и пребывал в состоянии счастливого хаоса. Смесь старого и нового, доконтактной культуры и неоконтактной цивилизации. Прекрасное место для нее, чтобы затеряться, отсидеться и появиться вновь и новом обличье.

Придя к такому решению, я почувствовал двойное удовлетворение. Это было не просто мысленное упражнение на выживание, ведь я и сам находился сейчас в таком же положении, как и Анжелина, инцидент со взрывателем ясно показал, как Корпус относится к своим дезертирам. Фрейбур — место, которое и меня прекрасно скроет. Я счастливо вздохнул и расслабился.

Когда я пришел в себя, пора было выходить из подпространства и прокладывать новый курс. Однако была еще вещь, которой нужно было заняться в первую очередь. Много небольших фактов я узнал, еще будучи в Корпусе. Один из них, обычно представляющий интерес только при изучении техники космопереходов, состоял в необычном распространении излучения в подпространстве. Особенно радиоволн. Если вы вели передачу на одной частоте, то получали мощные ответные сигналы на всех частотах, как будто радиоволны сжимались и возвращались обратно.

Обычно не представляющий интереса, этот экзотический эффект позволяет вести наблюдение за вашим кораблем. Я решил, что для Специального Корпуса вести наблюдение за своим кораблем является

вполне разумной предосторожностью. Поэтому тщательно спрятанный узкополосной передатчик будет являться для них постоянным маяком.

Его-то я и должен был найти до того, как появиться вблизи какой-нибудь планеты.

Из внутреннего динамика иногда слышались шум и рев, и я проклинал разработчика передатчика и усилителя, но прежде чем искать передатчик, я должен был убедиться, что он вообще есть и имеет достаточно мощный сигнал для больших расстояний. Несколько экспериментов с экранами показали, что мистический сигнал не более, чем излучение самого корабля. После экранирования эфир затих. Я с облегчением вздохнул и вышел из суперперехода.

Путешествие подходило к концу. Я перерыл все корабельное имущество и подобрал кое-что для дальнейшего использования. Тщательно подобрал разнообразные баги. А восстанавливать внешность Скользкого Джима доставило мне большое удовольствие. Расширители в ноздри, подушечки под щеки, краситель на голову — и старая боевая лошадь снова готова к работе.

Я посмотрел в зеркало... выругался... и начал убирать всю эту маскировку столь же тщательно, как ее и накладывал. Ведь было же для меня всегда законом не расслабляться во время работы! Шаблонное поведение всегда ведет к неприятностям! Инскин прекрасно знал мою старую внешность, и наверняка оба моих описания разосланы повсюду.

Теперь я уже более тщательно наложил грим и создал нечто совсем иное. Создал очень просто — за счет изменения в лице и волосах. Более сложная работа потребовала бы в дальнейшем больше времени для поддержания в аккуратном состоянии внешности, а Фрейбур был большим вопросительным знаком, и я не хотел там думать о чем-нибудь, подобном этому. Я хотел спокойно ходить, все обыскать и определить, нет ли тут следов Анжелины.

Оставалось еще два дня корабельного времени, и я потратил их на приготовление различного рода приспособлений, которые могут мне пригодиться: минигранат, потайных пистолетов. Как только раздался сигнал об окончании рейса, я собрал весь остальной хлам и уничтожил его.

Единственным городом с приличным космопортом на Фрейбуре был Фрейбурбад, расположенный на берегу огромного озера, крупного водоема с чистой водой. Глядя, как солнечные блики бегают по его поверхности, я почувствовал внезапное желание искупаться. Этот позыв, по-видимому, был вызван желанием спрятать корабль. Спрятать на дне в глубокой части озера, где он всегда будет под рукой, если понадобится.

Чтобы не попасть на радар, я снижался за зубчатой горной грядой. Проходя в темноте над озером, я обнаружил навигационный радар космопорта, но мой корабль был слишком далеко от берега. Штормовая погода сокращала видимость и уменьшила мое желание искупаться. Ближе к берегу я обнаружил глубоко под водой канал и снизился над ним, собрав все необходимое в сумку. Глупо, конечно, так нагру-

жаться, но у меня рука не поднималась оставить все эти прекрасные приборчики из Корпуса на дне.

Погрузив все в водонепроницаемый пакет, я натянул скафандр и перешел в шлюзовую камеру. Дождь и темнота обрушились на меня, когда я поплыл в сторону невидимого берега. Я скорее представил, чем услышал, бульканье позади меня, когда корабль аккуратно пошел на дно.

Плывать в скафандре так же неудобно, как заниматься любовью в космосе, в невесомости. Я добрался до берега в состоянии, близком к изнеможению. Выбравшись из скафандра, я с большим удовольствием наблюдал, как он превращается в шлак в жаре трех термитных шашек. С еще большим удовольствием я отправил этот шлак в озеро пинком ноги. Непрерывно льющийся дождь смыл все следы костра. По-видимому, в такой дождь даже свет от термита невозможно было различить на расстоянии. Забравшись под водонепроницаемую пленку, мокрый и жалкий, я ждал рассвета.

Ночью я иногда просыпался без видимой причины, но окончательно очнулся, когда уже было светло. Было как-то не по себе, и когда я услышал голос, то понял, что будило меня всю ночь.

— Идете в Фрейбурбад? Конечно, куда же еще можно идти. Я тоже туда собираюсь. Залезайте в лодку. Старая лодка, но хорошая. Прогуляемся...

Голос бубнил и бубнил, но я его не слушал. Я проклинал себя, что неожиданно-негаданно попался на глаза этому парню с «долгоиграющим голосом». Он плыл рядом с берегом в маленькой лодочке: она низко сидела в воде, нагруженная тюками и узлами, и над всем этим торчала голова. Пока его челюсти продолжали двигаться, я имел возможность внимательно рассмотреть его.

У него была длинная всклокоченная борода, торчащая во все стороны, и маленькие темные глазки, спрятанные под невероятно задрипанной шляпой, каких я никогда еще не видел. Мой первоначальный испуг почти прошел. Если этот чудак не сыщик, то случайная встреча может иметь для меня большое значение и оказаться кстати.

Когда этот дикарь остановился, чтобы сделать вдох, я решил принять его приглашение, и, схватившись за планшир лодки, подтянул ее ближе. Закинув на плечо сумку и держа руку в кармане на пистолете, я перепрыгнул внутрь. Для осторожности, как оказалось, не было никаких причин.

Зуг, как его звали, что мне удалось с трудом выяснить в процессе его бесконечного монолога, вывернул за борт мотор, прикрепленный к корме, и включил его. Это был атомный тепловой преобразователь, простой и эффективный. У него не было трущихся частей, он просто засасывал воду из озера, доводил до кипения и выбрасывал под давлением пара уже через другое отверстие. Во время движения практически не было никакого шума, лодка скользила как по волшебству.

В отношении Зуга все оказалось нормальным, и хотя я еще не на все сто процентов избавился от подозрения и продолжал держать руку на

пистолете, встреча с ним, по-видимому, была большой удачей. Я начал понимать, откуда берется этот неудержимый поток слов. Он был охотником, везущим меха в магазин после многих месяцев одиночества и молчания. Вид человеческого лица и вызвал это словоизвержение, которое я и не пытался остановить, так как он фактически отвечал на многие мои незадаанные вопросы.

Много забот вызвала у меня одежда. В конце концов я решил остаться в дорожном костюме, выдержанном в нейтральных тонах. Вы видели такие, распространенные с небольшими вариациями на всех планетах Галактики, поэтому Зуг не обратил на него особого внимания. В жизни он, видимо, не был болтуном, но вот любителем одеться был точно. Его куртка была сделана скорее всего из местных шкур. Она была пурпурно-черной и очень красивой, несмотря на грязь и мусор, прилипшие к ней. Штаны были сделаны из сукна машинной выработки, а ботинки, как и мои, из «вечного» пластика.

Техника у Зуга была подтверждением впечатления, произведенного одеждой. Смесь старого и нового. Для мира, подобного Фрейбуру, недавно вошедшему в Лигу, трудно ожидать чего-то иного. Электрическое ружье, прислоненное к связке стальных стрел для арбалета, создавало типичную картину. Несомненно, он в равной степени пользовался и тем и другим. Я уселся на мягкие тюки и стал наслаждаться путешествием и разгорающейся зарей, поливаемый непрерывным водопадом слов.

Мы добрались до Фрейбурбада к полудню. Зуг практически не тягивал меня в разговор, он предпочитал говорить сам, поэтому несколько моих неопределенных высказываний вполне его удовлетворили.

С большим удовольствием он угостился концентратами из моего пакета и в ответ протянул фляжку с какой-то жидкостью, изготовленной в его горном жилище. Ее вкус был непередаваемо ужасен, во рту осталось ощущение стальной стружки, смоченной в серной кислоте. Однако после нескольких глотков все встало на свое место, и мы веселенькие подплыли к пахнущему рыбой доку в пригороде. Причаливая, мы чуть не утопили большую лодку, что показалось нам ужасно забавным — это дает вам представление о нашем состоянии. Я пошел в город и отсиделся в парке, пока мои мозги не очистились.

Старое и новое стояло здесь рядом, здания из пластика соседствовали с кирпичными и оштукатуренными. Сталь, стекло, дерево, камень смешались нераздельно. Так же и люди, одетые в странную смесь типов и стилей. Я больше интересовался ими, чем они мной, и какой-то робот обратил на меня внимание. Он махал передо мной напечатанными заголовками и выкрикивал в ухо названия до тех пор, пока я не внял ему и не взял газету, чтобы от него отвязаться.

Валюта Лиги имела здесь хождение наравне с местными деньгами, и робот не выразил протеста, когда я опустил монету в его грудную щель. Он дал мне сдачу в фрейбурских гильденах, несомненно по разорительному курсу.

Все новости были совершенно тривиальными, а вот объявления и реклама заинтересовали меня. Я просмотрел список больших отелей, сравнив их комфортабельность и стоимость.

Это заставило меня буквально ужаснуться. Как быстро мы теряем старые привычки. Всего месяц честной жизни, и я уже рассуждаю как порядочный человек.

— Ты преступник! — процедил я сквозь зубы и плюнул на надпись «НЕ ПЛЕВАТЬ». — Ты презираешь закон и прекрасно обходишься без него. Ты есть закон в себе и самый честный человек в Галактике! Ты не нарушаешь никаких правил до тех пор, пока они тебя не касаются и нарушаешь каждый раз, когда видишь в этом нужду.

Все это была правда, и я презирал себя за то, что так быстро все это забыл. Этот маленький период честности в Корпусе подействовал на меня как зараза, разрушал все мои наилучшие антисоциальные тенденции.

— Думай, как украсть! — крикнул я так громко, что испугал девушку, прогуливающуюся по дорожке. Догадавшись, что она услышала меня, я бросил на нее такой злобный взгляд, что она сочла за лучшее спрятаться. Я тоже поднялся и направился в противоположном направлении, высматривая возможность что-нибудь совершить. Я решил восстановить свой прежний образ жизни до того, как займусь поисками Анжелины.

Возможность легко представилась, через десять минут план был готов. Все необходимое оборудование было у меня с собой. То, что могло мне понадобиться для работы, я переложил в карманы и набедренный пояс, а сумку сдал в камеру хранения.

Все в Главном Банке Фрейбура располагало к грабежу. Три выхода, четыре охранника, толпа народу. Четыре живых охранника! Ни один банк не станет платить им зарплату, если у него есть электронная защита. Я чуть не пел от радости, стоя в очереди к одному из живых клерков. Полностью автоматизированные банки грабить нетрудно, но для этого требуется специальная техника. Вот такая смесь людей и машин была лучше всего.

— Разменяйте десятизвездную Лигу на гильдены, — сказал я, положив блестящую монету на стойку перед клерком.

— Да, сэр, — сказал клерк, мельком взглянув на монету и отправляя ее в счетную машину рядом с ним. Его пальцы уже отсчитывали для меня соответствующее количество гильденов, еще до того, как появились цифры обменного курса. Делалось это механически. Мои деньги брякнулись в чашку передо мной, и я стал медленно считать их, в действительности мои мысли были направлены на монетку, которая крутилась и вертелась в машинных внутренностях. Когда я стал уверен, что она закончила свое путешествие и приземлилась в подвале, я нажал кнопку на своем передатчике, расположенном на поясе.

Для этого нельзя подобрать другого слова, кроме как «прекрасно». Подобные вещи, оставаясь в памяти, вызывают самые прекрасные воспоминания даже через годы после того, как они произошли. Потребовались долгие часы, чтобы создать эту монету, но их было не

жаль. Я распилил ее пополам, вычистил изнутри, встроил туда радиоприемник, запал и заряд и залил свинцом до первоначального веса.

А сейчас она взорвалась! Глухой удар в недрах банка сопровождался треском и громом. Задняя стенка, поддерживающая свод, треснула и извергла из себя поток денег и дыма. А последний вдох умирающей счетной машины принес неожиданный сюрприз. Денежные аппараты у кассиров пробудились к бурной деятельности. Поток больших и малых монет обрушился на обалдевших посетителей, которые, однако, быстро оправились от удивления и начали набивать карманы. Но время их радости было коротко. Тот же самый радиосигнал взорвал дымовые и газовые бомбы, которые я предусмотрительно разложил во все корзины для бумаг. Возбужденная публика не заметила, как я бросил еще несколько бомб к кассирам. Этот газ — эффективная смесь по моему рецепту рвотных и слезоточивых компонентов. Его действие было мгновенным и мощным (в банке, конечно, не было детей, я не мог стать столь жестоким к юным созданиям, не умеющим себя защитить). Через несколько секунд клиенты и служащие стали терять способность видеть, на меня никто не обращал внимания.

Когда газ подобрался ко мне, я нагнулся и надел защитные очки, а распрямившись, увидел, что являюсь единственным человеком в банке, способным что-то разглядеть. Дышал я, конечно, через предусмотрительно вставленные носовые фильтры, так что мог наслаждаться спокойным продолжением пищеварения. Мой кассир исчез из виду, и я совершил изящный нырок на животе через окошко в стойке.

Теперь надо было выбирать и собирать. Деньги были разбросаны повсюду. Я игнорировал всяческую мелочь и отыскал место, где извергался золотой дождь, можно сказать — водопад. Через две минуты я наполнил взятую с собой сумку и был готов удалиться. Дым вблизи дверей стал таять, но несколько гранат вернули все на место.

Все шло как задумано, кроме одного осла из охраны, ужасно наедливого. Ему показалось, что что-то неладно, и он стал палить направо и налево. Еще хорошо, что никого не убил. Я отнял у него пистолет и трахнул его им по голове.

Дым вблизи дверей стал очень плотным, это не позволяло увидеть с улицы, что же происходит внутри банка. Они, конечно, знали — происходит что-то плохое: двое полицейских, выхватив пистолеты, кинулись внутрь... но тут же стали такими же беспомощными, как и остальные. Я организовал помощь пострадавшим и начал легонько подталкивать и подпихивать их к дверям. Когда образовалась достаточная группа, я собрал их, и мы все вместе выползли на улицу. Очки я сунул в карман, а глаза закрыл, пропустив лишь чуть газа. Какие-то вежливые люди помогли мне, я поблагодарил их и, смахнув рукой слезы, побрел своей дорогой.

Вот как все это легко. Легко, если план заранее продуман, и ты не рискуешь по-пустому. Мой дух был бодр, а кровь весело бе-

жала в жилах. Жизнь снова стала прекрасной и интересной. Теперь будет несложно найти следы Анжелины. Теперь нет ничего такого, чего бы я не смог сделать.

Я находился на гребне эмоциональной волны. Сняв комнату в отеле для космонавтов вблизи порта, я привел себя в порядок и отправился исследовать прелести жизни.

В округе было много «веселых» заведений, и я решил по ним прогуляться. Перекусив в одном из них, я в каждом последующем пропускал по рюмочке. Если Анжелина на Фрейбуре, то она скорее всего посетит эти места. Тут должен быть ее след, я чувствовал это всеми фибрами, как один преступник чувствует другого.

— Не пригласит ли кто девушку выпить? — услышал я равнодушный голос проститутки и без всякого интереса повернул голову. Девушки, бледные создания ночи, уже вышли на свой вечерний промысел. Я получил уже достаточно предложений — мой внешний вид делал меня похожим на космонавта на отдыхе, а это всегда прекрасный источник дохода для этих курочек.

Эта выглядела получше предыдущих, по крайней мере была лучше сложена. Я с интересом, потом с восхищением стал наблюдать за ней. Ее юбка в обтяжку была короткой, с высокими разрезами по бокам. Высокие каблуки создавали при ходьбе вращательное движение бедрами, это создавало потрясающий эффект. Она достигла бара и повернулась, отдавая себя на всеобщее обозрение. Ее кофточка была сделана из узких мерцающих полосок, скрепленных только сверху и снизу. Во время ходьбы полоски расходились, обнажая кожу, гладкую и загорелую. Грубая животная страсть охватила меня.

Мои глаза в конце концов достигли ее лица — длинное путешествие, если учесть, что начал я с колен — они были очень привлекательны. Что-то знакомое...

И в этот момент мое сердце ушло в желудок, и я вцепился в свое кресло. Это казалось невероятным, но это было так.

Она была АНЖЕЛИНОЙ.

Глава 10

Ее волосы были обесцвечены, были и другие простые и очевидные изменения. В целом внешность стала такой, что ее невозможно стало опознать по фотографии или описанию.

За исключением меня, конечно. Я видел ее в похищенном линкоре и разговаривал с ней. Отлично, я узнал ее, а она понятия не имеет, кто я такой. Она видела меня только мельком в скафандре, с поднятым светофильтром.

Это была вершина счастливого дня моей жизни. Все вокруг казалось чудесным и прекрасным. Необходимо все-таки отдать ей должное, маскировалась она прекрасно. Я сам никогда не предполагал увидеть ее здесь в таком качестве, а ведь я старался предусмотреть все возможности. У нее была с собой приличная сумма украденных денег,

поэтому я не мог представить ее себе в образе нищего бродяги. Нет, девушка в порядке, надо отдать ей должное. Играет свою роль абсолютно натурально. Не будь у нее патологической склонности к убийствам — какую бы команду мы с ней составили!

И тут мое сердце второй раз за вечер дало сбой. Эмоции эмоциями, но в конце следа ясно обозначается смерть. Она принесла несчастье всем, с кем была рядом. В этой хоршенькой головке высокоинтеллектуальные, но странно извращенные мозги. Мне бы лучше думать не о ее фигуре, а о трупах, которыми она усеяла свой путь. Есть только один выход — увести ее отсюда и передать Корпусу. Я даже не рассматривал вопрос моих взаимоотношений с Корпусом. Одно другого не касалось. Сейчас все нужно было делать быстро и чисто.

Я подошел к бару и заказал два двойных местной серной кислоты. Понизил голос, изменил акцент и манеру речи. Анжелина достаточно долго слышала меня и легко могла опознать по голосу — единственная вещь, о которой я волновался.

— Выпьем, куколка,— сказал я, поднимая стакан и подавая ей другой.— А потом пойдем к тебе в комнату. У тебя есть комната?

— Комната найдется, если у тебя имеется десятка по курсу Лиги.

— Конечно,— сказал я, изображая улыбку.— Неужели по мне не видно?

— Я не из тех, кому платят после того-как,— сказала она с прекрасно разыгранным равнодушием.— Сперва плати, потом пойдем.

Я шлепнул о стойку монетой, она подбросила ее в воздух, поймала, взвесила на руке, надкусила и сунула куда-то за пояс. Я смотрел на нее с откровенным изумлением, меня поразила та натуральность манер, с которой она играла свою роль. И только когда она повернулась, чтобы уходить, я вспомнил, что нахожусь здесь не ради наслаждения, а чтобы выполнить суровый долг. Все колебания тотчас же исчезли, когда я вспомнил трупы, плавающие в глубинах космоса. Опустошив свой стакан, я последовал за ее вихляющими бедрами из бара в какую-то отвратительную улочку.

Темнота грязных узких переулков обострила мои рефлексы, Анжелина играла свою роль хорошо, но я сомневался, что она делит постель со всеми космонавтами, попадающими в этот порт. Скорее всего у нее есть сообщник, который спрятался где-то тут с тяжелой дубиной в руках. Или я чересчур подозрителен? Я постоянно держал руку в кармане на пистолете, но воспользоваться им не пришлось...

Мы пересекли еще одну улицу и нырнули в длинный коридор. Она шла впереди молча. Мы никого не встретили, и никто не заметил нас. Когда она открыла комнату, я немного успокоился. Она была настолько маленькой, что в ней негде было спрятаться сообщнику. Анжелина направилась прямо к постели, а я решил проверить, заперта ли дверь. Дверь была заперта.

Когда я повернулся, на меня был направлен пистолет 0.75 калибра, такой огромный, что она держала его обоими руками.

— Это что же, грабеж? — возмутился я, понимая, что в своих

действиях прозевал что-то очень важное. Моя рука все еще сжимала в кармане пистолет, но вытащить его не было никакой возможности, это было равносильно самоубийству.

— Я пристрелю вас даже не зная имени,— ласково сказала она и улыбнулась, обнажив ряд великолепных белых зубов.— Вы тот, кто сорвал мою операцию с линкором.

Ее улыбка становилась все шире, но пока она не стреляла. Она наслаждалась неуправляемыми эмоциями, отражающимися на моем лице. Ловец попал в ловушку, его привели именно туда, куда хотели, и ничего поделать больше нельзя.

Увидев, что я все осознал, Анжелина громко рассмеялась, чисто и ясно, как серебряный колокольчик, одновременно усиливая давление на курок. Она была настоящая артистка. Точно когда мое отчаяние достигло максимума, а безнадежность положения стала очевидной, спусковой крючок был нажат.

И не один раз, а снова и снова.

Четыре разрывающих плоть пули прямо в сердце и последний выстрел прямо между глаз.

Глава 11

Это был еще не возврат сознания, а выплывание из красной мглы. Организм отчаянно боролся с болью. Было ужасно, что глаза мои закрыты и открыть их невероятно трудно. В конце коцов из красной тьмы появилось лицо в виде пятна.

— Что произошло? — спросило пятно.

— Я собирался узнать об этом у вас...— сказал я и замолчал, поражаясь, как слаб и безжизненен мой голос. Что-то влажное коснулось моих губ, это была салфетка, вся в красных пятнах.

Когда зрение вернулось ко мне, пятно превратилось в молодого человека в белом. Доктор, наверное, и мы, должно быть, в больнице.

— Кто стрелял в вас? — спросил доктор.— Кто-то сообщил о выстрелах, и скажите спасибо, что мы приехали как раз вовремя. Вы потеряли много крови, переливание уже сделано, и, кроме того, имеются множественные повреждения локтевой и лучевой кости от пули, которая дальше задела правый висок и, возможно, повредила череп. Вероятно, задеты ребра и есть подозрения на внутреннее кровоизлияние. Кто-то сильно ненавидит вас! И кто же?

Кто? Конечно, моя дорогая Анжелина. Искусительница, соблазнительница, убийца пыталась расправиться со мной. Я все вспомнил, широкий ствол пистолета с черной дыркой, в которой, кажется, может уместиться целый звездолет. Сверкающее пламя, пули, ударяющие в меня, и страдания, когда мой дорогой, гарантированный пуленепробиваемый жилет принял на себя мощь выстрелов. У меня возникла надежда, что она этим удовлетворится, но нет, ствол поднялся к моему лицу.

Я вспомнил последний свой жест, когда закрыл руками лицо и качнулся в сторону, в отчаянной попытке спастись.

Это чудо, что попытка удалась. Пуля, по-видимому, срикошетила от кости руки и только задела череп, вместо того, чтобы пройти через него. Тем не менее было много крови и неподвижное тело на полу, что и ввело Анжелину в заблуждение. Шум от выстрелов в этой маленькой комнате, мой наглядный труп и кровь что-то сдвинули в ее женской натуре, по крайней мере чуть-чуть. Она быстро ушла из комнаты до того, как пришли. Если бы она задержалась хоть на секунду, чтобы убедиться...

— Ложитесь,— сказал доктор.— Если вы не будете лежать, я сделаю вам укол, который отключит вас на неделю.

Только когда он произнес это, я заметил, что сижу и хихикаю, как сумасшедший. Во время движения мою грудь пронизывала боль, и я дал себя уложить.

Теперь мой мозг начала занимать мысль о том, как выбраться отсюда. Игнорируя боль, я осмотрел приемную, думая, как извлечь выгоду из того, что судьба подарила мне жизнь в то время, как Анжелина думает, что я мертв.

В приемном покое мне мало чем удалось пожить, я стащил только ручку да официальные формы с полки у меня над головой. Моя правая рука работала неплохо, хотя меня и пронизывала боль при каждом движении. Робот подвел каталку под мои носилки и повез в палату. Когда мы выезжали, доктор просунул какие-то бумаги в держатель у меня над головой и приветливо кивнул. Я одарил его отменной улыбкой и продолжал движение.

Как только он скрылся из виду, я выхватил бумаги и просмотрел их. Здесь был мой шанс, если я успею им быстро воспользоваться. Это было заключение в четырех экземплярах. Пока эти формы не попадут в машину, меня не существует, я в статистическом забвении, из которого должен выбраться в палате. Мертворожденный — вот мое спасение. Я скинул подушку, и робот остановился. Он не обратил внимание на то, что я пишу, и останавливался еще два раза, подбирая подушку и давая этим мне время закончить фальшивку.

Этот доктор Мквбклз — именно это можно было прочесть в его подписи — оставил много места между подписью и последней строкой заключения. Я подписал его, стараясь максимально подражать его почерку.

МНОЖЕСТВЕННЫЕ ВНУТРЕННИЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ, ШОК... написал я, **УМЕР В ПУТИ.** Это звучало достаточно официально. Я быстро добавил — **ВСЕ ПОПЫТКИ РЕАНИМАЦИИ НЕ ДАЛИ РЕЗУЛЬТАТОВ.** На момент я усомнился в правописании последнего слова, но поскольку в слове «множественные» доктор Мквбклз пишет одно «н», еще одна ошибка ничего не меняет. Последняя фраза позволяла надеяться на то, что меня не будут колоть и оживлять электрическим током, ведь я труп. Перед тем, как выехать из коридора, я положил на место формы, лег и притворился мертвым.

— Тут Д. О. А., Свенд,— сказал кто-то, забирая бумаги над моей головой. Я услышал, как робот укатил прочь, равнодушный к тому, что пишущий и роняющий на пол подушку пациент внезапно умер. Это

отсутствие любопытства всегда мне нравилось в роботах. Я мысленно представил себе смерть в надежде, что соответствующее выражение отразится на моем лице. Кто-то дернул меня за ногу, стягивая ботинок и носок. Рука захватила ступню.

— Какая трагедия, — сказал приятный голос, — может, положим на стол и попробуем реанимировать, он еще совсем теплый?

— Не-а, — сказали из соседней комнаты. — Они уже пытались в приемном покое. Положи его в бокс.

Ужасная боль пронзила мою ногу, и я чуть не закричал. Только огромным волевым усилием я заставил себя лежать спокойно, в то время, как этот болван затягивал проволоку вокруг моего большого пальца. На проволоке висела табличка, и я от всей души пожелал, чтобы эта табличка висела на его ухе, стянутом той же проволокой. Боль из пальца передалась вверх, стали ныть грудь, голова и рука, и мне стоило больших усилий оставаться похожим на труп.

Где-то позади меня открылась тяжелая дверь, и волна холодного воздуха коснулась моей кожи. Я позволил себе быстрый взгляд из-под век. Если трупы в этой конторе устанавливают в индивидуальные холодильники, я был готов внезапно возродиться к жизни. А то ведь я не мечтал о большем счастье, чем умереть в холодильной камере за закрытой дверью. Но Леди Удача была все еще со мной, мой мучитель перетащил меня вместе с носилками в большую комнату. Там, на стеллажах, расположенных по стенам, уже лежали усопшие.

Без излишней почтительности меня кинули на заиндевевшие доски. Шаги удалились, дверь тяжело стукнула, свет погас.

Мое отчаяние трудно передать. Прошел только один день, а я уже весь в синяках, контужен и покалечен. Пребывание сверх того в одиночестве в холодильной камере действовало на меня чрезвычайно угнетающе. Несмотря на боль в груди и эту идиотскую табличку на пальце, я слез со стеллажа и отправился искать дверь. Меня бросало то в жар, то в холод, пока я наконец не наткнулся на стену. Нащупав выключатель, я включил свет, и в тот же миг мое настроение резко улучшилось.

Дверь была лучше не придумаешь — без окошка и с ручкой изнутри. У нее был даже внутренний засов, но невозможно было представить, кто им мог пользоваться. Я занялся исследованием помещения. В первую очередь я раскрутил проволоку и растер палец, возвращая его к жизни. На желтой табличке стояли буквы Д. О. А. и от руки написанный номер, такой же, как и на форме, которую я подделал. Тут была возможность!.. Я снял такую же табличку с наиболее изуродованного трупа и заменил ее своей. Для смеха я заменил таблички и у всех остальных. Они висели у всех на левой ноге, и я громко прокинул эту педантичность. Моя нога замерзла, и мне пришлось снять правый ботинок с трупа с самыми большими ногами. Поскольку костюм и пуленепробиваемый жилет тоже были испорчены, пришлось позаимствовать теплую рубашку у одного из моих молчаливых друзей.

Не подумайте, что все было просто, меня буквально шатало от слабости. Закончив, я включил свет и открыл дверь из холодильника. На

меня пахнуло как из доменной печи. Тут не было видно ни души, я прикрыл дверь в склеп и стал искать другую ближайшую комнату. Это была кладовая, в которой единственной полезной для меня вещью был стул. Я сел, отдышался и снова огляделся. Дверь рядом была закрыта, а следующая открыта в темную комнату, где кто-то храпел. Как раз то, что нужно.

Кто бы ни был этот человек, но поспать он любил. Я обошел комнату и собрал всю одежду, которую нашел. Он не проснулся, и это очень хорошо для него, ведь у меня была черепная травма. Как только текущие дела закончились, вернулась боль. Натянув шапку, найденную там же, я открыл дверь на черный ход. Никто не обратил на меня внимания, и я отправился пешком по поливаемым дождем улицам Фрейбурга.

Глава 12

Эта ночь и еще несколько дней не сохранились в моей памяти по вполне понятным причинам. Вернуться обратно в мою комнату было рискованно, но риск был оправдан. Почти наверняка Анжелина не знала о ее существовании, а если она и нашла ее, то это не имело значения. Я мертв и больше ее не интересую. Мое предположение оправдалось, после возвращения меня никто не беспокоил. Я велел принести мне пищу и пару бутылок вина, чтобы создалось впечатление длительного одинокого запоя. Тело постепенно восстанавливало свои функции, я поддерживал его антибиотиками и болеутоляющим.

Наконец я почувствовал себя человеком, хотя и слабым. Рука приобрела чувствительность, черные и синие пятна на груди начали светлеть, а головная боль почти прошла. Пора было подумать о будущем. Я пригубил немного из бутылки и позвонил вниз, чтобы прислали газеты за последние три дня. Пневмотруба засопела, чихнула и извергла их на стол. Внимательно просматривая их, я понял, что разработанный мной план будет значительно лучше, чем я ожидал.

На следующий день после моего убийства все газеты поместили сообщения, почерпнутые из больничных листов ленивыми обозревателями, кто не удосужился хотя бы мельком взглянуть на трупы. И это все. И ничего о Большом Больничном Скандале с Переменной Трупов или об Иске По Поводу Того Что в Гробу Не Дядя Фрим. Если мои шуточки в этом мясном холодильнике не опубликованы, значит, они стали больничным секретом, о котором будут говорить наедине.

Анжелина, мой снайпер-возлюбленная, должна теперь думать обо мне, как о мертвеце, жертве ее несущего смерть спускового крючка и пальчика, нажавшего на этот крючок. Ничего не может быть лучше. Через некоторое время я снова сяду ей на хвост, но работать станет проще, ведь она уверена, что я превратился в местном крематории в сизый дымок. Вот теперь самое время составить план, и план

правильный. Нет больше вопроса, кто за кем охотится. Арестовать Анжелину доставит мне не меньшее удовольствие, чем ей, когда она стреляла в меня.

Я должен был признать, что она все время обходила меня. Она увела линкор у меня из-под носа, а затем улизнула у меня из-под пистолета. И совершенно изумительным было то, что она устроила мне ловушку, когда я думал, что охочусь за ней. Вся моя наивность стала мне ясна до боли. Задумав исчезновение из линкора, она вовсе не была в истерике, она просто разыгрывала эту роль. Она изучала меня, каждый доступный обозрению участок моего тела и лица, каждую интонацию моего голоса. В ее памяти четко отпечатался мой образ и, удирая, она постоянно просматривала варианты моих действий. В последней точке своего полета она остановилась и стала ждать, зная, что я приду и что она будет готова ко встрече со мной. Это была история. Теперь мое время сдавать карты.

Я обдумал и взвесил множество вариантов и планов. В первую очередь, как предпринимать что-то еще, мне необходимо пройти полную физическую реконструкцию. Это необходимо, если я хочу поймать Анжелину. Это также потребуется, если я хочу избежать длинных рук Корпуса. Во время учебы я об этом не задумывался, но был абсолютно уверен, что покинуть Специальный Корпус можно только ногами вперед. Хотя физически я был еще слаб, черепушка работала у меня по-старому. Мне не хватало фактов, и я сделал небольшое пожертвование в местную библиотеку в форме вступительного взноса. Там были фотокопии местных газет за многие годы. Я познакомился с ядовито-желтым журналом, любовно названный «СВЕЖИЕ НОВОСТИ!!». «Свежие новости!!» был популярным журналом, его словарь составлял примерно двести слов, он с чувством смаковал жестокость в ее многочисленных проявлениях. Большинство страниц было посвящено трагедиям с вертолетами, с цветными фотографиями, конечно. Но часто там описывались и случаи хулиганства, жестоких драк и тому подобного, что твердая рука галактической цивилизации не успела еще полностью задушить на Фрейбуре. Среди этого нагромождения кое-где упоминалось и о «темных» преступлениях, которые я искал.

Человечество всегда было капризно в своем законодательстве, открывая такие увлекательные термины, как «непредумышленное убийство», «убийство при смягчающих вину обстоятельствах» и т. д. Как будто мертвый совсем и не мертвый. Хотя мода как на преступления, так и на приговоры меняется, есть такие, которые всегда вызывают сильное отвращение. Это врачебные преступления. Я слышал, некоторые дикие племена убивают знахаря, если его пациент умрет — порядок не без достоинств. Эта целеустремленная ненависть к мяснику-шарлатану понятна. Будучи больным, мы полностью вверяем себя в руки доктора. Мы даем совсем незнакомому человеку забавляться с самым для нас дорогим. Если это доверие подрывается, возникает естественное возмущение среди свидетелей или оставшихся в живых пациентов.

Горожанин Вульф Сифтерниц именовался полностью как Высокоуважаемый Доктор Сифтерниц. «Свежие новости!» с многочисленными подробностями излагали, как он совмещал жизнь Хирурга и Плейбоя до тех пор, пока нож в его трясущихся руках не отрезал то вместо этого и жизнь известного политического деятеля не укоротилась на несколько могущих принести большую пользу лет. Мы должны поверить Вульфу, что он приступил к работе трезвым, так что фатальная судорога его пальцев была вызвана белой горячкой, а не нетрезвостью. Его лицензия была аннулирована, а сбережения, видимо, иссякли, так как потом были сообщения о его еще более неблагоприятных поступках. Жизнь сурово потрепала Вульфа, он был именно тем человеком, который мне нужен. Я хотел купить его профессиональное мастерство.

Для человека моих способностей отыскать и выследить полулегального незнакомца в иностранном городе на далекой планете не представляло проблемы. Это дело техники, а с техникой у меня все в порядке. Когда я стучал в грязную деревянную дверь дома в откровенно не лучшей части города, я был готов сделать свой первый шаг в моем новом плане.

— У меня к вам дело, Вульф,— сказал я мутноглазому субъекту, открывшему мне дверь.

— Убирайтесь к черту,— сказал он, пытаясь закрыть ее перед моим носом. Предусмотрительно выставленный носок ботинка не позволил ему сделать этого.

— Я не занимаюсь медициной,— сказал он, глядя на мою забинтованную руку.— Не хочу связываться с полицией, так что убирайтесь к черту.

— Да что вы бубните одно и то же! — сказал я ему.— Я здесь, чтобы предложить совершенно законную сделку с соответствующей денежной оплатой.— Я проигнорировал его протесты и заглянул в комнату.— Согласно абсолютно достоверной информации вы живете здесь в незарегистрированной связи с девушкой по имени Зина. То, что я хочу сказать, не для ее прелестных ушек. Где она?

— Нету! — гаркнул он.— И вы тоже убирайтесь! — Он схватил за горлышко большую бутылку и угрожающе поднял ее.

— Что вы скажете на это? — спросил я, бросая на стол толстую пачку новеньких кредиток.— И это... и это... — я добавил еще две пачки. Бутылка выскользнула из его ослабевших пальцев и упала на пол, глаза вытаращились, казалось, что они сейчас вылезут из орбит. Чтобы окончательно сразить его, я добавил еще одну пачку.

Долго убеждать его не пришлось, осталось только согласовать детали. Деньги подействовали на него успокаивающе, он не дрожал и не трясся, а рассуждал вполне здраво.

— Осталась одна проблема,— сказал я в заключение.— Собираетесь ли вы рассказать об этом милой Зине?

— Вы что, с ума сошли? — спросил Вульф с неподдельным изумлением.

— Следовательно, вы не расскажете ей. Поскольку об этой

операции знаем только вы и я, как вы собираетесь объяснить свое отсутствие и источник появления денег?

Это повергло его в еще большее изумление.

— Объяснить? Ей? Да она не увидит ни меня, ни денег, через десять минут я покину это место.

— Ну что же,— сказал я и подумал, как все-таки это жестоко по отношению к несчастной девушке, поддерживающей его ремеслом, которого избегают большинство женщин. Я взял себе на заметку что-то сделать по этому поводу. В будущем, конечно. В первую очередь должен исчезнуть Джеймс Боливар ди Гриз.

Не жалея расходов, я заказал все операционное и хирургическое оборудование, указанное Вульфом. По возможности я старался приобретать приборы-роботы, так как ему предстояло работать одному. Загрузив все в тяжелый трейлер, мы вместе отправились в дом за городом. К сожалению, у нас не складывались доверительные отношения, самым трудным вопросом был финансовый, так как простосердечный доктор Вульф был уверен, что я проломлю ему череп и заберу все деньги обратно после того, как работа будет закончена, не понимая, чудак, что пока существуют банки, у меня не будет затруднений с деньгами. В конце концов к его удовольствию были оговорены гарантии и мы приступили к нашей работе.

Дом был уединенный и пустой, расположенный на возвышении у дальнего конца озера. Свежую пищу мы получали один раз в неделю вместе с почтой, с которой доставлялись также лекарства и другие медицинские препараты. Операция началась.

Современная хирургическая техника позволяет, конечно, избавить пациента от боли и шока. Я постоянно находился в постели и иногда накачивался таким количеством успокоительного, что дни проходили в дремотном тумане. Между двумя периодами радикальной хирургии я решил удостовериться, что снотворные пилюли входят в состав вечернего питья Вульфа. Это питье было, конечно, безалкогольным, так как его воздержание на все время контракта было одним из обязательных условий нашей сделки. Во избежание срыва я поддерживал его решение некоторым количеством денег. Поскольку в связи со всем этим он находился на грани нервного срыва, я и сделал вывод о необходимости для него крепкого ночного сна. Кроме того, я хотел произвести небольшое исследование. Как только я стал уверен, что он глубоко заснул, я открыл замок и обшарил комнату.

Пистолет, видимо, был просто для страховки, но эти нервные типы часто ведут себя непредсказуемо. Пистолет был карманного типа, калибр 0.50, аккуратный, но смертельный. Механизм работал прекрасно, патроны новенькие, только стрелять он больше не будет — я аккуратно сточил боек.

Найденная камера уже не удивила меня, так как я слабо верил в благородство человечества. Для Вульфа оказалось мало, что я был его благодетелем и финансистом, он решил подготовить материалы для шантажа. Там была экспонированная пленка, заполненная, без сомнения, кадрами моей внешности До и После. Я положил

всю катушку под рентгеновский аппарат и продержал ее там достаточно долго.

А вот работал Вульф отлично, с ним можно было жить, пока он не начинал вопить об отсутствии напитков и девушек. Он изогнул и укоротил мои бедра, изменив рост и походку. Руки, лицо, череп, уши — у меня все было переделано для создания новой личности. Искусное использование соответствующих гормонов вызвало изменение пигментации, потемнел естественный цвет кожи и волос, изменилась даже структура самого волосяного покрова. Последнее, что сделал Вульф в высшей точке своего вдохновения, была деликатная операция на моих голосовых связках, которая привела к огрубению речи.

Когда все было кончено, Скользящий Джим ди Гриз умер, а Ганс Шмидт родился. Имя не очень благозвучное, но я придумал его только на время моего общения с Вульфом, до того, как я начну свое основное предприятие.

— Прекрасно, прекрасно, — глядя в зеркало, я ошупывал свое лицо.

— Боже, наконец-то я смогу выпить, — прошептал Вульф позади меня, сидя на своих уже упакованных чемоданах. Последние несколько дней он таскал медицинский спирт, пока я не смешал его с капелькой своего любимого рвотного, и теперь он был сильно озабочен необходимостью извергнуть обратно помещенное внутрь. — Отдайте мне остаток денег и, с вашего разрешения, я уеду отсюда!

— Терпение, доктор, — сказал я и сунул ему пачку банкнот. Он сорвал банковскую упаковку и начал быстро их считать, мелькая пальцами. — Не теряйте времени, — сказал я, но он продолжал их считать. — Я написал слово «УКРАДЕНА» на каждом банкноте таким составом, который будет флюоресцировать, когда в банке его положат под ультрафиолет.

Он внезапно остановился и побледнел, мне надо было бы напомнить ему о его изношенном сердце, которое могло отказать от сильного возбуждения.

— Что значит украдены? — спросил он погодя.

— То и значит. Все деньги, которые я вам заплатил, были украденные. — Его лицо стало еще блее, я был уверен, что при таком кровообращении он не доживет и до пятидесяти. — Да вы не расстраивайтесь, я расстался с ними без всякого сожаления.

— Но... почему? — спросил он наконец.

— Законный вопрос, доктор. Но я пошлю ту же сумму, в испорченных кредитках, конечно, вашей подружке Зине. Я чувствую, что вы многим обязаны ей за все, что она для вас сделала.

Он свирепо посмотрел на меня, а я начал сбрасывать с обрыва аппараты и хирургические инструменты. Я старался не поворачиваться спиной вблизи него, остальные предосторожности были сделаны раньше. Когда, взглянув мельком, я увидел на его лице скрытую усмешку, я понял, что пришло время выложить все до конца.

— Аэромобиль будет здесь через несколько минут, мы улетим вместе. С сожалением должен информировать вас, что по прибытии во Фрейбургад у вас не будет времени отыскать Зину, избить ее и отобрать

у нее деньги.— Выражение его лица отчетливо сказало о том, что именно это он и задумал. Я продолжал, надеясь, что он будет мне благодарен за столь тщательное и откровенное изложение этой криминальной истории.— У меня все рассчитано по минутам. Сегодня из космопорта отправляются два корабля, через минуту один после другого. Я заказал билет на один из них, а вот ваш на другой. Я заплатил за него заранее, не рассчитывая, конечно, получить от вас благодарность за это.— Он взял билет с неподдельным интересом старой девы, подобравшей дохлую змею.— Стремитесь торопиться, простите за пошлую рифму, но для вас это крайне необходимо. Через несколько минут после вашего отлета в полицию будет доставлен пакет с описанием вашего участия в операции.

Дорогой доктор Вульф переваривал все, пока мы ждали аэромобиля, и судя по кислому выражению его лица, не находил способа улизнуть. В течение всего полета он скрючился в своем кресле и не сказал ни слова. По приезде он без проклятий и скандала пересел на свой корабль, я же просто двинулся в сторону своего и, не дойдя до него, повернул назад. Я также не собирался покидать Фрейбурбад, как и доносить в полицию о нелегальной операции. Эта ложь была необходима, чтобы спровадить отсюда доктора-алкоголика в его одинокое путешествие к циррозу печени. У меня не было никаких причин уезжать, наоборот, у меня были серьезные причины остаться.

Анжелина была все еще на этой планете, и я не хотел никаких помех при ее розыске.

Может быть, это выглядело самоуверенно, но я почувствовал, что хорошо узнал Анжелину за это время. Наши маленькие порочные мозги во многих случаях крутились синхронно, и я был абсолютно уверен, что с большой долей вероятности смогу предсказать ее действия. Во-первых, она в восторге от моего кровавого убийства. Она получает такое же удовольствие от трупов, какое другие девушки получают от новых платьев. Она уверена, что я мертв, и это облегчает мне ее преследование.

Конечно, я не сомневался, что она предпримет естественные предосторожности против полиции и других агентов Корпуса. Но они не знали, что она на Фрейбуре и не было оснований связывать мою смерть с ее присутствием. Следовательно, она не убежит, а останется, но с измененной внешностью и в каком-то другом качестве. В том, что она захочет здесь остаться, у меня не было ни малейшего сомнения. Фрейбур — это планета, кажется, специально созданная для незаконных операций. Ничего подобного я не встречал за все свои годы шатания по нашей Вселенной. Грубая смесь старого и нового. В старом, феодальном Фрейбуре незнакомец сразу бы привлек к себе пристальное внимание. На современных планетах Лиги компьютеры, механизация, роботы и бдительная полиция тоже оставляют мало места для незаконных операций. И только там, где эти две различные культуры смешиваются, для этого появляются превосходные возможности.

Эта планета достаточно спокойна, тут мы можем не скупиться на

похвалы экспертам Лиги. Прежде, чем внедрить антибиотики и компьютеры, они убедились, что закон и порядок твердо установлены. Тем не менее возможности криминала остаются, если знаешь, где искать. Анжелина знала, где искать, я — тоже.

Однако после нескольких недель бесплодных поисков я встал перед очевидным фактом, что мы ищем разные вещи. Я не могу сказать, что время прошло бесполезно, так как я открыл бесчисленные возможности для разных прибыльных дел. Если бы меня не заботили поиски Анжелины, я бы, кажется, всю жизнь купался в этом воровском рае. Но эти поиски мучили меня постоянно, словно больной зуб.

Оставив в стороне интуицию, я попробовал научные методы. Арендовав лучший из компьютеров, я загрузил в него целую библиотеку и поставил перед ним кучу проблем. В процессе этого пожирающего киловатты энергии дела я стал специалистом по экономике Фрейбура, но ни на шаг не приблизился к нахождению Анжелины. У меня не было уже никакой идеи, где искать следы ее деятельности. Машина выдала массу рекомендаций по улучшению управления экономикой.

Но исследования показали, что в этой области Анжелины нет. Казалось очевидным, что король Виллельм IX является действительным центром управления планетой. Комплексное исследование Вилля, его семьи и внутренних взаимоотношений вскрыло один скандалчик, но не Анжелину.

Решение этой проблемы сломало меня, и я начал топить горе в бутылке очищенного спирта. В то время я буквально варился в алкоголе, наверное, именно паралич моих нервных аксонов и был источником идеи. Те, кто утверждают, что думают в подпитии лучше, чем трезвые — ослы. Но тут был совершенно другой случай. Я чувствовал, а не думал, что моя злость на ее исчезновение приоткрыла сосуд моего высшего интеллекта. Я мял подушку, вызывая в воображении ее поступки, и в конце концов закричал: «Ненормальная, ненормальная, она просто ненормальная!» — Когда я упал в постель, все кружилось и кружилось в нескончаемом хороводе, и я проормотал: «Ненормальная, несомненно. Я сам должен стать ненормальным, чтобы вычислить ее следующий шаг». — На этом мои глаза закрылись и я заснул. А последние слова, упав на мозговое вещество, начали тонуть, и пройдя через пропитанные алкоголем слои, добрались наконец до твердого слоя.

Когда они стукнулись о дно, я окончательно проснулся и сел в постели, пораженный страшной правдой. Потребуется вся моя сила воли — и еще немного — чтобы сделать это.

Если я хочу найти ее, мне надо стать сумасшедшим.

Глава 13

В холодном утреннем свете идея не выглядела более привлекательной, но и не стала менее очевидной. Я мог выбирать; делать или не делать этого. Не было сомнений, что признаки ненормальности явно

обнаружились в Анжелине. Все ее действия были отмечены противостественным безразличием к человеческой жизни. Она убивала равнодушно или с удовольствием, но всегда с полным безразличием к людям. Я сомневаюсь, знала ли она о том, сколько убийств совершила в своей жизни. По ее стандартам я рядовой любитель. Я не убивал и, более того, необходимость в этом редко возникала в моей деятельности.

Да, да, ди Гриз никогда не убивал! Мне нечего было этого стыдиться — наоборот. Я ценил человеческую жизнь, эту единственную неделимую величину во Вселенной. А Анжелина ценила только себя, свои желания и ничего больше. Следуя по пути формирования ее личности, я воссоздал бы образ мышления, присущий ей.

Это не так трудно, как кажется, по крайней мере теоретически. У меня был некоторый опыт работы с психометрическими наркотиками, и я хорошо знал их возможности. Вековые исследования позволили создать лекарства, которые могут стимулировать у пациента любой образ мышления. Хотите стать на неделю параноиком? Пожалуйста, примите пилюлю и почувствуете, что это такое. Некоторые действия действительно принимают это для кайфа, но для меня это не годится. Нужна была чрезвычайно веская причина, чтобы меня, человека с деликатным серым веществом, заставить решиться на это. Например, поиск Анжелины.

Воистину прекрасным свойством всех этих психоматических препаратов было их временное действие. Когда лекарство поглотится, галлюцинации исчезнут. Я надеялся на это. Ни в одной из прочитанных книг не упоминалось о том дьявольском вареве, какое мог состряпать я один. Это была титаническая работа — искать в книге описания всех этих очаровательных привычек Анжелины и находить каждой соответствующий психологический образец. В процессе этого анализа мне даже потребовалась профессиональная помощь, без упоминания, конечно, ее истинных целей. В конце концов передо мной стоял пузырек слабо-дымчатой жидкости и магнитофон, где была установлена лента со стимулирующими высказываниями, которая будет прокручиваться в процессе действия лекарства. Осталось только собрать свое мужество в кулак, как говорят классики. В действительности это было не все, я хотел принять еще кое-какие меры предосторожности. Я снял комнату в дешевом отеле и попросил не беспокоить меня. Поскольку на подобный поступок я решился впервые и не знал, как поведет себя моя психика, я оставил в пределах видимости несколько записок. Через несколько часов подобных приготовлений я понял, что начинаю тянуть время.

— Да, нелегко добровольно стать сумасшедшим, — сказал я своему бледному отражению в зеркале. Отражение было согласно, тем не менее мы оба закатали рукава и приготовили большие шприцы. — Ну, поглядим, что будет, — сказал я, аккуратно вводя иглу в вену и выдавливая до основания поршень.

Результат был обескураживающий, если не сказать больше. Появился звон в ушах и головная боль, которые быстро прошли, и все стало как раньше. Я понял, что надо чем-то заняться, и сел читать

газету, пока не устал. Наступило разочарование. Я пошел спать, включив магнитофон, который мягко нашептывал мне в уши свои сентенции, как: «Ты лучше всех и знаешь это, а люди, которые этого не знают, должны остерегаться» или «Они дураки, все дураки, умнее тебя нет никого на свете».

Спать было неудобно, наушники врезались в уши, а мой дурацкий голос выводил меня из себя. Ничего не изменилось, эксперимент прошел впустую, и неудача разозлила меня. Я сломал наушники, и мне стало легче, еще легче стало после того, как я смял в тугой комок магнитофонную ленту.

Несколько дней я не брился, щетина скрипела у меня под рукой. Я втер в щеки крем, заглянул в зеркало и впервые поразился. Новое лицо подходило мне много лучше старого. Ошибка рождения или уродство моих родителей — я их глубоко ненавидел, так как единственная полезная вещь, которую они сделали — это родили меня — дали мне лицо, не соответствующее моей личности. Новое было лучше. С одной стороны — более красиво, с другой — более строго. Я должен был бы поблагодарить доктора Вульфа за эту работу. Поблагодарить его пулей. Это было бы гарантией, что никто в мире не выследит меня через него. Наверное, была жара и у меня был солнечный удар, если я позволил ему улететь живым.

На столе лежал листок бумаги с единственным словом, написанным моим почерком, хотя я понятия не имел, зачем я его оставил. Там было написано — *А н ж е л и н а*.

Анжелина, которую я жажду заполучить, чтобы сжать ее белое горло руками и давить до тех пор, пока не выкатятся глаза. Ха! Представив эту картину, я засмеялся. Однако не следует быть таким легкомысленным. Анжелина — это важно. Я собираюсь найти ее, и меня ничто не остановит. Она сделала из меня дурака и пыталась убить. Если кто и заслуживает смерти, так это она. Плохо, что это еще не сделано. Я разорвал листок на мелкие кусочки.

Комната буквально давила на меня, захотелось выйти. На этот раз меня привело в бешенство отсутствие ключей. Я знал, что вынимал их, но куда дел, не помнил. Растяпа портье что-то мямлил, и я собирался сказать ему все, что я думаю об их сервисе, но воздержался. Для этих типов есть только одно лекарство! Запасные ключи шлепнулись под пневмотрубой, и я забрал их. Хотелось есть, пить, и больше всего найти место, где можно спокойно подумать.

Ближайшее кафе предоставило мне эти возможности, после того, как я отогнал проститутку. Анжелина просто играла, а выглядела лучше всего этого стада вместе взятого. Анжелина. Я все время думал о ней. Выпивка согрела мой желудок, и она потеплела в моих мыслях. Неужели я действительно хотел предать ее или даже убить? Что за чушь! Единственная умная женщина из тех, с кем я встречался. Я никогда не забуду, как она вышагивала в своем платье. Ее бы немного приручить, и какая бы получилась пара! От этой сладкой мысли мое лицо вспыхнуло, и я одним глотком осушил стакан.

Я должен найти ее, она ни за что не покинет эту планету,

напоминавшую райские кущи. Девушка с ее амбициями пойдет здесь прямо к вершине, никто не сможет ее остановить. Это именно то место, где она должна быть. Всю свою жизнь Анжелина была уверена, что она лучше этой толпы и доказывала это себе и всем снова и снова. Мое прибытие могло бы быть величайшим счастьем для Анжелины. Я вел себя на этой планете, как настоящая деревенщина. Когда Анжелина расправилась со мной, она могла остановиться, успокоиться и подчиниться порядку. Соперничество могло быть на время отложено.

Пока я сидел там, что-то встревожило меня, какой-то важный момент, который никак не мог проявиться в памяти. Наконец я понял! Инъекция скоро закончит свое действие. Мне необходимо вернуться в комнату. Всплыли страхи по поводу выполнения эксперимента, но я понял, что это старые сомнения. Это вареву не более опасно, чем аспирин. И в то же время величайшая, космическая штука. Новые миры возможностей открылись передо мной, мозг стал яснее, а мысли логичнее.

В баре я заплатил бармену и долго ждал, пока он отсчитывал сдачу.

— Побыстрее! — сказал я громко, чтобы все слышали. — Покупатель торопится, так что и ты торопись... Еще два гильдена. — Я держал деньги на раскрытой ладони, и когда он нагнулся, чтобы пересчитать их, я шмякнул ему ладонью и деньгами по морде. Заодно, понизив голос, чтобы слышал только он, я пояснил, что о нем думаю. Фрейбургский сленг богат выражениями, и я выбирал из них наилучшие. Я хотел продолжить обучение, но это требовало времени, а я торопился в комнату в отеле. Уходя, я взглянул в зеркало, висевшее на передней стене и отражавшее картину за моей спиной. И хорошо сделал. Он вытащил из-под бара обрезок трубы и занес его над моей головой. Не желая лишать его удовольствия, я не стал перехватывать его руку, и только, когда она пошла вниз, отступил в сторону, позволив ему чуть-чуть задеть меня.

А потом я просто схватил эту нахальную руку и сломал ее о край стойки. Его вопли вошли в мое сердце райской музыкой, я был готов слушать их сколько угодно. Но времени не было.

— Вы видели, как он предательски напал на меня? — сказал я остолбеневшим посетителям, направляясь к дверям. Пострадавший исчез из виду, видимо, упал и стонал за стойкой. — Я иду звонить в полицию, посмотрите, чтобы он не убежал. — Конечно, он рвался сбежать так же, как и я звонить в полицию. Я вышел из двери задолго до того, как посетители сообразили, что же произошло на самом деле.

Бежать я не мог, чтобы не привлекать к себе внимания, лучшее, что я смог сделать, это идти быстрой походкой. От напряжения я весь обливался потом. В комнате первое, что я увидел, был пузырек на столе и шприц за ним, завернутый в тряпочку. Мои руки не тряслись, я им этого не позволил. Это была сильная штука!

Рухнув в кресло, я взял пузырек и увидел, что там осталось жидкости меньше, чем на миллиметр. Для получения адской смеси требовался довольно сложный процесс, однако формула сидела в моей

памяти гвоздем, и не представляло труда в любой момент восстановить ее. Вот только как достать компоненты в этот ночной час? Да ведь это несложно. Закон истории говорит, что оружие открыли раньше, чем деньги. В моем кейсе лежал знаменитый 0.75 калибр, с которым можно раздобыть все что угодно гораздо раньше и легче, чем с деньгами.

Это была ошибка. Какое-то ноющее беспокойство волновало меня, но я его проигнорировал. Напряжение, а затем разрядка после укола разогнали сонливость и скованность. На вершине кайфа надо торопиться, у меня было очень мало времени, чтобы найти то, что нужно, и я вернулся в отель. Все мои мысли устремились к достижению цели, я отпер кейс и увидел пистолет, лежащий поверх одежды. Тут тоненький голосок в памяти невнятно что-то пискнул мне, но это только подтолкнуло меня. Я схватил рукоятку, и тут память стала проявляться... слишком поздно.

Отпустив пистолет, я рванулся к двери, но не успел. Позади хлопнула граната с сонным газом, положенная под пистолет. Уже падая в сон, я никак не мог понять, как это можно было сделать такую глупость.

Глава 14

Первым ощущением после выхода из сна было сожаление. Работа мозга является источником постоянного удивления. Действие моего дьявольского напитка проходило, с памятью было все в порядке, дурнота исчезла. Детали моей интермедии сумасшествия представляли ясно и четко. Хотя меня подташнивало от всего, что я думал и делал, одновременно я ощущал приступ сожаления, что все кончилось. Раскованность после принятия лекарства переросла в абсолютную свободу, когда жизнь других людей кажется меньше, чем ничто. Ощущение несомненно жуткое, но и чрезвычайно привлекательное. Хотя мозг и протестовал, я испытывал желание повторить все снова.

Несмотря на двенадцатичасовой сон, я был разбит. Переползание на кровать отняло всю мою энергию. Взгляд остановился на предусмотрительно припасенной бутылке спирта. Я вымыл стакан и, потягивая жидкость, постарался привести в порядок свое мозговое хозяйство, что было не легко. Я много раз читал о темных инстинктах, лежащих в нашем подсознании, но впервые столкнулся с этим непосредственно, когда они действительно стали всплывать на поверхность.

Моя позиция в отношении Анжелины должна быть наконец определена. Нужно признать, что я был к ней явно неравнодушен. Любовь? Назовите это каким угодно словом, не возражаю, но это не пылкая юношеская страсть. Ее поступки не ослепляли меня, я отчетливо понимал, что отвратительно-аморальная жизнь Анжелины отражается и на моем образе мышления. Но логика и рассудительность не могут противостоять эмоциям. Ненавидя ее деятельность, я не мог

отделаться от чувства симпатии к этой личности, так похожей на меня. Не давала покоя мысль — какая бы получилась из нас упряжка! Это, конечно, невозможно, но хотеть-то никто не запретит. Любовь и ненависть стояли буквально плечом к плечу. Я сделал большой глоток.

Найти ее сейчас не составит труда. Эта уверенность даже раздражала меня. У меня не было никакой новой информации, одни мысленные фантазии да проблески интуиции в том, как вертятся шарики в голове Анжелины. Не могло быть сомнения, что она рвалась к власти, но вряд ли бы добилась чего-либо через короля. Скорее силой, через путч, возможно с террором, через определенного вида революции и беспорядок. Так было в старые времена на Фрейбуре, когда ценой схватки была верховная власть. Любой дворянин мог быть коронован, а старая королевская власть ослаблена, поэтому борьба за место монарха была очень жестокой. Конечно, все это прекратилось после того, как здесь поработали социологи Лиги.

А теперь возврат к старому стал вполне возможен. Анжелина, чтобы удовлетворить свои амбиции, хотела видеть этот мир купающимся в крови. Она пока не могла ничего сделать, но готовила кого-то для черной работы. Одного из этих надутых Князей, проводивших в жизнь политику трона и имевших большое влияние в этом полуфеодальном государстве. Подобный подход Анжелины уже использовала, захотелось использовать еще раз. В этом не было сомнения.

Неясна была лишь мелочь. Кто он?

Мои ныряния в глубины самоанализа оставили неприятный привкус, который не вымывался никаким количеством жидкости. В чем я нуждался, так это в оживлении моих нервных окончаний и разгоне застоявшейся крови. Выслеживание доверенного лица Анжелины требовало подзарядки моих батарей. Я взял газету и стал изучать Новости Двора. Через два дня должен состояться Большой Бал — очень удачное прикрытие для моих изысканий.

Эти два дня я наводил глянец на детали предполагаемой операции. Любой болван мог испортить дело, как это обычно и случается. Только с такими талантами, как у меня, можно было обеспечить стопроцентное прикрытие личности. Я придумал себе родину — отдаленную провинцию Фрейбура, бедную во всех отношениях, кроме изобилия нюансов в произношении, что служило основой многих шуток и анекдотов. Население Местельдросса в силу присущих ему врожденных свойств отмечалось как драчливое и прямое. Мое положение дворянина давало мне право скрыться под именем графа Бент Дибстол. Семейное имя на местном диалекте обозначало либо бандита, либо сборщика налогов, что дает вам полное представление как о роли сборщика налогов, так и об источнике фамильного титула. Военный портной выкроил мне мундир и пока подгонял его, я детально вызубрил свою фальшивую биографию.

Я не забыл сделать и еще одну вещь — послать травмированному трактирщику толстую пачку денег, ведь он вынужден был работать с рукой, закованной в гипс. Он действительно разозлил меня, но

наказание было явно непропорционально малости проступка. Этот анонимный подарок очистил мою совесть, и я почувствовал себя значительно лучше.

Полуночный визит в королевскую типографию дал мне желанное приглашение на бал. Мундир сидел на мне как влитой, сапоги вызывающе блестели. Я был одним из первых, королевский стол соблазнял яствами, а предстоящее дело раздражило мой аппетит. На Фрейбуре сохранилась архаическая привычка носить на балах шпоры и меч. Обремененный этой тяжестью, грохоча как пустая кастрюля, я низко поклонился королю. Его глаза блестели и были такими туманными, что это явно подтверждало справедливость слухов о том, что не приложившись к бутылке, он не начинает ни одного дела. Он откровенно ненавидел толпу и рыла, предпочитая заниматься своими жуками — он был любителем-энтомологом, правда, без всяких талантов. Королева была значительно приятнее в расцвете своей двадцатилетней красоты. Молва сообщала, что ей до смерти надоели жуки и что она предпочитает гомо сапиенс. Чтобы проверить эту клевету, целуя ее руку, я чуть-чуть пожал ее. Она посмотрела на меня с удивлением, в котором была большая доля интереса. Я направился в буфет.

Гости продолжали прибывать. Наблюдение за ними не мешало мне поглощать пищу и смаковать вина. Основательно загрузившись, я решил сделать перерыв и смешался с толпой. Все женщины были предметом моего пристального внимания, большинству из них это льстило, как мне кажется, из-за моего нового привлекательного лица и потрясающего мундира, явно выделявшего меня среди местных типов. Я, конечно, не считал, что сразу же обнаружу след Анжелины, но шанс все-таки был. Несколько женщин отдаленно напоминали ее, но достаточно было услышать от них несколько слов, как стало ясно, что это истинная голубая кровь, а не моя маленькая межзвездная убийца. Задача несколько упрощалась тем, что понятие красоты на Фрейбуре связано с обилием плоти, а Анжелина выглядела совершенно по-другому. Я направился обратно в бар.

— Следуйте за мной! Королевский приказ! — прохрипел мне в ухо простуженный голос, и грубая рука схватила меня за рукав.

— Отпусти рукав, или я выровняю твою морду, — рявкнул я на своем мистальдроссенском наречии. Он отпустил, словно обжегся, и отступил, весь красный. — Так-то лучше, — добавил я, перебивая его. — Кто хочет меня видеть? Король?

— Ее величество королева, — прошипел он сквозь зубы.

— Очень хорошо. Я тоже хочу ее видеть. Показывай дорогу. — Я прокладывая себе путь через толпу, а мой приятель тащился сзади, пытаясь обогнать меня. Достигнув группы, окружающей королеву Хельгу, я пропустил его, задыхающегося, вперед.

— Ваше величество, это Барон...

— Граф, а не Барон, — перебил я его. — Граф Бент Дибстол из бедного провинциального рода, урезанного века назад в наших законных правах подлыми мошенниками Князьями. — Я сурово посмотрел на

своего проводника, как будто он участвовал в древнем заговоре, и он опять отчаянно покраснел.

— Что это у вас за награды, Граф Бент? — спросила королева низким голосом, который породил во мне образ луга туманным утром. Она указала на мою мужественную грудь, увешанную побрякушками, которые я откопал сегодня утром у антиквара.

— Галактические медали, ваше величество. Мог ли рассчитывать на какое-то продвижение здесь, на Фрейбуре, младший сын провинциального дворянина? Вот почему я выбрал службу вне планеты и провел лучшие годы своей жизни в Звездной Гвардии, а там сражения, захваты, звездные абордажи в порядке вещей. А вот этой я действительно могу гордиться... — я указал на невзрачную штуковину среди сверкающих побрякушек. — Это Звезда, наивысшая награда в Гвардии. — Я взял Звезду в руки и посмотрел на нее долгим проникновенным взглядом. В действительности, я думаю, это был Гвардейский знак за сверхсрочную службу или что-то в этом роде.

— Это прекрасно, — сказала королева. Она разбиралась в медалях не лучше, чем в одежде, но чего можно ожидать на этих захламленных планетах.

— Да, — согласился я. — Я не любитель описывать историю своих медалей, но если на то будет королевский приказ... — это было сказано застенчиво. Наврав им о своих подвигах, я возбудил интерес и надеялся, что разговор обо мне достигнет ушей Анжелины, где бы она ни пряталась. Почувствовав, что исчерпал себя, я вернулся в бар.

Свои придуманные истории я рассказывал всем, кого мог поймать. Большинство с удовольствием слушало меня, смеялось вместе со мной, а смех при дворе был нечастым явлением. Единственный, кто этим не наслаждался, был я сам. Если вначале мой план казался хорошим, то чем дальше, тем меньше он мне нравился. Я мог месяцами крутиться вокруг этих дворцовых идиотов без малейшей надежды приблизиться к Анжелине. Надо ускорить дело. Крутилась у меня в голове одна идея, но она граничила с безумием. Если дело не выгорит, я буду либо убит, либо навсегда устранен из общества. С последним я легко смирился бы, но высшее общество помогает мне найти мою возлюбленную добычу. Если же все получится, поиски значительно упростятся. Я решил бросить монету и, конечно, выиграл, так как другую спрятал в ладони еще до броска. Буду действовать!

Еще до прихода сюда я рассовал по карманам несколько мелочей, которые могли пригодиться во время вечера. Одна из них была великолепным предложением сблизиться с королем, если бы я почувствовал в этом необходимость. Я переложил ее во внутренний карман, наполнил вином самый большой бокал, который смог найти, и отправился через анфиладу комнат на поиски своей жертвы.

Если в момент моего прихода король Виллельм был в подпитии, то сейчас он был пьян смертельно. Надо было вшить ему сзади в мундир стальной стержень, так как, могу поклясться, собственный позвоночник его уже не держал. Однако он все еще пил, качаясь взад и вперед, его

голова моталась, как у сломанной куклы. Вокруг него стояла кучка старичков, которые, по-видимому, рассказывали друг другу анекдоты и при моем приближении окинули меня подозрительными взглядами.

Я был выше большинства из них и ярче одет, глаза Вилли натолкнулись на меня, и голова медленно повернулась в моем направлении. Один из восьмидесятилетних старцев уже встречался мне на вечере и представил меня.

— Очень рад встретить ваше величество,— сказал я, имитируя в голосе пьяные нотки. Король не обратил внимания, зато другие заметили и нахмурились.— Я сам немного энтомолог и с вашего разрешения хотел бы следовать по вашим королевским стопам. Я сильно желаю этого и чувствую, что на Фрейбуре можно проявлять больше внимания и имеются большие возможности для исследования форминифер, лепидоптер и другого. Геральдика, а также флаги, могли бы содержать побольше изображений насекомых...

Я болтал и дальше что-то в этом роде, и толпа начала проявлять нетерпение. Король улавливал едва ли одно слово из десяти, внимание его стало рассеиваться, окружающие тоже заволновались, не зная, как избавиться от пьяного. Когда кто-то взял меня за локоть, я пошел с козырной карты.

— Вот, ваше величество,— сказал я, залезая в карман.— Я тщательно сберегал этот образец, пронеся его через многие световые годы, и доставил сюда, чтобы он занял свое место в вашей величайшей коллекции.— Раскрыв плоскую пластмассовую коробочку, я сунул ее ему под нос. Он с трудом сфокусировал свои водянистые глаза, и у него перехватило дыхание. Окружающие тоже проявили любопытство, и я дал им несколько секунд полюбоваться образцом.

Должен сказать, что это был великолепный жук, однако он не путешествовал со мной через световые годы, а был сделан сегодня утром. Большинство элементов было от других насекомых, а там, где природы не хватило, я добавил несколько кусочков пластмассы. Тело было размером в ладонь с тремя рядами крыльев, каждый ряд другого цвета. Снизу было множество ног, взятых по крайней мере от дюжины насекомых, конечности не удалось подобрать все под пару, так как многие были испорчены при конструировании, некоторые другие детали, такие как массивное жало, штопоровидный хвост тоже не оставили равнодушной мою аудиторию. Коробочка была предусмотрительно сделана из цветного пластика, который скорее скрывал, чем подчеркивал детали.

— Вы должны рассмотреть это поближе, ваше величество,— сказал я, открывая пошире коробочку и, покачиваясь, приблизился. Настал ответственный момент. В одной руке у меня был стакан с вином и коробочка, другая оставалась свободной, чтобы вынуть монстра. Я сжал его большим и указательным пальцами и приблизился вплотную, вино в стакане короля плескалось от его неловких жестов. В этот момент я чуть ослабил большой палец, приподнял жука, сделал скрытое неуловимое движение, и жук великолепным пируэтом нырнул в стакан короля.

— Спасите! Спасите его! — заорал я. — Редчайший экземпляр! — и залез пальцами в стакан, подняв в нем бурю. Часть напитка выплеснулась на позолоченные манжеты Виллельма. Шепот и злые голоса усилились, кто-то твердой рукой взял меня за плечо.

— Уберите прочь ваши титулованные воровские лапы! — крикнул я и грубо сбросил руку. Выловленное насекомое выскользнуло у меня из пальцев, шлепнулось на грудь короля и оттуда медленно скатилось на пол, теряя по пути крылья, ноги и другие части. Я использовал очень слабый клей. Наклоняясь над трупиком, я сделал еще одно «неловкое» движение, и вино красной струей выплеснулось на одежду короля. Злой вопль вырвался из толпы.

Король отнесся ко всему спокойно. Качаясь, словно дерево в бурю, он не выражал протеста, только бормотал: «Я говорю... я говорю...» несколько раз. Но когда я стал стирать вино носовым платком и оно полилось по его пальцам, толпа позади приблизилась вплотную. Кто-то схватил меня за руку и потянул, я рванулся и... ударил короля Виллельма в его родовитую грудь. От удара его верхняя челюсть выпала и свалилась на пол.

Старички начали разбегаться. Молодежь бросилась на защиту их высочества, и мне пришлось показать им пару приемчиков, которым я обучился на других планетах. Недостаток техники они возмещали избытком энергии, началось столпотворение. Женщины визжали, мужчины ругались, короля буквально вынесли на руках. Дела для меня пошли совсем плохо, хотя давал я им не меньше, чем получал.

Потом я помнил, что несколько человек держали меня, а один бил. Я изловчился ударить его в лицо ботинком, но меня скрутили и... свет померк.

Глава 15

Тюремщики, видимо, задались целью привить мне хорошие манеры, а я по мере сил затруднял им их благородный труд. Не для того я добровольно залез в тюрьму, чтобы выигрывать этот спор, рисковал проделывать эти шуточки с бедным старым королем. Оскорбление величества было таким преступлением, которое обычно каралось смертью. На счастье, цивилизованное влияние Лиги уже коснулось темного Фрейбура и местные власти доказали мне свою приверженность законам. Я делал вид, что не замечаю этого. Когда они приносили мне мясо, я съедал его, а тарелку разбивал, демонстрируя свой протест на незаконный арест.

Это была приманка. Заработанные мной синяки были бы весьма малой платой за удачную попытку саморекламы. Фигура отщепенца, предателя своего класса, с одной стороны, сильная личность в мирной вселенной, драчун, бескомпромиссный боец, с другой. Короче, я обладал всеми качествами, которые ненавидят добропорядочные фрейбуриане, а такие люди должны очень привлекать Анжелину.

Несмотря на недавнее кровопролитное прошлое, Фрейбур был

бедноват на задиристых мужчин. Не из самых низких слоев, конечно, портовые трактиры нашпигованы мусколоносами с куриными мозгами. Анжелина могла бы нанять из них всех, кого считала нужным. Но одними боевыми отрядами победу не завоеешь. Ей нужен союзник и помощник из дворян, а по моим наблюдениям люди с такими талантами редкость, и большая. В скандале на балу я постарался показать все качества, которыми она могла заинтересоваться, и постарался сделать так, чтобы она ни в коем случае не подумала, что это демонстрируется для нее. Ловушка была открыта, ей оставалось войти.

Лязгнул металл открывающейся двери.

— К вам посетитель, Граф Дибстол,— сказал тюремщик, откидывая внутреннюю решетку.

— Скажите им, чтобы пошли к черту! — крикнул я. — На этой гнусной планете нет ни одного человека, которого бы я хотел видеть.

Не обращая внимания на мою реплику, он ввел начальника тюрьмы и двух типов в черном с суровыми лицами. Я демонстративно игнорировал их. Они молча дождались, пока уйдет охрана, затем более худой из них открыл принесенную папку и кончиками пальцев достал оттуда лист бумаги.

— Я не буду писать прощальную записку самоубийцы, можете убивать меня во сне,— прорычал я, начиная разыгрывать комедию. Он внимательно посмотрел на меня, но лицо его не изменилось.

— Это несправедливое обвинение,— спокойно проговорил он. — Я Королевский Прокурор и никогда не допущу подобных действий. — Все трое кивнули, как заведенные от одной пружины; эффект был столь заразителен, что я чуть тоже не кивнул.

— Я не совершу добровольного самоубийства,— сказал я твердо. — Это мое последнее слово по этому вопросу.

Королевский Прокурор достаточно долго работал на своем месте, его трудно было смутить. Он прокашлялся, пошелестел бумагой и начал:

— Есть несколько криминальных действий, которые могут быть вменены вам в вину,— забубнил он с чрезвычайно мрачным выражением лица. Я невозмутимо зевнул. — Среди них увечья молодому человеку. Но я надеюсь, что он не будет настаивать,— продолжал он,— так как это только осложнит дело. Сам король настоятельно рекомендовал мне закончить это дело как можно скорее и восстановить между всеми мир. Я здесь для того, чтобы привести его желание в исполнение. Подпишите это извинение, и вас немедленно отвезут на борт космолета, отбывающего ночью. Дело закончено.

— Пытаетесь избавиться, чтобы скрыть ваши пьяные драки во дворце? — усмехнулся я. Лицо Прокурора налилось кровью, но с большим трудом он сдержался. Если они сейчас выпроводят меня с планеты — все упало.

— Вы оскорбляете нас, сэръ! — проговорил он. — Не забывайте, вы сами не без греха в этом деле. Я от души советую вам принять

снисходительность короля и подписать извинение.— Он протянул бумагу мне, но я разорвал ее на куски.

— Извиниться? Никогда! — крикнул я ему.— Я защищал свою честь от ваших пьяных мужланов и жуликов-дворян, укравших права, принадлежавшие моему роду.

Все вышли. Начальник тюрьмы был единственно близким мне по возрасту, именно поэтому я подсказал ему дорогу носком ботинка в соответствующее место. Все было так, как и должно быть. Дверь с шумом захлопнулась передо мной — драчливым, мятежным, воинственным сыном земли Фрейбургской. Я сделал все, чтобы привлечь внимание Анжелины, но если этого не произойдет, я рискую провести остаток моих дней за этими мрачными стенами.

Ожидание всегда плохо сказывается на моих нервах. Я мыслитель только в спокойное время, а в остальное — человек действия. Одно дело разработать план и смело приступить к его выполнению. Совсем другое — сидеть в грязной тюремной камере и думать, нет ли в логической цепи разработанного плана слабых мест.

Выберусь ли я из этого мешка? Скорее всего это будет трудно, но надо оставить это как последнее средство. Там, снаружи, я вынужден буду скрываться, и у нее не будет никаких шансов установить со мной связь. От переживаний я сгрыз все ногти на руках. Следующий шаг был за Анжелиной, и мне оставалось надеяться и ждать, что она не задержится с правильным решением после анализа всех моих действий.

Через неделю я начал сходить с ума. Королевский Прокурор не приходил, и никаких разговоров о суде и приговоре. Я подкинул им раздражающую проблему, и они теперь скребут головы, не зная, что делать. Я почти решился бежать, выбраться из этой захолустной тюрьмы было само по себе не сложно. Но ведь я жду сообщений от моей беспощадной любви. Я рассматривал возможности, которые она могла бы использовать. Может быть какое-нибудь давление на двор, чтобы меня освободили? Или тайно пронести напильник и записку, чтобы я выбрался своими силами? Вторая возможность казалась мне наиболее вероятной и каждый раз, получая хлеб, я разламывал его, отыскивая что-нибудь внутри. Ничего не было.

На восьмой день Анжелина откликнулась в наиболее свойственной ей прямолинейной манере. Ночью что-то непривычно разбудило меня. Шорохов не было слышно, я приткнулся к двери и через щель увидел свет в конце коридора. Ночной охранник лежал на полу, и плотная фигура в маске, одетая во что-то черное, стояла над ним с дубиной в руке. Подошел другой незнакомец, одетый аналогично первому, они потащили охранника вдоль коридора по направлению ко мне. Один из них порылся в кармане и достал оттуда кусок красной материи, который вложил в безвольные пальцы охранника. Когда они подошли к моей камере, я отскочил от двери и бесшумно скользнул в постель.

Ключ заскрипел в замке, зажегся свет. Я сел на кровати, изображая только что проснувшегося человека.

— Кто тут? Что вы хотите?

— Быстро вставайте и одевайтесь, Дибстол. Мы вас выведем

отсюда.— Это был первый головорез, которого я увидел, дубина еще свисала с его руки. Я отвалил челюсть и пополз по кровати, прижимаясь к стене.

— Убийцы! — завопил я.— Так вот что надумал король Вилли — затянуть мне петлю на шее, а потом сказать, что я повесился сам! Добро пожаловать, но не думайте, что это будет легко!

— Не будьте идиотом,— прошипел мужчина.— И закройте рот. Мы здесь, чтобы спасти вас. Мы друзья.— Еще двое, одетые таким же образом, появились за ними. В коридоре мелькнул четвертый.

— Друзья?! — орал я.— Убийцы, вот вы кто! Вы дорого заплатите за свое преступление.

Четвертый из коридора что-то прошипел, и остальные направились ко мне. Мне хотелось получше рассмотреть главаря. Это был маленький мужчина, если он был мужчиной. Одежда на нем висела свободно, поверх всей головы была натянута маска из чулка. Анжелина была бы примерно такого же роста. Рассмотреть подробности я не успел, бандиты набросились на меня. Я ударил одного из них в живот и отскочил, но у них были все преимущества. Без обуви и оружия у меня не было никаких шансов, а они не боялись использовать дубинки. Я еле сдержал победную улыбку, когда они усырили меня.

Все еще сопротивляясь, я позволил тащить меня в то место, где мечтал оказаться.

Глава 16

Удар по голове меня только ослабил, но когда один из них сломал у меня под носом ампулу со снотворным, я отключился. Конечно, у меня не было ни малейшего представления, как далеко мы уехали и где находились. Наверное, они сделали антинаркотический укол, так как первое, что я увидел, был худой тип со шприцем в руках. Он наклонился, но я откинулся.

— Собираетесь мучить меня перед тем, как убить, свиньи! — сказал я, вспоминая роль, которую играл.

— Не волнуйтесь,— произнес низкий голос сзади,— вы среди друзей, которые разделяют ваше возмущение существующим режимом.

Этот голос не был похож на голос Анжелины. Это оказался дородный мужчина с неприятным выражением лица. Медик вышел, оставив нас одних, и я понял, что план начал действовать. Маленькие глазки, тяжелая челюсть и надменный взгляд — я узнал в нем одного из представителей фрейбурского дворянства. Глядя на это уродливое лицо, я копался в своей бездонной памяти.

— Рденрант, Князь Рденрант,— сказал я, пытаюсь вспомнить, что еще о нем читал.— Я полагаю, вы скажете мне правду, не вы ли первый кузен его высочества? Трудно представить, что вы украли человека из тюрьмы для своих собственных целей...

— Это неважно, что вы полагаете,— зло огрызнулся он. Раздражение отразилось на его лице, и прошло некоторое время, пока он взял

себя в руки. — Виллельм может быть моим кузеном, но это не означает, что я считаю его идеальным главой нашей планеты. Вы говорили на тему своих претензий о более высоком положении и о том, что были обмануты. Это так? Или вы просто один из придворных болтунов? Найдутся и другие люди, думающие, как и вы, и жаждущие изменить порядок.

Импульсивность, энтузиазм — вот что я должен проявить. Или лояльный друг, или смертельный враг — других вариантов нет. Я рванулся вперед и крепко схватил его за руку.

— Если вы сказали мне правду, вы получили единомышленника, который пойдет рядом с вами. Если солгали, и это просто ловушка короля, тогда, Князь, будьте готовы сражаться.

— Нет необходимости в сражениях, — сказал он, с трудом освобождая руку. — По крайней мере между нами. Впереди трудный путь и мы должны доверять друг другу. — Он хрустнул суставами и мрачно взглянул в окно. — Я искренне надеюсь, что смогу полностью на вас положиться. Фрейбур во времена наших предков был совсем другим. Лига задушила инстинкты борьбы в нашем народе. Нет почти ни одного человека, на которого я мог бы положиться.

— А те, что взяли меня из камеры? Они действуют вроде достаточно хорошо.

— Грубая сила! — воскликнул он. — Твердолобые болваны. Этих я могу нанять сколько угодно. Мне нужны люди, которые могут руководить, помогать мне вести Фрейбур к светлому будущему.

Я не стал говорить о человеке, который стоял в коридоре и который руководил всей ночной операцией. Если Рденрант не хочет говорить об Анжелине, я тоже не стану касаться этого вопроса, но раз ему хочется видеть во мне умного коллегу, нужно ему подыграть.

— Скажите, вы специально оставили в руке охранника кусок красного мундира? Он бросается в глаза.

Глаза его сузились, когда он повернулся, чтобы посмотреть на меня.

— Вы очень наблюдательны, Бент, — сказал он.

— Дело практики, — ответил я, пытаюсь одновременно изобразить скромность и честолюбие. — Этот кусок красной материи в руке охранника выглядел так, словно его оторвали в борьбе. В то же время, как я видел, все были одеты только в черное. Может быть, у этого другой смысл...

— Чем дальше, тем больше я радуюсь, что встретился с вами, — сказал он, обнажая все свои кривые зубы с выражением, которое, видимо, считал за улыбку. — Люди Старого Дюка имеют красную ливрею, как вы знаете...

— А Старый Дюк является сильнейшей опорой Виллельма IX, — закончил я за него. — И слабейшим не повредит, если он рассорится с королем.

— Не слабейшим, — повторил Рденрант, снова показывая мне свои кривые зубы. Он начал вызывать у меня отвращение. Однако, если Это было доверенное лицо Анжелины, то несомненно, она сделала

наилучший выбор. Но у него едва ли хватит широты воображения представить идеи Анжелины во всей их полноте. Я думаю, что и титул и деньги, да еще амбиции — именно те качества, которыми она прельстилась. Непонятным было только, где она сама.

Кто-то вошел в дверь, и я сжался, приготовившись к схватке. Это оказался всего лишь робот, производивший такой лягз и шум, что впору было испугаться. Князь приказал этому чудовищу принести выпивку, и когда тот повернулся, я увидел, что с задней стороны плеча у него торчит труба. В воздухе явственно чувствовался запах угольного дыма.

— Этот робот что, работает на угле? — хихикнул я.

— Да,— сказал Князь, наливая в стаканы.— Это прекрасный пример развала Фрейбургской экономики, мудро руководимой Виллельмом Некомпетентным. Вы разве видели подобных уродов в столице?

— Да вроде нет,— сказал я, тараща глаза на извергаемые клубы дыма и следы ржавчины и угольной пыли на его корпусе.— Конечно, меня долго не было... все меняется...

— Но не настолько быстро! И не демонстрируйте мне тут, Дибстол, галактические замашки. Я был в Местельдрессе и видел, как там живут. У вас вообще нет роботов, даже таких дрянных.— Он в бесильной злобе отвесил монстру пинок, тот слегка качнулся и для поддержания равновесия щелкнул клапаном, пропуская пар в ножной поршень.

— Двести лет прошло с того дня, как мы в Лиге, которая поит нас молочком и успокаивает — и для чего? Чтобы король во Фрейбурбаде купался в роскоши, в то время как мы получаем здесь несколько роботов с куриными мозгами и примитивнейшей системой управления. И должны строить малоэффективных роботов сами. Аппарат, который вы будете считать автоматическим, может оказаться обычной лодкой с веслами.

Он осушил стакан, и я не стал объяснять ему Экономику галактической коммерции, престиж планет и многочисленные уровни межкоммуникаций. Эта затерянная планета удалена от основного потока галактической культуры, может быть, на тысячу лет, пока вновь после Распада не установила контакт. Они должны возрождаться постепенно, без катаклизмов, которые могут нарушить процесс. Конечно, хоть миллиард роботов могут быть посланы сюда завтра же. И что хорошего это принесет экономике? Наверняка много лучше ввезти на планету блоки управления, чтобы местные сами строили для себя то, что хотят. Если им не нравится конечный результат, они могут улучшить схему, вместо того, чтобы жаловаться.

Князь, конечно, в этом направлении не думал. Анжелина очень тонко сыграла на его предрассудках и личном самолюбии. Внезапно Князь подался вперед и постучал пальцем по шкале на боку робота.

— Посмотрите на него! — крикнул он.— Давление упало на восемьдесят фунтов! А дальше, как вы понимаете, он вообще перестанет соображать и рухнет на пол. Поддерживай давление, идиот, поддерживай давление!!!

Внутри робота что-то щелкнуло, он поставил поднос со стаканами на стол. Я сделал большой глоток и стал с наслаждением наблюдать. Раздражающе медленно подкатившись к камину, он открыл дверцу у себя на животе, откуда вырвалось пламя. Поддев угольным совком приличную порцию антрацита, он швырнул его себе внутрь и снова захлопнул дверцу. Густой черный дым повалил из его трубы. Для внутренних помещений он, конечно, не подходил.

— Вон, дубина, вон! — заорал Князь, заходясь от кашля. Дым начал рассеиваться. Я налил себе еще и решил в первую очередь выяснить все, что можно о Рденранте.

Нужно действовать активнее, если я хочу поймать Анжелину. Вся постановка дела ясно указывала на ее присутствие, а вот ее самой не было видно. В гостиной я встретил несколько человек в окружении Князя. Один из них, Курт, молодой, небогатый дворянин, показал мне замок, состоящий из башен и небольшой слободы, обнесенной высокой стеной, отделявшей их от собственного города. Не наблюдалось никаких явных признаков планов Князя, невдалеке несколько вооруженных волонтеров отрабатывали какие-то нудные приемы. Все это выглядело слишком мирно, чтобы быть похожим на правду, ведь доставили же меня сюда. Это не случайно. Я деликатно задал несколько вопросов Курту, и он любезно на них ответил. Подобно большинству мелкопоместных дворян, он испытывал недовольство центральной властью, хотя, конечно, сам по себе делать ничего не собирался. Его завербовали, он был готов поддерживать планы, хотя сама идея была ему не очень понятна. То, что он не говорил мне всей правды, стало ясно в конце разговора.

Мимо нас прошли женщины, и Курт сказал, что это жены двух других офицеров.

— А вы тоже женаты? — спросил я.

— Нет. Все не было времени. А сейчас я думаю, что не до этого. Когда все закончится и жизнь войдет в норму, можно будет и об этом подумать.

— Это верно, — согласился я. — А что Князь? Он женат? Меня столько лет здесь не было, что я от всего этого отключился. Жены, дети и тому подобное. — Мне показалось, что при ответе он несколько замялся.

— Ну... можно сказать... Я знаю, что Князь был женат, но там что-то случилось, и теперь он не женат... — Он запнулся и перевел мое внимание на что-то еще, уходя от предмета разговора.

Путь Анжилины всегда был отмечен трупами, наверное, имеются и сейчас один-два. Выглядит вполне правдоподобной ее связь со «случайной смертью» жены Князя. Если бы смерть была естественной, Курт бы не стал уходить от разговора. Он замолчал, а я не допытывался. Хотя Анжелина не может быть на виду, ее следы окружают меня со всех сторон. Теперь это было только делом времени. Я могу прижать Курта или отыскать тех громил, что вытащили меня из тюрьмы. Поставить им выпивку, разговорить, расположить к себе, потом вытянуть все, что можно о человеке, который ими руководил.

Анжелина сама сделала первый шаг. Один из угольных роботов, гремя и клацая, принес мне записку. Князь хотел видеть меня. Я причесал волосы, натянул рубашку и отправился.

Когда я вошел, Князь уже был твердо и устойчиво пьян, кроме того, комната была заполнена сладким дымом. В его сигаретах, по-видимому, был не только табак. Это означало, что он с утра был в расстроенных чувствах, но я не собирался быть в числе его утешителей. Я изобразил исключительное внимание.

— Пора за дело, сэр? Вы для этого послали за мной? — спросил я.

— Садитесь, садитесь,— пробормотал он, указывая мне на кресло.— Угломонитесь. Хотите сигарету? — Он подтолкнул ко мне коробку, наполненную коричневыми цилиндрами.

— Нет, сэр, в настоящее время я не курю. Это обостряет зрение и реакцию, 'спусковой палец должен действовать безукоризненно.

Мысли Князя витали где-то далеко, мне показалось, что он не слышит меня. Потирая щеку, он оглядывал меня сверху вниз. Наконец после внутренней борьбы какое-то решение отразилось на его лице.

— Что вы знаете о семействе Радебрахен? — спросил он. Вопрос был настолько необычен, что даже ошарашил меня.

— Абсолютно ничего,— ответил я искренне.— А что?

— Нет... нет...— быстро ответил он, снова потирая щеку. У меня голова начала туманиться от воздуха комнаты. Как же должен был себя чувствовать он?

— Пойдемте со мной,— сказал он, выбираясь из кресла. Пройдя через многочисленные залы вглубь здания, мы остановились около двери, похожей на все остальные, перед которой стоял охранник, грозного вида мускулистый тип со скрещенными на груди руками. В одной из них была зажата рукоять пистолета. При нашем приближении он даже не шевельнулся.

— Он со мной,— сказал Рденрант брюзгливым тоном.

— Я должен обыскать его,— сказал охранник.— Приказ.

Становилось все интереснее. Кто-то отдает приказы, которые не может нарушить Князь — это в его-то замке! Будто бы я не знал. Кроме того, я узнал голос охранника, он был одним из тех, кто забирал меня из тюремной камеры. Он быстро и тщательно обыскал меня и отступил на шаг. Князь открыл дверь, и я последовал за ним, стараясь не отдавать ему пяток.

Теория теорией, а практика практикой. Я был почти уверен, что встречу Анжелину, и все же увидеть ее сидящей за столом было подобно шоку. Словно электрический заряд пробежал по спинному мозгу. Настал момент, которого я ждал долгое время. Необходимо взять себя в руки и надеть маску равнодушия, естественно, с поправкой на то, что перед здоровым молодым мужчиной оказалась привлекательная, соблазнительная женственность.

Конечно, эта девушка была мало похожа на Анжелину, но сомнений не было. Изменилось лицо и цвет волос, но и на новом лице было то же ангельское выражение, что и раньше. Фигура оставалась приблизительно

той же, за исключением, возможно, небольших улучшений. Ее трансформация была поверхностной, не как у меня.

— Это Граф Дибстол,— сказал Князь, останавливая на ней свой затуманенный взгляд.— Человек, которого вы хотели видеть, Ангела.— Итак, она осталась Ангелом, только с другим именем. Это плохая привычка. Я знал нескольких людей, которые попались только потому, что выбирали свое новое имя похожим на старое.

— Спасибо вам, Касситор,— сказала она.— Очень любезно с вашей стороны привести ко мне Графа Дибстола,— добавила она тем же тихим пустым голосом.

Касси, видимо, ждал более теплого приема. Переступая с ноги на ногу, он бормотал что-то себе под нос. Однако Анжелина-Ангела температуру приема оставила прежней, а может, опустила еще градуса на два, начав перебирать какие-то бумаги на столе. Несмотря на свое состояние, Князь все понял. Он вышел, опять что-то бормоча, и на этот раз я понял, что это было самое короткое и грубое слово на местном диалекте. Мы остались одни.

— Зачем вы лгали, будто служили в Звездной Гвардии? — спросила она совершенно спокойно, продолжая копаться в бумагах. Я сделал намек на саркастическую улыбку, сбил несуществующую пыль с рукавов.

— Не мог же я рассказать этим прекрасным людям, чем я действительно занимался все эти годы,— мои глаза излучали протодушие.

— И чем же вы занимались, Бент? — спросила она все тем же ровным без эмоций голосом.

— А вот это уже мое дело,— сказал я в ее же тональности.— И прежде всего я хотел бы узнать, кто вы и как оказалось, что вы имеете большее влияние, чем великий Князь? — я решил идти напролом, но это ее не смутило, и она снова завладела инициативой.

— Ну, поскольку у меня здесь большое влияние, я думаю, вы найдете желание отвечать на мои вопросы. Не бойтесь шокировать меня, вас удивит, сколько я о вас знаю.

Нет, возлюбленная Анжелина, нисколько не удивит. Но не мог же я все выложить без всякого сопротивления.

— Ведь за всей этой историей с революцией стоите вы, не так ли? — сказал я в утвердительной, а не в вопросительной форме.

— Да,— сказала она, положив на стол бумаги, чтобы видеть меня.

— Тогда вы должны знать. Я занимался контрабандой. Это очень интересное занятие, если знать, где что брать. Через несколько лет я понял, что это наиболее выгодный бизнес. Однако в конце концов некоторые правительства увидели во мне конкурента, и опасного. Они хотели обкрадывать народ единолично. Под давлением обстоятельств я вернулся на свою тихую родину для отдыха.

Ангел мой не удовлетворилась моими объяснениями и задала мне массу вопросов, показывающих ее полную осведомленность в этом деле. Я не боялся, так как в свое время пропустил через свои руки таким способом мегасуммы. Волновался я только за детали, так как

занимался этим еще в молодости, не достигнув профессиональных высот. Войдя в роль, я старался запоминать все, что говорил. Это был решающий момент, когда не допускалось ни намека, ни жеста, способных воскресить в ее памяти Скользящего Джима ди Гриза. Я должен казаться местным трутом, витающим все еще в облаках вселенной.

Атмосфера нашей беседы с выпивкой и дымящимися сигаретами была, конечно, подстроена, чтобы ослабить мой контроль над собой и дать мне возможность допустить ошибки. Я действительно пару раз соврал, но так, чтобы она отнесла это за счет моего мальчишеского вздора. Когда напряжение спало, я попытался сам задать вопрос.

— Скажите, с вами никак не связана местная семья Радебрахен?

— Почему вы спрашиваете? — спросила она жестко и холодно.

— Ваш улыбчивый друг Касситор Рденрант спросил меня об этом перед тем, как идти сюда. Я сказал ему, что ничего не знаю. Это как-то связано с вами?

— Это... они хотят убить меня, — ответила она.

— Но это же глупо и отвратительно, — сказал я, принимая эффектную позу. Она проигнорировала. — Чем я могу помочь? — спросил я, возвращаясь к делу, раз моя мужская привлекательность на нее не подействовала.

— Я хочу, чтобы вы были моим телохранителем, — сказала она, и когда я улыбнулся и открыл рот, чтобы ответить, перебила. — И пожалуйста, избавьте меня от всяких комплиментов по поводу моего тела, которое вы будете с удовольствием охранять. Я достаточно наслушалась этого.

— Я только хотел сказать, что принимаю предложение. — Это была ложь, так как фраза, аналогичная отмеченным, вертелась у меня на языке. Я напомнил себе, что как это не трудно перед лицом Анжелины, но расслабляться я не имею права. — Только расскажите мне что-нибудь о людях, которые хотят вас убить.

— Известно, что Князь Рденрант был женат, — сказала Анжелина, поигрывая, словно девочка, стаканом. — Его жена совершила самоубийство самым глупым образом. Ее семья — эти самые Радебрахены — думают, что я убила ее и хотят отомстить, убив в ответ меня. В этом заброшенном углу Фрейбура еще сохранилась вендетта, и эти богатые идиоты тоже ее исповедуют.

Вот теперь картина прояснилась. Князь Рденрант, прирожденный оппортунист, чтобы увеличить состояние, женился на дочери этой семьи. Все было прекрасно, пока не появилась Анжелина. Не зная местных обычаев, связанных с мщением, она убрала с пути камень преткновения. Но что-то было сделано не так, или Князь где-то сплеховал, и возникла вендетта. И теперь мой Ангел хочет просунуть мою нежную плоть между собой и убийцами. Я задал еще один вопрос.

— Это было убийство или самоубийство? — спросил я.

— Да, я убила ее, — сказала она. Все наши карты были на столе. Решение было за мной.

Итак, что же нужно делать? Я не собирался стрелять или бить ее по голове, чтобы арестовать. Нет, я, конечно, собирался ее арестовать, но в будущем, ведь нельзя же это сделать в центре цитадели Князя. Кроме того хотелось подробнее разобраться в деятельности Князя, так как она была несомненно в компетенции Специального Корпуса. Если я собирался вернуться, то с таким подарком мне было бы значительно легче это сделать.

Но вообще-то я не уверен, что хочу вернуться. Трудно забыть тот заряд, которым они собирались взорвать меня. В целом все было не так просто, сюда оказалось замешано множество факторов. Находясь большую часть времени с Анжелиной, я откровенно любовался ею, и забыл о телах, плавающих в космосе. Они приходили ночью и терзали меня, мою совесть, но я всегда засыпал раньше, чем они успевали сделать свое дело.

Жизнь была постелью из роз, и можно было наслаждаться ею, пока цветы не завяли. Наблюдать, как она работает, было истинным наслаждением. Если бы вы поставили меня к стенке и заставили признаться, я бы ответил, что кое-чему у нее научился. Она ведь самостоятельно организовала революцию на мирной планете, которая имела много шансов на успех. В некоторой степени я ей помогал. Несколько раз она обращалась ко мне с вопросами и во всех случаях следовала моим рекомендациям. Конечно, я никогда не свергал правительство, но криминальные законы во всем едины вне зависимости от применения. Однако это было редко. Большую часть времени, особенно в первые несколько недель, я оставался телохранителем, защитником от покушений. Подобное положение, конечно, не могло не вызвать у меня иронической улыбки.

Существовал, однако, в нашем маленьком Мятежном Рае змей, имя которому Рденрант. Из отдельных слов, услышанных в разных местах, я начал подозревать, что князь вовсе не хочет быть революционером. Чем ближе был день выступления, тем бледнее от становился. К этому добавлялись его физические пороки, и однажды произошел конфликт.

Ангелочек и Князь совещались, а я сидел сбоку в приемной. Когда удавалось, я бессовестно подслушивал. И на этот раз, закрывая дверь, я оставил маленькую щелочку. Осторожно манипулируя пальцами, я расширил ее, пока не стали слышны голоса. Князь почти кричал, в его словах слышалась недвусмысленная попытка шантажа. Затем тон понизился, и как я ни прислушивался, но ничего не услышал. Потом в его голосе зазвучало хныканье, перемежающееся сахарной лаской. Ответ Анжелины был однозначен — громкое и решительное — нет. Его вопль поднял меня на ноги.

— Но почему? Всегда только нет! Хватит с меня!

Послышался звук рвущейся ткани, что-то упало на пол и разбилось. Одним прыжком я влетел в дверь. Перед моими глазами открылась живописная батальная сцена. Одежда Анжелины была разорвана на

одном плече. Князь стоял рядом, вцепившись пальцами, словно когтями, ей в руку. Выхватив пистолет, я рванулся вперед, но Анжелина была быстрее. Схватив со стола бутылку, она ловко ударила его по голове. Князь рухнул как подкошенный. Подняв разорванную блузу, она сделала останавливающий жест.

— Уберите пистолет, Бент... Все закончилось,— сказала она спокойно. Я подчинился, но только после того, как убедился, что Князь без движения и моя помощь не потребуется. Она справилась сама. Когда я поднялся, она уже уходила и пришлось ее догонять. Остановившись перед своей комнатой, она бросила мне: «Ждите здесь».

Не нужно было быть слишком прозорливым, чтобы предусмотреть наступление плохих времен. Придя в себя, Князь, несомненно, примет нужное решение и об Анжелине, и о революции. Я размышлял, обдумывал эти вопросы, когда она позвала меня.

Ее плечи покрывал легкий платок, скрывавший разорванное платье. Внешне она выглядела спокойно, но скрытый блеск в глазах выдавал волнение. Я заговорил, как мне казалось, о том, что должно было ее беспокоить в первую очередь.

— Хотите, чтобы я присоединил Князя к его родовитым предкам в семейном склепе?

Она отрицательно покачала головой.

— Он еще пригодится. Мне удастся справиться со своим темпераментом, держите и вы под контролем свой.

— С этим у меня все в порядке. Но неужели вы думаете, что после всего происшедшего можно продолжать с ним работать? У него, между прочим, серьезная травма головы.

Подобные мысли не обременяли ее, она отмахнулась рукой.

— Я все еще могу управлять им, и он будет делать все, что я захочу, разумеется, в пределах разумного. Ограничениями служат его собственные природные способности, о чем я не знала, ставя его во главе восстания. Жаль, что трусость медленно разрушает первоначальную решительность его намерений. Но он все еще считается главарем, и мы должны использовать его в этом качестве. И сила, и власть должны быть в наших руках.

Я человек не медлительный, но осторожный. Прежде, чем ответить, я обдумал ее слова со всех сторон.

— Что означает это мы и наше? Где тут мое место?

Анжелина расположилась в кресле и откинула со лба свои прелестные золотые волосы. В ее улыбке было около двух тысяч вольт и предназначалась она мне.

— Я хочу, чтобы вы участвовали в этом деле вместе со мной,— сказала она с теплыми интонациями.— Партнером. Мы держим впереди Князя Рденранта, пока не придет успех, затем устраним его и все остальное делаем сами. Согласны?

— Да,— сказал я. Потом с особым воодушевлением: — Да...— впервые я был столь однословен, нужно снова собраться с мыслями.— И все-таки почему я? Простой телохранитель, который больше всего

заботится о восстановлении своих прав? Не велик ли скачок от мальчика на побегушках до председателя правления?

— Зачем спрашивать, если вы сами все понимаете, — сказала она и улыбнулась, отчего температура в комнате поднялась еще градусов на десять. — Вы можете руководить этим делом так же хорошо, как и я — вам это нравится. Мы вместе сделаем эту революцию и завоюем планету. Что вы на это скажете?

Пока она говорила, я ходил взад и вперед. Она встала, взяла меня за руку и остановила. Тепло ее пальцев жгло меня огнем через рубашку. Ее лицо было прямо передо мной, улыбающееся, а голос стал бархатным и низким — такого я никогда не слышал.

— Это будет прекрасно. Обязательно. Ты и я... вместе.

Обязательно! Бывает, когда словами все не скажешь, и тогда говорит ваше тело. Это был тот самый случай. Мои руки обняли ее, прижали к себе, мой рот принял к ее губам.

Она ответила мне тем же, руки лежали на моих плечах, губы были ласковыми. Продолжалось это столь мало, что впоследствии я не был уверен, что это вообще было. Теплота внезапно исчезла, все стало плохо.

Она не боролась со мной, не пыталась оттолкнуть, но губы ее вдруг стали безжизненными, а глаза совершенно пустыми. Она так и стояла, пока я не опустил руки и не отошел. Потом снова села в кресло.

— Что случилось? — спросил я.

— Хорошенькое личико — это все, о чем вы мечтаете? — спросила она с рыданием в голосе. Страдание исказило ее лицо. — Все мужчины похожи... все одинаковы.

— Невероятно! — крикнул я в раздражении. — Вы же хотели, чтобы я вас поцеловал, не отрицайте! Что изменилось в ваших мыслях?

— А захотели бы вы поцеловать ее?! — выкрикнула Анжелина в иступлении, которого я не мог понять. Она дернула тонкую цепочку вокруг шеи и швырнула ее мне. На ней висел маленький медальон, еще теплый от ее тела. При падении света под определенным углом на нем четко просматривалось изображение. Мне удалось кинуть только один взгляд на фотографию, на ней была изображена девушка. Что-то изменилось в мыслях у Анжелины, она вырвала цепочку и стала толкать меня к двери. Та захлопнулась за мной, загремел засов.

Не обращая внимания на удивленного охранника, я направился к себе в комнату. С одной стороны, я должен был быть в восторге, ведь Анжелина дала мне знаки расположения, хоть на мгновение. Но что означает ее внезапная холодность и фотография... Зачем она носила ее?

Хотя я увидел ее на один миг, этого было достаточно. На фото была молодая девушка, может быть, ее сестра. Ужасные генетические законы говорят, что возможно неопределенно большое число комбинаций. Эта девушка была отвратительно уродлива, другого слова не подберешь. И дело было не только в одном факторе, вроде горбатой спины, выпирающей челюсти или торчащего носа. Тут была комбинация черт, составляющих единое отталкивающее целое. Вызовет отвращение у кого угодно.

И тут я понял, что непроходимо глуп. Да, Анжелина дала мне взглянуть на глубинные причины того, что изломало, исковеркало ее жизнь.

Конечно, девушка на фотографии была сама Анжелина.

Сразу стало ясно многое другое. Сколько раз, глядя на нее, я удивлялся, как может такая испорченная сущность находиться в такой очаровательной упаковке? Теперь ответ ясен — я не видел первоначальной упаковки. Мужчина еще может как-то терпеть свою уродливость, но что должна чувствовать женщина в такой ситуации? Как жить, когда каждое зеркало — твой враг, и люди поскорее отворачиваются, когда увидят тебя? И что делать, когда к счастью или несчастью вы наделены острым наблюдательным разумом, который все видит и осознает, делает неутешительные выводы, мучается от знаков отвращения?

Некоторые девушки могли бы покончить жизнь самоубийством, но не Анжелина. Я могу предположить, что сделала она. Презирая себя, ненавидя свой мир и людей в нем, она не испытывала угрызений совести, задумывая преступления с целью добычи денег. Денег для операции по уничтожению какого-либо уродства. Потом еще денег для следующей операции. Затем, когда кто-то попытался остановить ее однажды, она легко, возможно, с удовольствием убила его. Медленный, жуткий подъем к красоте, с достойным удивления разумом.

Бедная Анжелина! Я мог бы пожалеть ее, если бы не убийства, которые она совершила. Бедная несчастная девушка, которая выигрывала одни битвы, безнадежно проигрывая другие. Она сумела придать телу очарование, действительно ангельские очертания, а мозг, который управлял всем процессом, постепенно деформировался, пока не стал таким же уродливым, как раньше тело.

Но если можно изменить тело, то почему нельзя изменить мозг? Можно ли что-то сделать для нее?

Я так напряженно думал, что не мог усидеть в своей маленькой комнате и вышел на свежий воздух. Близилась полночь, внизу должна быть охрана, и все двери заперты. Я решил подняться наверх, в сад на крыше не должно быть никого, можно будет прогуляться в одиночестве.

На Фрейбуре нет луны, но ночь была ясная, звезды давали достаточно света, чтобы видеть вокруг. Охранник приветствовал меня, когда я вышел, был виден красный огонек сигареты в его руке. Я должен был сказать что-то по этому поводу, но мои мысли были заняты чем-то другим. Повернув за угол, я остановился и стал смотреть, облокотившись на парапет, на темные громады гор.

Что-то задержало мое внимание, и через несколько минут я понял, что это было. Охранник. Он был на посту и курил, хотя для часового это не положено. Может быть, я слишком придирался, но мне это не понравилось. В любом случае, поскольку это беспокоило меня, надо вернуться и сказать ему пару слов.

Его не было на обычном месте, это радовало, значит, ходит и наблюдает. Я пошел обратно и вдруг заметил сломанные цветы,

свисавшие с края крыши. Это было совершенно невероятно, так как сад на крыше был предметом гордости и постоянной заботы Князя. Издали я увидел какое-то темное пятно среди цветов и понял, что дела очень и очень плохи.

Это был часовой, мертвый или при смерти. Мне не нужно было искать причину, по которой кто-то мог оказаться здесь ночью. Причиной была Анжелина. Ее комната была на верхнем этаже почти под этим местом. Я тихонько прошел к краю и взглянул вниз. В пяти метрах ниже была видна белая площадка балкона перед ее окном и что-то темное и бесформенное, припавшее к стене. Мой пистолет остался в комнате. Это один из немногих случаев в моей жизни, когда я не выполнил всех предосторожностей. Я должен был спасти Анжелину.

Все это в доли секунды промелькнуло у меня в мыслях, когда я взялся за край балюстрады. Рука наткнулась на крохотный крючок, к которому была привязана веревка, почти невидимая, но прочная, как канат. Убийца спустился с помощью специального приспособления, выпускающего из себя нить, как паук. Нить представляла собой субстанцию, состоявшую из одной молекулы, способную выдержать вес человека. Если бы он попытался спуститься по ней, то лишился бы пальцев, она была острее бритвы.

На балкон можно было попасть, достигнув маленькой площадки под ним, для чего нужно было пройти почти два километра по долине. Я принял решение прыгать, вскочил на перила и поймал равновесие. Подо мной бесшумно открылось окно, медлить было нельзя, я оттолкнулся, метя пятками в человека, и полетел вниз.

В воздухе меня развернуло, и я попал пятками ему в плечи. Мы оба покатались по балкону. Древние камни задрожали, но выдержали. Падение слегка оглушило меня, но я надеялся, что ему досталось не меньше, чем моим ногам. Несколько секунд я был беспомощен, затем совладал с собой и пополз к нему. От удара из его руки выпал тонкий длинный кинжал, который, к счастью, не задел меня, а только порвал рукав. Он успел к нему раньше, но я схватил его руку с ножом и крепко сжал.

Это была безмолвная кошмарная битва, цена которой, как мы хорошо знали, была жизнь. Из-за ушиба ноги я не мог быстро встать, и он, более тяжелый, оказался сверху. Обоими руками я с трудом держал его руку с кинжалом. Стояла мертвая тишина, слышалось только наше тяжелое дыхание.

Перевес начал склоняться на сторону убийцы, вес и неумолимая сила делали свое — кинжал медленно опускался. Лезвие было совсем рядом, но тут я заметил, что вторая его рука безжизненно висит. Она была сломана при падении. А он даже не издал ни звука!

Никогда человек не сражается так отчаянно, как при борьбе за свою жизнь. Мне удалось вытащить из-под него одну ногу и, извернувшись, я ударил коленом в его сломанную руку. Он содрогнулся от боли. Я повторил. Пытаясь отстраниться, он потерял равновесие и согнул локоть, стараясь удержаться от падения. Вложив все мои силы, я развернул его руку с кинжалом лезвием вверх.

Это почти удалось мне, но он был все-таки сильнее, лезвие только слегка поцарапало ему грудь. Я собрал силы, чтобы повторить прием, по-видимому, безнадежный, но внезапно он содрогнулся и умер.

Хитростью меня не возьмешь, но это была не хитрость. Я почувствовал, как в спазме заостенели его мускулы, когда он упал в сторону, но все равно не разжал схватки. Зажегся свет в окне. И только тут я увидел жуткие желтые пятна на лезвии ножа — мгновенно действующий нервнопаралитический яд. Там, где лезвие задело рукав моей рубашки, тоже остался желтый след. Я знал, что яд не нуждается во введении внутрь, он также хорошо действует на обнаженную плоть.

С невероятными предосторожностями, борясь с дрожью в руках от усталости, я поднял рубашку. И только когда она была брошена поверх трупа, я расслабился и глубоко вздохнул.

Нога у меня действовала, хотя и сильно болела, видимо, я ее не сломал, хотя и сильно ушиб, но мой вес она держала. Я шире открыл высокое окно в комнату, и труп позади меня ярко осветился. Анжелина спокойно сидела на кровати, прижимая к груди одеяло, но в ее глазах виднелась тревога — она поняла, что произошло.

— Мертв,— сказал я хриплым голосом, горло пересохло, и прокашлялся.— От собственного яда.— Я прошел в комнату, растирая ногу.

— Я спала и даже ничего не слышала, как он открыл окно,— сказала она.— Спасибо.

Актриса, лгунья, обманщица, убийца. Она играла сотни ролей, говорила бесчисленным количеством оттенков голосов. Но сейчас, в этих последних словах, ощущалось неподдельное чувство. Эта попытка убийства произошла слишком быстро после предшествующей тяжелой сцены. Ее защитные реакции не успели возобладать над естественными эмоциями.

Волосы рассыпались у нее по плечам, на ней была красивая ночная рубашка, сделанная из какого-то тонкого и мягкого материала. Все события этой ночи давали мне право действовать смело. Я сел на кровать, обнял ее за плечи. Медальон с разорванной цепочкой лежал на столике перед ее кроватью, я взял его в руку.

— Пойми, этой девушки не существует, она осталась только в твоей памяти,— сказал я.— Это все в прошлом. Ты была ребенком, а теперь ты женщина. Ты, может, и была этой девочкой, но сейчас ты не она!

Я резко повернулся и бросил медальон в окно, в темноту.

— Все это осталось в прошлом, Анжелина,— сказал я.— Ты — это только ты! — крикнул я во весь голос.

Я поцеловал ее, и на этот раз она меня не оттолкнула. Как я нуждался в ней, так и она нуждалась во мне.

Глава 18

Как только рассвет коснулся неба, я отнес тело убийцы к Князю. Я был лишен удовольствия разбудить его, так как это уже сделал сержант охраны, когда обнаружил на крыше убитого охранника. Он

был убит тем же самым отравленным кинжалом. Начальник охраны и Князь топтались вокруг тела и с недоумением рассуждали об этой непонятной смерти часового. Они не видели меня, пока я не сбросил свой груз рядом с часовым, напугав их.

— Вот убийца,— сказал я не без гордости. Князь Касситор наверняка узнал тело, так как, взглянув на него, резко содрогнулся. Несомненно близкий родственник, брат или кто-то в этом роде. Я думаю, что он не верил никогда, будто семейство Радебрахи осуществит свою угрозу мести.

Поведение сержанта охраны вызывало недоумение. Он переводил взгляд с Князя на труп и обратно, и я удивился, как быстро носятся мысли в его бритой, мощной, военной голове. Тут была какая-то сложная завязка и нужно выяснить, в чем дело. Я решил при первой же возможности поговорить с сержантом тет-а-тет. Князь, стоя рядом с трупом, потирал щеку, хрустел суставами, наконец, велел унести их.

— Останьтесь, Бент,— сказал он, когда я собрался уходить с другими. Я уселся в кресло и дождался, пока все ушли. Подбежав к бару, он наполнил стакан еще раз, вспомнив при этом, что не мешало бы предложить и мне этот живительный напиток. Я не отказался и, посасывая его, дивился его волнению.

Во-первых, Князь проверил замки на всех дверях и плотно занавесил окно. Открыв специальным ключом нижний ящик стола, он достал из него маленький электронный прибор со шкалой управления и телескопической антенной на верхней крышке.

— Неплохая штука,— сказал я, когда он вытянул антенну. Он не ответил, только бросил из-под бровей короткий взгляд и занялся регулировкой. И только когда на шкале зажегся зеленый индикатор, он успокоился.

— Вы знаете, что это такое? — спросил он, указывая на прибор.

— Конечно,— сказал я.— Только познакомился с ним не на Фрейбуре. Здесь он не слишком распространен.

— Они здесь вообще не распространены,— сказал он, добиваясь максимальной яркости зеленого индикатора.— Насколько мне известно, этот экземпляр единственный на планете, и я хочу, чтобы вы никому не говорили о том, что видели.— Н и к о м у.— Повторил он с ударением.

— Это меня не касается,— сказал я с наигранным отсутствием интереса.— Я думаю, что человек имеет право на свои тайны.

Я сам любил тайны и множество раз использовал снуп-детекторы. Они могли обнаружить электронные или волновые подслушивающие устройства и немедленно оповещать об этом. Можно было обмануть их, но сделать это было невероятно трудно. Пока никто не знал о детекторе, Князь мог быть уверен, что никто его не подслушает. Но кому могло прийти это в голову здесь, в центре замка? Даже он должен знать, что снуп-детекторы не могут работать на расстоянии. В воздухе резко запахло крысой, и я начал догадываться, в чем дело. Не оставалось сомнений, что крыса — Князь.

— Вы не глупый человек, Граф Дибстол,— сказал он, подразумевая под этим, что я значительно глупее его.— Вы путешествовали, видели другие миры и понимаете, как дики и отстали мы здесь. Не откажитесь помочь мне сбросить петлю, которая затягивается вокруг шеи нашей планеты. Никакие жертвы не страшны, если приближается день победы,— он даже вспотел и опять вернулся к своей скверной привычке хрустеть пальцами. Голова сбоку, там, где Анжелина приложила бутылку, была заклеена пластырем, мокрым от пота. Я надеялся, что рана болит.

— Вы охраняете эту иностранку...— сказал Князь, поворачиваясь боком, все еще продолжая наблюдать за мной краешком глаза.— Она оказала нам определенную помощь в организации, но сейчас ставит нас в затруднительное положение. Уже имеется одно покушение на жизнь этой дамочки и, вероятно, будут другие. Радебрахен — старая известная семья, и ее присутствие для них невыносимо.— Он отхлебнул из стакана и перешел к основному.— Я думаю, вы сможете выполнять ее работу. Так же хорошо, а возможно и лучше. Как вы на это смотрите?

Без сомнения я был переполнен талантами, или на этой планете не хватало революционеров. Уже второй раз за сутки мне предлагали сотрудничество. Было ясно, что Анжелина предлагала искренне, а вот от предложения Касси Дюка Рденранта исходил гнилой душок. Я решил продолжать игру, чтобы увидеть, к чему это приведет.

— Я польщен, Князь,— ответил я.— Но что будет с иностранкой? Я не уверен, что ей понравится эта мысль.

— Это не важно, что ей понравится,— отрезал он, слегка коснувшись пальцами повязки на голове. Затем, снова взяв себя в руки, продолжил.— Мы не можем быть жестокими с ней,— и его лицо исказила отвратительная лицемерная улыбка, какой я никогда не видел до сих пор.— Мы будем держать ее в заключении. У нее есть несколько преданных соратников, но об этом позаботятся мои люди. Вы будете с ней и арестуете ее в нужный момент. В тюрьме она будет в безопасности и не станет мозолить глаза, чтобы не навлечь неприятности на нас.

— Отличный план,— согласился я с энтузиазмом.— Меня не радует заключить эту бедную женщину в тюрьму, но если так нужно, то я готов. Цель оправдывает средства.

— Вы правы, Бент. У вас замечательная способность вставлять афоризмы. Я с удовольствием запишу: ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА.

И такой человек планирует революцию! Я напряг память, чтобы вспомнить подходящий к случаю афоризм, но мысли затопила внезапная злость. Я вскочил на ноги.

— Если мы собираемся делать это, Князь, незачем терять время,— сказал я.— Давайте назначим арест на 18 часов, это даст вам время обезвредить ее охрану. Я буду с ней в комнате и арестую ее, как только получу от вас сообщение о благополучном завершении вашей акции.

— Все правильно. Вы, как всегда, человек действия, Бент. Пусть

будет так, как вы предлагаете.— Он протянул руку, и я, сдерживая отвращение, должен был пожать эту мягкую, предательскую ладонь. Теперь прямо к Анжелине.

— Нас тут не подслушивают? — спросил я Анжелину.

— Нет, комната абсолютна чистая.

— У вашего бывшего дружка Князя Касси есть снуп-детектор. Не исключено, что у него есть и другие приборы, в частности для подслушивания, которые он мог установить здесь.

Эта мысль ни в малейшей степени не взволновала Анжелину, она сидела перед зеркалом, расчесывая волосы. Сцена, конечно, очаровательная, но в данный момент неуместная. Штормовые ветры несутся на революцию, грозя ее разрушить.

— Я знаю о детекторе,— сказала она, продолжая причесываться.— Это я ему подсунула. Правда, его слегка доработали, чтобы на наших частотах он всегда показывал норму, даже когда я включаю подслушивающее устройство.

— А вы слышали, как несколько минут назад он делал мне предложение убить вашу охрану, а вас заключить в тюрьму?

— Нет, не слышала,— сказала она с таким изумительным самообладанием и спокойствием, какие всегда отличали ее поступки. Она улыбнулась мне в зеркало.— Я была занята воспоминаниями о прошедшей ночи.

Женщины! Они все смешивают вместе. Возможно, для них так лучше, но очень трудно для тех, кто находит, что логика и эмоции разные вещи. Я должен заставить ее понять серьезность ситуации.

— Хорошо, пусть эти маленькие новости вас не волнуют,— сказал я, стараясь двигаться спокойно.— Но есть другие. Вовсе не Радебрахе-ны послали убийцу прошлой ночью. Это сделал Князь.

Это слегка подействовало. Анжелина оставила волосы и глаза ее посерьезнели. Она не задавала глупых вопросов, а ждала, что я скажу дальше.

— Я думаю, что ты недооцениваешь бешенство этой крысиной морды. Когда вчера он получил бутылкой по голове, это совершенно разозлило его. Сержант охраны опознал убийцу и связал его с Князем. Это объясняет и то, как убийца попал на крышу и как он узнал, где вас искать. Слишком многое произошло после вчерашней драки с Касситом Сварливым.

Пока я говорил, Анжелина вернулась к своей прическе и стала взбивать локоны. Она не ответила. Это полнейшее отсутствие интереса стало действовать мне на нервы.

— Так что же все-таки вы собираетесь делать? — уже не скрывая раздражения, спросил я.

— А не кажется ли вам, что более важно понять, что вы собираетесь делать? — Она не подчеркивала вопроса, но за ним скрывалось многое. Я видел, что она наблюдает за мной в зеркале, поэтому отошел к окну, глядя на фатальный балкон и покрытые снегом вершины. Что я собирался делать? Это был вопрос, куда более сложный, чем ей казалось.

Что я вообще собирался делать? Участвовать в революции, к которой я не имел ни малейшего отношения? Зачем я тут? Чтобы арестовать Анжелину для Корпуса? Об этом надо пока забыть. Но ответ надо найти! Мое тело было хорошо замаскировано, но я не рассчитывал на какое-то длительное совместное общение. Конечно, Анжелина уверена, что убила меня и не станет заниматься моей идентификацией.

И тут меня осенило. Какие-то участки памяти могут забыть какой-то факт, но внезапно он может проявиться.

— Все это осталось в прошлом,— кричал я.— Все это в прошлом, Анжелина.— Я сказал это, и она не возражала.

Хотя она уже не Анжелина, здесь она Ангела.

Когда я к ней повернулся, на моем лице наверняка была написана растерянность, но она только загадочно улыбнулась и ничего не сказала.

Но волосы расчесывать перестала.

— Ты знала, что я не Граф Дибстол,— выговорил я с трудом.— И как давно?

— Давно. Почти сразу же, как ты вошел сюда.

— Ты знаешь, кто я?..

— Настоящего имени я не знаю, если ты это имеешь в виду. Но я помню, какая злость во мне кипела, когда после проделанной огромной работы ты выжил меня из линкора. И я помню глубокое удовлетворение, когда я стреляла в тебя во Фрейбургаде. Теперь ты скажешь свое имя?

— Джеймс,— сказал я невесело.— Джеймс ди Гриз, известный в своей среде как Скользящий Джим.

— Прекрасно. Мое настоящее имя Ангела. Я думаю, что это была идиотская шутка моего отца, поэтому я с радостью увидела его в гробу.

— Почему ты не убьешь меня? — спросил я, догадываясь, как отошел в лучший мир ее отец.

— Зачем, дорогой? — спросила она проникновенным голосом.— Мы оба сделали в прошлом ошибки и потребовалось много времени, чтобы понять нашу с тобой похожесть. Я могу точно так же спросить, почему ты не арестуешь меня, ведь с этого все началось, не так ли?

— Да... но...

— Но что? Ты пришел сюда с этой мыслью, но не выдержал внутренней борьбы с собой. Поэтому я и не сказала, что узнала тебя. Я не знала, как все получится, хотя и надеялась. Ты видишь, я не хотела убивать тебя, я знала, что тылюбишь меня, это было заметно сразу. Это отличалось от звериной похоти всех самцов, которые говорили, что любят меня. Им нравилась только моя плоть, а ты любишь меня всю, потому что мы оба одинаковы.

— Мы не одинаковы,— сказал я, но не было убежденности в моем тоне. Она только улыбнулась.— Ты убивала и наслаждалась убийством — вот наше основное различие. Понятно?

— Ерунда! — она отмахнулась от этого, как от чепухи.— Ты убил

прошлой ночью — тоже неплохая работа — и я не заметила никакого раскаяния. И по-моему, даже отмечался определенный подъем?

Не знаю почему, но я чувствовал, как будто петля затягивается на моей шее. Все, что она говорила, было неправильно, но я не мог сказать, где конкретно. Где выход. Как разрубить этот гордиев узел?

— Давай покинем Фрейбур, — сказал я наконец. — Уйдем подальше от этого идиотского ненужного восстания. Там опять будут смерти, убийства.

— Мы уйдем, если сможем найти место, где нам будет хорошо, — отрезала Анжела с металлом в голосе. — Но не это главное. Главное, что ты должен что-то подправить у себя в голове, изменить точку зрения. Это глупое отвращение к убийству. Ты не понимаешь, что это совершенно тривиально. Через двести лет в Галактике умрут все, кто живет сегодня, и какая разница, если помочь нескольким достичь этого чуть быстрее. Они сделают то же самое с тобой, если у них будет возможность.

— Ты не права, — возразил я, понимая, что философия жизни и смерти значительно сложнее, но затрудняясь сформулировать свою точку зрения в этой нервной обстановке. Анжела слишком сильный наркотик, и моя слабая воля не устояла, смытая мощным потоком эмоций. Я прижал ее к себе и стал целовать, понимая, что хоть это и решает секундные проблемы, но финальное решение делается более трудным.

Тонкое пронзительное жужжание ударило мне в уши, и Анжела тоже услышала его. Оторваться друг от друга было трудно. Я сел в кресло, а она подошла к видеофону и, переключив что-то, спросила. Я не слышал ответа, так как она отключила динамик и пользовалась наушниками. Один или два раза она сказала — да, посмотрев при этом неожиданно на меня. Не было видно, с кем она говорила, да мне это было и все равно. Хватало других проблем.

Закончив разговор, она на момент застыла, и я ждал, что она скажет. Но она подошла к столу, открыла его и стала в нем копаться. Там было много интересных вещей, но она достала ту, которую я меньше всего ожидал увидеть.

Пистолет, большой, смертельный, направленный на меня.

— Зачем ты сделал это, Джим? — спросила она, и слезы застыли в уголках ее глаз. — Почему ты решил это сделать?

Она даже не слушала мой ответ, ушла в свои мысли, хотя пистолет упорно смотрел в центр моего лба. Внезапно она вернулась к действительности и злость плеснулась в ее глазах.

— Да ты ничего и не сделал, — сказала она старым жестким тоном. — Это я поверила, что один мужчина может отличаться от всех остальных. Ты преподавал мне хороший урок, большое спасибо.

— Ты, что, совсем сошла с ума! — заорал я, ничего не понимая.

— Не разыгрывай из себя невинность, — сказала она, отступая назад и доставая из-под кровати маленький тяжелый чемоданчик. — Я установила радарный пост. Подкупила операторов, чтобы они послали мне сигнал сразу же. Кольцо кораблей, как тебе хорошо

известно, снижается из космоса и окружает эту область. В твою задачу входило отвлекать меня как можно дольше. Этот план не удался.— Она накинута на руку плащ и стала спиной отходить через комнату.

— Если я скажу, что ни при чем, дам тебе самое большое честное слово, ты не поверишь мне? — спросил я.— Я ничего не делал и ничего не знал об этом.

— Оставь это для Космических Бойскаутов,— сказала Анжела издевательски.— Почему бы тебе не сказать правду, все равно через двадцать секунд ты умрешь.

— Я сказал тебе правду,— я хотел броситься на нее, но знал, что не успею.

— Прощай, Джим ди Гриз, приятно было провести с тобой время. Позволь, уходя, доставить тебе последнюю радость. Все, что ты сделал для меня и против меня, было напрасно. Позади меня есть дверь в потайной ход, о котором никто не знает. До того, как сюда прибудет полиция, я буду в безопасности. И еще я скажу, что буду убивать, убивать и убивать. И никто не сможет меня остановить.

Анжела подняла пистолет на вытянутую руку и слегка коснулась курка. За ней повернулась панель, открывая черную дыру в стене.

— Не разыгрывай сцену, Джим,— сказала она брезгливо, глядя на меня поверх пистолета.— Я не попадусь на удочку. Эти широко раскрытые глаза, это удивление, как будто кто-то стоит у меня за спиной. Я не повернусь. Ничего у тебя не выйдет.

— Знаменитые последние слова,— сказал я, отпрыгивая в сторону.

Пистолет рывкнул, но пуля ушла в потолок. За ней стоял Инскин, поймав пистолет, выбитый у нее из рук.

Анжела смотрела на меня с ужасом, даже не пытаясь сопротивляться. Уже и наручники защелкнулись на ее тонких запястьях, а она все еще стояла так же неподвижно и молча. Я прыгнул вперед, выкрикивая ее имя.

Позади Инскина появилось двое в форме Патруля, они забрали ее, а он запер дверь, чтобы я не бросился за ними. Я стоял такой же вялый и безучастный, как перед этим была Анжела.

Глава 19

— Выпьем,— сказал Инскин, опускаясь в кресло Анжелы и доставая из кармана плоскую фляжку.— Бренди. Эрзац земного, но все же это не местный из растворенной пластмассы.

— Сгинь... ты...— мучительно подбирая слова и выражения покрепче из своего межзвездного лексикона, я попытался выбить рюмку у него из руки. Он одурачил меня — поднял ее и без малейшего раздражения выпил.

— Это что, новый язык для общения с высшими офицерами Специального Корпуса? — спросил он, вновь наполняя рюмку.— Похоже, что вы забыли все порядки, совсем разболтались. У нас ведь не все дозволено.— Он опять собрался выпить, но тут уж я перехватил ее.

— Зачем вы сделали это? — спросил я, все еще раздраемый страстями.

— Потому что ты не сделал, вот почему. Операция окончена, ты выиграл ее. До сих пор у тебя был испытательный срок, а сейчас ты получаешь звание полного агента.

Он залез в карман и достал маленькую золотую звездочку, сделанную из бумаги, аккуратно лизнул ее и торжественно прилепил мне спереди на рубашку.

— Именем данной мне власти,— продекламировал он торжественно,— произвожу тебя в Полные Агенты Специального Корпуса.

Итак, я достиг вершины карьеры — и я засмеялся. Это был абсурд.

— А я думал, что уже выбыл из команды,— сказал я ему.

— Я не получил твоей отставки,— сказал Инскин.— Да это и не имело бы значения. Ты не можешь уйти из Специального Корпуса.

— Да. Но ведь я получил ваше сообщение о своем увольнении. Или вы забыли, что я украл корабль? А сигнал управления, посланный от вас, который должен был взорвать меня? Если я сижу здесь, то только потому, что успел вытащить запал.

— Да ничего подобного, мой мальчик,— вставил он, откидываясь и наливая себе вторую рюмку.— Ты так настаивал на преследовании этой красотки Анжелы, что я подумал, что ты можешь позаимствовать корабль до того, как мы дадим тебе его сами. Корабль, который ты взял, имел запал, как и всегда в таких случаях. Но только запал, а не заряд. Он был установлен так, чтобы взорваться через пять секунд после того, как его удалят. И все. По моему мнению, это придает определенную независимость мышлению перспективных агентов.

— Значит, все это было подстроено? — спросил я.

— Можно сказать, что так. Но я предпочитаю термин «упражнение на ученую степень». Таким образом мы узнаем, будут ли «отловленные» нами новички действительно посвящать всю жизнь борьбе за закон и порядок. И они узнают тоже. Мы не хотим, чтобы впоследствии были сомнения в избранном пути. Ты узнал про себя, Джим?

— Узнал кое-что... и я еще не совсем уверен, что все,— сказал я, не решаясь пока заговорить о мучавшем меня вопросе.

— Это была прекрасная операция — ты проявил большую фантазию в достижении цели.— Затем он нахмурился.— Но это дело с банком я не одобряю. У Корпуса есть все необходимое, в чем ты нуждаешься...

— Те же самые деньги,— возразил я.— Откуда берет их Корпус? От планетарных правительств. А где берут они? Налоги, конечно. А я взял их прямо из банка. Страхование общество выплатит банку убытки, затем объявит о меньшей прибыли за год, выплатит меньше налога правительству — и в результате этого все то же, что и при нашем способе.

Инскин был наверняка знаком с этой демагогией и не удосужил меня ответом. Я все еще не решался спросить его об Анжеле.

— Как вы нашли меня? — спросил я.— Ведь на корабле не было багов.

— Наивное дитя природы,— Инскин в притворном ужасе поднял руки.— Или ты действительно думаешь, что на наших кораблях нет

багов? Он установлен так, что его нельзя найти, если не знаешь, где искать. Для твоего сведения, внешняя дверь космошлюза содержит сложную передающую систему, с помощью которой мы точно определяем расстояние.

— Почему я не нашел его?

— Потому что он не передавал. Я должен добавить, что дверь содержит и приемник. Передача ведется только в том случае, если получен соответствующий сигнал. Мы дали тебе возможность достичь места назначения, а затем выследили. Мы потеряли тебя на некоторое время во Фрейбургаде, но потом мы напали на след в госпитале, где ты устроил розыгрыш с трупами. Мы помогли тебе там. Госпиталь был глубоко возмущен, но мы их успокоили. После этого мы взяли под наблюдение хирургов и соответствующее оборудование, так как твой следующий шаг был очевиден. Я надеюсь, что тебе будет приятно узнать, что ты носишь микропередатчик в своей груди.

Я посмотрел на грудь, но ничего не сказал.

— Подвернулась слишком хорошая возможность, чтобы ее упустить, — продолжал Инскин. — Однажды ночью, когда ты крепко спал от снотворного, а милый доктор добрался до алкоголя, который оказался в одной из продуктовых посылок, Хирург Корпуса сделал маленькую операцию.

— И потом вы следили за каждым моим шагом?

— В общем да, но ты мог вести себя по-другому, если бы знал, что мы здесь.

— Тогда почему же вы пришли? — спросил я. — Ведь я не «свистал всех наверх».

Это был для меня важный вопрос, и Инскин задумался, прежде чем ответить.

— Это верно, — сказал он, потягивая бренди. — Я люблю, чтобы у новичка, сидящего на привязи, была достаточная уверенность и длинная веревка, но не настолько, чтобы он на ней удавился.

Что я мог сказать?

Его голос был мягким и сочувствующим:

— Арестовал бы ты ее, если бы мы не пришли?

— Не знаю, — честно ответил я.

— Хорошо, что я сделал по-своему, — ругнулся он со злостью. — А то сейчас наша мультиубийца уже сбежала бы.

— Отпусти ее! — крикнул я, схватив его за рукав куртки. — Отпусти ее, я тебе говорю!

— И ты хочешь, чтобы она вернулась к прежнему состоянию, к прежнему образу жизни? — спросил он.

Хочу ли я? Я не мог ответить. Я думал об этом. Пока он поправлял складки своей куртки.

— Тяжелая у тебя ситуация, — сказал Инскин, завинчивая фляжку. — Линия между добром и злом, правдой и ложью может быть очень тонкой. А при эмоциональном возбуждении ее почти невозможно увидеть.

— Что с ней будет?

Он заколебался.

— Только правду, какая бы она ни была.

— Хорошо. Только правду. Не обещаю, но психологи попробуют что-то сделать для нее. Если они смогут найти причину, породившую отклонение, но это далеко не всегда удастся.

— Только не в этом случае. Я расскажу им.

Он посмотрел на меня с удивлением, слегка вознаградив мое самолюбие.

— В таком случае есть шанс. Я отдам соответствующее распоряжение, чтобы были испробованы все другие возможности, прежде чем поставить вопрос об уничтожении личности. А если придется пойти на это — она останется человеком, каких много в Галактике. Приговоренная к смерти, она станет трупом, которых тоже не меньше.

Я отобрал у него фляжку, пока он не убрал ее в карман.

— Я знаю вас, Инскин, и не морочьте мне голову. Когда вы кого-нибудь ловите, вы его вербуете.

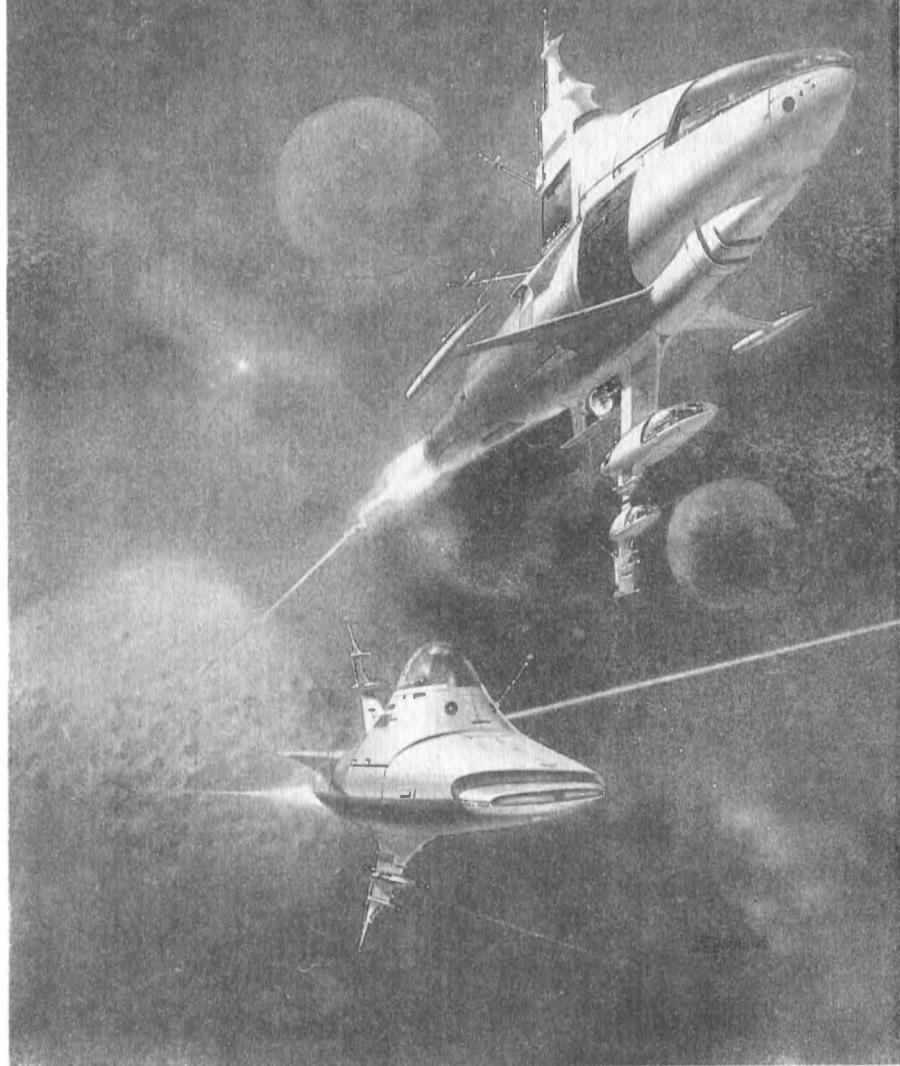
— Это верно,— сказал он.— Она будет отличным агентом.

— Мы составим суперкоманду,— сказал я.

И мы подняли бокалы.

За преступления!

МЕСТЬ КРЫСЫ ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

Глава 1

Я стоял в очереди, такой же терпеливый, как и другие налогоплательщики, сжав в своей горячечной руке свои заполненные декларации и наличные. Наличные деньги, старомодный складывающийся материал. Местный обычай, который я собирался сделать дорогостоящим для местных жителей. Я почесывался под фальшивой бородой, она у меня вызывала страшный зуд, когда стоящий передо мной человек убрался с дороги и я оказался перед окошком. Мой палец пристал к клею, и мне пришлось потрудиться, чтобы освободить его, не сорвав заодно и бороду.

— Скорее, скорее, давайте их сюда,— потребовала пожилая, топорнолицая, злая и сварливая служащая, нетерпеливо протягивая руку.

— Напротив,— возразил я, давая документам и банкнотам упасть, открывая внушительный пистолет 0.7 калибра без отдачи в моей руке.— «ВЫ!» давайте их сюда. Все эти налоговые деньги, выжатые вами из бараноподобных сосунков, населяющих эту отсталую планету.

Я улыбался, чтобы показать, что я не шучу, и она поперхнулась криком, и принялась шарить в ящике с наличными. Это была широкая улыбка, показывающая все мои зубы, которые я покрыл чернокрасными пятнышками, что помогло ей решиться на надлежащий курс действий. Пока деньги толкали ко мне, я набивал ими свое длинное пальто, полностью простроченное карманами.

— Что вы делаете? — ахнул стоящий позади меня человек, выпучив глаза, словно огромные белые виноградины.

— Деньги беру,— ответил я и сунул ему одну пачку.— Почему бы вам самому не получить малость?

Он машинально подхватил пачку, уставившись на нее. И в этот момент сработала сигнализация: я услышал, как с треском захлопнулись двери. Кассирша сумела нажать кнопку.

— Неплохо для вас,— похвалил я.— Но пусть эта мелочь не мешает вам продолжать выдачу наличных.

Она разинула рот и начала ускользать из моего поля зрения, но взмах пистолетом и еще одна молния моих карминовых зубов восстановили ее равновесие, и поток банкнот продолжился. Люди стали носиться вокруг меня, а заодно начали появляться охранники, в энтузиазме высматривающие, в кого бы пострелять, размахивая пистолетами, поэтому я нажал радиореле в своем кармане. По всему банку раздалась серия взрывов, во всех корзинах для бумаг, куда я положил газовые бомбы. Затем последовали даже более очаровательные вопли клиентов. Тут я прекратил принимать деньги на время,

достаточное для того, чтобы надеть защитные очки и приладить их на место. Заодно я плотно закрыл рот, так как был вынужден дышать сквозь фильтры в ноздрах.

Это было завораживающее зрелище. Затемняющий газ невидим и не обладает запахом, но он содержит химическое вещество, действующее почти мгновенно, вызывая паралич оптических нервов. Через пятнадцать секунд все в банке ослепли.

За исключением Джеймса Боливара ди Гриза, меня, значит, человека многих талантов. Насвистывая сквозь зубы счастливый мотивчик, я упрятал оставшиеся деньги. Моя благодетельница ускользнула наконец из поля зрения и несдержанно визжала где-то под стойкой. Так же, как и масса других людей. Было много шаривших вслепую руками и падавших, когда я прокладывал себе дорогу через этот бедлам, к тому же основательно задымленный. Мутное ощущение, в самом деле, кривой среди слепых и все такое. Снаружи уже собралась толпа, прижимающаяся в священном ужасе к окнам и стеклянным дверям, жадно следя за разворачивающейся внутри драмой. Я помахал рукой и улыбнулся, и по ближайшим прошла дрожь, когда они в панике ринулись от двери. Я отстрелил замок, направив пистолет таким образом, чтобы пули провизжали у них над головами, и пинком открыл дверь. Прежде чем выйти самому, я выбрал то, что надо, и выбросил зуду на тротуар, затем я быстро воткнул в уши затычки.

Зуда завизжала, и все начали быстренько рассеиваться. Вам приходится быстренько рассеиваться, когда вы слышите одну из этих штук. Она испускает смешанный отвар дьявольских звуков на децибельном уровне крупного землетрясения. Некоторые усиленные звуки, вроде поскребывания ногтем по школьной доске, в то время, как другие — инфразвуковые — как раз и вызывают ощущение паники, близящейся к смерти. Они безвредны и высокоэффективны. Улица была пуста, когда я подошел к машине, только что затормозившей у тротуара. Голова у меня вздрагивала от инфразвуковых частот, проходивших сквозь затычки, и я был более чем счастлив проскользнуть через открытую дверь и расслабиться, покуда Анжела повела машину вперед по улице.

— Все прошло отлично? — спросила она, не сводя глаз с дороги, когда свернула за угол на двух колесах. Вдали завывли сирены.

— Как кусок торта. Гладко, как касторовое масло...

— Твоя улыбка оставляет желать много лучшего.

— Извини. Налет несварения желудка сегодня утром. Но мое пальто набито большим количеством денег, чем сможет понадобиться.

— Как мило! — рассмеялась она, и не шутила. Эта неотразимая улыбка, этот наморщенный носик. Я так жаждал куснуть его, или, по крайней мере, поцеловать ее, но удовольствовался товарищеским похлопыванием по плечу, поскольку ей нужна была вся ее сосредоточенность для управления машиной. Я сунул в рот жевательную резинку, чтобы удалить красную эмаль, и начал сдирать свою маскировку.

Пока я менял свою внешность, то же самое делала и машина. Анжела свернула в боковую улочку, а затем нашла и поехала по еще

более тихой улочке. Никого не было видно. Ого, а технология-то может делать некоторые интересные вещи. Слезли номера, открывая другие цифры, но этот трюк был слишком прост, чтобы даже обсуждать его. Анжела включила дворники ветрового стекла, когда спереди брызнули струи прекрасного катализатора. Куда бы они ни попадали, голубая краска становилась ярко-красной, за исключением верха машины, ставшего прозрачным, так что через несколько секунд мы сидели под колпаком, обозревая окружающий мир. Немалое количество того, что на первый взгляд было хромированной сталью, растворилось, изменяя внешний вид и даже марку автомобиля. Как только этот процесс был завершен, Анжела развернулась и спокойно поехала обратно, в направлении, откуда мы прибыли. Ее оранжевый парик был заперт вместе с моей маскировкой, и я подержал руль, пока она надевала внушительного вида солнцезащитные очки.

— Куда дальше? — спросила она, когда свора визжащих полицейских машин рванула в противоположном направлении.

— Я думал о побережье: ветер, солнце, песок и тому подобное, здоровое и укрепляющее.

— Немного слишком укрепляющее, если ты не возражаешь против моих слов, — она похлопала себя по округлой выпуклости живота с более чем удовлетворительной улыбкой. — Ему уже шесть месяцев, седьмой идет, так спортивно, что напоминает мне...

Она бросила на меня нахмуренный взгляд, а затем вернула свое внимание опять к дороге.

— Ты обещал сделать из меня честную женщину, так что мы можем назвать это медовым месяцем.

— Любовь моя, я... — сказал я и со всей искренностью сжал ей руку. — В первый же возможный миг. Я не хочу делать из тебя честную женщину — это было бы физически невозможно, поскольку у тебя, в основном, столь же воровской ум, как и у меня — но я, разумеется, женюсь на тебе, и надену дорожное...

— Краденое!

— ...Колечко на этот изящный пальчик. Обещаю. Но в ту же секунду, как только мы попытаемся зарегистрировать брак, наши данные скормят в компьютер, и игра будет сделана, а нашему маленькому отпуску придет конец.

— А ты будешь на крючке всю жизнь, я думаю, лучше схватить тебя теперь, прежде чем я стану слишком круглой, чтобы ловить тебя. Мы поедem на твой курорт и насладимся одним последним днем безумной любви. А завтра, прямо после завтрака, мы поженимся. Обещаешь?

— Есть только один вопрос...

— Обещаешь, Скользкий Джим? Я знаю тебя.

— Я даю тебе слово, за исключением того.

Она резко затормозила, и я оказался глядящим в дуло моего собственного пистолета 0.75 калибра без отдачи. Оно выглядело очень большим. Ее палец побелел на курке.

— Обещай мне, ты, скородумный, скользкий, хитрый, жуликоватый аферист, или я выпущу из тебя мозги!

— Дорогая, ты все-таки любишь меня!

— Конечно, люблю. Но если я не могу заполучить тебя всего для себя, я заполучу тебя мертвым. Говори!

— Мы поженимся утром.

— Некоторых мужчин так трудно убедить,— прошептала она, браша пистолет мне в карман, а себя — в мои объятия.

Затем она поцеловала меня с такой сладостной интенсивностью, что я чуть ли не с нетерпением дожидался утра.

Глава 2

— Куда это ты идешь, Скользкий Джим? — осведомилась Анжела, высовываясь из окна нашего номера наверх. Я остановился, уже коснувшись ворот.

— Просто быстренько окунуться, любовь моя,— крикнул я и распахнул калитку. Пистолет 0.75 калибра рывкнул сверху, и ее обломки вылетели из моей руки.

— Распахни халат,— без злости сказала она, сдувая в то же время дымок с дула пистолета.

Покорившись судьбе, я пожал плечами и распахнул пляжный халат. Мои ноги были голыми, но я, конечно, был полностью одет, с закатанными штанами и ботинками, подвязанными к поясу. Она понимающе кивнула.

— Можешь возвращаться наверх. Ты никуда не идешь.

— Конечно, не иду! — (Горячее негодование).— Не такой я парень. Я просто хотел пощипать по лавкам, и...

— Наверх!

Я пошел. Никакой фурии в аду не было изобретено, чтобы описать мою Анжелу. Врачи из Спецкорпуса вытравили из нее человекоубийственные наклонности, развязали запутанные узлы ее подсознания и снарядили ее для более счастливого существования, чем прежде позволяли обстоятельства. Но когда дело доходило до решающей минуты, она все еще была прежней Анжелиной. Я вздохнул и, тяжело поднимая налитые свинцом ноги, поднялся по лестнице. Я почувствовал себя еще более немыслимым извергом, когда увидел, что она плачет.

— Джим, ты меня не любишь! — классический гамбит со времен первой женщины в райском саду, но на него все еще невозможно ответить.

— Люблю,— запротестовал я и говорил правду.— Но это просто рефлекс. Или что-то вроде этого. Я люблю тебя, но жениться... Ну, это все равно, что отправиться в тюрьму. А туда за все мои воровские годы меня ни разу не сажали.

— Это освобождение, а не плен,— сказала она и произвела манипуляции со своей косметикой. Я только сейчас заметил, что на губах у нее была помада в тон ее белому платью и маленькой кружевной штучке у нее в волосах.— Это просто все равно, что прыгнуть в холодную воду,— сказала она, встав и потрепав меня по щеке.— Покончи с этим быстро, так, чтобы не почувствовать этого. А теперь раскатай брюки и надень ботинки.

Я так и сделал, но когда выпрямился, чтобы ответить на этот глупый совет, то увидел, что дверь открыта, и что в соседней комнате стоит магистр бракосочетаний и два его свидетеля. Она взяла меня за руку, мягко, отдаю ей должное, и в то же время воздух заполнили могучие аккорды записи органа. Она потянула меня за локоть. Я с миг сопротивлялся, а затем, шатаясь, двинулся вперед, тогда как мои глаза, казалось, застилал серый туман.

Когда темнота рассеялась, орган блял свои умирающие ноты, дверь закрылась за удаляющимися спинами, а Анжела перестала восхищаться своим украшенным колечком пальцем на достаточный срок, чтобы поднять свои губы к моим. У меня едва хватило оставшейся силы воли, чтобы сперва поцеловать ее, а затем уж застонать.

На буфете стояла целая батарея бутылок, и мои дергающиеся пальцы, потыкавшись по ней, безошибочно нашли шишковатую бутылку с «Потом сирусийской пантеры», мощным напитком с такими отвратительными постэффектами, что его продажа запрещена на большинстве цивилизованных планет. Большой бокал этого напитка был крайне действенен — я почувствовал, как он причиняет мне вред, и налил второй. Пока я это делал, погруженный в свои онемевшие мысли, должно быть, прошел известный промежуток времени, потому что Анжела — моя Анжела (сдавленный стон) — стояла теперь передо мной, одевая брюки и свитер, со ждущими рядом с ней нашими упакованными чемоданами. Бокал выдернули у меня из пальцев.

— Хватит личных оргий, — без злости сказала она. — Сегодня вечером мы отправляемся, точнее, праздновать мы будем вечером, но прямо сейчас мы должны сматывать. Запись о браке будет произведена в любой момент, а когда наши имена и фамилии попадут в компьютер, он засветится, как публичный дом в день получки. Полиция теперь повесит на нас большинство преступлений за последние два месяца и кинется за нами с лаем и пеной у рта.

— Молчать, — велел я, покачиваясь. — Образ знакомый. Доставай машину, и уезжаем.

Я предложил было помочь с чемоданами, но к тому времени, когда я передал эту информацию, она уже была с ними на полпути вниз по лестнице. С этим поощрением я справился с опасностью и добрался до двери. Машина стояла снаружи, гудя от невыпущенной на волю мощи, с открытой боковой дверцей, и Анжела уже сидела за рулем, постукивая ногой с равно не выпускаемым наружу нетерпением. Когда я, спотыкаясь, влез в нее, первые щупальца реальности проникли сквозь онемевшую кору моего головного мозга. Эта машина, подобно всем нелетающим машинам на этой планете, двигалась паром, а пар генерировался сгоранием разновидности торфа, скармливаемой в топку хитрым и без нужды усложненным устройством. Требовалось, по крайней мере, полчаса поднимать пары, чтобы добиться движения. Анжела, должно быть, разожгла топку перед бракосочетанием и распланировала так же и все другие шаги. Моим единственным взносом во все это было личное остаканивание, которое вообще было очень малой помощью. Я содрогнулся из-за того, что это означало, и все же был принужден к единственному возможному выводу.

— У тебя есть таблетка для экстренного вытрезвления? — хрипло спросил я.

Она оказалась у нее на ладони даже раньше, чем я окончил говорить. Маленькая круглая розовая таблетка с черным черепом и скрещенными костями на ней. Протрезвляющее изобретение какого-то безумного химика, действующее как метаболический пылесос. Спустя несколько коротких минут после попадания в лужу соляной кислоты у меня в желудке, ингредиенты произведут блицкриг-атаку через мою кровеносную систему. Она не только удаляет весь алкоголь, но и напрочь вытравливает все побочные эффекты и продукты, связанные с пьянством, так что жалкий субъект мгновенно становится мертвецки трезвым и болезненно осознает это.

— Я не могу принимать ее без воды, — промямлил я, моргнув при виде пластиковой чашки в другой ее руке. Пути назад не было. С последним смертельным вздохом и содроганием я щелчком толкнул эту штучку в глубину горла и осушил чашку.

Говорят, что это не занимает много времени, но это объективное время. Субъективное же время длится часами. Это крайне необъективный опыт, и его трудно описать. Вообразите, если угодно, какое это будет ощущение, если вставить в рот конец шланга брандспойта с холодной водой, а затем включить воду. А потом, спустя миг, ощутить эту воду хлещущей из всех отверстий вашего тела, включая поры, мощными струями, пока вас не промоет дочиستا.

— Уф, — слабо произнес я, выпрямляясь и вытирая лоб носовым платком.

Мы пронесли мимо маленькой деревеньки, Анжела правила со спокойной эффективностью, а бойлер весело гудел, съедая очередной брикет торфа.

— Надеюсь, ты лучше чувствуешь себя? — она выехала на транспортную развязку и покинула ее по другой дороге, бросив всего лишь один быстрый взгляд на карту. — Из-за нас объявили большую тревогу — армия, флот, все. Я слышала их командное радио.

— Мы оторвемся?

— Сомневаюсь — если ты быстро, притом очень быстро, не выдвинешь какую-нибудь свежую мысль, то нет. Они создали плотное кольцо вокруг района, с воздушным прикрытием, и сжимают его

Я все еще отходил от героического лечения вытрезвляющей пилюлей и не собрал весь свой ум. Существовала прямая связь между моими спутанными мыслями и моими голосовыми связками, без вмешательства разума.

— Великолепное начало брака. Если он похож именно на такой, то неудивительно, что я избегал его все эти годы.

Машина свернула с дороги и с содроганием остановилась в высокой траве под рядом деревьев с голубой листвой. Анжела выскочила, захлопнула дверцу и протянула руку за своим чемоданом, прежде чем я имел время прореагировать. Я попытался заговорить с ней:

-- Я дурак...

-- Тогда я тоже дура, раз вышла за тебя замуж, — глаза ее были

сухими, а голос холодным, со всеми эмоциями под жестким контролем. — Я обманом и западней вынудила тебя к женитьбе, потому что именно этого ты, по-моему, и хотел. Я была неправа, так что это дело кончается прямо сейчас, Джим. Ты создал для меня совершенно новую жизнь, и я думала, что смогу сделать то же самое и для тебя. Приятно было с тобой познакомиться. Спасибо тебе и до свидания.

К этому моменту, когда она закончила, мои мысли сгустились в нечто, приблизительно напоминающее их нормальный облик, и я был слаб, но готов. Я выскочил из машины прежде, чем она закончила говорить, и встал перед ней, загораживая ей дорогу и держа ее предельно мягко за руки.

— Анжела, я скажу тебе это только раз и, наверное, никогда больше в жизни. Так что слушай внимательно и запоминай. Одно время я был самым лучшим аферистом в Галактике, прежде чем меня закатали в Спецкорпус помогать ловить других аферистов. И я поймал тебя. Ты была не только аферисткой, но также и преступницей, весело садистствующей убийцей. — Я почувствовал, как ее тело вздрогнуло у меня под руками, и сжал ее плотнее. — Это должно быть сказано, потому что именно такой ты и была. Ты больше не такая. У тебя были причины быть такой, и эти причины были устранены. Некоторые несчастные выверты в твоей оставшейся неиспорченной голове, в твоём мозгу были выправлены. И теперь я люблю тебя. Но я хочу, чтобы ты помнила, что я любил тебя даже тогда, во времена твоих нереконструированных дней, что говорит о многом. Так что если я сейчас буду, как олень в упряжке, или со мной трудно будет иметь дело по утрам, только вспоминай об этом и делай допуски. Заметано?

Явно так. Она уронила чемодан — мне на ногу — но я не посмел вздрогнуть — обняла меня, поцеловала и опрокинула в траву, и я провел веселое время, отвечая на ее поцелуи. Я полагаю, что вы бы назвали это новобрачным эффектом.

Мы замерли, когда пара мотоциклов застонала и затормозила возле нашей машины. Ими пользовались только полицейские, поскольку они двигались намного быстрее, чем торфяные паровики. Это были трехколесные машины с большим маховиком под кожухом между двумя задними колесами. На ночь их подключали так, что моторы-генераторы могли разогнать маховики до высшей скорости. Днем маховик генерировал электричество, двигавшее моторы каждого колеса. Очень эффективные и бездымные. Очень опасные.

— Это та самая машина, Поддер! — заорал один из полицейских, перекрикивая постоянные стоны маховика.

— Я вызову подмогу. Они не могли уйти далеко. Теперь они наверняка у нас в капкане.

Ничто так не бесит меня, как вежливые заверения мелких чиновников. О да, действительно, теперь в капкане. Я глухо заворчал, когда другой некомпетентный субъект в мундире, порыв носом возле машины, разинул рот при виде нашего уютного гнездышка в траве. Он все еще стоял разинув рот, когда я метнул руку вперед, обхватил его шею, плотно сжимая горло, и притянул его к нам. Забавно было

смотреть, как у него вывалился язык, вылезли из орбит глаза и покраснело лицо, но Анжела все испортила. Она сбила с него шлем и стукнула его резко (и точно) по макушке каблуком своей туфельки. Он отключился, и я позволил ему упасть.

— А ты еще говоришь обо мне,— прошептала она — моя новобранная.— В твоей собственной натуре есть больше, чем налет старого садиста.

— ...Я вызвал. Все уже знают. Теперь мы наверняка найдем их...— сказал полный энтузиазма оставшийся полицейский, но его голос оборвался, когда он уставился в дуло угрожающего пистолета своего помощника. Анжела вынула из сумки снотворную капсулу и раздавила ее у него под носом.

— А теперь что, босс? — спросила она, счастливо улыбаясь двум фигурам в черных мундирах с медными пуговицами, лежащим у обочины дороги.

— Я думаю,— сказал я и потер челюсть, чтобы доказать это.— У нас было свыше четырех месяцев беззаботных каникул, но все хорошее должно когда-нибудь кончиться. Мы, конечно, можем продолжать еще свой отпуск. Но он будет, мягко говоря, лихорадочным, пострадают люди, а ты — хотя фигура эта прекрасная, но не совсем подходящая для бегств, погонь и вообще грязной работы. Не вернуться ли нам на службу, с которой мы сбежали?

— Я надеялась, что ты это предложишь. Тошнота по утрам и ограбление банков, кажется, просто не совмещаются. Забавно будет вернуться.

— Особенно потому, что они так рады будут увидеть нас. Учитывая, что они отвергли нашу просьбу об отпуске, и нам пришлось украсть почтовую ракету.

— Не упоминая уже об всех деньгах на мелкие расходы, которые мы украли, потому что не могли прикоснуться к своим банковским счетам.

— Правильно. Следуй за мной, и мы проделаем это с шиком.

Мы стащили с полицейских мундиры и заботливо уложили похрапывающих блюстителей порядка на заднее сиденье машины. У одного нижнее белье было в розовую крапинку, в то время, как у другого — строго черное, но отороченное кружевом, что могло быть местным обычаем одеваться, но вызвало у меня задние мысли о полиции на Комате, и я был рад, что мы отбываем. Надев мундиры, шлемы и очки-консервы, мы весело понеслись по дороге на своих мотоциклах, гудя и махая танкам и грузовикам, с ревом несущимся в противоположную сторону.

Прежде чем стало слишком много криков и воплей разоблачения, я затормозил в центре дороги и просигналил подъезжающей бронемашине остановиться. Анжела резко развернула свой мотоцикл позади них. Так, чтобы они не нашли зрелище беременного полицейского слишком отвлекающим.

— Загнали их в угол! — крикнул я.— Но у них есть радио, так что не объявляйте этого по связи. Следуйте за мной.

— Веди! — крикнул водитель, а его напарник закивал, соглашаясь, покуда мысли о наградах, славе, орденах ослепляюще плясали у него перед глазами. Я повел их по покинутой дороге в лес, кончающийся у маленького озера в комплексе с ветхим сараем для лодок и доком.

Я притормозил, знаком остановил их, коснулся пальцем губ и на цыпочках вернулся к бронемашине. Водитель опустил ветровое стекло и выжидающе посмотрел на меня.

— Вдохните это,— сказал я и щелчком метнул гранату с газом через отверстие.

За облаком дыма последовали ахи, а за ними последовали еще две фигуры в мундирах, молчаливо похрапывающие на траве.

— Собираешься по-быстрому взглянуть на их нижнее белье? — спросила Анжела.

— Нет, я хочу сохранить некоторые иллюзии, даже если они ложные.

Мотоциклы весело покатались по доку, бултыхнулись с него в воду, вызвав при этом массу пара, получили короткое замыкание и выбросили массу пузырей.

Как только бронемашина проветрилась, мы залезли в нее и укатили. Анжела нашла нетронутый завтрак водителя и бодро потребила его. Я избегал основных магистралей, направляясь обратно в город, где в центральном полицейском участке располагался командный пост. Я хотел отправиться туда, где происходят крупные действия.

Мы припарковались в подземном гараже, сейчас пустынном, и поднялись на лифте в башню.

Здание было почти пустым, за исключением командного пункта, и я нашел поблизости незанятый кабинет и оставил там Анжелу, которая стала невинно забавляться с запечатанными, но легко открывающимися конфиденциальными досье. Я опустил очки-консервы на место и устроил спектакль с прибытием в центр связи пропыленного, утомленного гонца. Меня проинформировали. Человек, которого я хотел видеть, расхаживал по кабинету, потягивая длинную потухшую трубку. Я подскочил к нему и отдал честь.

— Сэр, вы мистер Инскин?

— Да,— буркнул он. Все его внимание было по-прежнему приковано к огромной карте на стене, теоретически показывающей состояние охоты.

— Некто хочет видеть вас, сэр.

— Что? Что? — переспросил он, все еще отвлекаясь. Гарольд Питер Инскин, директор и голова Спецкорпуса, был в этот день не совсем в форме. Он достаточно легко пошел за мной, а я закрыл дверь и стал защищать очки.

— Теперь мы готовы вернуться домой,— сообщил я ему.— Если вы можете найти тихий способ вытащить нас с этой планеты, не давая местным властям заполучить нас в их жадные руки.

Челюсти его стиснулись от гнева и раздавили мундштук трубки на бесчисленные куски и осколки. Я повел его, выплевывающего куски пластика на пол, в кабинет, где ждала Анжела.

Глава 3

— Рррр! — прорычал Инскин и потряс пачкой документов у себя в руке так, что они загремели, словно сухие листья или кости скелета.

— Очень выразительно, — сказал я, вытаскивая сигару из карманного портсигара и поднося ее к уху. — Но с самым минимальным содержанием информации. Вы не могли бы высказаться более определенно?

Я отщипнул кончик сигары и не услышал ни малейшего хруста. Превосходно.

— Вы знаете, сколько миллионов стоила ваша волна преступности? Экономика Коматы...

— Не пострадала ни на йоту. Правительство возместит потери пострадавшим, а потом, в свою очередь, вычтет ту же сумму из своей ежегодной выплаты Спецкорпусу, у которого денег все равно больше, чем он может истратить. А посмотрите на дарованные взамен выгоды — масса волнения для населения, увеличение тиража газет, упражнение для засидевшихся блюстителей порядка, — а это уже само по себе интересная история, так же как полевые маневры, доставившие огромное удовольствие всем участникам. Чем обижаться, им, наоборот, следует выплатить нам гонорар за то, что мы сделали возможными все эти волнующие вещи.

Я зажег сигару и выпустил большое облако дыма.

— Не умничай, старый мошенник. Если бы я выдал тебя и твою новобрачную властям Коматы, вы и через 600 лет были бы еще за решеткой.

— На это мало шансов, Инскин, ты сам старый мошенник. У вас и так не хватает хороших помощников. Мы вам нужны больше, чем вы нам, так что считайте эту накачку оконченной и давай переходи к делу. Я был наказан.

Я оторвал от мундира пуговицу и бросил ее ему через стол.

— Вот, мы срываем ордена и понижаемся в звании. Я виновен. Следующие дела.

С последним симулированным гневным рычанием он отправил дела в мусорную корзину и взял большую красную папку, которая угрожающе загудела, как только он притронулся к ней. Отпечаток его большого пальца обезвредил взрыватель прибора безопасности, и папка раскрылась.

— У меня здесь имеется совершенно секретная информация и особое важное задание.

— Разве мне доставалось когда-нибудь что-то другое?

— Оно также и страшно опасное.

— Ты втайне завидуешь моей красивой внешности и желаешь моей смерти. Брось, Инскин. Кончай спарринг и дай мне знать, в чем дело. Мы с Анжелой можем с ним справиться лучше, чем все остальные ваши агенты — престарелые и слабоумные.

— Эта работа для одного тебя. Анжела — это, ну... — Лицо его покраснело, и он принялся излишне внимательно изучать досье.

— Вот это да! — вскричал я. — Инскин — убийца, головорез, грозный начальник, тайная власть в сегодняшней Галактике. И он не может произнести слова «беременна»! Как насчет младенца? Погоди-ка, секс, вот в чем дело. Ну, валяй, быстро скажи «секс» три раза, это пойдет тебе на пользу...

— Заткнись, ди Гриз! — прорывал он. — По крайней мере, ты, наконец, женился на ней. Это показывает, что в твоём гнилом существе есть еще капля честности. Она остается. Ты отправляешься на это задание, оно — для одного человека, вероятно, оставив ее вдовой.

— Она ужасно выглядит в черном, так что столь легко тебе не отделаться от меня. Говори.

— Погляди-ка на это, — сказал он, вынимая из папки катушку с пленкой и вставляя ее в щель стола. С потолка упал экран, в помещении потемнело, начался фильм.

Камера была ручная, цвет временами пропадал, и вообще фильм был крайне непрофессиональный. Но это был самый лучший любительский фильм, который я когда-либо видел, потому что материал был очень хорошо подобран. Кто-то вел войну. Был солнечный день с белыми пуфиками облаков на фоне голубого неба. А среди них — черные кляксы противовоздушного огня. Но огонь не был массивным, и его было недостаточно, чтобы помешать приземляться низко летящим десантным судам. Это был средних размеров космопорт, со зданиями на заднем плане и несколькими грузовыми кораблями поблизости. Другие воздушные суда ревели на низкой высоте, а взрывы бомб с небес достигали того, что должно было быть оборонительными позициями. До меня только сейчас дошла невозможность того, что происходило.

— Это же космические корабли! — пробубльнул я, — и космические транспортные суда. Неужели есть какое-то тупоголовое правительство, настолько глупое, чтобы думать, что оно может преуспеть в межпланетной войне? Что случилось после того, как они проиграли, и как это затрагивает меня?

Фильм закончился, и я вновь зажег свет. Инскин сплел пальцы на столе и злобно посмотрел сквозь них.

— К вашему сведению, мистер Всезнайка, это вторжение было успешным, так же как и другие до него. Этот фильм был снят контрабандистом, одним из наших осведомителей, чей корабль оказался как раз достаточно быстрым, чтобы смыться во время битвы.

Это заставило меня заткнуться. Я глубоко затянулся сигарой и обдумал то малое, что я знал о межпланетных военных действиях. Знаний тут было достаточно мало. Потому что они просто-напросто не удавались. Может быть, всего несколько случаев в Галактике, когда местные условия оказывались особенно подходящими, скажем, солнечная система с двумя обитаемыми планетами. Если одна планета отсталая, а другая — промышленно развитая, то на примитивную можно успешно вторгнуться. Но нельзя этого сделать, если те выставят хоть какую-нибудь постоянную оборону. Отношения пространства и времени делают военные действия такого рода попросту непрактичными. Когда каждого солдата, оружие и паек приходится поднимать из

гравитационного колодца планеты и перевозить через космос, происходит существенный расход энергии, невозможный спрос на транспорт и невероятная себестоимость. Если вдобавок агрессор вынужден высаживаться, сталкиваясь с реальным противодействием, вторжение невозможно. И это внутри солнечной системы, где планеты, по галактическим масштабам, практически соприкасаются. Мысль о военных действиях между планетами различных звездных систем еще более невероятна. Но еще раз было бы доказано, что нет ничего невозможного принципиально, если люди захотят взяться за это достаточно энергично. А такие вещи, как насилие, война и кровопролитие, все еще имеют огромную привлекательность для таящегося насильственного потенциала человечества, несмотря на весь период мира и стабильности. У меня возникла мысль, внезапная и угнетающая.

— Вы говорите, это было совершенно успешное межпланетное вторжение? — спросил я.

— Больше, чем одно, — когда он говорил это, его лицо украшала нехорошая улыбка.

— И вы и Лига хотите видеть эту практику прекращенной?

— Прямо в точку, Джим, мой мальчик.

— А я — тот сотрудник, которого выбрали для этого поручения?

Он протянул руку вперед — взял сигару из моих пальцев и бросил ее в пепельницу. А затем торжественно пожал мне руку.

— Это твоя задача. Ступай туда и победи.

Я вырвал руку из его предательского рукопожатия, вытер пальцы о штанину и снова схватил сигару.

— Я уверен, что вы позаботитесь о том, чтобы я получил самые лучшие похороны, какие только может позволить себе Корпус. А теперь не хотели бы вы выжать из себя несколько деталей, или предпочли бы завязать мне глаза и выстрелить мною в одноразовой грузовой ракете?

— Спокойствие, мой мальчик, спокойствие. Ситуация кажется совершенно ясной. Об этом мало говорить в средствах массовой информации из-за окружающей эти вторжения определенной политической смутности плюс жесткой цензуры рассматриваемых планет. Согласно нашей реконструкции — хорошие люди погибли, добывая эту информацию — ответственность за это несет планета Клизант. Она находится в системе Эпсилон Индейца. На орбите вокруг этого солнца вращается около двадцати планет, но только три из них пригодны для обитания. И обитаемы. Клизант прибрал к рукам две братские планеты несколько лет тому назад, но мы не сочли нужным бить тревогу. Что тревожило, так это тот факт, что они увеличили свой размах. «Межзвездные» завоевания, считавшиеся до того невозможными. Они вторглись и завоевали пять ближайших планет в других системах, и, кажется, подумывают о большем и лучшем. Мы не знаем, как они это делают. Но они, должно быть, делают что-то правильное. У нас есть агенты на завоеванных планетах, но они узнали очень мало ценного. Было принято решение, заверяю тебя, на самом высоком уровне, ты встал бы и отдал честь, если бы услышал некоторые из имен участников,

что мы должны отправить человека на Клизант, докопаться до корней проблемы в стог сена и разрубить гордиев узел.

— Помимо содержания в себе смешанной и отвратительной метафоры, я думаю, что эта идея — самоубийственная, вместо этого мы могли бы...

— Ты отправишься, от этого никак нельзя отвертеться, Скользящий Джим.

Я попытался, но ничего не вышло. Мне дали копии всех известных деталей, запись языка на кору головного мозга и отмычку к быстрому кораблю-разведчику, чтобы доставить меня туда. Я мрачно вернулся в нашу квартиру, где Анжела, устав заниматься своими волосами, метала нож в мишень размером с голову на противоположной стене. Даже низким броском после быстрого выхвата из наручных ножен она могла поразить черное пятно любого глаза.

— Дай, я повешу фото Инскина,— предложил я.— Оно будет более интересной мишенью для тебя, той, от которой ты получишь определенную степень удовольствия.

— Этот злой старикашка посылает моего мужа на задание?

— Этот грязный старый козел пытается добиться, чтобы меня убили. Задание настолько совершенно секретное, что я не могу рассказать о нем ни одной живой душе, особенно тебе, так что вот тебе все документы, прочти их сама.

Пока она занималась с ними, я сунул запись клизантского языка в копировальную машину. Она записала материал прямо на кору моего головного мозга, без скучного и отнимающего время любого учебного процесса. Первая серия займет примерно полчаса с дюжиной подкрепляющих серий после этой. Кончится тем, что я заговорю на этом языке, имея адскую головную боль от всего этого шупанья электронами моих синапсов. Но пока машина работала, был период полной бессознательности, а именно этого в данный момент мне и хотелось. Я надвинул шлем на уши, устроился на кушетке и нажал кнопку. Прошло какое-то время, и Анжела осторожно сняла шлем, и тут же вручила мне пилюлю. Я проглотил ее и держал глаза закрытыми, пока не иссякла боль. Мягкие губы поцеловали меня.

— Они попытаются убить тебя, но ты им не позволишь. Ты посмеешься над ними и победишь, а в один прекрасный день займешь место Инскина.— Я чуть приоткрыл глаз и посмотрел на торжественное выражение ее лица.

— Явлюсь домой со щитом или на щите? Грудь в крестах или голова в кустах? Ты беспокоишься обо мне?

— Все время. Но такова уж участь женщин. Я, разумеется, не могу стоять на пути твоей карьеры...

— Я и не знал о ней, пока ты мне только что не сообщила.

— ...И сделаю все, что могу, для помощи.

— Ты не можешь отправиться со мной по очень важной и выпирающей причине.

— Я это знаю. Но в душе я все время буду с тобой. Как ты собираешься высадиться на эту планету?

— Поднимусь на борт своего шустрого корабля-истребителя, выйду прямо и быстро на радарный экран, пронесусь в атмосферу и...

— И будешь распылен на составляющие атомы. Вот, почитай этот рапорт уцелевшего с последнего корабля, попробовавшего такой проход.

Я прочел его. Он был крайне угнетающим. Я отшвырнул его обратно в кучу, к другим.

— Предупреждению вял. Эта планета, похоже, милитаризована до предела. Держу пари, что у них даже домашние животные носят мундиры. Переть вот так, напролом, значит подходить к людям на их собственных условиях, конкурировать с ними в области, где они лучше всего организованы. Против чего они не организованы, так это против маленького обмана, какого-нибудь воровства, гладкого подхода, прикрывающего хитрую атаку. Проскальзывать, проникать, действовать и искоренять.

— Мне вдруг это начинает не нравиться, — нахмурилась моя любовь. — Ты позаботишься о себе, Джим? Я не думаю, что беспокойство пойдет мне на пользу в теперешнем положении.

— Если ты желаешь беспокоиться, то беспокойся о судьбе этой несчастной планеты, на которую отправляется Скользящий Джим. Ее завоеваниям конец, с ними, можно сказать, покончено.

Я звучно поцеловал ее и вышел, высоко подняв голову и расправив плечи, желая хоть бы на минуту, хотя на одну десятую секунды быть столь уверенным в себе, как разыгрывал. Задание будет очень тяжелым.

Глава 4

Мое планирование было детальным, приготовления — сложными, операция — гигантской. Я получил от Инскина более чем один визгливый крик боли из-за стоимости моего проекта, и все должным образом планировал, невзирая на эти крики. В петле-то быть моей шее, не его, и я ограждал все ставки, какие только мог, чтобы гарантировать свое телесное выживание. Но даже самый совершенный план приходит в конечном итоге к завершению, последние детали утрясаются, отдаются финальные команды. И барашка ведут на убой.

Бааа! Вот я, заявившийся нагим в этот мир, сижу в баре межсистемного лайнера «Квинеттава» со стаканом крепкого спиртного передо мной и с сигаретой в пальцах. Слушая объявление, что через час мы приземлимся в Клизанте, я был нагим, выражаясь, конечно, фигурально. Потребовалась крепкая дисциплина и большое усилие воли, чтобы заставить себя оставить дома все предметы незаконного хранения. Никаких минибомб, газовых капсул, ручных буравчиков, карточкозажимателей, подслушивающих устройств. Ничего! Даже без отмычки, что всегда была закреплена на ногте большого пальца правой ноги. Или...

Я скрипнул зубами при этой мысли и огляделся вокруг. Другие пирующие с решительным видом налегали на необлагаемое налогом

спиртное, и никто не обращал на меня внимания. Вытащив бумажник, я коснулся его верхнего шва и почувствовал определенную жесткость. Память — она штука обоюдоострая — и так же хорошо, как открывается, она может и затуманиться. Мое собственное подсознание боролось против меня. Только мой сознательный ум испытывал какой-то энтузиазм относительно высадки на Клизанте без всяких незаконных предметов. Я сильно сжал бумажник определенным образом, и крошечная, но невероятно надежная отмычка упала в мою ладонь. Ах, просто произведение искусства! Я повосхищался ею, когда поднял стакан, и попрощался. По пути назад, в свою каюту, я бросил ее в мусоросборник. Она полетит дальше, вместе с кораблем, тогда как я высажусь на этой исключительно негостеприимной планете.

Все доклады и опросы показали, что на Клизанте жили самые придирчивые таможенники во всей Вселенной. Контрабанду попросту нельзя было провезти. Поэтому я не стал и пытаться. Я был всего лишь тем, чем был на вид. Коммивояжером, представителем фирмы «Фанциолетто — Мушиар — Лимитед», производящей смертоносное оружие. Фирма существовала, и я был ее представителем, и никакое самое тщательное расследование не могло установить обратного. Пусть попробуют!

Они попробовали. Высадка на Клизант смахивала на отправление в тюрьму. Я и кучка других приезжих скатились по трапу в серое помещение зловещего вида. Мы сбились в кучку под надзором бдительных и хорошо вооруженных охранников, откуда не принесли наш багаж и не свалили поблизости. Ничего похожего я еще не видел. Ничего не произошло, пока трап не был убран и корабль не отбыл. И тогда нас стали вызывать по одному.

Я не был первым и обрадовался этой возможности изучить местные типы. Они были в высшей степени безразличны к нам, топая в своих сапогах, сжимая свое оружие и держа свои подбородки высоко поднятыми. Все их мундиры были одного цвета, который на первый взгляд можно было принять за очень невоенный оттенок карминно-пурпурно-красного. Но я быстро сообразил, что это была очень точная имитация цвета крови — темной, полуартериальной — яркой. Он был довольно отвратительным, и было очень трудно удержаться от периодического поглядывания на него. И в добавок он не давал ни малейшего намека на характер носившего.

Все охранники были здоровенными, с распространенными в их среде выпирающими челюстями и свиными глазками. Их шлемы, похоже, были сделаны из фебергласса, со зловещими черными забралами и прозрачными лицевыми щитками, которые могли опускаться. Каждый имел при себе гауссовку — многоцелевое и особо опасное смертоносное оружие. Высокомощные батареи накапливали весьма впечатляющий заряд. Когда нажимали на курок, в стволе генерировалось сильное магнитное поле, разгоняющее снаряд до дульной скорости, равной скорости любого другого оружия с реактивными патронами. Но гауссовка имела то преимущество, что обладала более высокой скорострельностью, не издавала ни малейшего звука и могла

стрелять любыми смертоносными снарядами — от ядовитых игл до разрывных снарядов. Корпус когда-то получал рапорты об этом оружии, но не имел ни одного образца. Я решил как можно скорее исправить эту ошибку.

— Пас Ратунковый,— крикнул кто-то, и я шевельнулся, оживая, так как вспомнил, что так меня зовут по легенде. Я замялся, колеблясь, и один из охранников, топя и чеканя шаг, подошел ко мне. Я уверен, что он приделал на каблуки металлические набойки для придания милитаристического эффекта. Я ждал его приближения, я не мог дожидаться, когда сам получу пару таких сапог — Клизант начинал мне нравиться.

— Вы — Пас Ратунковый?

— Он самый, сэр, к вашим услугам,— ответил я на его родном языке, заботливо сохраняя иностранный акцент.

— Заберите ваш багаж. Идите за мной.

Он развернулся, и я имел безрассудство окликнуть его:

— Но, сэр, чемоданы слишком тяжелы, чтобы унести их сразу все.

На этот раз он окинул меня холодным пронизывающим взглядом, не предвещающим ничего хорошего, и намекаяще поправил на своем плече гауссовку.

— Тележка,— прорычал он наконец и ткнул пальцем в противоположном направлении тюремного двора.

Я покорно последовал в указанном направлении. Это была эффективная моторизированная тележка-платформа, катившая на маленьких колесиках. Я быстро погрузил на нее свои чемоданы и поискал взглядом своего гида. Он стоял у открытой двери, еще более приблизив палец к спусковому крючку. Электромотор взвыл на бешеных оборотах, и я галопом понесся за этой штуковиной к двери.

Началась проверка.

Как легко это сказать. Но это было одно из заявлений типа: «Я бросил атомную бомбу, и она жахнула». Это была самая детальная и тщательная проверка, какую я когда-либо проходил, и я был чрезвычайно счастлив, что первым нашел ту отмычку.

В гладкостенной антисептической комнате ждало десять человек. Шестеро принялось за мой багаж, в то время как четверо других взялось за меня. Первое, что они сделали,— это оставили меня в чем мать родила и бросили под флюороскоп. Спустя несколько секунд они совещались над крупными отпечатками пломб у меня в зубах. Было дружно решено, что одна из них является неполюженно крупной и имеет неправильную форму. Появился набор зубоврачебных инструментов зловещего вида, и в одну минуту пломба была извлечена. Покуда зуб наполнялся эмалью — отдам им должное — первоначальную пломбу долбали спектроскопом. Они не казались ни подавленными, ни ликующими, когда металлическое содержимое оказалось общепринятым в зубоврачебной практике. Обыск продолжался.

Пока зондировали мою розовую личность, один из инквизиторов занялся пачкой документов. Большинство из них было моими психграммами, отправленными после моего заявления на высадку. Они

сверились с фирмой «Фанциолетто — Мушиар — Лимитед», моими работодателями, и получили все подробности моей работы. Хорошо, что все было законным. Я правильно ответил на вопросы, вставив неуместные звуки только дважды, когда физическое изучение коснулось чувствительного места. Это, похоже, прошло хорошо, по крайней мере, досье было закрыто и отложено в сторону.

Пока это происходило, я мельком наблюдал за судьбой своих чемоданов. Они пострадали больше, чем я. Каждый из них был открыт и опустошен, содержимое было разложено по белым столам, а чемоданы разъяты на мелкие кусочки: швы были распороты, замки сняты, ручки откручены. А полученный хлам был разложен по пластиковым мешкам, снабжен ярлычками и оставлен на хранение. Несомненно, для последующей, более тщательной проверки. Мою одежду осмотрели вскользь и отложили в сторону — до моего отлета с этой планеты я ее больше не увижу.

— Вам будет выдана хорошая клизантская одежда, — объяснил один из моих инквизиторов, — носить ее одно удовольствие.

Я в этом сильно сомневался, но промолчал.

— Это религиозный символ? — спросил другой, держа кончиками пальцев фотографию.

— Это фото моей жены.

— Разрешаются только религиозные символы.

— Она для меня все равно что ангел.

Они немного поломали над этим головы, но все-таки разрешили мне оставить снимок. Не то чтобы можно было его носить — столь смертоносную вещь как оригинал. Его унесли и быстро вернули фотокопию. На ней Анжела, кажется, хмурилась, или это было, возможно, только мое воображение.

— Все ваши личные вещи, удостоверение и так далее будут вам возвращены по отбытию, — холодно уведомили меня. — Находясь на Клизанте, вы будете носить местную одежду и соблюдать местные обычаи. Вот ваши личные принадлежности.

Было указано на три очень утилитарные и некрасивые предметы гардероба.

— Вот ваше удостоверение личности.

Я схватил его, счастливый, что мне гарантировано существование, но все еще нагой и начинающий мерзнуть.

— Что находится в этом запертом чемодане? — крикнул один из проверяющих, со звоном ожидания в голосе, словно у гончей, напавшей на след. Они все прекратили работу и подошли ко мне, когда я получил для проверки инкриминируемый мне чемодан. Выражение их лиц указывало, что любой мой ответ будет признанием в преступлении и за сим последует смертный приговор.

Я разрешил себе пораболепствовать и закатил глаза.

— Сэры, я не сделал ничего плохого, — заныл я.

— Что в нем?

— Военное оружие...

Раздались приглушенные крики, а один из них начал оглядываться,

словно разыскивая пистолет, чтобы пристрелить меня на месте. Я, заикаясь, продолжал:

— Но, сэр, вы должны понять меня, именно по этой причине я и прилетел на вашу замечательную планету. Моя фирма — «Фанциолетто — Мушиар — Лимитед» — старый и многоуважаемый производитель оружия в области военной электроники. Это образцы, которые крайне чувствительны. Открывать чемодан можно только в присутствии специалиста по вооружению.

— Я специалист по вооружению, — заявил, шагнув вперед, один из моих мучителей.

Я обратил на него внимание еще раньше, из-за лысой головы и зловещего шрама, затянувшего глаз в вечном подмигивании.

— Рад с вами познакомиться, сэр. Я — Пас Ратунковый.

Мое имя не произвело на него впечатления и своего он не назвал.

— Если можно будет получить мое кольцо с ключами, я открою вышеназванный чемодан и продемонстрирую вам его содержимое.

Прежде чем мне разрешили приступить, они установили видеокамеру.

Я отпер крышку и откинул ее. Специалист по вооружению прошелся пылающим взглядом по компонентам в мягких гнездах, но я пояснил:

— Моя фирма — создатель и единственный производитель памятной мины и взрывателя близости. Нет другой такой мины, столь компактной и многосторонней как наша.

Чтобы вынуть взрыватель из гнезда, я воспользовался пинцетом — столь миниатюрным он был.

— Это самый маленький взрыватель, предназначенный для применения в столь небольшом оружии, как пистолет. Выстрел активизирует взрыватель, который затем детонирует заряд в пуле, когда та приближается к мишени на заранее заданное расстояние. Это — другой взрыватель — крайне остроумный, предназначен для применения в тяжелом оружии или ракетах.

Они все нетерпеливо подались вперед, когда я показал облатку «ПАМ-4» и указал на ее исключительное достоинство.

— Вся конструкция — твердая субстанция, способная сопротивляться невероятным нагрузкам в тысячу «Ж» и массивным ударам. Она может быть запрограммирована сдетонировать заранее, только когда приблизится специфическая цель, или запрограммирована внешне, электронно, в любое время, вплоть до выстрела. Она содержит отдельные цепи, выполняющие функции сортировщиков, которые предотвратят взрыв близи дружественных объектов, она и в самом деле уникальна.

Я осторожно положил ее обратно и закрыл крышку чемодана. По рядам зрителей прокатился тяжелый вздох. Это было то, что им действительно нравилось. Специалист по вооружению взял чемодан.

— Он будет предоставлен вам, когда его понадобится продемонстрировать.

Проверка неохотно поплелась к концу. Взрыватели были кульминацией обыска, и ничто не могло сравниться с этим. Они немного

поразвлекались, выдавливая тубики и опустошая банки в моем туалетном наборе, но делали это без души. Устав наконец от этого, они свалили все в кучу и швырнули мне новую одежду.

— Четыре с половиной минуты на одевание,— сказал инспектор на выходе,— принести чемоданы.

Мую одежду в любом случае нельзя было назвать супермодной. Нижнее белье и тому подобное было скучного утилитарного серого цвета и сделано из материала, ощущавшегося, как смесь отходов мусора и наждачной бумаги. Я вздохнул и оделся. Верхнее белье было типа какого-то комбинезона, придававшего мне вид мутанта гигантской осы из-за его широких темно-желтых полос. Но если именно это носили одетые клизанты, то именно это я и буду носить. Не то чтобы у меня был большой выбор. Я взял два чемодана с острыми ручками, врезавшимися мне в ладони, и вышел через открытые ворота.

— Машина,— сказал мне охранник снаружи, показывая на стоящую поблизости машину с прозрачным верхом и без шофера. Мы теперь находились в большом зале, выкрашенном все в тот же серый цвет. Боковая дверца открылась при моем приближении.

— Я буду рад воспользоваться машиной,— улыбнулся я,— но куда ехать?

— Машина знает, залезай.

Не самые остроумные собеседники в Галактике. Я бросил в нее свои чемоданы и уселся сам. Дверца, засопев, закрылась, и загорелся ряд огоньков на роботоводителе. Мы тронулись вперед, и тяжелые ворота распахнулись перед нами, и еще ворота, и еще, каждые достаточно толстые, чтобы замуровать подвал банка. За последними мы вылетели на свежий воздух, и я зажмурился от прямых солнечных лучей. Я с большим интересом стал обозревать проносящийся мимо пейзаж.

Клизант, даже если этот безымянный город был образцом, являлся модернизированным, механизированным и деловым миром. Шоссе заполняли грузовики и легковые автомобили, все явно управляемые роботами, настолько все шло на строгой дистанции с впечатляющей скоростью. Пешеходные дорожки были двухсторонние и пересекали улицы над головой. Тут были магазины, вывески, мундиры. Мундиры! Это единственное слов не передает окружавшего меня металлизированного и многоцветного великолепия. Все носили различные мундиры с разными цветами, как я уверен, обозначающие различные рода войск и служб. Не было ни одного в темно-желтую полоску. Еще одно препятствие, поставленное на моем пути, но я отмахнулся от него. Когда тонешь, то тебя мало волнует, выльют ли тебе на голову еще одну чайную ложку воды. В этом деле ничего не обещало быть легким.

Моя машина выскочила из стремительного уличного потока, нырнула в еще один туннельный вход и остановилась перед изящно разукрашенными дверьми. Над входом было начертано золотыми буквами: «ЗЛАТО-ЗЛАТО», что по-клизантски могло быть прочитано как «ЛЮКС». Это было приятное разнообразие. Весь в позументах и драгоценных камнях элегантный швейцар кинулся открывать дверцу,

но остановился и скривил губы, увидев мою одежду. Он отпустил дверцу и ушел, а его место тут же занял индивид с бычьей шеей в темно-сером мундире. На обоих плечах у него были маленькие серебряные знаки различия: скрещенные боевой топор и нож, а пуговицами служили серебряные черепа. Как-то не очень поощряющий вид.

— Я — Паков,— громыхнула эта фигура,— ваш телохранитель.

— Рад с вами познакомиться, сэр, очень рад.

Я вылез из машины, неся, надо заметить, сам свои чемоданы, и последовал за мрачной спиной своего сторожевого пса в кулуары отеля — именно таковым и оказалось здание. Мое удостоверение было принято с максимальной невежливостью, мне выделили боя, который указывал дорогу в предназначенный мне номер. Мой статус теоретически уважаемого инопланетного представителя дал мне право на первый класс, но это не значит, что он мне должен был нравиться. Мои осиные цвета клеймили меня как чужака, и за чужака они меня и держали.

Покои были роскошные, кровать — мягкой, «клопы» с энтузиазмом присутствовали. Звуковые и оптические — они были вделаны в каждый осветительный прибор и стены. Каждая вторая выпуклость на мебели была микрофоном, а лампочки включались, следя за мной, едва я начинал передвигаться.

Когда я вошел в ванную, чтобы побриться, оптический глаз смотрел на меня сквозь посеребренную поверхность зеркала, и был еще один оптический наблюдатель на конце моей зубной щетки — несомненно, чтобы следить за любыми сюрпризами, таящимися в моих коренных зубах. Все очень эффектно.

Но только по их мнению. Это заставило меня рассмеяться, что я сделал, превратив смех в фыркание, когда он вырвался наружу, так, чтобы мой телохранитель ничего не заподозрил. Он шлепал за мной, куда бы я ни пошел в этих апартаментах. Несомненно, он будет спать в моих ногах, когда я отправлюсь на боковую.

Все это мало помогало. Любовь смеется над технарями, равно как и Джим ди Гриз, который невероятно много знает, если вы извините мою нескромность, о «клопах». Это был случай массивированного перебора. Так, тут было множество «клопов», и что вы будете делать со всей этой информацией? Компьютерные сети будут совершенно бесполезны в ситуации с наблюдением вроде этой. А значит, большой штат человеческих существ будет следить, записывать, анализировать. Есть предел числу людей, которым можно поручить такую работу, потому что вскоре будет иметь место геометрическая прогрессия со сторожами, сторожащими сторожей, пока все не будут заниматься только этим. Я был уверен, что был большой штат, внимательно следящий за мной, ибо иностранцы были достаточно редки, чтобы наслаждаться такой роскошью. «Клопами» будут кишеть не только мои покои, но и районы, через которые я буду обычно ходить, машины и тому подобное.

Весь город нельзя было «клопизировать», да и не было причин делать это. Все, что я должен был делать, так это какое-то время играть

свою роль послушного коммивояжера, до тех пор, пока не найду возможность покинуть клопизированные районы. И сварганить план, который позволит мне полностью исчезнуть, когда я пропаду из их поля зрения. У меня будет только одна возможность: я должен буду исчезнуть с первого раза, иначе я буду мертвой крысой.

Паков всегда был тут как тут, следя за каждым моим движением. Он следил, когда я отправился спать, и взгляд этих маленьких твердых глаз был первым, что я увидел утром. Именно это я и хотел видеть утром. Паков будет утроен первым, но до сих пор одно его присутствие означало, что следящие за мной расслабились... Я тоже выглядел расслабленным, но таковым не был. Я изучал все аспекты города, выискивая необходимую мне крысиную нору.

На третий день я нашел ее. Это была одна из возможностей, рассматриваемых мной ранее, и она оказалась наилучшей — я составил соответствующие планы, и отходя ко сну, улыбался. Я уверен, что улыбка была замечена инфракрасными камерами — но что можно прочесть по улыбке?

Четвертый день начался, как и все предыдущие — с поданного в номер завтрака.

— Ого, я что-то сегодня голоден, — сказал я сердито глядевшему повару. — Дело, должно быть, в веселом настроении вашей прекрасной планеты. Я считаю, что мне надо еще поесть.

Я съел второй завтрак. Неизвестно, когда я в следующий раз смогу удовлетворить свой голод, необходимо было подкрепиться про запас.

Последовала стандартная рутина. Мы вышли из отеля в назначенный час, и нас поджидала машина. Она сразу же поехала по обычному маршруту в военное ведомство, где я демонстрировал взрыватели фирмы «Фанциолетто — Мушиар — Лимитед». Было уничтожено множество мишеней, и сегодня следующие ждали своей очереди. Все это было хорошим развлечением.

Мы выехали из туннеля на главную дорогу, попетляли по ней и свернули на боковую улочку, ведущую к нашей цели. Уличное движение здесь всегда было малоинтенсивным, мало было и пешеходов. Превосходно. Мелькали улицы за улицей, и я чувствовал, как завязывается знакомый узел напряжения. Все или ничего, Скользящий Джим, вот мы и начали...

— Ап-чхи, — произнес я, как мне казалось, с надлежащим реализмом и попытался взять свой носовой платок. Паков стал подозрительным.

— Немного пыли в нос, — объяснил я. — Знаете, как это бывает. Скажите, вот там, смотрите, это случайно не уважаемый генерал Тробарт?

Паков был хорошо обучен, его глаза лишь на мгновение стрельнули в сторону, прежде чем вернуться ко мне. Но мгновение было все, что мне требовалось. В носовом платке у меня столбиком были завязаны монеты: единственное оружие, которое мне удалось приобрести под постоянно бдящим оком властей. Я собрал его, монету за монетой, ночью под одеялом. Когда глаза стрельнули, моя рука ударила твердым

столбиком монет по короткой дуге, кончавшейся на виске Пакова. Он обмяк с приглушенным стоном.

Он все еще падал, а я уже подал сигнал аварийной остановки, перегнувшись через сиденье и ударив по нужной кнопке. Мотор заглох, тормоза взвизгнули, и мы остановились. Не более чем в дюжине шагов от выбранного мною места. В яблочко! В тот же миг я выскочил и побежал.

На пульте контроля наверняка загорелся сигнал тревоги — в машине была масса всевидящих глаз. Силы врага были пущены в ход в тот же миг, что и мои. Все, что у меня имелось, это секунды, может быть минута, прежде чем налетят солдаты и схватят меня.

Хватит ли мне времени?

Опустив голову, я с лету нырнул в узкий проход служебной улицы, который проходил позади ряда зданий и выходил на другую улицу. Здесь работали роботы — грузили мусор в бачки, но они игнорировали меня, когда я бежал, потому что они были простого типа «М», не запрограммированные ни для чего, кроме такой работы.

Погонщик роботов — другое дело. Он был человеком и держал электронный хлыст — для понукания роботов. Хлыст шелкнул и рассек воздух рядом со мной, а ток защекотал у меня в боку.

Глава 5

Он был, мягко говоря, шоковым, но я едва его почувствовал. Напряжение поддерживалось низкое, поскольку он был предназначен подгонять роботов, а не варить вкрутую их мозговые цепи. Я схватился за хлыст и сильно дернул на себя.

Все это, конечно, происходило по моему плану. Я видел этого погонщика с его бригадой каждый день на этом месте, когда мы проезжали мимо: Клизант либил свою рутину. Можно было смело рассчитывать, что погонщик роботов — индивид с толстой шеей и бандитского вида — бросится на перехват бегущего чужака, и он поступил именно так, как я надеялся.

Рванув на себя хлыст, я заставил его потерять равновесие, и он, шатаясь, полетел на меня с отвисшей челюстью, и я нанес ему страшный удар прямо в эту отвисшую челюсть.

Он мотнул головой, прорычал что-то и бросился на меня с руками, готовыми давить и разрывать.

Это было не по плану. Ему полагалось сразу же упасть, чтобы я мог проделывать остальную работу, прежде чем прискачет кавалерия. Откуда я мог знать, что у него нет не только мозгов, но и конституция другая? Я шагнул в сторону, его пальцы схватили воздух, а я начал потеть. Время катастрофически уходило. Я должен был привести эту тушу в бессознательное состояние наибо́льшим способом.

И я привел. Способ был не из изящных, но сработал. Я подставил ему ногу, когда он снова прыгнул, а потом вскочил ему на спину и поскакал на нем к земле, ускоряя его падение. Я схватил его за

голову и молотил ею о мостовую. На это потребовалось добрых три удара — я боялся, что мостовая поддастся прежде, чем он, когда погонщик крикнул и расслабился.

Вдали завывала первая сирена. Я вспотел еще больше. Безразличные к людям мусорщики продолжали свою работу.

Погонщик был одет в темно-зеленый мундир, несомненно, символизирующий его ремесло. Он застегивался на единственную молнию, которую я растегнул, а затем начал трудиться над снятием одежды с его объемистой неподатливой туши. В то время, как сирены стали ближе, мне пришлось остановиться для того, чтобы сорвать с него сапоги, иначе не стаскивались штаны — шумная операция, не прибавившая ничего хорошего этому делу.

Эхо сирены грозно отражалось от стены служебной улицы, и поблизости эффектно завизжали тормоза.

С лихорадочной спешкой я натянул мундир поверх собственного осинообразного одеяния и зстегнул молнию. Я схватил хлыст и треснул ближайшего робота прямо по шарикоподшипнику.

— Запихай этого человека в бачок,— скомандовал я и отступил, когда он схватил своего бывшего хозяина.

Люди только-только исчезли из виду, когда влетел первый из солдат в красных мундирах.

— Чужак! — крикнул я и махнул хлыстом в конец улицы.— Он побежал туда прежде, чем я смог его остановить.

Солдаты тоже двигались очень быстро, и это было очень хорошо, ибо пара сапог все еще лежала на виду. Я бросил их в бачок вслед за бывшим владельцем и шелкнул кнутом по своей полудюжине роботов.

— На следующий участок! — приказал я.— Шагом марш!

Я надеялся, что они были запрограммированы на постоянный маршрут, и не ошибся. Робот-грузовик двигался впереди, а остальные следом за ним. Я шел позади с хлыстом наготове. Моя маленькая процессия вышла на забитую полицейскими и солдатами улицу.

Бронемашины лавировали вокруг, а водители ругались. Мой верный отряд роботов двинулся через улицу, сквозь всю эту сумятицу, в то время как я с парализованной улыбкой трусил сзади. Я боялся, что если я сделаю хоть малейшую попытку изменить приказ, моя механическая бригада устроит сидячую забастовку прямо на улице. Мы прошли мимо моей покинутой машины, когда моему бывшему приятелю помогали выбраться из нее. Я повернулся к нему спиной и попытался игнорировать возникший в спине холодок. Если он меня узнает...

Первый робот свернул в другую служебную улицу, а я перся за ним столько, что впоследствии ощущалось, как два дня ходьбы по пустыне. Наконец я в убежище относительной безопасности. Хотя день был прохладный, я взмок до нитки. Я привалился к стене отдохнуть, пока мои роботы опустошали бачки. На улице снова появилось много машин, а над головой ревели реактивные двигатели. Ого, а они-то определенно по мне соскучились.

Что дальше? Хороший вопрос. Уже теперь, очень скоро, когда не будет найдено никаких следов беглеца, кто-то вспомнит единственного

свидетеля его побега. И они захотят снова поговорить с погонщиком роботов. Прежде чем наступит этот момент, я должен быть где-нибудь в другом месте. Но где? Активы мои были очень ограничены: коллекция роботов-мусорщиков, ныне трудолюбиво лязгавшая, занимаясь своей работой; два мундира — один поверх другого, каждый делавший меня меченым, и электронный хлыст, годный только для роботов; генерируемый им ток был достаточен, чтобы замкнуть реле, отменяющее прежний приказ. Что делать?

Позади меня раздалось скрежетание, и я отпрянул в сторону, когда распахнулась ржавая дверь. Наружу высунулась голова толстяка в белом колпаке.

— У меня здесь есть еще один бак, Слободан, для тебя, — сказал он, затем подозрительно оглядел меня. — Ты не Слободан.

— Вы правы. Слободан — это кто-то другой. И он где-то в другом месте. Он в больнице удаляет грыжи. Вот и поставили меня, новенького.

Не плывет ли удобный случай в руки? Я говорил быстро, а думал еще быстрее. На недавно пересеченной мною улице было еще много беготни, но сюда никто не заглядывал. Я шелкнул хлыстом по коробке передач ближайшего робота и приказал ему дуть за мной.

Белый колпак нырнул вовнутрь, я за ним, а робот за мной. В кухню. Большую, явно ресторанный кухню, и никого там больше не было.

— Когда вы открываетесь? — спросил я. — У меня на этой работе разыгрался зверский аппетит.

— До вечера не откроется. Эй! Вели этому роботу не идти за мной, и заberi отсюда этот мусор.

Повар кружил, отступая по помещению с верно топающим за ним роботом, которому я незаметно приказал не отходить от толстяка. Они составляли прекрасную пару.

— Робот, — скомандовал я, — брось бегать за ним, а просто схвати его, чтобы он не мог двинуться.

Электронные рефлексы робота оказались быстрее, чем у повара. Стальные руки сомкнулись, и повар открыл рот, чтобы пожаловаться, но я заткнул его поварским колпаком. Он сердито жевал его и издавал приглушенные звуки. Он продолжал это занятие все время, пока я привязывал его к стулу прекрасным набором кухонных полотенец, я не забыл и про кляп. Никто не появился. Мне все еще везло.

— Вон! — приказал я роботу, треснув его поперек терпеливой металлической спины. Другие все еще работали, и я надавал им ударов, как счастливый Флаггелант, пока все они не затрепетали, ожидая приказов.

— Возвращайтесь в то место, откуда вы явились сегодня утром. Ступайте!

Словно хорошо вымуштрованные солдаты, они развернулись и потопали в противоположном направлении от места моего побега. Я нырнул обратно в кухню и запер дверь. На минуту я был в безопасности. Рано или поздно они проследят меня до роботов-мусорщиков, но не будут иметь ни малейшего представления, где и когда я покинул конвой. Дела шли просто прекрасно.

Пленный повар за это время сумел опрокинуть стул и полз, извиваясь, к выходу.

— Озорник, — попенял я ему и взял со стола большой тесак. Он сразу остановился и вытаращил на меня глаза. Я положил хлыст и нож так, чтобы они все время были под рукой, и огляделся. На некоторое время я мог перевести дух и спокойно обдумать дальнейший план. А пока все шло стремительно и с хорошей долей импровизации. В отдалении послышался стук.

Я вздохнул и снова взялся за нож. Стремительность и импровизация были девизом этой операции.

— Что это? — спросил я у повара, вынудив на минуту кляп изо рта.

— Передняя дверь, там кто-то случит, — хрипло проговорил он, не спуская взгляда с ножа, который я держал у его горла.

Я засунул кляп на законное место и, бочком прокравшись к залу, огляделся.

Зал ресторана был пуст и темен. Стук шел от входа на противоположной стороне. Никто не появлялся на эти сигналы, так что я предположил, что в ресторане мы с поваром одни. А теперь посмотрим, что все это значит?

— Что вы хотите? — спросил я, стараясь выдать ту же рудиментальную грамматику и низкий голос, что высказал повар.

— Рефрижераторный сервис. Вы позвонили, что у вас неполадки. Какого типа?

— Весьма крупные! — сердце мое подпрыгнуло от радости. — Заходите и принесите с собой самую большую сумку с инструментами, что у вас есть.

Это была весьма почтенная сумка. Впустив, я резко стукнул плашмя тесаком по его затылку. Он мило сложился. Его мундир был утилитарно темно-зеленый — большое улучшение по сравнению с осиным или мусорным. Я быстро раздел его и привязал рядом с поваром к стулу, где они могли поплакаться друг другу в жилетку. В первый раз я опередил своих преследователей. При удаче пройдет несколько часов, прежде чем моих пленников обнаружат и свяжут с моим побегом. Я надел темно-зеленый мундир, приготовил большое количество бутербродов, схватил сумку с инструментами и, сделав своим пленникам «под козырек», выскочил за дверь.

Там стоял большой грузовой робот со свисающей с руки другой сумкой с инструментами, тихо гудящий про себя. На его металлической груди был нарисован тот же герб обслуживающей фирмы, украшавший теперь и мою собственную грудь.

— Мы будем путешествовать с комфортом! — сказал я. — Возьми-ка это.

Я только-только успел убрать пальцы, как он схватил сумку.

Во время моих поездок по городу я видел множество подобных роботов, но ни к одному не приближался. На его спине было своеобразное седло для оператора, но я не имел ни малейшего представления, как туда попасть. Опустится ли он на колени, выпустит ли лесенку, либо еще что-то? По этой улице уже двигались машины

и другие роботы. Быстро приближался отряд солдат. Я снова вспотел.

— Я желаю отправиться. Сейчас.

Ничего не произошло, кроме того, что солдаты стали еще ближе. Робот стоял столь же бесстрастно, как статуя. Здесь помощи не дожدهшься. Не знаю, ортодоксальным был этот способ или нет, но я поставил ногу на бедренный сустав, рукой схватился за стабилизатор поворота на его лопатке и взлетел наверх, сервомоторы взревели, когда он переместил центр тяжести в соответствии с моим весом. Я скользнул в седло в тот момент, когда отряд протрусил мимо. Меня они совершенно игнорировали.

Сидение было удобным. Я имел хороший обзор, при голове, находящейся по меньшей мере в трех метрах от земли, и не имел ни малейшего представления о том, что делать дальше. Хотя для начала лучше всего как можно дальше удалиться по этой улице. На макушке робота был размещен компактный пульт управления, и я нажал кнопку с надписью «ход». Я ощутил скрежещущую вибрацию передачи сцепления, и он зашагал на месте. Хорошее начало. «Вперед». Он наклонился и бросился бежать мелкой рысью. И волнения, и полиция остались позади.

Я ехал на своем металлическом рысаке через центр города и обдумывал свое положение. Один человек против целого мира. Очень поэтично и, возможно, приведет к замешательству. Если не считать того факта, что я уже бывал в таких ситуациях, а они нет. Вся система безопасности означала, что чужаки на Клизанте бывали не часто и все были под контролем. Наверное они раньше никогда не теряли след наблюдаемого, и этот случай будет очень обидным. Прекрасно, полетят головы. Прекрасно, пока в эти головы не войдет моя. В некотором смысле я имел преимущество. Они ничего не знали обо мне, кроме «легенды». Если я смогу затеряться в глуши, в глубинах их угнетающей культуры, меня невозможно будет найти. Пока я на «дне». Позитивные действия начнутся позже. Пока же я должен спасти свою драгоценную шкуру.

Впереди был один из городских выездов и необычно большое число стражников занималось проверкой и обыском всех, пытающихся выехать. Чтобы убраться от этой опасности, я свернул влево. Когда будет надо, я покину город. К полудню я представлял, как расположен город, но приобрел мозоли на заднице. Робот шел медленно и явно нуждался в подзарядке. Мне тоже не мешало подкрепиться бутербродами из сумки, так что мы оба нуждались в отдыхе. Вполне вероятно, что моих пленников в кухне уже нашли и уже снова поднялась тревога. Я направился в производственный округ, обнаруженный мною ранее, и поискал место, где можно спрятаться. Я заметил несколько явно покинутых фабрик и складов, подходивших для меня. Я выбрал один. Паутина на дверях и ржавчина на петлях. Замок, который я мог бы открыть и в темноте одним ногтем. Никого не видно вокруг. Дверь со скрипом отворилась. Мы проскользнули за дверь, и засов зашелкнулся за нами. Безопасность.

Место было покинутым, пыльным и по большей части пустым.

В одном углу стоял древний образчик машинерии, такой же лишенный черт, как и затерянный в джунглях идол, с жертвоприношением в виде выброшенных перфокарт у его ног. Превосходно. Я пообедал, отдохнул, обыскал здание, нашел внутреннее помещение без окон, принес обе сумки с инструментами, фонарик и карандаш с одной из жертвенных карточек. Время для следующего шага.

С конвертом в руке передо мной, освещаемым фонариком, я заговорил вслух:

— А теперь слушай. Восприятие готово начаться. Отсчет начинается с десяти. По ходу дела я засну. Память включается при слове... «зануда»!

— Десять,— произнес я, чувствуя себя прекрасно. Затем: — Девять, восемь, семь...

И зевнул. К тому времени когда я достиг пяти, мои веки отяжелели, и я совершенно не помню, как я дошел до нуля.

Глава 6

Я проснулся с одеревеневшими пальцами, затекшей рукой, утомленными глазами. И большим квадратом картона на столе, покрытом сложными чертежами микросхем. Подсознание — прекрасное место для сокрытия вещей, неизвестных сознательному уму. Я не только имел чертежи, но и понял вдруг, что я знаю, как ими пользоваться.

План был восхитительно простым, и меня кольнул укол ревности к выдумавшему его. Он требовал немного времени, но много электронных схем и оборудования. Все это придется украсть. Я вздохнул и потянулся. День был утомительным, а мой сон во время гипнотического транса вовсе не был сном. Завтра будет еще день. Темп преследования спадет.

Завтрашний и послезавтрашний дни были очень насыщены работой. Я был стальной крысой, вылезшей на землю, и было нужно много шмыганий. Город занимался своими делами, но я был уверен, что мои поиски неослабно продолжаются, хотя никогда и близко не приближались к моему уютному гнездышку. Я соединял и паял микросхемы, крал пищу и другие предметы роскоши почти походя. Клизонт, казалось, обладал очень низкой кривой преступности, потому что никаких мер против краж моего типа не предпринималось. Либо преступный мир был уничтожен, либо заправлял теперь правительством.

Покинуть город оказалось намного проще, чем мне казалось. Ловко слоняясь вокруг контрольно-пропускного пункта, я заметил, что во главе проверки стояли военные, и выполнялась она на простодушный военный лад. Определенная схема, отданная части приказов, изучения документов и постановки печати, и проваливай. Я надеялся, что этот способ легко сработает. Чтобы сделать свою операцию военной, я похитил армейский грузовик. В сумерках я подсунил на его пути работа.

Грузовик, завибрировав, остановился, а водитель высунул голову и бегло выругался. Большинство слов не было в моих языковых уроках, и я занес их в картотеку для дальнейшего использования. Благословение небесам — он ехал один.

— От такого и слышу, — ответил я ему, — некрасиво так разговаривать со штатским. Это — чрезвычайная ситуация.

— Какая еще ситуация? — подозрительно спросил он.

— Такая! — с энтузиазмом ответил я.

Игла метко воткнулась ему в шею, и он рухнул. Я также сделал набег и на склад медикаментов. Я надел его фирменную рубашку и приказал роботу топтать следом. Прежде я заехал за своими вещами. Они как раз поместились за ящиками с обезвоженной пищей, формулярами в трех экземплярах, сапожным кремом и другими существенно важными военными грузами. Одетый в красный мундир солдата, которого я облачил в свой и оставил спать в своей резиденции, я сказал «до свидания» моему роботу — единственному другу на этой планете. Он ничего не ответил, но я не обиделся.

Мои документы были приняты с военной молчаливостью, изучены и одобрены, и я был свободен. Я весело понесся в ночь и во вторую фазу моего плана. Физически это требовало много беготни, похищения различных машин, дабы запутать мой след, и долгой поездки через центральную пустыню к определенному ориентиру. Это была огромная каменная глыба, стоящая в одиночестве в море песка. По форме она напоминала горшок и называлась по-клизантски — «лонак». Что и означает «горшок» и дает вам некоторое представление о размахе их фантазии. Маскировочная сеть надежно спрятала машину, и целых семь дней не покладая рук я трудился, прежде чем удовлетворился результатом. Мной было построено, своими собственными ручками и ручками робота-экскаватора, полностью самообеспеченное подземное убежище не более чем в ста метрах от горы «лонак». Это было финальное приготовление к третьей фазе. Той же ночью я приступил к ее выполнению.

Мой маленький самодельный передатчик был настроен и готов к работе, антенна устремлена точно в зенит. В полночь я включил его, и в космос рванулся узкий, точно направленный сигнал. Я продержал его включенным ровно тридцать секунд и потом вырубил.

Вот таким образом. Мешать кости и делать следующий ход полагается им. Им — значит подразделению Спецкорпуса, организовавшему эту фазу. Если план сработает, я немного пожевал губами над этим «если», пряча рацию обратно в машину, мой сигнал будет принят ими и только ими. Ширина канала была очень маленькая, и узконаправленная пеленгация невозможна. Клизантцы вообще не должны знать о ней. Но в движение будут приведены огромные силы.

Заработают лучшие компьютеры, и полыхнут огнем гигантские ракеты. Избранный метеорит придет в движение вместе с коллекцией сопутствующих обломков. Далеко в космосе, за пределами досягаемости клизантских детекторов, метеорит двигался в сторону этой системы,

нацеленный на одиночную скалу «горшок». Мне требовалось обождать сутки.

Зная свое отношение к непродуктивному ожиданию, я устроил себе маленькую вечеринку. Была хорошая еда, по крайней мере, лучшая, что я мог достать в консервированных пайках, и богатый выбор первой-классной выпивки. Вино с закусками, а потом более крепкие напитки. Для достойного завершения ужина я закурил сигару и включил карманных размеров экран мини-проектора и прокрутил пару чернушно-пречернушных фильмов, купленных мною в армейском магазине. Весьма грубая поделка для солдат, хотя она выглядела весьма привлекательно для меня — кочевника пустыни.

Сон опустил свое мягкое одеяло, день последовал за ночью, а затем, в свою очередь, опять ночь. И как только стемнело, я оказался снаружи с полевым биноклем, обшаривая небо по квадратам. Ничего. И ничего не должно быть еще несколько часов, но мне не терпелось. Весь план начинал казаться абсурдным. И я очень сильно чувствовал свое одиночество, чувствовал себя попавшим в западню на этой планете, в многих световых годах от цивилизации. Настроение было подавленным. Я снова отхлебнул из фляги.

Если все шло хорошо, то большая каменная глыба направилась к Клизанту курсом на столкновение.

Когда защита засечет ее, то она покажется еще одним куском космических обломков. Она врежется в атмосферу и сгорит.

Если они проследят ее на тот маловероятный случай, что она может быть чем-то большим, это разувает их.

Скорость и температура исключали живой груз. Ее будет так же трудно проследить из-за сопровождающих обломков, также отражающих сигналы радара. Метеор прошьет атмосферу и врежется в пустыню с достаточной скоростью, чтобы уничтожить все живое.

Если будет расследование, то оно будет медленным, и когда исследователи придут, многое произойдет в этих местах. Так я надеялся. Все казалось безупречным в теории и полным безумием на практике.

Почти ровно в полночь на горизонте сначала замерцала, а потом разгорелась новая звезда, и, вздохнув с облегчением, я отложил фляжку. График соблюден, как пассажирской ракетой. Точка становилась все ярче и ярче. Я знал, что компьютеры и астрономы поработали хорошо. Но не настолько же хорошо.

Эта штука собиралась приземлиться прямо на меня!

Не совсем. Пока я следил, она, похоже, сместилась в сторону, ускоряя движение по ходу дела, в воздухе было такое шипение, словно шипел небесный чайник. Я прыгнул в машину и пинком ноги оживил ее, когда горящая бомба света скрылась за башней «горшка», последовал раскатистый взрыв, осветивший местность и обрисовавший огнем силуэт скалы.

Я рванул вперед. Мои фары выхватили из темноты свежее пятно на земле, окруженное облаками пыли, дыма и пара.

На дне лежал большой глазированный кусок испускавшего пар

камня. В яблочко. Я отогнал машину за ближайшую дюну и врубил передатчик. Раздался еще один взрыв, несколько меньший, чем от столкновения, и над моей головой просвистели осколки камня.

Когда я вновь посмотрел на метеорит, заряды раскололи его почти пополам и желеобразная жидкость, защищавшая его содержимое, впитывалась в песок.

В тот же миг я услышал нарастающий грохот приближающихся реактивных самолетов и моментально выключил фары. Летящие чудовища пролетели над головой — треугольники ревушей тьмы на звездном небе — и накренились на развороте. Я сделал новую оценку подозрительности сил полиции, так же как и их радаров, компьютеров и самой организации. У меня было меньше времени, чем я предполагал. Я спрыгнул в яму, стараясь не замечать жар, исходивший от треснувшего камня.

Снаряжение было цело — упакованное в плоские ящички, и было как раз достаточно света от звезд, чтобы вытащить их и спрятать в машине. Самолеты кружили наверху, приведенные в примерный район падения радарной триангуляцией, и теперь искали точно место падения метеора.

Не то чтобы они могли что-то видеть при их скорости, да еще в темноте, но на пути были воздушные суда помедленнее, с приборами и освещением они могли прочесать весь район.

При этой мысли я задвигался немного побыстрее, мое воображение уже рисовало мне трепетание пропеллеров на горизонте. Тяжело дыша, уложив в машину последний ящик, я ждал, пока самолеты не отвернут в сторону от меня, прежде чем тронуться к своей норе.

Я ехал со всей возможной скоростью, лавируя среди больших ухабов и подпрыгивая на меньших. Когда самолеты развернулись в моем направлении, я остановился, пережидая их и представляя себе из всех сил, какой я крошечный. При следующем рывке я сумел добраться до входа. Когда я забрасывал в нору первый ящик, то услышал моторы. Вдали замерцал сильный свет,двигающийся в мою сторону. Бритва чиркала чересчур уж близко. Я швырял ящички один за другим, не заботясь, где они приземлятся.

Я был уже готов нырнуть вслед за ними и заботливо уложить их, когда над головой затрепетали огромные крылья и из-под «горшка» вырвался и блеснул молнией ослепительный свет.

Он двинулся дальше, а я нащупал ногой стартер машины сквозь галактику радуг и ревуших световых дисков. Машина тронулась с места, затем резко увеличила движение, когда я переключил скорость. Свет ударил вновь, я упал на бок и замер.

Я лежал бесконечно долго, опалаемый светом, даже через плотно сжатые веки. Мне показалось, что я пролежал два-три года. Но это продолжалось доли секунды.

Лесенка была на месте, и я спустился по ней, ободрав свои голени о сваленный как попало груз.

Пробираясь в темноте словно крот, я пинками толкал их впереди себя. Рев больших машин позади меня стал более громким, а спустя миг

к нему присоединился треск частой стрельбы и грохот разрывов.

— Превосходно,— выдохнул я, швыряя последний ящик.— Оружие предназначено для использования. Вот они его и используют. Я был уверен, что они окажутся компанией, которую хлебом не корми — дай пострелять, и я очень рад, что не ошибся.

Еще более громкий взрыв возвестил об уничтожении моей машины. Лучше и быть не могло. Я прихватил с собой передатчик и ленивым шагом поднялся по лесенке.

Удобно устроившись на ней, упираясь локтями в землю, я имел лучшее место на этом представлении. Ревели реактивные самолеты. Пропеллеры кромсали воздух над головой. Пели пули, и взрывались бомбы. Машина прекрасно горела, выбрасывая всплески пламени, когда обломки подвергались ураганному обстрелу. Когда буханье стало стихать, я оживил его, нажав первую кнопку на передатчике.

Скорострельные пушки стали палить с вершины «горшка», в то время как с пускателя с разными интервалами взлетали вверх ракеты. Каждый второй выстрел был трассирующим, так что спектакль был впечатляющим.

Самолеты сделали в небе горки, чтобы перегруппироваться, а затем принялись атаковать с усиленной энергией. Вершина скалы и вся земля вокруг были истерзаны взрывами. За своим оружием я сделал набег на клизантский арсенал, и было приятно видеть, как одна сторона стреляет сама по себе.

Бомба рванула не далее чем в пятидесяти метрах от меня, песок посыпался мне за шиворот. Эта часть спектакля закончена. Настало время для финала.

Вместе с кучей песка я свалился с лестницы вниз. Быстро спрятав ее, я сильно дернул за тросы. Огромная куча песка, сваленная над самым входом, удерживалась только тремя досками, которые я и удалил. Я еле успел закрыть дверь, когда песок мощной рекой потек вниз. Стоя в темноте, я медленно досчитал до десяти, ожидая, пока песок полностью заполнит яму, и нажал вторую кнопку на передатчике.

Ничего не произошло.

А это было существенной частью операции. Со всеми этими рвущимися бомбами еще один взрыв прошел бы незамеченным, но он начисто похоронил бы все следы моего пребывания на этом месте. Если он не рванет, то меня легко обнаружат и откапают...

Память вернулась, и я проклял собственную глупость. Конечно, я оставил запасной вариант на случай, если радиосигнал не сможет пройти через многометровый слой песка, и быстро нащупал оставленный мною у входа фонарик. Я включил его и направил луч света в угол. Вот он! Провод с биркой «№ 2» — чтобы не путаться в спешке.

А я очень торопился. Взрывы снаружи стихали. Надо полагать, механический враг на скале был уничтожен, и если мой взрыв произойдет не сейчас, то он будет выглядеть, мягко говоря, очень подозрительным. Я обернул конец провода (он выходил наружу через песок) и снова нажал кнопку...

Тишина...

Когда дребезжащий взрыв жажнул над моей головой, сотрясая кости в моем теле и выбивая дробь моими зубами, моя пещера загудела, словно барабан, и вниз посыпались кусочки почвы. Я был в безопасности.

Уютно, как таракану в ящике. Я включил свет и с гордостью осмотрел свою резиденцию на следующую пару недель. Запас энергии, автономный, конечно, пища, вода, регенерируемая атмосфера — все, что может понадобиться человеку. И прибывшие в метеорите печатные схемы и приборы.

Я буду работать и собирать свое снаряжение и выйду на поверхность готовым встретиться с миром лицом к лицу. Пока наверху не обшарят всю пустыню. Они никогда не додумаются посмотреть прямо у себя под ногами, никогда не додумаются поискать у себя под носом, никогда. Я улыбнулся и взял бутылку, чтобы достойно отпраздновать это событие.

Глава 7

Я больше не вор и не прячусь под скалами. На тринадцатый день я разблокировал дверь и прокопал себе путь наверх. С этим символическим актом я оставил позади существование беглеца и вступил в клизантское общество. С различными документами и разнообразными мундирами я сыграл широкую подборку ролей в этом довольно отталкивающим обществе, пока не узнал о нем намного больше, чем хотел бы. В своих различных обликах я прошелся только по периферии военщины, поскольку я хотел сберечь свою энергию для фронтальной атаки на этот институт — атаки полной мощности.

Держа в уме эту идею, я сел на борт рейса СНТ (сверхновой техники) в Досайн-Глуп — приличных размеров провинциальный город, которому случилось располагаться по-соседству с военной базой «Глупость».

Судя по тому, что мне удалось узнать, «Глупость» была крупным центром космических кораблей и космической экспансии, так что не случайно я достаточно долго слонялся вокруг резервирующего места служащего, чтобы узнать, кому какие достались места. А затем раздобыть себе место рядом с очень привлекательным «некто».

Привлекательным, спешу добавить, только для меня. По другим стандартам майор не выиграл бы никаких призов. Челюсть у него была слишком большая, явно спроектированная для выпирания в нежелательных местах, и в подбородке была отвратительная маленькая ямочка-раздвоенность — явно от слишком усердного почесывания.

Подозрительные серые глазки прятались под обезьяньими нависшими бровями, а пещерообразные ноздри были двумя туннелями подземки. Меня это меньше всего волновало. Я видел только черный мундир космической армады, много наград за усердную службу, крылья и ракеты старшего пилота. Он был тем, кто мне требовался.

— Добрый вечер, сэр, добрый вечер,— поздоровался я, присаживаясь рядом.— Приятно было познакомиться.

Он нацелил на меня две пушки своего носа и выстрелил громким чихом, сигнализирующим о конце только что начатого разговора. Я улыбнулся в ответ, пристегнул ремни, откинулся в кресле, когда лайнер СНТ швырнул себя в небо на крейсерской скорости. Большая часть крыльев убралась в корпус, а я достал фляжку и два стаканчика.

— Буду рад предложить вам освежающее, благородный лет-майор, в благодарность за вашу долгую службу, отданную славному делу Клизанта.

На этот раз он даже не потрудился хмыкнуть, а просто поковырял в зубах не слишком чистым пальцем, доставая кусочки мяса, оставшиеся от недавнего обеда. Внимательное их изучение убедило его, что они были слишком большими, чтобы их выбрасывать, и с видимым удовольствием он отправил их обратно в рот. Человек простых вкусов, я мог предложить лучшее.

— Нет ничего слишком хорошего для наших парней на службе. Это — нарколик.

Он первый раз внимательно посмотрел на меня и, по идее, должны были послышаться звуки раскалывания, когда его губы раздвинулись в непривычную для них улыбку.

— Я выпью это,— произнес он скрипучим голосом и ему вполне следовало это сделать, ибо эта маленькая фляжечка стоила половины его месячного жалования. Нарколик — прекраснейший напиток, известный человечеству, перегоняемый в мизерных количествах из скудного ботанического источника на небольшой планете на краю Галактики. Утешающий и чарующий, возбуждающий и стимулирующий. Он был всем, что и любой другой напиток, плюс еще многим, без каких-либо эффектов похмелья.

Лет-майор взял предложенный ему стаканчик, склонил над ним пещеру своего носа и пригубил.

— Неплохо,— проговорил он, и я улыбнулся его грубому преуменьшению, словно оно было самой искренней похвалой, и представился своим очередным вымышленным именем. Он поразмыслил над этим и сообразил, что в ответ требовалось назвать свое.

— Лет-майор Васька Хуля.

— Рад познакомиться, сэр. Нельзя ли налить вам еще, эти стаканчики такие маленькие.

Уже очень скоро, после того, как наш лайнер пересек звуковой барьер, я почти полюбил этого лет-майора. Он был совершенством, совершенством законченным, без всяких шишек сомнения или оспин неуверенности. Точно так же, как паук бывает идеальным пауком, или летучая мышь-вампир — идеальной летучей мышью-вампиром, он был идеальным ублюдком.

Когда его дух поднялся, а язык стал заплетаться, анекдоты стали более детальными. Лет-майор о стрельбе:

— Никогда не совершай ошибки, гоняясь за мелкими группками, в счет идет только валовой эффект. Держись плана, поражая здания

и машины, и кончай заход. На втором заходе вполне можно поражать группы людей, но только крупные, пользуясь зажигательными бомбами. Эти бомбы распространяют и расплюсывают огонь и убивают больше всего.

Лет-майор об отдыхе:

— Нас было только двое, и у нас имелась дюжина бутылок и ящик сигар — достаточно на пару дней. Так что мы раздобыли трех девчонок, одну про запас, понимаешь ли, на всякий случай, и отвезли их...

Лет-майор об инопланетянах:

— Скоты. Вы не можете меня убедить, что мы можем даже метезировать с ними. Совершенно очевидно, что Клизант — источник всей разумной жизни по вселенной и единственно цивилизованное влияние...

Было еще многое, подобное этому, и я мог только кивать головой. Я восхищался. Совершенный, как я и сказал. Что меня заставило подпрыгнуть от радости, так это информация, что он только что назначен на базу «Глупость» после своего отпуска. Это был его первый визит на огромную базу после многих лет службы на боевом флоте... Судьба управляла выпадением костей.

То, что я был должен сделать дальше, было опасным, риск был очень велик, но представлявшаяся возможность была очень хороша. Помоему, я достаточно хорошо узнал подробности жизни клизантского общества. Теперь настало время выяснить, много ли я узнал. Ибо та часть общества, через которую я проложил себе дорогу, была периферийной, не военной, а по-настоящему шла в счет только военщина. Она господствовала на планете во всех отношениях и сумела распространить свое господство на другие планеты. Вопреки правилам логики и истории.

Я вступил в армию. Записывался в космическую армаду с чином лет-майора. Когда корабль накренился, заходя на посадку, я перевел мысль в действие.

— Ты должен сразу же явиться на службу, Васька?

Крепкий напиток перевел нас на «ты». Он покачал головой в космосе «нет».

— Завтра.

— Чудесно. Тебе не стоит проводить последнюю ночь отпуска между холодными простынями одинокой койки в офицерской казарме. Подумай только, еще как здорово можно провести это время.

Я пустился в воображаемые подробности, что можно сделать с шелковыми простынями на неодинокой койке. Хорошая еда и выпивка тоже были упомянуты, но они имели второстепенный интерес. Фляжка накренилась еще раз, и он с радостью кивнул, соглашаясь с моим планом.

Как только мы приземлились и получили свой багаж, робототакси отвезло нас в «Досайн-Глуп Работник». Это был местный филиал всепланетной системы отелей, специализирующихся на безлюдном сервисе. Все было механизировано и копыютезировано. Люди наведывались в эти отели только чтобы проверить приборы и опусто-

шить денежные ящики. Но я их никогда не видел по вполне понятным причинам, хотя частенько останавливался в подобного рода заведениях.

Иногда я видел, как въезжали или выезжали клиенты, но мы избегали друг друга, как прокаженных. «Работники» были островками приватности в мире всевидящих глаз. У них имелись определенные недостатки, но я уже научился справляться с ними.

Входная дверь автоматически отворилась, когда я приблизился, и кукла-робот, выскочив из своей конуры, пропела:

— Всемирно известный со дня открытия «Досайн-Глуп Работник» приветствует вас! Я здесь для того, чтобы помочь вам. Прикажете, и я возьму ваш багаж...

Это было спето звучным контральто под аккомпанемент духового оркестра в двести труб — стандартная запись во всех отелях «Работник». Я ненавидел ее. Я пнул робота — он слишком близко приблизился к нашим ногам — и показал на робототакси.

— Багаж. Там. Пять предметов. Принести.

Загудев, он отъехал и погрузил в такси нетерпеливые щупальца. Мы пошли в отель.

— Разве у нас не четыре предмета? — спросил Васька, хмуря в размышлении кустистые брови.

— Ты прав, я, должно быть, ошибся в подсчете.

Робот-носильщик догнал нас и обошел с нашими чемоданами и выданным из такси сидением.

— Теперь у нас их пять.

— Добрый вечер... господа, — пробормотал дежурный робот с небольшой паузой перед последним словом, когда он сосчитал нас и сравнил профили в своем блоке памяти. — Чем мы можем служить вам?

— Лучшим номером в заведении, — сказал я, записав в регистрационном журнале вымышленные имя и фамилию, а также и вымышленный адрес, и начал скармливать банкноты в платную щель стола. Наличные — авансом, было правилом «Работника», с любым балансом, возвращаемым перед отъездом. Робот-бой покатиł впереди, указывая нам дорогу, и подъехал к двери нашего номера, распахнул ее под звуки фанфар, словно при втором пришествии.

— Очень мило, — сказал я, нажимая кнопку «на чай» у робота на груди, автоматически снимая два богинь с моего кредитного баланса.

— Закажи-ка нам выпивку и закуску, — предложил я лет-майору, указывая на встроенный в стену щит-меню. — Все, что надумаешь съест, да еще это жареное мясо и шампанское.

Эта идея ему понравилась, и Васька деловито стал нажимать на кнопки. Пока я размещал багаж. К записью у меня был пристегнут детектор «клопов», который безошибочно привел меня к единственному оптико-звуковому «клопу», он находился в том же месте, где и все остальные, найденные мною раньше. Эти отели действительно были стандартными, и я умело поставил кресло прямо перед ним, когда открыл свой чемодан.

Дверцы доставки открылись, и выскользнуло шампанское и охлаж-

денные стаканы. Васька все еще заказывал напропалую, насилуя кнопки и мой кредитный баланс, демонстрируемый крупными цифрами, которые быстро катились к нулю. Я открыл бутылку, выстрелив пробкой в стену очень близко от него, чтобы привлечь его пьяное внимание, и наполнил бокалы.

— Давай выпьем за космическую армаду! — предложил я, подавая ему бокал и одновременно роняя туда маленькую зеленую дробинку.

— За космическую армаду! — ответил лет-майор, осушив бокал и заведя какую-то страшно шовинистскую песню, которую, как я догадывался, предстояло выучить и мне, все сплошь о сияющих дюзах, сверкающих пушках, доблестных воинах и горящих солнцах. Я был сыт ею по горло еще прежде, чем он ее начал.

— Ты выглядишь усталым, — заметил я, — разве тебе не хочется спать?

— Спать... — согласился он, клюя носом.

— Я думаю, тебе неплохо было бы лечь в постель и немного передохнуть пред обедом.

— Лечь... — его стакан упал на ковер, и он поплелся через номер и растянулся во весь рост на ближайшей постели.

— Видишь, ты устал. Засыпай, а позже я разбужу тебя.

Покорный гипнонаркотику, он закрыл глаза и сразу принялся храпеть. Если кто-то слышал транслируемое «клопом», он не заметил ничего подозрительного. Прибыл обед: его хватило бы, чтобы накормить целое отделение — мои деньги для Васьки ничего не значили. Я немного подкрепился, прежде чем приступить к работе.

Первым делом, конечно, инъекция, игравшая роль нервного блока и обезболивающая мое лицо. Как только она подействовала, я поднял храпящего лет-майора и навел настольную лампу для чтения ему в лицо. Это была совсем не трудная работа: мы были примерно одной костной структуры и одинакового телосложения, да и сходство не должно было быть совершенным. Просто достаточно близким, чтобы совпасть с его фотографией в тюремно-лагерном удостоверении. Качество этой фотографии было таким, как на снимках, где вместо человека проявляется морда бритой обезьяны.

Подбородок был самым серьезным делом во всех смыслах, и массивные инъекции пластичного желе нарастили мой до Васькиных размеров. Затем я перешел к работе над бровями. Еще пластическое наращивание надбровных дуг и имплантированные волосы черного цвета довели сходство до нужной кондиции. Контактные линзы воспроизвели цвет его глаз, а кольца в моих ноздрях раздули их до пещероподобного вида оригинала. Все, что осталось — перевести отпечатки его пальцев на плотно обтягивающие мои пальцы перчатки-невидимки.

Пока я подгонял лучший Васькин мундир под себя, он поднялся, как его инструктировали, и поел немного остывшего супа. Вскоре его снова одолел сон, но на этот раз он ретировался в другую сторону, направившись в другую комнату, где его храпение и храп не раздражали меня.

Я смешал себе ерш покрепче и отправился спать. Завтра будет день в моем новом обличье. Я вступал в космическую армаду.

При небольшом везении я смогу найти ключ к природе их замечательной военной мощи.

Глава 8

— Сожалею, сэр, но вы не можете войти,— заявил часовой перед воротами. Сами ворота были сделаны из клепаной стали и крепко вделаны в высокую каменную стену, увенчанную множеством нитей колючей проволоки.

— Что значит не могу войти? Мне было приказано явиться в Глупость,— заорал я в своей идиотско-военной манере.— А теперь нажми кнопку, или что там у вас отпирает ворота.

— Я не могу их открыть, сэр. База изолирована от внешнего мира. Я выставлен от наружного караула.

— Я хочу видеть вашего дежурного офицера.

— Я здесь,— произнес холодный голос у меня над ухом.— Что здесь за беспорядки?

Посмотрев назад, я увидел его лейтенантские нашивки, а он — мой двойной крест лет-майора, и я выиграл спор. Он провел меня в караульное помещение, и там было много перезваниваний по телефону, пока он не вручил трубку мне и я не посмотрел в лицо полковнику со стальными глазами. Этот спор я уже проиграл.

— База изолирована, лет-майор,— сказал он.

— У меня есть предписание явиться сюда, сэр.

— Вы должны были явиться сюда вчера. Вы опоздали из увольнения.

— Извините, сэр, должно быть, произошла ошибка в записи. Мой приказ гласит: явиться сегодня.— Я протянул ему предписание и увидел, что дата прибытия была все-таки вчерашняя. Этот пьяница Васька втравил меня в неприятности, которые заслужил сам. Полковник улыбнулся со всей слабостью королевской кобры в линьке.

— Если бы это была ошибка в приказе, лет-майор, то, разумеется, не возникло бы никаких затруднений. А раз ошибка была вашей, лейтенант, мы знаем, за кем вина. Явитесь ко входу безопасности.

Я повесил трубку, и лейтенант караула, нехорошо ухмыляясь, вручил мне лейтенантские нашивки. Я отцепил свои двойные кресты и принял понижение в звании. Я надеялся, что в космической армаде повышают так же быстро, как и понижают. Караул промаршировал со мной вдоль стены к схожему, шлюзового типа, входу, и меня пропустили. Мои верительные грамоты были изучены, отпечатки пальцев сняты, и через несколько минут я прошел через последние ворота на базу «Глупость».

Была вызвана машина, рядовой взял мои чемоданы, мы проехали к офицерским казармам, и мне показали мою комнату. И все это время

я держал глаза широко открытыми. Не то чтобы тут было какое-то завораживающее зрелище. Если ты увидел одну военную базу, то ты увидел их все.

Здания, палатки, парни в мундирах, совершающие повторяющиеся прыжки, тяжелое дорогостоящее вооружение, сплошь выкрашенное в один и тот же цвет, и так далее. То, что я должен выяснить, будет открыт не так просто.

Мои чемоданы были свалены в крошечной комнате, честь взаимно отдана, солдат ушел, и голос с соседней койки хрипло произнес.

— У тебя случайно нет чего-нибудь выпить, а?

Я присмотрелся повнимательнее и увидел, что то, что я сначала принимал за узел скомканного белья, теперь, похоже, содержало костлявого индивидуума в темных очках.

Потраченное на эту речь усилие, должно быть, истощило его силы, и он застонал, добавив еще один выдох к алкогольным испарениям и так уже насыщенной атмосферы.

— Случайно есть, — ответил я, открывая вино. — Меня зовут Васька. Ты предпочитаешь какую-нибудь особую марку?

— Остров.

Я не мог вспомнить никакого напитка с таким названием, так что это, предположительно, было именем моего собеседника.

Достав фляжку с самым мощным напитком из моей коллекции, я налил ему полстакана. Он схватил его дрожащими руками и осушил, пока его тело сотрясали судороги. Напиток, должно быть, сделал что-то хорошее, потому что он сел на койке и протянул стакан за добавкой.

— Через два дня мы сорвемся, — сообщил он, нюхая напиток. — Это на самом деле не краскорастворитель, а?

— Нет, он просто так пахнет, чтобы одурочить военную полицию. Куда?

— Не шути так резко по утрам. Ты же знаешь, что мы никогда не знаем, по какой планете мы ударим. Безопасность! Или ты служишь в безопасности?

Он подозрительно сощурился в моем направлении. Надо будет следить за своими вопросами, пока не узнаю побольше. Я заставил себя улыбнуться и налил стакан для себя.

— Шутка. Я сам чувствую себя не так уж хорошо. Этим утром я проснулся еще лет-майором.

— А теперь ты — лейтенант. Легко достались — легко расстались.

— Они достались не так-то легко.

— Извини, фигуральное выражение. Я всегда был лейтенантом, так что не знаю, как чувствуют себя другие. Ты не мог бы еще капнуть самую малость в этот стакан? Тогда я сумею одеться, и мы сможем пойти в клуб и выпить по-настоящему. Ведь будет ужасно все эти недели без выпивки, пока не вернемся.

Еще один факт. Клизант сражался, в битвах освежаясь водой. Я хотел бы знать, а смог бы я? Отхлебнув из стакана, я обнаружил, что на поверхность всплыла мысль, которая беспокоила меня уже несколько минут.

Настоящий Васька Хулья находится в отеле и будет обнаружен. И я ничего не смог с этим поделать, потому что находился на этой изолированной базе.

Кое-что из выпитого попало не в то горло, и я закашлялся. Остров постучал меня по спине.

— По-моему, это действительно краскорастворитель, — сказал он мрачно, когда я перестал кашлять и принялся одеваться.

Когда мы подошли к офицерскому клубу, я был далеко не в общительном настроении, в чем Остров, вероятно, винил мое недавнее понижение. Что же делать? Кажется, предстояла выпивка, еще не настал и полдень, а чтобы вырваться с базы, было бы мудрей всего дожждаться до вечера. И встречать проблемы по мере того, как они возникают. А прямо сейчас я находился в превосходном состоянии, чтобы поглощать спиртное вместе с группой новых товарищей и одновременно собирать информацию. Что в конце концов и было причиной, по которой я в первую очередь находился здесь.

Прежде чем отправиться, я сунул в карман тюбик противопохмельных таблеток. По одной на каждые два часа: они производят массирующую изжогу, но также нейтрализуют, попав в желудок, большую часть алкоголя.

Я буду крепко пить и слушать, оставаясь трезвым. Когда мы прошли через кричаще выкрашенные двери офицерского клуба, я незаметно выпятил и проглотил одну таблетку.

Все это было довольно угнетающим делом, особенно потому, что я лил снадобье себе в глотку с такой быстротой, с какой только мог глотать, покупая раз за разом другим и не чувствуя вкуса и действия вообще.

Когда подошел полдень и жажда увеличилась, в клубе появились другие офицеры, и вскоре вокруг меня толпилась дюжина других пилотов. Все пили хорошо и говорили мало чего интересного.

— Пейте, пейте, — настаивал я, подогревая их. — Там, куда мы отправляемся, они не нужны.

И покупал ее на круг.

Было, как можно легко догадаться, много чего сказано о летных характеристиках разных кораблей, и я занес в картотеку памяти все значительные детали. И много бухтения о прежних кампаниях.

— Я в штопор и с 50000 засадил бомбы, взмыл вверх... — и тому подобное.

Единственным примечательным моментом во всем этом была ничем не омраченная история побед. Я знал, что вооруженные силы Клизанта были хорошими, но глядя на этих пьяниц, было почти невозможно поверить, что они были настолько хорошими. Но они явно были — были бесконечные хвастливые истории о победе за победой и ни о чем другом, и через некоторое время я тоже стал верить.

Эти парни были хороши, а космическая армада — непобедима. Все это было слишком угнетающим. К вечеру первоначальные питухи буквально отпали, хотя их места за столом заполнялись достаточно быстро. Когда один из них соскальзывал на пол, служители мягко

уносили его. Я сообразил, что оказался последним из первоначальных, так что никто не заметит, если я отправлюсь на выход в этой, явно традиционной, манере.

Дав своим глазам закрыться, я погрузился глубоко в кресло, надеясь, что этого хватит, поскольку меня не прельщало отправляться на заваленный осколками стекла пол.

Им потребовалось несколько минут, чтобы заметить, что я вообще не функционирую, но в конечном итоге они заметили. Твердые руки подхватили меня под колени и подмышки, и меня вынесли.

Когда дробь шагов удалилась, я открыл глаза и разобрал, что нахожусь в сумрачном помещении с нарами вдоль стен. Поблизости от меня находилось зияющее «о» рта Острова, храпящего в пьяном сне. Так же, как и другие. Никто не заметил, как я натянул перчатки, подошел к двери, ведущей на улицу и выпустил самого себя. Было почти темно, я должен был покинуть лагерь и не имел ни малейшего понятия о том, как это сделать.

Ворота отпадали. Я прогулялся вдоль стены к первым. Замурованы и закрыты, сталь с бдительными часовыми, присматривающими за тем, чтобы с замками не баловались. Я пошел дальше. Вдоль стены, примерно через каждые сто шагов, стояли часовые, и я предполагал, что существует еще немалое количество электронных устройств. С приближением вечера были включены прожектора, освещающие пространство снаружи стен и отблескивающие от тянущейся по ним колючей проволоки.

Надо признаться, что все это было для того, чтобы помешать кому-либо забраться, но это срабатывало равно хорошо и в противоположном направлении.

Я пошел дальше, все еще пытаюсь одолеть угрожающую захватить меня черную депрессию. Я прошел через средних размеров участок атмосферных самолетов, мимо двух взлетных полос и нескольких ангаров с набором стоящих поблизости неуклюжих реактивно-транспортных судов. С минуту я подумывал украсть один из них, но где мне приземлиться, не угодив в плен? Я должен был сегодня ночью быть в городе, а не драпать в неведомые края.

Позади самолетов находилась высокая металлическая сеть ограды, отделявшая площадку космических кораблей. Попасть туда было достаточно легко — но что толку? Я видел тянувшуюся в отдалении все ту же высокую каменную стену. В небе раздалось громохание и ударили копы ярких огней.

Я обернулся и следил, скрытый во мраке, как дельтокрылый истребитель тяжело заходит на посадку. Он выглядел похожим на самолеты того же типа, что обстреливали Горшок. Когда он приземлился, завизжали шины и реактивные двигатели заревели на реверсе, а я пустился бежать, хотя идея только наполовину сформировалась у меня в голове.

Безумно? Наверное. Но в моем деле — воровстве и мошенничестве — научишься полагаться на предчувствие и тренированные рефлексy. И пока я бежал, все части встали на свои места, и я увидел, что это было

«оно». Милое, быстрое, чистое и опасное. Такое, какое мне нравилось. Я достал из кармана фальшивые усы и на бегу закрепил их. Истребитель развернулся и покати́л на ВПП, а я рысью припусти́л за ним. Выехала машина встречать пилота, и бригада механиков начала обслуживать истребитель. Один из них подставил лесенку, и фонарь открылся, словно пасть аллигатора.

Я побежал немного быстрее, когда пилот вылез и направился к машине. Он как раз забрался в нее, когда я, спотыкаясь, добежал до машины и ответил на отданную мне честь. Дородный индивид в тяжелом летном снаряжении с золотым полумесяцем майора на воротнике.

— Извините меня, сэр,— выдохнул я,— но командир приказал мне удостовериться, что у вас есть документы.

— О чем вы толкуете, черт побери? — пробурчал он, развалиясь на сидении. Он казался усталым. Я влез на заднее сидение.

— Значит, вы не знаете? О, боже! Водитель, поезжайте быстрее, как можно быстрее!

Водитель поехал, поскольку это было его работой, а я вытащил тубик из держателя в кармане своих брюк. Когда мы удалились из поля зрения бригады техников, я поднес его к губам.

— Майор...— произнес я, и он повернулся и крикнул. Я дунул.

Он снова крикнул и поднял руку к вонзившемуся в щеку маленькому дротику, а затем повалился вперед. Я поймал его прежде, чем он упал.

— Водитель, стой! Что-то случилось с майором.

Водитель, человек явно без большого воображения, быстро взглянул на повалившегося майора и нажал на тормоза.

Как только мы остановились, я позволил ему получить второй наркодротик, и он отключился, присоединившись к майору в стране грез. Я положил их обоих на землю и снял с офицера летный комбинезон и шлем. С некоторым трудом я смог натянуть его поверх собственного мундира, затем застегнул шлем и натянул темные летные очки. Все это заняло меньше минуты.

Я оставил пару в объятиях друг друга и направил машину обратно к самолету. Пока все шло хорошо. Но это было самой легкой частью. Я нажал на тормоза и остановился на стоянке самолета.

— Срочно,— заорал я, выпрыгивая из машины и подбегая к лесенке.— Отцепите эту штуку, чтобы я мог взлететь.

Механики всего лишь посмотрели на меня, разинув рты, не делая никаких движений к пуповине проводов и шлангов, соединяющих самолет с системой обслуживания.

Вместо этого какой-то сержант стал работать с рацией, запрашивая кого-то, видимо, о том, что со мной предпринять.

Я взбежал наверх по лесенке. Я ненавидел старых, подозрительных сержантов, становой хребет любой военщины. Теперь мне пришлось тратить время на расстегивание летного костюма и нащупывание под ним карманов.

Несколько гранат с сонным газом на миг очистили площадку от механиков. Некоторые весело лежали без сознания, в то время как

другие смеялись до одурения. Сержант трусливо оставался за пределами досягаемости и снова взялся за рацию.

Я изучал приборы. Вот! Маленькая черная ручка с надписью «зажигание» на ней. Когда я хлопнул по ней, завывли и загрохотали ожившие реактивные двигатели.

Реактивный фонарь пролетел у меня над головой через открытый фонарь; ругаясь, я пригнулся. Двигая регулятор, я увидел, что сержант стоит на колене, старательно прицеливаясь. Самолет начал медленно двигаться.

Его пушка жажнула снова, и я ощутил вибрацию, когда снаряд зарылся в сидении, которое, вероятно, было бронировано. Моя первая удача. Я слегка развернул хвост, так что он направился на стрелка. Это поставило броню между нами и дало ему хороший выброс реактивной струи в морду. Самолет взбрыкнул, содрогнулся и снова двинулся вперед, и я увидел, как порванный шланг подачи горючего болтается в струе ветра и выливает жизненные соки. Эти идиоты не отсоединили его. Я не знал, где на этой набитой датчиками приборной панели находится указатель расхода горючего, да и не хотел смотреть на него. Логика говорила мне, что гравитация выкачивала кровь медленнее, чем ее загоняли в баки насосы, но логика не имела к делу ни малейшего отношения. Мне представилось, как реактивные двигатели замирают здесь, посреди поля, пока вражеские силы смыкаются вокруг меня. Я почувствовал, как мое кровяное давление взлетает вверх, как скоростной лифт.

Мой деловой маленький друг — сержант — явно все еще работал на рации, потому что, когда я свернул на взлетную полосу, то увидел, что несколько грузовиков двигаются, чтобы перегородить ее, а на заднем плане рычало что-то подозрительно похожее на бронемашину. Я рванул регулятор до отказа назад и нагнул голову, снова пытаюсь прочитать названия на приборной доске. Того, что я там искал, не было! Зато я заметил еще один ряд кнопок и с трудом разобрал их надписи при плохом освещении. «Исвачивание». Это оно!

Я поднял голову и увидел, что вот-вот врежусь в первый грузовик. Солдаты вывалились из него и разбежались в разные стороны.

Мои ноги лихорадочно жали педали, пока я нащупывал колесные тормоза, и я с силой бросил руль вправо до отказа. Наконец я нашел тормоза и надавил на правый, проделав вызывающий содрогание поворот. Примерно полметра обшивки с конца крыла было содрано о радиатор грузовика.

Возникла оранжевая вспышка, когда кто-то опять стрельнул по мне, но я понятия не имел, куда угодил заряд. Затем самолет развернулся, и я понесся в обратном направлении. На этот раз уже на полной скорости.

По обеим сторонам мелькали огни ВПП все быстрее и быстрее, я же вынужден был держать штурвал одной рукой, в то время как другая нащупывала ремни снаряжения. Одна пряжка отсутствовала, и уже приближался конец ВПП, прежде чем я обнаружил, что сижу на этой пряжке.

Я защелкнул ее на свое место и схватил штурвал двумя руками, когда соскочил с ВПП.

Самолет не набрал взлетной скорости и не оторвался, когда я потянул штурвал на себя.

Затем я поскакал по шрейдерованной земле, направляясь прямо к той каменной стене, на которую смотрел весь этот вечер.

Все быстрее и быстрее, к верному столкновению.

Глава 9

Своевременность должна быть абсолютно верной. Слишком рано или слишком поздно — было бы одновременно гибельным, совершенно равнозначным. Когда стена обрисовалась перед самолетом, и я смог разглядеть швы между блоками, я посчитал, что теперь будет в самый раз, и трахнул по кнопке катапультирования.

Бам! Последовательность была слишком стремительной, чтобы за ней уследить. Но это сработало. Прозрачная шторка зещелкнулась перед моим лицом, все еще незакрытый до конца фонарь полетел вместе с треском выстрела, а сидение хлопнуло меня с такой силой, что позвоночник сократился вдвое. Почти как в замедленной съемке я проплыл вверх и прочь от самолета и отвратительно долгую секунду видел перед собой голый камень стены. А затем перелетел ее, и впереди было только черное небо.

В самой высокой точке моей дуги за моей спиной снова раздался треск и, подняв взгляд, я увидел развернувшийся надо мной купол. После этого зубодробительного полета сидение ударило о землю и перевернулось. Купол парашюта медленно опустился и завернул меня в свои мягкие складки.

Я обязан, к сожалению, сообщить, что в тот момент вообще ничего не делал. События развивались даже быстрее, чем я планировал. И итог был просто ошеломляющим.

Я разинул рот, жадно глотая воздух, покачал головой и, наконец, нашел достаточно здравого смысла, чтобы ударить по кнопке экстренного освобождения и сбросить ремень. После этого я, держа голову низко к земле, выбрался из-под парашюта.

Мужчина и женщина стояли на другой стороне улицы и пялились в моем направлении. Больше никого не было видно. Единственные признаки активности доносились, кажется, с другой стороны темной стены. Пламя освещало небо, вился дым, я слышал громкие хлопки рвущихся боеприпасов. Здорово!

— Испытание нового снаряжения! — крикнул я зрителям и, повернувшись, скрылся из виду за углом. В темном подъезде я стащил с себя летный комбинезон и бросил поверх него шлем. Неопознаваемый и свободный, я зашагал к отелю «Работник».

— Блестяще задумано! — сказал я себе и слегка потрепал этого прекрасного парня по плечу.

И в этот момент я сообразил, что теперь был вне базы и должен был

найти способ вернуться туда до рассвета, но я быстро выбросил эту угрожающую мысль из головы. В первую очередь — первоочередное. Я должен был отделаться от настоящего Васьки Хульи до того, как на него выйдет Безопасность. Я должен это сделать, чтобы взять себе его роль.

Он шевелился, когда я вошел, мечась в постели и мотая головой из стороны в сторону. Гипнотический транс истощался, и он боролся со сном. Не то чтобы робот-уборщик помогал, он просто опылял и чистил номер, а также пытался заправить постель с Васькой на ней. Я двинул ему сапогом по кнопке «вернуться позже» и заказал обед на двоих.

Чтобы отвлечь Васькино подсознание от его беспокойств, я сделал ему сильное внушение, что он промышлял два дня без еды, и что это был лучший обед, который он когда-либо получал за свою жизнь.

Он прищмыкнул, похохатывал и урчал от восторга, когда ел, а я просто коврял свою еду. В конце концов я оттолкнул тарелку и заказал крепкий напиток, в надежде на то, что алкоголь стимулирует или спрессует мои мысли в какой-нибудь внятный план.

Что делать с моим спутником, счастливо запикивающим в рот еду? Его существование является постоянной угрозой моему, в существующем порядке вещей было место только для одного Васьки Хульи. Убить его? Это было достаточно легко сделать.

Расчленив в ванной и побросать части его тела вместе с галлонами крови в легко конструируемую дуговую печь, пока у меня не останется только пригоршня золы. Искушение было велико, он, разумеется, убил за свою короткую жизнь достаточное количество людей, чтобы назвать это даже правосудием... Но недостаточно велико. Хладнокровное убийство — не мой стиль. Я убивал в порядке самообороны, не стану отрицать, но все же сохранил преувеличенное уважение в жизни во всех ее формах. Теперь, когда мы знаем, что по другую сторону неба находится только большее небо, идея о загробной жизни окончательно переключалась в исторические романы вместе с остальными причудливыми и забытыми религиями.

С исчезновением ада и рая мы столкнулись с необходимостью создания ада и рая прямо здесь. Что ж, с наукой, метатехнологией и вспомогательными дисциплинами мы прошли длинный путь, и жизнь на цивилизованных планетах лучше, чем была когда-либо в темные времена суеверий. Но с улучшением, здесь и сейчас, происходило четкое осознание, что это все, что у нас есть. У каждого из нас есть только этот короткий опыт с ярким светом знаний в этой бесконечной темной ночи вселенной вечности, и мы должны уважать существование всех остальных, и самый преступный акт, какой только можно вообразить — это прекращение одного из этих сознательных существований.

Клизантцы думали иначе, поэтому я сильно наслаждался, подкидывая им гравий в буксы, но я все равно думал так. Это означало, что я не мог найти легкий выход, низведя заляпанного подливкой Ваську до составляющих его молекул. Если бы я это сделал, то был бы ничем не лучше их, и попал бы в старую игру с целями, оправдывающи-

ми средства, и начал бы скатываться по наклонной плоскости. Я вздохнул, выпил, и рисовавшийся мне чертеж дуговой печи исчез.

Ну, что же тогда? Я мог покончить с ними и по-другому, приковав его в пещере с автоматическим пицераздатчиком, если бы у меня имелась пещера и все прочее. Отпадает. Будь у меня время, я мог бы с тяжким трудом изменить ему внешность и всадить ему ложную память, что протянуло бы, по крайней мере, шесть месяцев, и наладить его в тюрьму или трудовой отряд, или еще что-либо такое. За исключением того, что у меня не было времени для чего-либо столь сложного.

Я должен был закончить до утра — или даже раньше, если не хотел откинуть всю уже проделанную мной работу по созданию и принятию ложного Васьки. Они, вероятно, уже прямо сейчас занимаются переключкой, так что мне на самом деле следует скорее подумать о способе попасть обратно в «Глупость», чем беспокоиться о своем свинском спутнике.

Я заметил, что живот у него стал вспучиваться, и отключил ему аппетит. Он откинулся на спинку стула, вдохнул и рыгнул, не без причины. У противоположной стены раздался шорох, когда открылась панель, и вкатился робот-уборщик.

— Нельзя ли мне устроить вам хорошую чистку? — прошептал он сексапильным контральто.

Я сказал ему, «что» он мог делать, но он не был оборудован, чтобы выполнять такого рода приказы, и только щелкал и жужжал, пока я не приказал ему заняться своей работой. Я мрачно следил за ним, когда он суетился вокруг и убирал постель — и во тьме вдруг забрезжила первая искра идеи.

Васька оставался в «Работнике» целый день без всяких неприятностей. Сколько же можно было держать его здесь? Теоретически вечно, если будет внесено достаточно денег на счет за номер. Но его нельзя было продержат под гипнозом больше, чем день-другой, если я не буду подкреплять внушение. Или можно?

Прежде чем мне можно будет принять окончательное решение, я должен найти центр управления отелем. Но эта идея может оказаться правильной.

Я оставил Ваську смотреть телевизор, по которому показывали космическую оперу, внушив, что это было самое прекрасное из виденных им зрелищ, что, вполне возможно, было правдой. Нагрузившись орудиями и инструментами, я отправился побродить. Позади номеров должна быть служебная лестница для роботов, но она, несомненно, была маленькой, темной и пыльной. Она была последним оружием. Как бы не был механизирован отель, построили его люди, и они могли ремонтировать его, если понадобится.

Быстрое бродяжничество по нижним коридорам неподалеку от входа позволило обнаружить скрытую дверь с замаскированной скважиной. Она имела все маскирующие признаки, чтобы поддерживать байку о стопроцентной самоуправляемости отеля. Я потратил много времени, чтобы убедиться в отсутствии «клопов», и гораздо

меньше на сам замок двери. Замок был анекдотом. В поле зрения никого не было, когда я проскользнул через дверь и закрыл ее за собой.

Я чувствовал себя тараканом внутри радио. Электронные блоки выпучивались и выпирали со всех сторон, кабели и провода завивались в кольца и провисали в изобилии электроспагетти. Катушки с лентами щелкали и жужжали на компьютерах. Реле размыкались, замыкались, дребезжащий звук издавали зубчатые передачи. Это было очень деловитое место.

Я проделал путь через всю кашу, изучая поясняющие надписи, перешагивая через сундучки, в которых отдыхали сменившиеся с дежурства роботы, до тех пор, пока не нашел то, что можно было назвать центром управления.

Там было сидение перед пультом, сработанное для человеческого тела, и я свалился в него. Затем приступил к работе. Путешествуя через эти механико-электрические джунгли, я обмозговал другой план и знал, что теперь следовало сделать.

Сначала электронные «клопы» в Васькином номере. Я не хотел, чтобы его наблюдали или слушали. Найти цепи подслушивания было достаточно легко, и имелся даже экран монитора, которым было можно соединить с любой из них. Я испробовал его — «клопы» явно имелись во всех номерах, и там происходили кое-какие интересные вещи, но я никогда особенно не увлекался вуайеризмом, предпочитая наблюдению участие, и к тому же я теперь был женатым человеком.

А время шло быстро. Все цепи подслушивания сходились и исчезали в кабеле, проходящем сквозь стену и ведущем в местный полицейский участок или иное государственное учреждение, что и подало мне мысль.

У меня не было времени всаживать ленту и звуковую дорожку, что станут подкачивать в сеть подслушивания липовую информацию, так что мне пришлось импровизировать. Это было проделано достаточно легко, путем скармливания сигнала цепи подслушивания соседнего номера в провод из номера Васьки.

Судя по тому, как тут все было оборудовано, было очевидным, что «клопы» применялись для слежения только за одним номером за раз, по причинам, лучше всего известным строителям всего этого. Существовал примерно один шанс из десяти тысяч, что когда-либо заметят, что из двух номеров идет один и тот же сигнал. И это соотношение было достаточно хорошим для меня.

В любом случае свыше половины номеров пустовало, что еще больше улучшало соотношение.

Теперь Ваську не могли ни видеть, ни слышать. За номер и связанные с ним удовольствия заплачено, но прежде чем уйти, я оставлю достаточное количество денег (все краденые), чтобы протянуть, если понадобится, весь год.

Теперь нужен был план, как удержать Ваську в номере на данный отрезок времени, и я со своим соображением и неизменной в основном натурой уже изобрел его. К цепи громкоговорителя был подключен магнитофон, таймер, и все это было надежно спрятано в путанице

другой электроники вокруг. Я запрограммировал магнитофон, поставил таймер и включил его. А затем бросился в номер послушать и посмотреть, как мое творение начинает работать.

Васка все еще сидел, приклеив взгляд к телевизору, он глубоко вздыхал, когда космические корабли сцеплялись в лихорадке разрушения. Шипели бласто-пушки и бушевали бешеные вихри энергии, и сквозь все это прорезался мой записанный голос:

— А теперь слушай, Васька. У тебя был трудный день, и ты хочешь спать. Ты зеваешь. Теперь ты собираешься выключить свет и отправиться на боковую, ибо завтра будет новый день.

И это была большая ложь. Ибо завтра не будет нового дня, во всяком случае для дорогого Васьки. Снова будет все то же самое сначала. Он будет убаюкан в глубокий сон и даже более глубокий транс моим утешающим голосом. И пока он будет пребывать в нем, ему объяснят, что нужно забыть этот день, так чтобы он мог проснуться в утро своего последнего дня в увольнении перед явкой на действительную службу.

Он проснется с легким похмельем от вчерашнего праздника и не станет из-за этого утруждать себя чем-либо. Просто будет лежать в номере отеля, немного читать, немного спать, смотреть телевизор, и отправится спать пораньше. Он будет наслаждаться. И так будет продолжаться, пока не нарушится программа.

Это был чудесный план, и насколько возможно, защищенный от дурацких случайностей. Я скормил половину своих ликвидных фондов в платный хоппер, и баланс настенного индикатора подскочил до огромной суммы.

Медленно и счастливо я вышел из номера и повесил на дверь табличку «не беспокоить».

А затем я впал в депрессию, я снова зажег свет и огляделся в поисках бутылки, которая снабжала меня таким интенсивным вдохновением. Васька отлично позаботился о них.

Но как я вернусь на базу с ее втрое усиленной охраной?

Та высокая каменная стена вырисовывалась в моем мозгу такой же большой, как и в действительности. Я наделал бы шуму, перебираясь через нее, и поднял бы по тревоге всех. Было бы очень мило, если бы я мог вернуться без чьего-либо ведома, прокравшись, наверное, под ней. Но не могло быть и речи о подкопе, это должно быть то, чего можно достигнуть за несколько часов.

Угнать самолет, перелететь и прыгнуть на парашюте? И быть подстреленным прежде, чем коснешься земли. Чтобы проникнуть или покинуть базу, не могло быть худшего времени, чем настоящее.

Часовые будут бдительны вдвойне, а вся база будет кишеть солдатами. Что, конечно, давало мне ключ к тому, что мне требовалось сделать. Обратить их силы против них же, использовать их многочисленность, чтобы нанести им поражение — дзю-до в гигантских масштабах. Но как?

Ответ пришел достаточно быстро, коль скоро проблема была правильно поставлена. Я собрал требуемое снаряжение, оно было

довольно объемистым. Затем сложил его в большой чемодан и снабдил его аппаратурой саморазрушения.

Понадобится личина, ничего сложного, просто чтобы спрятать мою реальную — присвоенную личность. Ах, до каких уровней обмана я должен добираться!

Доверху застегнутое пальто скрыло мой мундир, моя пилотка отправилась в карман, замененная широкополой шляпой, а моя старая верная седая борода надела на лицо намордник анонимности. Я был готов. Глубоко вздохнув, я выпил капельку и выскользнул из номера, заперев за собой дверь и сунув ключ в карман.

Проходя мимо мусоропровода, я бросил его туда, и вспышка мгновенного уничтожения указала мне его путь. Отойдя на приличное расстояние от отеля, я проголосовал робототакси и запихал в него свой чемодан.

— База «Глупость», главный вход, — приказал я, и мы покатили.

Безумие? Возможно, но это был единственный способ.

Не то чтобы у меня на душе не скребли кошки, рвавшиеся на свободу. Этого только и надо было ожидать, когда мы катили по главной улице под высокими фонарями к подозрительным тяжелооруженным часовым, стоящим, поглаживая свое оружие. Рассвет уже выстелял небо.

— База закрыта! — заорал лейтенант, распахивая дверцу такси. — Что вы здесь делаете?

— База? — произнес я дрожащим голосом, с очень плохой имитацией стариковского фальцета. — Разве это не Центр Морковного Сока для естественного здоровья? Это такси привезло меня неправильно...

Официозный лейтенант фыркнул и отвернулся, а я прокатил парочку гранат между его кривых ног. И швырнул еще пять вслед за ними. Когда рванули первые, я натянул противогаз поверх своей шляпы, прихлопнув на лице бороду и все такое прочее.

Ого, а обстановка-то стала деловой. Гранаты были прекрасным коктейлем из затемняющего сознание газа, дыма и веселящего газа.

Ослепшие, смеющиеся, ругающиеся, кашляющие солдаты спотыкались и падали, раздалось несколько выстрелов. Я проложил себе дорогу через их расстроенные ряды, сея на ходу еще большую панику. Добравшись до главных ворот, я поставил свой чемодан и открыл его. Коммулятивные заряды имели клеевую основу и прилипли к стали ворот, когда я прилепнул их на место.

Реактивный снаряд разлетелся о ворота, и осколки порвали мне пальто. Я рухнул наземь, выхватил две дымовые гранаты и уронил их позади себя. Как раз когда стал подниматься дым, я мельком увидел приближающийся бегом отряд солдат, все еще находящихся за пределами загазованного района, стреляющих на бегу.

Еще две бомбы с затемняющим газом сильно помогли. Теперь, в такой темноте, как и все прочие, я нащупал капсулы и соединил их с радиовзрывателем.

Время уходило слишком быстро. Теперь они и за воротами подняли

тревогу и будут меня ждать. Но я зашел уже слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Я закрыл чемодан, опять же на ощупь, схватил его в охапку, осторожно проследовал вдоль стены и нажал кнопку передатчика у себя в кармане. За спиной раздался взрыв и лязг стали. Будем надеяться, в воротах прожгло отверстие.

Я, спотыкаясь, вернулся к воротам, пробираясь в этом бедламе и окружающей меня темноте.

Глава 10

Дыра там была, что и говорить, хорошая дыра, с проблесками света по другую сторону, когда дымовое облако заклубилось сквозь нее. Там также были солдаты, судя по граду огня из стрелкового оружия, стучащему по воротам, с несколькими случаями попадания в отверстие. Позади меня раздались вопли, так как в кого-то попали. Эти дурни стреляли друг в друга, помогая распространять посеянную мной панику.

Держась в стороне от линии огня из-за ворот, я швырнул в отверстие гранату, потом еще одну, еще, еще... И когда дым рассеялся здесь, а там достиг предельной густоты, пролез сам, как можно быстрее и как можно ниже. Это действительно звучало отлично. Стенали сирены, орали солдаты, лаяло оружие — шум предельной сумятицы. Я бросил несколько гранат веером, бросая как можно дальше, чтобы расширить район накрытия, до тех пор, пока не осталось только полдюжины. Эти я приберег для возможной срочной надобности, которая наверняка возникнет, набив ими карманы пальто.

Мина ликвидации чемодана, которую я включил, имела пятисекундную задержку, швырнув чемодан, я бросился в противоположную сторону. Я прокрался вдоль стены, моего единственного ориентира в такой тьме, к караульной, замеченной мной, когда я в первый раз изучал ворота. Там был припаркован выводок машин, в то время, как я шептал молитвы, чтобы там оставалась по крайней мере еще одна.

Облако поредело, я швырнул вперед еще две гранаты. В темноте я услышал звук запускаемого мотора. Забыв об осторожности, я побежал. Кто-то врзался в меня и тяжело упал, но я удержался на ногах и, спотыкаясь, побежал дальше. Затем я споткнулся о край тротуара и упал, лишившись, правда, своей шляпы. Мотор рычал громче, а затем я увидел как раз за краем дымового облака приземистый фургон.

Он разворачивался, готовый двинуться вперед по дороге, и я бросил вперед как можно дальше две из оставшихся четырех гранат. Водитель нажал на тормоза, когда перед машиной выросли грибообразные облака, а затем я очутился у дверцы и рывком открыл ее.

Он был в белом облачении повара, с колпаком и всем прочим, я протянул руку и выволок его к себе, отвесив ему, когда он выбирался, быстрый удар правой ногой по отвисшей челюсти. Затем я очутился на месте водителя и переключил эту штуку на первую скорость, и бросил

мертвый груз машины вперед как можно быстрее, давая дверце самой захлопнуться от внезапного ускорения. Вырвавшись из дыма, я увидел, что уже стало светло. Отлично проделано, поздравил я себя, а затем замедлил скорость, чтобы не обращать на себя внимание. По улице ко мне бежали новые солдаты, и, нырнув как можно ниже, я начал сдирать седую бороду. Теперь самое время вновь вернуться к своей роли Васьки.

Вдруг мою голову охватила дикая боль, и я упал, закричав от боли, потащив за собой руль. Фургон понесся на взвод солдат, моментально рассеявшийся во всех направлениях. Что-то мелькнуло за моей спиной, и я дернулся в сторону, так что второй удар угодил в плечо и был едва ощутим через одежду. Из задней части фургона высовывалась одетая в белое рука, сжимавшая тяжелый котелок. Я с силой крутанул руль, и рука исчезла из поля зрения, когда ее владелец упал. В спешке я позабыл, что в фургоне могли быть и другие.

Как раз перед фургоном у стены распростерся перепуганный офицер. Я снова повернул руль и едва-едва объехал его. Мы хорошо разглядели друг друга, пока фургон проносился мимо. Мой противогаз и борода наверняка произведут на него впечатление, и он немедленно доложит об этом по своей рации.

Время истекло. Снова появилась рука и котелок, я рубанул по запястью ребром ладони и приобрел котелок. Как только я опять завернул фургон за угол, с силой нажав на газ, я бросил котелок обратно его владельцу вместе с гранатой, заставив, по крайней мере на время, этот источник неприятностей притихнуть. Я выровнял путь фургона, осторожно коснулся шишки на голове и заметил парочку бронемашин, появившихся на дороге впереди и свернувших в моем направлении. Промелькнули здания, я затормозил и свернул на следующем перекрестке. Фургон становился больше помехой, чем активом, и мне приходилось избавляться от него.

Ну, а что потом? Я не хотел быть обнаруженным вдалеке от своей квартиры — это немедленно вызовет подозрения, а офицерские казармы находились в противоположном направлении. Но Офицерский клуб был не слишком далеко. Смогу ли я попасть туда? Было ли возможным, что до беспамятства пьяные офицеры со вчерашней веселой вечерней попойки все еще лежали на нарах, где я их оставил? Это был слишком хороший шанс, чтобы упустить его, потому что если я смогу вернуться на свои нары, то, конечно, буду вне подозрений.

Это было достаточно близко. Были машины, мчавшиеся ко мне и, несомненно, еще больше позади меня, но ни одной не было близко в данный момент. На ходу я терял свой маскарадный костюм: пальто, противогаз, борода отмечали мой путь.

Я запихнул оставшуюся гранату в карман, натянул пилотку, расправил ее на военный лад и строевым шагом завернул за угол. Отделение солдат высыпало из казармы и строилось в ряд, но они игнорировали меня — всего лишь еще один мундир среди тысяч мундиров. Офицерский клуб был не слишком далеко. Еще два угла, и вот он. Передняя комната была заперта, но я знал, что вход в комнату

с нарами будет открыт. Как раз когда я готовился свернуть за угол, я услышал разговор солдат и задержался.

— Это все?

— Осталось всего лишь несколько, сэр. Пара тех, кого трудно разбудить. И один, который не желает слезать с нар.

— Я с ним поговорю.

Я осторожно выглянул из-за угла, а затем нырнул обратно.

Я прибыл слишком поздно. Офицер как раз заходил в дверь комнаты с нарами, и кругом мельтешило множество солдат, ведущих похмельных офицеров в поджидающий фургон. Один из офицеров сидел на земле, держась за голову и игнорируя солдат, пытавшихся заманить его в этот транспорт. Еще один хлопал свое печенье об стенку здания.

Думай быстрее, ди Гриз, время истекает. Я подбросил последнюю гранату на ладони и прихлопнул активатор. Если я смогу присоединиться к пьяной компании, то буду в безопасности, это стоило риска. Я шагнул за угол с рукой за спиной, и никто не смотрел в моем направлении, быстрым взмахом руки я забросил гранату как можно дальше через фургон.

Взорвалась она мило — глухой удар — бум! Вслед за этим взметнулись тучи дыма и раздался крик солдат. И все посмотрели в том направлении. Восемь быстрых шагов привели меня за их спины, к сидевшему офицеру, несчастно бормотавшему что-то про себя, игнорируя все остальное. Я нагнулся, сочувственно соглашаясь с его наполювину слышимыми жалобами, помогая ему подняться на ноги.

Затем мне стали помогать солдаты, поддерживая и меня тоже, поскольку я, казалось, не слишком твердо стоял на ногах, ведя нас обоих к поджидавшему фургону. Я споткнулся и чуть не упал, а они подхватили и поддерживали меня. Теперь сцена была подготовлена, потому что я должен был сделать еще одну вещь.

Повар в фургоне доложит, что он ударил шпиона по голове. Так что выйдет приказ искать рану на голове — вроде той, что у меня. Я не могу избавиться от шишки на черепе, но я могу замаскировать ее. Это будет болезненно, но это необходимо.

Солдаты помогли мне подняться по лесенке. Как только они меня отпустили, я промахнулся мимо следующей ступеньки и рухнул назад между ними, треснувшись головой о землю.

Я ударился сильнее, чем планировал, и на миг, должно быть, отрубился. Когда я пришел в себя, то сидел с лицом, залитым кровью. Я этого не планировал, но это добавило к маскировке хороший штрих. Ко мне бежал солдат с аптечкой в руке.

Меня забинтовали и успокоили, и на этот раз помогли забраться в фургон до конца; чувствовал я себя ужасно, что было прекрасно. Волоча ноги, я нашупал себе дорогу в противоположный конец, как можно дальше от входа, где меня окликнул глухой голос:

— Васька... — он сменился резким кашлем.

Мой напарник Остров был тут как тут, и выглядел он помятым и несчастным.

— Выпить нет? — спросил он. Это явно было его ритуальным утренним приветствием.

Во время нашей поездки я передал ему свои соболезнования, так как напитка не было.

Раздались обиженные крики, когда камера вытрезвителя на колесах стала разгружаться и офицеры присматривали за тем, чтобы пьяницы не вернулись в свои квартиры, а были доставлены к одному из административных зданий. Я жаловался вместе с остальными. Хотя и ожидал чего-то вроде этого. Кто-то сбежал с базы и кто-то проник в нее. Надо будет сосчитать все головы, пока не будет найдена отсутствующая или лишняя. Нас, спотыкающихся на каждом шагу, провели в место ожидания и начали вызывать по одному на собеседование с батареей усталых чиновников. Пока мы ждали, возникло оживленное движение взад-вперед от уборной и обратно, и я встал в очередь. Главным образом для того, чтобы оставить на пальцах немного мыла, когда я мыл руки, так что я мог втереть его в глаза. Оно жгло, как кислота, но я позволил ему минуту помучить меня, прежде чем сполоснуть. Мои глаза прожигали меня из зеркала, словно пара углей. Превосходно.

В очереди я нашел чиновника, показал свое удостоверение и дал проверить свое имя по расписанию дежурств. Я надеялся, как и все прочие, что скоро нам позволят уйти. Многие из нас ложились вздремнуть прямо на скамейки, и я присоединился к их числу. Ночь была напряженная. И какая маскировка может быть лучше для шписна, чем спать в сердце лагеря врага?

Возникшая тишина была столь внезапна, что как толчок разбудила меня. Я задремал под кряхтение и жалобы своих собратьев-офицеров, постоянное топанье солдат, деловитое жужжание конторских машин. Все эти звуки сменились безмолвием. Сквозь это безмолвное пространство донесся сначала отдаленный, а затем все более приближающийся звук шагов, медленно и ровно идущей единственной пары ног. Они подошли ко мне и прошли дальше, а я сохранил глаза закрытыми и заставил себя дышать ровно. Только когда они вполне прошли, я чуть приоткрыл глаза.

Я удивился безмолвию, все, что я увидел — это мундир на спине человека, чуть сутулой; мундир был из мягкой невпечатляющей бледно-серой ткани, пилотка была тоже из такого же материала. Я не мог вспомнить, чтобы видел раньше этот мундир, и гадал, из-за чего он произвел такое впечатление. Зевая, я сел и почесал голову под бинтами, наблюдая, как человек достиг противоположного края помещения и повернулся к нам лицом.

Спереди он был не более внушительным, чем сзади. Волосы песочного цвета, слегка редющие на макушке, нарождающаяся складка жира и двойной подбородок, чисто выбритое незапоминающееся лицо. И все же, когда он заговорил тоном старого школьного учителя, все присутствующие офицеры сохранили мертвое молчание.

— Офицеры, некоторые из вас, то есть бывшие достаточно трезвыми, могли слышать взрыв и видеть облако дыма по пути сюда. Этот взрыв был произведен лицом, проникшим на военную базу и все

еще находящимся на ее территории незамеченным в нашей среде. Мы ничего не знаем о нем, но подозреваем, что он — инопланетный шпион.

Это, как и можно было предполагать, выхвало аханье и ропот, и серый человек подождал с минуту, прежде чем продолжить:

— Мы проводим интенсивные поиски этого шпиона. Поскольку вы, господа, находились в непосредственной близости от места происшествия, я намерен побеседовать с вами по одному, чтобы выяснить, что вы можете знать. Я также могу обнаружить... Кто из вас этот пропавший шпион?

Эта последняя стрела вызвала только потрясенное молчание. Теперь, когда он привел нас всех в подавленное состояние, подходящее для перекрестного допроса, серый человек стал вызывать офицеров по одному. Я был вдвойне благодарен за предвидение, уронившее меня головой о землю.

Меня вызвали третьим не случайно. На каком основании? Общее сходство в телосложении с инопланетным шпионом Пасом Ратунковым? Бинт? Какая-то основа для подозрений, должно быть, существовала. Я потащился вперед, едва перебирая ногами, как другие до меня. Я отдал честь, и он указал на стул рядом с письменным столом.

— Почему бы вам не поддержать это, пока мы беседуем? — произнес он рассудительно, передавая мне серебряное яйцо датчика детектора лжи.

Настоящий Васька не узнал бы его, так что я тоже не узнал. Я просто посмотрел на него с легким интересом — как будто не знал, что он передает жизненно важную информацию в находящийся перед ним детектор лжи, и стиснул его в ладонях. Мысли мои не были такими спокойными.

Я попался! Он меня раскрыл! Он знает, кто я, и играет со мной.

Он посмотрел глубоко в мои налитые кровью глаза, и я заметил, что его рот слегка скривился от отвращения.

— У вас была еще та ночь, лейтенант Хулья? — спросил он меня, глядя на лист бумаги и на показания детектора лжи.

— Да, сэр, знаете... Выпил несколько рюмочек с ребятами.

Именно это я произнес вслух. А про себя я подумал вот что: они застрелят меня насмерть, прямо в сердце! Я представил себе, как этот жизненно важный орган выплескивает в грязь мою живую кровь.

— Я вижу, вас недавно понизили в звании. Где ваши взрыватели, Пас Ратунковый?

«Я устал... как я желаю оказаться в постели», — подумал я.

— Взрыватели, сэр? — моргнул я своими красными гляделками и, подняв руку почесать голову, коснулся бинта и подумал, что лучше не стоит. Его глаза впились в мои, серые глаза, почти одного цвета с его мундиром, и на миг я уловил за его спокойными манерами силу и гнев.

— А ваша рана на голове, где вы ее получили? Нашего инопланетного шпиона ударили сбоку по голове.

— Я упал, сэр, меня, должно быть, кто-то толкнул из фургона. Солдаты перевязали, спросите у них...

— Уже спросил. Напились, упали, опозорили офицерский корпус.

Убирайтесь и почиститесь, вы вызываете у меня отвращение. Следующий.

Я нетвердо поднялся на ноги, не глядя в пронзительные буравчики этих холодных глаз, и пошел было, словно забыл про прибор в своих руках, а затем вернулся обратно и уронил его на стол, но он склонился над своими документами, игнорируя меня. Я разглядел слабый шрам под редкими волосами на его лысенькой макушке и ушел.

Чтобы одурачить детектор лжи, требуется умение, практика и тренировка. Все это у меня имелось. Это можно сделать только при определенных обстоятельствах, а теперешние были идеальными. Внезапный допрос без проведения тестов на нормальную реакцию субъекта. Таким образом я должен был выразить красивый пик на его самописце. Я боялся: его, чего-то, чего угодно. Но когда он задавал вопросы на поймку, предназначенные для разоблачения шпиона, я расслаблялся, потому что я их ждал, и прибор показывал это. Вопрос был бессмыслен для каждого, кроме инопланетного шпиона. Коль скоро он увидел это, допрос кончился, у него было еще много работы.

Остров сидел, мертвецки трезвый, с глазами большими, словно блюдца, когда я вернулся и упал на скамейку рядом с ним.

— Чего он хотел? — проговорил он глухим шепотом.

— Не знаю. Он спросил меня о чем-то там, чего я не знаю, а потом все кончилось.

— Надеюсь, он не захочет побеседовать со мной.

— Кто он?

— Разве ты не знаешь? — с потрясающей недоверчивостью спросил он.

Я начал отступать, осторожно прикрывая свое полное отсутствие информации.

— Ну ты же знаешь, я только что сюда прибыл...

— Но все знают Края.

— Так это «ОН»? — ахнул я и постарался выглядеть столь же испуганным, как и он, и это, кажется, сработало, потому что он кивнул, глянул через плечо и снова обратно, по-быстрому.

Я поднялся и снова пошел в уборную, чтобы прекратить разговор на этом самом месте. Все знали о Крае.

Кто же такой Край?

Глава 11

Отправка на вторжение пришла, как панацея от всех бед; лучше уж милая спокойная война, чем подозрения и страхи, волновавшие базу «Глупость» в последние дни. Были внезапные инспекции, полуночные обыски, постоянные тревоги и звуки марширующих сапог на протяжении всего времени. Я бы гордился своими усилиями по посеву семян беспорядка, если бы одновременно и сам не был жертвой этого беспорядка. Планы вторжения, должно быть, зашли слишком далеко,

чтобы изменять их, потому что посреди всего этого волнения мы все еще придерживались расписания. В день «Х» минус два дня все бары были закрыты, так чтобы мог начаться процесс протрезвления войск. Немногие неохочие, включая меня и Острова, припрятали бутылки, позволяющие нам протянуть еще немного, но даже они закончились, когда наши сундуки и чемоданы отправили на хранение, а нам выдали заранее упакованные боевые ранцы. У меня имелась банка порошкового спирта, замаскированная под зубной порошок, приберегаемая мной на черный день, который не замедлил наступить при мысли о грядущих неделях без выпивки, так что мы с Островом прикончили мой «зубной порошок» в день «Х» минус один, и тут и все. После одной полуночной проверки и обыска на месте нас собрали и, в лагом марш, направили в район отправки.

Флот, ряд за рядом темных снарядов, стоял, ожидая, за воротами. Нас вызывали по одному и отправляли на предназначенные нам места.

Вначале я думал, что это довольно глупый способ организовывать вторжение: никаких планов, никаких тренировок, никаких маневров — ничего. Наконец до меня дошло, что это был идеальный способ устраивать вторжение, которое мы желали сохранить втайне. Пилоты имели большой стаж пилотирования и получают еще больший в предстоящем полете. Солдаты были готовы драться, источники снабжения — полны. А где-то наверху находились запертые боксы с планами, лентами курсов и тому подобным. Ничто из этого не будет открыто до тех пор, пока мы не окажемся в безопасности, с работающими двигателями искривления пространства, когда все средства внешней коммуникации не станут бесполезными. Все это облегчало нам жизнь, то есть в первую очередь мне, поскольку у меня было мало возможности оплошать по части знания того, что полагалось знать клизанцу.

Я с большим удовольствием обнаружил, что мне было поручено пилотировать десантный транспорт. Это была роль, которую я мог выполнить с честью. Приданный мне сосед по комнате тоже не был случайным, потому что Остров влез в навигационную рубку спустя несколько минут после меня и объявил, что он будет моим вторым пилотом.

— Чудесно, — сказал я. — Ты сколько часов налетал на одном из этих транспортов класса «Павиан»?

Он признался в, увы, низкой цифре, и я похлопал его по плечу.

— Тебе повезло. В отличие от большинства первых пилотов, твой старый дядя Васька не эгоист. Для старого собутыльника нет жертвы, которую он не был бы готов принести. Я собираюсь позволить тебе произвести взлет, а если ты проделаешь его так хорошо, как я надеюсь, то я могу позволить тебе совершить и посадку тоже. А теперь вручи-ка мне список пассажиров.

Его благодарность не имела границ до такой степени, что он признался мне в том, что он приберег свою авторучку на по-настоящему черный день, поскольку она заправлена 200% спиртом, и мы оба пустили себе струю. И уже с чувством удовлетворения и опаленными глотками мы следили, как солдаты проходят строевым шагом

и вливаются в погрузочные шлюзы далеко внизу. Спустя несколько минут в навигационную рубку вошел, печатая шаг, седовласый полковник в боевом обмундировании.

— Пассажирам сюда вход воспрещен,— сказал я.

— Заткните пасть, лейтенант. У меня ваши ленты с курсом.

— Ну, так не позволяйте ли мне получить их?

— Что? Вы, должно быть, либо с ума сошли, либо шутите, а то и другое в бою — подрасстрельное преступление.

— Я, должно быть, на грани, полковник, мало сна, знаете...

— Да? — слегка смягчился он. — Я полагаю, должны делать допуски. Для всех это было нелегко. Но теперь все это у нас позади. Победа Клизанту!

— Победа Клизанту! — отдали мы дань ритуалу. В последнюю пару дней это происходило часто. Полковник посмотрел на часы.

— Почти время. Приготовьте командную цель,— приказал он.

Я кивнул Острову, который немедленно нажал правильную кнопку. На экране появилось сообщение: «есть готовность». Мы встали. Затем надпись стала мигать и сменилась четкими буквами: «установить курс». Полковник достал из сумки контейнер с лентами, и нам пришлось расписаться, как свидетелям, на бланке, гласящем, что лента, когда мы ее получили, была запечатана.

Остров вставил ленту в компьютер, и полковник удовлетворенно хмыкнул, выполнив свою работу, и повернулся уходить. На пороге он сделал прощальный выстрел через плечо:

— И чтобы никаких этих приземлений на 10 Ж, которые вы, дебилные пилоты, кажется, очень обожаете. Если это случится, я отдам вас обоих под военно-полевой суд.

— Твоя мамаша вяжет свитера из мусора! — крикнул я вслед, дождавшись, разумеется, пока дверь закроется. Но даже это слабое усилие расшевелило энтузиазм Острова, начинавшего все больше и больше уважать меня.

Ждать и догонять — обычное дело для всех вооруженных сил, и именно этим мы и занимались в дальнейшем. Список пассажиров был закончен, и мы видели, как взлетают другие корабли, пока не улетело большинство. Транспорты отправлялись последними. Зеленый сигнал «взлет» появился, как облегчение. Мы были на пути к безымянной планете, вращающейся вокруг неизвестного солнца, с точки зрения любого из нас. Лента сообщила компьютеру, куда мы направляемся, но не снизошла до того, чтобы уведомить нас.

Этот покров секретности продолжался вплоть до самого вторжения. Мы были в пути семь дней, не имея ничего выпить, а корабль пилотировался компьютером, а замороженные пайки — едва съедобны. На долгосрочной основе, без удручающего воздействия алкоголя, Остров был менее чем блестящим спутником. Чем бы ни начинался разговор, он непременно кончался повторяющимися анекдотами о его школьных днях.

Спал я, надо сказать, хорошо, и обычно, когда он болтал, но он, кажется, не возражал. Я также проверял его познания в навигации

и знание приборов муштровкой на холостом ходу, что, может быть, и оказало ему какую-то пользу, и, разумеется, ознакомило меня с оборудованием и управлением корабля.

Поскольку корабль был полностью автоматизирован, мы с Островом были единственными членами экипажа. Единственная дверь в помещение для солдат была закрыта, и ключ имелся только у моего грубого друга полковника. Он навестил нас разок-другой, что не вызвало у нас никакого удовольствия. На седьмой день он стоял у нас за спиной, прожигая мне взглядом затылок, когда мы вышли из подпространства обратно в нормальный космос.

— Возьмите это, проверьте здесь, распишитесь тут, — рявкнул он, и мы все это проделали, прежде чем он сломал печать на плоском футляре. На нем было начертано большими красными буквами: «ВТОРЖЕНИЕ», что довольно-таки прозрачно намекало на то, что вскоре будет жарко. Мои инструкции были достаточно простыми, и я переключился на какие было приказано цепи, так чтобы корабль мог следовать за лидером эскадры. Желтоватое солнце ярко сияло с одной стороны, и голубая сфера планеты находилась с другой.

Полковник прожигал эту планету взглядом, как будто хотел протянуть руку, сграбастать и откусить от нее, так что будущее развитие событий казалось достаточно очевидным и без заданных вслух вопросов.

Вторжение началось. Большая часть флота была впереди нас, затерянная в ночи космоса и видимая только при случае, как сеть искр, когда они меняли курс. Наша эскадра транспортов держалась вместе, автоматически следуя курсом, установленным флагманским кораблем, и планета росла на наших экранах.

С этого расстояния она выглядела достаточно мирной, хотя я знал, что передовые части флота должны к этому времени уже атаковать.

Я не дожидался с нетерпением этого вторжения — кто, кроме сумасшедшего, может наслаждаться перспективой надвигающейся войны? — но надеялся найти ответ на вопрос, приведший меня сюда. Я считал, что межпланетные войны по-прежнему невозможны, несмотря на тот факт, что теперь сам участвовал в таковой. Я чувствовал себя человеком, который, увидев в зоопарке экзотическое животное, сказал: «Никакого такого животного нет». Межпланетные вторжения попросту не удавались.

Межпланетные силы мчались вперед, могучая армада указывала на лживость моей теории. Когда безымянная планета стала увеличиваться все больше и больше, заполняя экраны, я увидел первые признаки войны, которая, как я знал, была в разгаре: крошечные искорки света на ночном полушарии. Остров тоже увидел, замахал руками и закричал:

— Дайте им, ребята!

— Заткнись и следи за своими приборами, — зарычал я, вдруг возненавидев Острова. И сразу же пожалел. Он был продуктом своей среды. Когда прут согнут, он вырастает в кривое дерево. Он был согнут военной школой-интернатом, в которую его запихнули в младенчестве, и о которой он по какой-то неизвестной причине все еще был хорошего

мнения, хотя все рассказанное им носило депрессивный или садистский характер.

Его воспитатели никогда не задавались вопросом, верить ли, что бог создал Клизант намного лучше всех других планет, и что им следовало позаботиться о неполноценных расах. Просто изумительно, во что верят люди, если только поймать их достаточно рано.

Затем нас высвободили, когда транспорты рассеялись, заходя на свои различные цели.

Я возился с рацией и молча проклинал клизантскую страсть к секретности. Вот я приземляюсь с кораблем, нагруженным войсками — и даже не знаю, куда! На планету внизу, разумеется, они не могли достаточно хорошо замаскировать этот факт, но на какой континент? В каком городе?

Все, что я знал, это то, что сначала прошли корабли-разведчики и посадили радиомаяки. Я имел частоту и сигнал, который должен поймать, а запеленговав его, навести корабль и приземлиться. И я знал, что целью был космопорт. Вместе с последней инструкцией я получил несколько больших и четких фотографий — клизантские шпионы поработали усердно, были виды космопорта и сверху, и с земли. Большое здание космопорта, а рядом — большое красное «Х» — место, на которое я должен был посадить свой корабль как можно ближе к этой отметке. Прекрасно.

— Есть сигнал!

Та-та-та было громким и четким.

— Пристегнуть ремни — вот мы и прибыли, — сказал я Острову и скормил инструкции компьютеру. Он почти мгновенно выработал орбиту приземления и включил главные реактивные двигатели.

— Дай полковнику предупреждение, а затем кинь ему сообщение о расстоянии и высоте, пока я завожу корабль.

Мы падали к терминатору, летя в зарю. Компьютер прицепился к маяку и спускал нас по плавной, осторожной дуге. Когда мы пробились сквозь облачный покров и земля стала видна далеко внизу, я заметил первые признаки сопротивления. Вокруг нас возникли черные облака взрывов.

— Они стреляют в нас? — охнул потрясенный Остров.

— Ну, это же война со стрельбой, не так ли? — я гадал, что же он за ветеран, если его тошнит от редкого зенитного огня. В то же время я врубил перехват управления и отключил главные реактивные двигатели. Мы падали в свободном полете, и следующие взрывы появились выше и позади нас, так как компьютер орудий был выключен из игры нашим падением.

Я увидел космопорт далеко внизу и врубил боковые двигатели, чтобы переместить нас в том направлении. Но мы все еще падали. Показания нашего радарного альтиметра скармливались нашему компьютеру, продолжавшему предупреждать о близости земли. Я быстро дал ему программу придерживать торможение как можно дольше, чтобы опустить нас на землю при 10 Ж. Это означало, что мы будем падать на максимальной скорости и за минимальное время, что

уменьшает возможность попадания в корабль. И я хотел, чтобы полковник получил 10 Ж, о которых он говорил, предупреждая нас.

Реактивные двигатели включились на высоте, казалось, не превосходящей верхушек деревьев, вдавив нас в кресла. Я улыбнулся, что весьма трудно было сделать, думая о выражении лица полковника в данный момент.

Следя за экраном, я добавил бокового перемещения. После этого вся тяжесть управления кораблем легла на широкие плечи компьютера, который справлялся просто прекрасно, выключив двигатели как раз тогда, когда захрустели амортизаторы опор. Как только двигатели замерли, я ударил по кнопке выгрузки, и корабль задрожал от выброшенных трапов и пандусов.

— На этом наша роль закончена,— сказал я, расстегивая ремни и потягиваясь.

Остров присоединился ко мне у иллюминатора, и мы следили, как солдаты слетали по трапу и бежали в укрытие. Они, казалось, не несли вообще никаких потерь, что было удивительно. Поблизости было несколько бомбовых кратеров и кучи щебня, в то время, как истребители-бомбардировщики все еще ревели на малой высоте, давая нам прикрытие. Но казалось невозможным, чтобы сопротивление было сломлено так быстро.

Это могло быть ответом, объясняющим успехи клизантских вторжений: знай, выбирай планеты, созревшие для нападения. Я сделал несколько памяток, чтобы не забыть узнать об этом. Далеко позади солдат на командной машине ехал полковник. Я надеялся, что его кишки все еще были спрессованы от моего приземления.

— А теперь мы должны найти выпивку,— заявил Остров, предвкушающе чмокая губами.

— Пойду я,— поспешно сказал я, беря из пирамиды личное оружие и пристегивая его на пояс.— Ты остаешься с рацией и сторожишь корабль.

— Именно это всегда и говорят первые пилоты,— пожаловался он так, что я понял, что приказал правильно.

— Привилегия звания. Когда-нибудь ты тоже будешь ею пользоваться. Я буду недолго.

— Бар космопорта именно там, где он обычно бывает. Выпивку проще всего найти там,— крикнул он мне вслед.

— Не учи щуку плавать,— фыркнул я, сам уже давно вычислив это.

Все внутренние двери автоматически открылись, когда мы приземлились. Я спустился по лестнице на освободившуюся боковую палубу и пинками расчистил себе путь через выброшенные контейнеры от пайков к ближайшему трапу. Ветер нес запах гари вместе с запахом пыли и сгоревшей взрывчатки. Мы привезли на другую планету прелести клизантской цивилизации.

Я слушал в отдалении стрельбу, прогремел и пропал реактивный истребитель, но после этого стало очень тихо. Вторжение веером растекалось от космопорта, оставляя позади себя безмолвие. И никого не было видно, когда я прошел непроверенным через таможенную

и с рефлекторным умением нашел путь в бар. Первое, что я сделал, это высосал бутылку пива, а затем налил немного антраского ландрева и подержал его во рту. За стойкой выстроились ряды бутылок — новые и старые друзья, и я открыл одну из дверей под стойкой, ища коробку или сумку, и уставился в испуганные глаза молодого человека.

— Не мортигу мин! (Не убивай меня!) — завопил он.

Я говорю на эсперанто, как туземец, и ответил ему на том же языке.

— Мы находимся здесь для того, чтобы освободить вас, так что я не собираюсь причинять тебе вреда, — слух об этом разговоре мог дойти до властей, и я хотел произвести нужное впечатление. — Как тебя зовут?

— Пир.

— А как называется эта планета?

Это должно было показаться идиотским вопросом в устах клизантского завоевателя, но он был слишком напуган, чтобы удивиться.

— Бурада.

— Вот и прекрасно. Я рад, что ты решился быть правдивым. И что же ты можешь рассказать мне о Бураде?

Он был слишком напуган, чтобы отвечать. Он с миг развел рот, а затем вылез из шкафчика под стойкой и повернулся поискать ответ. Он нашел буклет, который молча передал мне. Я прочел: «Прекрасная Бурада — курортный мир западного искри...»

— Грабим и якшаемся с врагом, — произнес за спиной знакомый голос. Я медленно обернулся и увидел в дверях моего полковника, стоявшего там и держащего гауссовку с тем выражением лица, которое можно назвать лишь мерзкой ухмылкой.

— И приземляемся на 10 Ж к тому же, — добавил он, несомненно называя истинную причину своего дурного настроения.

— Что не является подрасстрельным преступлением, в отличии от первых двух.

Глава 12

Пир взвизгнул на приглушенной ноте и отпрянул, не понимая слов полковника, но узнав тон и оружие. Я улыбнулся как можно холоднее, так как понял, что мои руки находятся вне поля его зрения — ниже стойки. Повернувшись к юноше, я указал ему на противоположный конец помещения и приказал ему убираться туда. Пока происходило это маленькое отвлекающее действие, я сунул буклет в карман и высвободил из кобуры свой пистолет. Когда я повернулся обратно к полковнику, то увидел, что он полуприподнял свою гауссовку.

— Вы ошибаетесь, — сказал я, — а также оскорбляете собрата-офицера, бывшего недавно лет-майором. Я помогаю нашим силам вторжения, чтобы помешать кому-нибудь из наших солдат напиться во время боевых действий. И, находясь в этом месте, я взял пленного. Именно это и случилось, и в случае чего мое слово будет против вашего.

Он поднял дуло винтовки в моем направлении и сказал:

— Будет только мое слово, что я поймал вас на грабеже, и был вынужден застрелить, когда вы сопротивлялись при аресте.

— Меня трудно застрелить,— заметил я, позволяя дулу своего пистолета выскользнуть из-под края стойки, пока оно не нацелилось ему между глаз.— Я отличный стрелок, и один из моих разрывных снарядов разнесет вашу глупую башку.

Он явно не ожидал такой мгновенной реакции от офицера-летчика и с минуту колебался. Пир слабо взвизгнул в своем углу, и раздался глухой звук. Я предположил, что он хлопнулся в обморок, но я был слишком занят, чтобы это проверить. Эта убийственная сцена продолжалась с минуту, и было невозможно предсказать, чем все это кончится, как вдруг в поле зрения влетел солдат с полевой рацией. Полковник взял трубку и вернулся к войне, как я запихнул две бутылки за спину — под куртку и ушел через другой выход, предварительно перешагнув через Пира, лежавшего, как я предполагал, без сознания, и, несомненно, таким образом легче всех отделавшегося. Я исчез, прежде чем полковник понял это, и отнес выпивку на корабль, послав ее по служебному лифту к Острову.

— Не выпивай больше одной,— приказал я, а его голос ответил радостным воплем через интерком.

Теперь я был предоставлен самому себе. Я намеревался максимально использовать предоставившуюся возможность. При все еще бушевавшей битве за моими передвижениями следить не будут, и я смогу сделать свои наблюдения. Конечно, меня тоже могут убить, но это одна из превратностей моей опасной службы.

Коль скоро вторжение преуспевает, передвижения скоро будут резко ограничены, а я, вероятно, буду обратно на пути к Клизанту. Туристский буклет находился все еще у меня в кармане, и тепло моего бедра поддерживало происходящее на обложке действие. Я открыл его и перелистал страницы, где было много иллюстраций и мало текста. Это была навязчивая реклама с тихой музыкой, шедшей с иллюстрации плавающего оркестра в прекрасном заливе Сабул и запахом цветов с полей Канане. Я ожидал, что иллюстрации катания на лыжах в Карских горах покажут выпадение снега, но так далеко техника еще не зашла. Там была и карта, показывающая аэропорт и город, большей частью схематичная и никчемная, хотя она сообщила мне, что я нахожусь в аэропорте Сукул, неподалеку от города Сукук. Я отбросил буклет и отправился осматривать достопримечательности.

Угнетающее зрелище — немало времени пройдет, прежде чем туристы вернутся на эти солнечные берега. Я шел по пустым улицам, мимо выщербленных взрывами и обугленных стен, и гадал, какой могла быть цель всего этого. Война казалась жуткой нелепостью в применении к этому курортному миру. Война, вообще-то довольно дурацкое занятие, казалась в эти минуты еще более инфантильной, ужасной, может быть, это более удачное слово. Я увидел первые трупы. Раздались звуки шаркающих шагов, и на улице впереди показалась орда пленных, охраняемая со всех сторон бдительными клизантскими солдатами.

Многие из пленных были ранены, но немногие перевязаны. Возглавляющий конвой сержант отдал честь, когда они проходили

мимо меня, и победно взмахнул рукой. Я улыбнулся в ответ, но на это потребовалось некоторое усилие. Что я теперь должен сделать, так это найти какого-нибудь ответственного гражданина Сукука, не ставшего еще пленным или убитым, и получить ответы на некоторые вопросы.

Гражданин первым нашел меня. Я покинул главную улицу и вошел в узкий извилистый переулок со зловещим названием Маатбаакилинсалукт. Любая улица с таким названием не могла быть слишком хорошей. Мои подозрения получили фактическое подтверждение буквально через минуту. Я обнаружил это, когда завернул за угол и оказался лицом к лицу с молодой женщиной, целившейся в меня из крупнокалиберного охотничьего ружья. Я взметнул вверх мои пальчики даже прежде, чем она заговорила.

— Сдавайся или смерти!

— Я сдался, разве не заметно? Да здравствуют Бурада! Ура...

— Кончай свои тошнотворные шуточки, поганый самец — поджигатель войны, или я пристрелю тебя на месте.

— Поверьте мне, я на вашей стороне. Мир Бураде, добрая воля ко всем братьям-человекам, и сестрам, конечно, тоже.

На это она подозрительно фыркнула и взмахом ружья велела мне зайти в темный дверной проем. Даже в гневе она оставалась красивой женщиной, широколицей, с раздувающимися ноздрями и свисающими на плечи прямыми черными волосами. На ней была темно-зеленая форма, сапоги, кожаные ремни и все прочее, с какими-то знаками различия на рукаве.

Несмотря на все это она сохраняла женственность, никакой мундир не мог замаскировать великолепную выпуклость ее груди. Я вошел в подъезд и, когда я проходил мимо, она протянула руку забрать мой пистолет. Я мог бы проделать какие угодно приемы с ее рукой и дулом ружья, и закончить, имея то и другое, но воздержался. Пока она чувствовала свое превосходство, она могла говорить более непринужденно. Мы вошли в темное внутреннее помещение с одним окном, где на столе вытянулась еще одна девушка в форме. Ее глаза были закрыты, одна штанина форменных брюк оторвана, открывая уродливую рану, плохо перевязанную грязными бинтами. Кровь просочилась сквозь них и собралась лужицей на поверхности стола.

— У вас есть аптечка? — спросила моя охранница.

— Есть, — ответил я, открывая индивидуальный пакет на поясе. — Но я не думаю, что от этого будет много толку. Она, похоже, потеряла много крови и нуждается в госпитализации.

— А где она получит медицинскую помощь? Не от вас ли, свиней-захватчиков?

— Наверное, — я был занят точками давления, срывая старые бинты, прыскавая антисептиками и накладывая новые бинты. — Пульс у нее медленный и слабый. Не думаю, что ей удастся выкарабкаться.

— Если она умрет, то, значит, вы убили ее. — В глазах моей спутницы стояли слезы, но это не мешало ей держать свой мушкет нацеленным мне в живот.

— Я попытаюсь спасти ее. И можете называть меня Васькой.

— Бэйз,— автоматически представилась она,— сержант гвардии, пока «они» не взяли верх.

— Они? — я почувствовал легкое замешательство.— Вы имеете в виду их, нас — армию Клизанта?

— Нет, конечно, нет. Но почему я болтаю с вами, когда мне следовало бы убить вас...

— Не следовало бы. Убивать меня, я имею в виду. Вы не поверили бы, если бы я сказал вам, что я ваш друг?

— Нет.

— Что я шпион, неважно пока чей, работающий теперь против Клизанта, хотя я нахожусь в их космической армаде?

— Я бы сказала, что вы червяк, вымаливающий свою ничтожную жизнь и готовый сказать что угодно.

— Но так или иначе, это правда,— проворчал я, понимая, что она не собирается принимать мои откровения на веру.

— Бэйз,— слабо позвала девушка на столе, и мы повернулись в ее сторону. Затем снова: — Бэйз...

И умерла.

Я подумал, что тоже буду покойником. Бэйз вскинула ружье, и я увидел, как побелели костяшки ее пальцев, когда она нажала на курок. Я быстренько проделал множество вещей, начав с того, что нырнул под дуло ружья и перекатился прямо к ней под ноги. Ружье выстрелило, выстрел чуть не снес мне голову в этом замкнутом ограниченном пространстве, но меня все же не задело.

Прежде чем она успела выстрелить еще раз, я схватился за ствол ружья и быстро рубанул ее по мускулистым рукам, и сделал другие вещи, которые обыкновенно женщинам не делают, кроме как в подобной ситуации. Затем я заимел ружье, а также получил обратно свой пистолет, а она лежала у стены, и на этот раз ей было действительно из-за чего поплакать. Пройдет немало времени, прежде чем она сможет пользоваться своими пальцами — я остановился, только-только не сломав ей кость.

— Послушайте, я сожалею,— сказал я, откладывая пистолет и взясь за архаическим затвором ружья.— Просто в данный момент я не испытывал желания быть убитым, а это был единственный способ остановить вас.— Я поработал с затвором и выбросил все патроны, заглянув на всякий случай и в патронник, но убедился, что он пуст.— То, что я сказал вам, правда. Я на вашей стороне и хочу помочь вам. Но сначала вы должны помочь мне.

Она была озадачена, но я убедился, что добился ее внимания. Она вытерла слезы рукавом, когда я вручил ей ружье, а затем широко раскрыла их, когда я передал ей и боеприпасы.

— Я бы оценил, если бы вы на минуту оставили оружие незаряженным. Я обменяюсь с вами информацией, коль вы не желаете давать ее даром. Существует одна организация, о которой вы, вероятно, никогда не слышали, и которая очень заинтересована в том, чтобы выяснить, чем занимается Клизант. А занимается он межпланетными вторжениями.

Бурада — шестая в списке, и все выглядит так, словно это вторжение окажется столь же успешным, как и все остальные.

— Но почему они этим занимаются?

— Почему — неважно, по крайней мере в настоящее время, поскольку дурные амбиции не редкость среди политических систем человечества. Что я хочу знать — так это «как». Как им сошло с рук это вторжение, перед лицом планетной системы обороны?

— Вините в этом «консолосук», — зарычала она, потрясая ружьем. — Я не говорю, что женская партия не совершала ошибок, но ничего похожего на это не было.

— Не могли бы вы добавить несколько деталей общего фона, поскольку я, боюсь, потерял нить ваших рассуждений.

— Я дам вам деталь. Мужчины! — она сплюнула, и глаза ее запылали гневом, и она снова стала выглядеть привлекательной. — Женская партия принесла на эту планету века просвещения. У нас было процветание, торговля, и никто не страдал. Правильно, может быть, мужчины получили право голоса на несколько лет позже женщин или не могли получить самую лучшую работу. Ну и что? Женщины страдали от подобных, и куда худших, вещей на других планетах, а они взбунтовались. Эти консолосуковцы шныряли кругом, нашепывали ложь: права мужчин, долой угнетение и тому подобное. Взбудоражили людей, завоевали несколько мест в парламенте, беспокоили сельскую местность. Потом их однодневная революция, захватывают все, получают власть. И все их обещания побоку. Все, чего они хотели — это важничать и разыгрывать превосходство. Ничего себе превосходство! Ничтожества, все до единого. Ничего не понимают ни в правлении, ни в войне. Когда вы сели и высадились ваши свиньи, большинство мужчин предпочло бежать, а не драться, слабые дураки. И скорей сдаваться, а не сражаться. Я бы никогда не сдалась.

— Наверное, они были вынуждены.

— Никогда. Слабаки, вот и все.

Все это заставило меня остановиться и подумать, а с мыслями пришли подозрения, а после этого забрезжил предрассветный свет открытия. Разноплановые куски у меня в голове начали слагаться в определенную картину, и я постарался не слишком возбуждаться. Пока еще это была бесформенная мысль, но если она сработает, если только она сработает!

Тогда я смогу узнать, как Клизант провернул свой фокус с вторжением. Так просто, как все хорошие идеи, и к тому же застраховано от всяких случайностей.

— Мне понадобится ваша помощь, — обратился я к Бэйз. — Я останусь в космической армаде, по крайней мере, на какое-то время, поскольку там я могу узнать побольше. Но я не покину эту планету. Именно здесь клизантцы слабее всего, и именно здесь они будут побиты. Вы слышали когда-нибудь о Спецкорпусе?

— Нет.

— Ну, теперь услышите. Это, ну, группа, которая собирается помочь вам. Я работаю на них, и они должны следить за мной. Они

видели, как флот покинул Клизонт, и наверняка последовали за ним сюда. Это было одним из вариантов развития событий, запланированных нами. Прямо сейчас вокруг этой планеты должен вращаться передающий зонд. Он передаст любые сведения Корпусу, и мы получим помощь и все, что нам понадобится. Вы должны получить доступ к передатчику средней мощности.

— Да, но с какой стати? Почему я должна вам верить? Может быть, вы лжете.

— Может быть, но вы-то не можете идти на риск мне не верить, — я лихорадочно начертил на бланке сообщение. — Теперь покидаю вас — я должен вернуться на корабль раньше, чем они начнут гадать, куда я пропал. Вот сообщение, которое вам нужно передать на этой частоте. Вы сможете это сделать, не попавшись, это достаточно легко. И сделав это, вы ничего не потеряете, но зато можете спасти свою планету.

Все еще сомневаясь, она посмотрела на бумажку.

— В это так трудно поверить — что вы действительно шпион и хотите помочь нам.

— Вы можете поверить, что он шпион, положитесь в этом на мое слово, — раздался голос позади меня, и я почувствовал, как холодная рука сжала мое сердце. Я медленно обернулся.

Там стоял Край — человек в сером. Позади него стояли еще двое в серых мундирах, направив на меня свое оружие. Край нацелил на меня палец, словно третий пистолет.

— Мы следили за тобой, шпион, и ждали этой информации. Теперь мы можем приступить к уничтожению вашего Спецкорпуса.

Глава 13

— Люди, кажется, сегодня слишком часто высказывают из дверей, — проговорил я с веселостью, которой, разумеется, не испытывал. Край улыбнулся ледяной улыбкой.

— Если вы имеете в виду полковника, то да, я поручил ему следить за вами. Попробуйте-ка теперь прикинуться дурачком, Пас Ратунковый, или как вас там действительно зовут?

— Хулья, лейтенант космической армады.

— Лет-майор Васька Хулья был найден в отеле, что и навело на ваш след. Ваш план был довольно остроумным и мог бы иметь успех, если бы не сгорел оптический баг. Посланный навести порядок работник обнаружил лет-майора и его заблуждение относительно даты, и это привлекло мое внимание. Я его заберу.

Край взял бланк с сообщением из несопротивляющихся рук Бэйз. Он, казалось, очень хорошо контролировал ситуацию. Я вцепился в грудь в районе сердца, закатил глаза, зашатавшись, отступил назад.

— Слишком много... — прошептал я. — Сердце отказывает... Не стреляйте... Это конец.

Край и двое его людей продолжали холодно смотреть, как я проделываю все это ради них, до драматического момента, когда

я вцепился себе в горло и завопил от боли, мое тело выгнулось дугой, все мускулы напряглись, а затем я упал спиной вперед через окно.

Это было проделано мастерски, вывернувшись в воздухе, я приземлился на плечо, перекатился и вскочил на ноги, готовый бежать, и устоял прямо в дуло гауссовки в руках еще одного молчаливого и неулыбчивого человека в сером. Как остроумный собеседник, он выигрывал ноль очков, но в данный момент от него этого и не требовалось, да я и сам не мог придумать, что бы такое умное сказать. Позади меня сквозь разбитое окно донесся голос Края:

— Забери девчонку в тюремный лагерь. Она нам больше не нужна. Остальные — вернутся со шпионом! Будьте постоянно начеку: вы видите, на что он способен.

Не на очень многое, подумал я про себя с внезапной мрачной депрессией. Я проник, куда надо, узнал то, что хотел, но оказался не в состоянии передать свою информацию, что делало ее бесполезной. Это беспросветное темное душевное состояние оставалось, пока остальные смертоликие серые люди окружили меня и погнали в поджидающий грузовик. Тут вообще не было ни малейшего шанса сбежать, они очень искусно владели своими пушками.

Путешествие было коротким, хотя и примечательно некомфортным. Машина была трофейная — бурадский грузовик, использовавшийся, наверное, для перевозки мусора или чего-то похожего. Я оказался единственным, кого беспокоил проникающий запах. Серые не отпускали никаких замечаний о нем и не сводили с меня глаз во время путешествия.

Я обдумывал отчаянные планы: выпрыгнуть из грузовика, или напасть на своих конвоиров, и так далее. От всего этого было мало толку, и мы достигли места назначения, не изменив своих первоначальных позиций. Под дулом пистолета меня прогнали в реквизированное для военных целей здание, в пустой комнате, где, по-прежнему под дулом пистолета, мне предложили раздеться. С помощью портативного флюороскопа и холодных зондов, крайне унижительных, они удалили с моей персоны все устройства и приборы, а затем выдали мне новую одежду.

Эта одежда опять была кое-чем другим. Идеальный камбинезон, сделанный из мягкого и гибкого пластика, он обеспечивал защиту от ветра и тепло. И все же она была идеальным тюремным одеянием, потому что являлась совершенно прозрачной. Эта постоянная незащищенность — нагота не повышала, разумеется, бодрости духа, и я стал испытывать к серым людям еще большее уважение. И все прodelывалось молча, несмотря на мои попытки завязать разговор. Последним портновским мазком был металлический ошейник, застегнутый у меня на шее. От ошейника тянулся провод к коробке, которую держал один из серых людей. Все это имело очень зловещий вид. Мои подозрения оправдались, когда другие ушли со всем своим оружием, а он повернулся ко мне лицом, держа коробку в руке.

— Я могу сделать так,— произнес он голосом столь же серым, как и его одеяние. И нажал кнопку на коробке.

Испытанное мной вслед за этим ощущение было совершенно неожиданным и исключительно болезненным. В один миг я был ослеплен взрывом огней, никогда прежде не виданных цветов и неистовства. Уши мои наполнил звук, больший, чем просто звук, и каждый квадратный дюйм кожи загорелся огнем, словно меня бросили в ванну с кислотой. Эти интересные вещи продолжались дольше, чем я бы хотел, и я успел полностью оценить их, а затем исчезли столь же быстро, как и начались. Зрение и слух вернулись, и я оказался лежащим на полу с гудящим затылком, которым я треснулся, когда упал.

Это коробочка, должно быть, генерировала нервные токи на селектированных частотах. Нет нужды пытаться тело, когда ты можешь скармливать в нервную систему специфические болевые импульсы.

— Встать, — скомандовал мой конвоир, что я и проделал довольно успешно.

— Если вы желаете передать сообщение, что можете сделать все, что хотите, а прямо сейчас вы хотите, чтобы я вел себя хорошо — сообщение принято, только скажите, и я подчинюсь. Я буду пай-мальчиком.

Временно, конечно, до тех пор, пока я не найду выхода из западни для стальной крысы. Я покорно потрусил в другую комнату, где меня ждал Край за большим столом. Комната была пыльная, и на стенах были видны голые места, откуда удалили картины и предметы мебелировки.

Единственным новым предметом, помимо стола, был недавно закрепленный на потолке сверкающий металлический крюк, и я совсем не удивился, когда крюк проделал в кольцо на коробке, и я оказался стоящим на привязи перед моим врагом.

Край осмотрел меня с ног до головы, внимательно изучая — дело очень легкое, учитывая повышенную прозрачность моей одежды. Я никогда не страдал от табу наготы, так что это меня не беспокоило. А вот холодное иррациональное выражение в его глазах вызвало куда большее отвращение. В настоящее время я находился, используя классическое выражение, полностью в его милости. Я понятия не имел, какую мерзость он придумал для меня, и твердо решил попытаться хоть чуточку смягчить ее.

— Что бы вы хотели узнать? — спросил я.

— Много, но это придет позже.

— А чем плохо прямо сейчас? Учитывая состояние современной гипнотической техники, наркотерапии и старомодных пыток, вроде этой вашей машины, невозможно скрыть факты от решительного допроса. Поэтому — спрашивайте, и я отвечу. — То малое, что я знал о Спецкорпусе, пусть узнает на здоровье. Местонахождение всех баз хранилось от нас в секрете, несомненно предусматривая возможность такого допроса.

Я был удивлен, когда он покачал головой в медленном «нет».

— Вы дадите мне информацию позже. Сначала вас надо убедить в серьезности моих целей. Я намерен допросить вас, а затем привлечь на

службу нашему делу. Добровольно. Для того, чтобы убедить вас в этом, я должен для начала сказать, что вас не убьют. Сильные люди храбро встречают смерть. Она — легкое решение их проблем. У вас такого выхода не будет.

Все это время я становился все менее и менее заинтригованным тем, что он имел в виду. Я ожидал грубого допроса, но у него на уме было дело покрупнее. Так что я бросил этот шуточный тон и выдал ему прямо:

— Забудьте про это. Посмотрите в лицо фактам — я не люблю ни вас, ни вашу организацию, ни того, за что вы боретесь, и не намерен менять свое мнение. Если даже я пообещаю вам помогать, вы никогда не сможете быть уверены, что я говорю это всерьез, так что давайте не будем вовлекать друг друга в такого рода фарсовое положение с самого начала.

— Совсем наоборот, — ответил он и нажал кнопку на столе. Коробка наверху загудела и стала сматывать толстый провод, подтягивая меня вверх, пока я не был вынужден встать на цыпочки, для того, чтобы дышать. Ошейник впился мне в спину.

— Прежде, чем я кончу работать с вами, вы будете умолять меня о возможности сотрудничества и будете умолять меня о возможности плакать, но я не разрешу вам этого, пока вы не достигнете счастливейшего момента вашей жизни — когда вам, наконец, позволят выполнить ваше единственное желание. Позвольте мне продемонстрировать вам один образчик нашей простой, но крайне убедительной техники.

Ступни мои вибрировали от боли, но я оставался на цыпочках, иначе был бы удушен ошейником. Край поднялся и подошел ко мне. Он подошел ко мне сзади, где я не мог его видеть, а затем схватил мои руки и прижал оба запястья к краю металлического стола. Стол сделал ему одолжение, замкнув на моих пальцах зажимы и защелкнув их. Не на запястьях, это не совсем точно, а на нижней части руки, оставив запястья свободными. Не то, чтобы я мог делать что-то большее, чем барабанить по столу кончиками пальцев. Край вновь появился в поле моего зрения и нагнулся, вынимая что-то из ящика стола.

Это был топор. С длинной ручкой, со стальным топорищем, примитивный, но эффективный топор жуткого вида, который мог бы использоваться для рубки деревьев. Он взял его обеими руками и поднял высоко над головой.

— Что вы делаете? Стойте! — заорал я в неожиданном страхе, извиваясь в металлических объятиях, не в состоянии сделать ничего, кроме как глядеть, пока он с миг держал топор высоко над головой, а затем опустил его в злобном, сильном рубящем ударе.

Полагаю, я закричал, когда он ударил — должен был закричать — боль была огромной и всепоглощающей.

Так же, как и зрелище моей правой кисти, отрубленной от запястья, лежащей, не двигаясь, на столе, струйки крови, вытекающие из запястья и заливающие стол. Топор поднялся вновь, и на этот раз я уверен, что закричал вслух, пронзительно, и кричал все время, пока он поднимался, молниеносно опускался, и моя левая кисть, отрубленная,

как и правая, лежала на столе и кровь хлестала по всему столу и стекала на пол.

И сквозь охватившую меня боль и ужас я разглядел лицо Края. Улыбающееся. В первый раз улыбающееся.

Затем я был без сознания. Погружался во тьму, умирал, не могу сказать. Мир умчался от меня по темному туннелю, а я остался с ощущением одной боли, а затем даже это исчезло.

Когда я открыл глаза, то лежал на полу, и прошло неизвестно сколько времени. Мои мысли были вялыми от сна или чего-то другого, и я должен был потрудиться, чтобы выкопать память о том, что случилось. Только когда ко мне четко явилось поразительное видение моих отрубленных кистей, я открыл глаза и сел, потирая одну ладонь о другую. Они ощущались, словно совершенно нормальные. Что же произошло?

— Встать,— произнес голос Края, и я понял, что сижу на полу перед его столом, и что мой ошейник все еще на своем месте вокруг моей шеи, со своим проклятым проводом, ведущим к устройству на его чистом столе. Никакой крови не было.

— Я готов поклясться,— начал было я, и мой голос оборвался, когда я увидел две большие бороздки на металлической поверхности стола, как будто по ней ударили каким-то тяжелым клинком. Затем я поднес руки к глазам и посмотрел на запястья.

Каждое запястье было окружено красным рубцом заживающей плоти с острыми красными точками удаленных швов по краям. И все же я ощущал свои руки такими же, как всегда. Что же случилось?

— Вы начинаете понимать, что я имею в виду? — спросил Край, снова усевшись за стол, голосом столь же серым, как и его мундир.

— Что вы сделали? Вы не могли ампутировать кисти и пришить их обратно. В этом я уверен, это потребовало бы времени, вы не могли... — я понял, что начинаю повторяться и заткнулся.

— Вы не верите, что это произошло? Мне проделать это снова?

— Нет! — ответил я, почти выкрикнув это слово, отпрянув от него. На это он одобрительно кивнул.

— Так значит, тренировка начинается. Вы утратили маленький кусочек реальности. Вы не знаете, что произошло — но знаете, что не желаете, чтобы это повторилось. Именно так и будет идти этот процесс. В конечном итоге вы потеряете всякий контакт с реальностью, которую знали всю жизнь, а потом с личностью, которой вы были всю жизнь. Когда мы достигнем этого состояния, вы будете приняты, как один из нас. И тогда вы во всех подробностях расскажете о вашем Спецкорпусе, не только мучая память ради крох тех фактов, которые вы могли бы упустить, но и активно составляя планы его уничтожения.

— Это не сработает,— завопил я куда с большей искренностью в голосе, чем на самом деле чувствовал.— Я не один. Корпус теперь взялся за вас и активно работает против вас, так что теперь стало просто делом времени, чтобы они вытащили пробку, и ваши планы завоеваний отправились в дренаж.

— Совсем напротив,— заявил Край, сцепив перед собой на столе

руки, словно учитель, который готов прочесть лекцию классу.— Мы долгое время знали о его внимании и предвосхищали его на каждом повороте. Мы взяли в плен, подвергли пыткам и убили множество сотрудников Корпуса, чтобы добыть нужную информацию. Мы знаем, что все нацелено следовать наводке полевого агента, такого, как вы, и мы ждали его появления. Вы явились, и вы в наших руках. Вот так все просто. Вы — оружие, которым мы уничтожим Корпус.

Он заставил меня наполовину поверить ему. Предложенный им план казался разумным, но я отбросил эту мысль столь же быстро, как она и появилась. Я должен был перестать соглашаться с ним, скорей нападать, чем защищаться.

— Это очень честолюбиво с вашей стороны, и я надеюсь, что вы откусываете больше, чем можете прожевать. Вы забываете про сотни планет, что поддерживают Лигу, и что они могут сделать с вами, когда они выяснят, какие беды вы вызываете.

— Ну, сотни планет вместе существуют только лишь в теории, в действительности они просто одна за другой. Мы срываем их в такой манере, что они падают перед нами сами, нас нельзя остановить, и этот процесс ускоряется. По мере того, как наша империя расширяется, мы будем двигаться все быстрее и быстрее.

— И есть предел этой скорости,— перебил я, пытаюсь внести в свою речь презрительное фырканье.— Я знаю, как работает ваша техника завоеваний. Вы не вторгаетесь на планету, пока она не созреет и не проиграет заранее. Разве это не так? — Он кивнул, соглашаясь, и я погнал дальше.— Вы находите планету, созревшую для срывания, с каким-нибудь диссидентским элементом в населении, есть люди, которые будут жаловаться даже в рай, так что у вас нет проблем с нахождением подобной группы на любой планете. Здесь, на Бураре, это были мужчины. Они горячо выступали за свои права. Вы поддержали их всем, чем надо. Ваши подпольные операторы снабжали их деньгами, оружием, пропагандистскими материалами — всем существенно необходимым для захвата власти. Это сработало. И вы ничего не просили взамен за помощь, помимо оказания символического сопротивления, когда начнется вторжение. Ваши агенты присмотрели за тем, чтобы вооруженные силы капитулировали после самой короткой демонстрации силы. Это вторжение было выиграно прежде, чем началось! Не удивительно, что ваши военные не привыкли нести потери.

— Очень наблюдательно с вашей стороны. Именно это мы и делаем. Ваш анализ — мастерское описание нашего образа действий.

— Тогда вы у меня в руках,— счастливо сказал я.

— Напротив, вы у меня в руках. Вы — единственный, кто знает о нашей технике завоеваний. Но вы никогда не доложите о ней своим начальникам.

— О, не знаю,— сказал я с бравадой, которой не было.

— Наверное вы не знаете, но мы-то знаем. Мы перехватили составленный вами доклад, и он никогда не будет отправлен. Они тщетно будут ждать от вас какой-нибудь информации, а время идет, и скоро им слишком поздно будет что-либо предпринимать, потому что

мы перейдем ко второй фазе нашей операции. Со множеством союзников, приобретенных нами путем оккупации планет с дружественным нам правительством. Для нас будет доступно большое количество солдат. По-моему, их называют наемниками. Они будут войсками вторжения, и большое количество их будет убито, но мы всегда будем побеждать, потому что наш людской запас будет относительно неистощим. Это представляет собой интересную картину, не так ли?

— Это никогда не сработает! — крикнул я с усиливающимся в то же время ощущением, что сработает. — Корпус вас остановит.

— Как? С его единственным агентом, выслеженным и попавшим в западню?

Мне было тяжело убедить себя, и я вообще ничего не добился, пытаясь убедить его.

Край поднялся и начал обходить стол.

— А теперь настало время начать вашу индокринацию.

Не могу выразить охватившего и одолевшего меня страха, когда я услышал его слова.

Глава 14

Меня отвели в камеру. Голую без окон камеру, единственным предметом мебелировки которой было пустое ведро. Крюк в потолке был установлен здесь явно недавно, и мой провожатый — серый человек — услужливо зацепил меня за него.

— Существует мало шансов, что я умру от голода, — уведомил я его. — Потому что сначала я умру от жажды.

Он не выразил на это никакой реакции, но вернулся с полевым пайком. Не самая вдохновляющая пища в мире, но она сохранит мне жизнь. Жуя и потягивая воду, я крепко цеплялся за эту мысль. Сохранить мне жизнь. Они сделают что угодно, кроме моего убийства. Они хотели меня, они нуждались во мне. Они знали, что Спецкорпус жарко дышит им в затылок, и им придется приложить всесторонние усилия, чтобы остановить его. Край говорил по-крупному и наполовину уговорил меня, я взглянул на свои запястья и содрогнулся. Он все-таки убедил меня. Но почему он так сильно старался?

Потому что я явно был более чем пешкой в этой игре. Я был фактором, который мог качнуть исход в любую сторону.

Прямо сейчас Клизант действовал успешно в завоевательном бизнесе, но его еще могли остановить. С тем, что я знал, Спецкорпус мог начать организацию контринсургентов и предотвратить экспансию на другие планеты. Клизант можно остановить даже здесь.

Если бы я сумел оставить свою сторону, то мои специализированные знания не могли бы нанести поражения Корпусу, но это наверняка могло придержать его на достаточно долгий срок для того, чтобы пришла в действие вторая фаза завоевательной политики.

А это означало, что серые люди совершили ошибку. Им следовало

бы убить меня, как только они раскрыли, кто я такой. Если бы у меня пытками можно было выудить сведения о Спецкорпусе и убедить переменить свое мнение, я мог бы стать оружием в их руках. Два «может быть». Это игнорировало тот факт, что покуда я жив, я был самым смертоносным оружием против них.

Они совершили ошибку. Я ухватился за этот вывод и терзал его, точно так же, как терзал ломающий челюсти паек. Я не принимал во внимание, что я был во всех отношениях их пленником. Во всех отношениях? Ха! Физически — да. Умственно — решительно нет. Они почти уделали меня первой пыткой и положительной уверенностью, что я попаду в их руки.

При мысли об ампутации мой желудок вздыбился, и я потерял аппетит. По веской причине.

Теперь мне придется вспомнить о ней и подумать, но не так, как им этого хотелось бы. Это был трюк, это «должен был быть» трюк, и именно за это предположение я и должен держаться. Пока я пережевывал и проглатывал пищу, я устроил себе сильное внутреннее внушение. Слушай, ди Гриз, ты достаточно знаешь о реальности, чтобы суметь определить, когда она поддельна. Ты сам всегда подделывал ее для собственной выгоды и невыгоды других. Так, значит, теперь кто-то провернул тот же трюк с тобой. Перерубленные запястья, артерии, качающие кровь! Спокойно, парень. Спусти часть эмоций в дренаж. Через некоторое время мы доберемся до воспоминаний. Но сначала давай посмотрим на реальность.

Реальность. Как ни чудесна медицина, она не может за пару часов или пару дней отремонтировать ампутированные кисти.

А теперь, откуда взялась эта цифра? На каком-то бессознательном уровне я чувствовал, что прошло лишь короткое время между ампутацией и выздоровлением. У нас всех есть часы, тикающие в глубине мозга, они управляют суточными ритмами сна и бодрствования, и работают все время. Прямо сейчас они пытались сообщить мне, что прошло лишь немного времени с тех пор, как меня привели сюда серые люди. Но имелось ли у меня какое-нибудь реальное доказательство, чтобы поддержать их? Я ощупал лицо и волосы, я нуждался в бритве, но не сильно. Волосы мои ощущались прежней длины, но меня могли побрить и подстричь, это ничего не доказывало.

Мои ногти? Я держал их коротко остриженными, и они выглядели такими же. Подожди, думай. Вспомни. Что-то маленькое, незначительное. Да — во время приземления, много напряжения, много отвлечений. Я сломал ноготь мизинца на левой руке. Нет, пока не смотри, посиди на нем, вспомни. Сломанный ноготь... Отвлечение... Откусить его. Довольно неприятный образчик самоедства, которому в то или иное время предается большинство из нас. Досаждающая частица ногтя оторвана напроць, вплоть до быстрого и тихого «ой» и крошечной капельки крови. Совершенно забытое в гонке последующих событий.

Осторожным движением я освободил ладонь от заточившей ее ягодицы и поднял ее перед собой. Мизинец, короткий ноготь,— и крошечный сгусток крови.

Уел тебя, Край, старый факир!

Судя по виду ногтя, я был пленником самое большее день — два, наверняка не более того. Красные метки на моих запястьях? Их можно сделать сотней различных способов. А ампутация? Край подделал мою реальность, наверное, гипноз, по-настоящему это не имело значения.

Край и его команда были не такими толковыми, как казалось. Они, несомненно, много раз прежде использовали эту мозголомную пытку и действительно впечатляли себя успехами этой техники.

Наверное, они именно этим способом обращали для своих скверных целей рекрутов на планетах, намеченных для завоеваний. Вполне возможно. Но головорезы Края привыкли работать с респектабельными гражданами, одновременно крестьянами, ошибочно принимающими раскрашенные задники и бутафорию своего существования за единственную реальность. Их мир был единственным миром, их город — действительно наилучшим городом. Вытащи их из знакомой окружающей среды и окажи давление на их сознание, и их мозги потекут из ушей, как желе. Желейные люди, добыча для серых мундиров. А не благородный, прямой, гибкий, бесчестный, подобный хамелеону скользкий Джим Боливар ди Гриз. Человек с тысячью лиц, знакомый с сотней культур, лингвистически компетентный в десятках языков. И они хотели запаршивить мою реальность? Это заставило меня рассмеяться, ну я и рассмеялся.

Я не только засмеялся, но и забегал, и заплясал. Я бегал кругами, крича: «Гип-гип ура! Победа!» и другие возгласы счастья. Из-за своего ошейника и провода я был вынужден бегать кругами, но обнаружил, что могу варьировать это, резко меняя направление. Провод был слишком тонок, чтобы влезть по нему, сработан таким, я уверен, преднамеренно, но я мог свернуть его в петлю и повиснуть на ней. Я сделал петлю столь высоко над головой, как только мог дотянуться, схватился за нее, оттолкнулся и свободно закачался. В нижней точке качания я с силой оттолкнулся и пошел выше. Отличное развлечение. Пока моя рука не соскользнула и петля не распустилась.

В этот момент чуть все и не кончилось, когда мой вес обрушился на металлический ошейник вокруг моей бедной шеи. Именно таким способом и убивали людей, знаете, когда вешали, не удашая их. Делая тот внезапный рывок, который ломает шейные позвонки.

Эта мысль преобладала у меня в голове, когда я карабкался и цеплялся по проводу, и я сумел стиснуть его прежде, чем наступил резкий рывок. А наступил он спереди у меня на шее, а не сбоку, иначе я мог бы слышать резкое х-р-я-к, сигнализирующее конец. Было больно и с минуту все ходило кругами, и когда я сказал «уф», то я проделал это шепотом, потому что не сделал своим голосовым связкам ничего хорошего.

В конечном итоге, я сел и выпил еще немного воды, и почувствовал себя чуть получше, и удивился, почему никто не является расследовать всю недавнюю шумиху и безобразие. Я был уверен, что они снабдили камеру «клопами» и наблюдали за мной. Наверное, моя акробатика не произвела на них впечатления. Или, может быть, они были так заняты

завоеванием, что не имели времени внимательно наблюдать за мной. Если это последнее предположение верно, то я смогу извлечь из этого выгоду.

Обертка пайка и бутылка из-под воды были смяты вместе, сделавшись превосходными подушечками для моих ладоней. Вокруг этого я обернул двойную петлю провода, рядом с шеей. Затем, крепко вцепившись в провод, я подпрыгнул как можно выше и дал своему весу с треском обрушиться на провод.

И на мои руки. Когда я проделал это в десятый раз, то начал чувствовать, что мои руки вот-вот оборвутся и сделают это раньше, чем какая-нибудь важная часть державшего меня механизма. Теория, разумеется, была достаточно здоровой, отказ любого компонента мог предоставить мне свободу. Хотя мои компоненты отказывали много быстрее. Я передохнул и подпрыгнул в попытке номер тринадцать.

Счастливое тринадцать! Что-то лопнуло с резким металлическим треском, коробочка бухнулась вниз и отскочила от моей головы.

Я был отключен не знаю сколько, вероятно, всего лишь несколько секунд, и очнулся, мотая головой и пытаюсь сесть.

Двигайся, настанвала давящая мысль, убирайся отсюда, пока они не пришли за тобой. Но сперва я должен дезактивировать пыточную коробку, поскольку она могла быть радиоуправляемой. Я перевернул ее и увидел, что металлическая петелька, на которой она висела, разлетелась на куски. Там имелся пульт управления с расположенными в виде сетки примерно 50-ю маленькими красными кнопками. Я содрогнулся при мысли о нажатии на какую-нибудь из них. Над сеткой находились две большие кнопки — одна красная, другая черная. Красная была утоплена. Это казалось достаточным и очевидным. По логике мне следовало бы нажать на черную кнопку и отключить коробку, но продолжали вторгаться воспоминания о боли. Наконец, я ткнул в черную кнопку.

Ничего не случилось. Это я мог почувствовать. При таком обеспечении я слегка коснулся одной из маленьких красных кнопок, затем другой и еще одной. Ничего.

Коробка была теперь кучкой мертвого металла. Как я и надеялся. Я посмотрел и смотал лишний провод, пока коробка не закачалась удобно. Потом попробовал дверь, которая оказалась незапертой. Неумелые тюремщики, или слишком большая вера в свои пыточные машины? Приложив глаз к двери, я чуть приоткрыл ее.

И закрыл ее даже быстрее, чем успел подумать. По коридору шли двое серых людей, неся между собой зловещего вида предмет. Я недостаточно видел его, чтобы разобраться в подробностях, хотя и то, что я увидел, вызвало у меня определенное ощущение мурашек по коже. Следующий шаг по программе умиротворения ди Гриза? Это казалось вероятным, когда дверная ручка повернулась.

Для этой пары был припасен сюрприз, и я хотел скрывать его от них как можно дольше. Когда дверь открылась, я шагнул за нее и подождал, пока они протиснутся со своей громоздкой пыточной машиной. Только когда я услышал, как один из них тревожно охнул,

я двинул плечом дверь и вогнал ее в них всем своим весом и силой. Как только их кости затрещали, я выпрыгнул из-за двери, взмахнув металлической коробкой на конце провода. Один из них стоял согнувшись, больше заинтересованный тяжестью машины на своей ноге, чем всем прочим, и я дал ему по черепу своим оружием. Пока оно взлетало вновь, второй попытался достать свой пистолет и, действительно, наполовину вытащил его из кобуры, прежде чем мое колено попало ему пониже живота, и он сложился поверх своего напарника. Я вырвал пистолет из его обмякших пальцев, когда он упал, и был теперь вооружен.

Большую часть времени пребывания в этом здании я находился в сознании, и я думал, что знал, как выбраться. Обратно через главный ход, который наверняка охранялся. Он находился одним этажом ниже, в противоположном направлении от кабинета Края. В гауссовке имелся полный заряд энергии, а также полный магазин. Не было времени проверять, какими боеприпасами он заряжен, но они наверняка были чем-то смертоносным, что мне прекрасно подходило. Я был в смертоносном настроении. Намотав провод поближе к коробке, так, что она не болталась и не мешала мне идти, я сделал глубокий вдох и нырнул за дверь.

Коридор был пуст, хорошее начало. Я протрусил до лестницы, никого не увидев, а затем ринулся вниз, прыгая через две ступеньки.

Четырьмя этажами ниже, как раз когда у меня начала кружиться голова от постоянного бега по нисходящей спирали, я встретил другого человека, поднимающегося мне навстречу, серого человека с гауссовкой и очень подозрительным взглядом. Поскольку я ожидал этой встречи, а он — нет, первый выстрел достался мне.

Тут еще выстрел. Гауссовка была заряжена разрывными пулями. Они прожгли в лестнице зияющую дыру и отшвырнули серого к стене, где он и рухнул, смятый и бесчувственный. Эхо еще гремело, а пыль еще не улеглась, когда я перепрыгнул через дыру и с самоубийственной скоростью ринулся вниз по лестнице. Ждать там было еще самоубийственной. Лестница кончилась, я оказался внизу и врезался в стену, так быстро я бежал. Надо мной раздавалось много криков и топот бегущих ног. С гауссовкой наготове я рывком распахнул дверь и... вышел в черноту.

Это было небольшим шоком, я чуть не выпустил пару пуль наугад, но когда мои глаза приспособились, я заметил вдали смутный свет. Тут были неоштукатуренные стены, пыль и другие указания, что я пролетел первый этаж и окончил бег в подвале. Это тоже было отлично, поскольку этажом выше меня ждал, несомненно, теплый прием. Если я смогу выбраться из подвала, то буду все еще на один шаг впереди преследователей. С гауссовкой наготове, помахивая коробкой, набивая синяки о невидимые препятствия и спотыкаясь, пробирался я к далекому свету. Я не преисполнился энтузиазмом, когда достиг его, пробежав невидимую полосу препятствий. Это было окно.

Маленькое окошко, высоко в стене, покрытое трупами насекомых и грязью. К тому же с прочной решеткой.

Позади меня в темноте раздались крики и топот, звуки падения с треском и крепкие ругательства. Что делать?

Очевидно, убираться. Я отступил, поднял гауссовку, загородил лицо руками и вышиб выстрелами окно, и часть стены вокруг него, и кусок мостовой снаружи, пока мое оружие, шелкнув, не опустело. Я бросил его, перекинул коробку через плечо и воспользовался свободной рукой, чтобы помочь себе вскарабкаться по склону из щебня и выбраться наружу.

Чтобы снова броситься бежать. Кто-то увидел меня и крикнул, но я не ответил. Я побежал еще быстрее, хотя начал задыхаться и больше, чем малость, утомился от этих усилий. Одно дело сбежать, совсем другое — остаться на свободе, коль бежишь босой, одетый в совершенно прозрачную одежду, с ошейником и несколькими метрами провода вокруг шеи, не упоминая уже о коробке управления. Я, должно быть, представлял собой довольно необычное и однозначное зрелище.

Мне нужно было спрятаться, забраться в нору, переодеться, избавиться от ошейника и еще много чего сделать. А я уставал все больше и больше.

Я как можно быстрее свернул за угол и врезался в кого-то, идущего в противоположном направлении. Мы оба свалились, и я перекатился на спину, словно жук, близкий к полному истощению и хватающий ртом воздух. Затем я увидел лицо человека, которого сбил, и ощутил последнюю маленькую вспышку надежды.

— Остров, — ахнул я, — старый друг, старый сокомнатник, старый собутыльник. Я в беде, и нужна твоя помощь. Понимаешь, местные...

Я увидел, как Остров, мягкий человек и в самые худшие времена, превратился в очень сердитое животное. Искаженное лицо, выпученные глаза, пена на губах. Он набросился на меня и прижал к холодной земле.

— Местные тут ни при чем, — закричал он. — Край расспрашивал о тебе. Край разыскивает тебя. Что ты наделал?

Глава 15

Я немного поборолся, но это не принесло мне ничего хорошего. Делал я это без души и был близок к истощению сил. Однако я сумел нанести один хороший удар коробкой по голове Острову. Глаза его перекосились, но он не выпустил меня, а к тому времени к нам подоспел маленький отряд серых людей, стащивших его с меня и дулами гауссовок заставивших меня подняться на ноги. Я медленно встал. Погруженный в черное отчаяние и с обмякшими от усталости конечностями, я, разумеется, не спешил.

Их было шестеро плюс Остров, который, судя по выражению его лица, желал бы быть где-нибудь в другом месте.

— Понимаете, Край говорил мне о Ваське, вот, сказал, что он разыскивает его... — голос его иссяк и угас, так как каменнолицые серые полностью игнорировали его. Я — нет.

— Чего ты ждешь, благодарности? Ты — предатель. Начинаешь свою собственную неделю «заложу своего кореша», да? — я попытался презрительно фыркнуть, но это превратилось в бульканье, когда один из конвоирующих меня дернул за провод. Один из пяти конвоиров. Я моргнул и посмотрел вниз, потому что я мог поклясться, что мину-ту назад их было шестеро.

И пока я их еще раз считал, появилась пара рук и сомкнулась на шее номера пятого. Глаза у него выскочили из орбит, а рот раскрылся, и я потрудился над сохранением спокойного выражения лица и на выкатывании глаз на тот же манер. Руки нажали, глаза закрылись, и номер пять исчез из поля зрения. Я немного поборолся, чтобы удержать внимание уцелевших на мне, и даже лягнул ногой и попал Острову по голени, чтобы удержать его внимание тоже.

— Ты не должен был этого делать, — пожаловался он. Я улыбнулся, так как номер четвертый последовал за другими.

Было что-то восхитительное в этом эффектным и тихим устранении неприятеля. Оно напомнило мне об одном знакомом охотнике. Он был профессионалом и очень умелым в своем деле. Когда поднимались стаи птиц, он подстреливал последнюю в клине. А потом следующую. Иногда ему удавалось подстрелить 4—5 штук, прежде чем другие птицы узнавали, что происходит. Здесь применялись те же принципы и равно профессиональным образом.

Система дала сбой на номере три, который немного потрепыхался и привлек внимание одного из оставшихся, в конце концов, человеческие существа малость поумнее птиц.

Я дождался, пока они не обернутся к источнику беспокойства, а затем двинул ближайшего серого человека по шее ребром ладони. Усталость ослабила удар, так что он упал не сразу, и мне пришлось отвесить ему еще несколько, чтобы окончательно успокоить его. И пока я трудился, я осознавал падающие тела и оборванные крики других.

Когда я выпрямился, то увидел, что Остров и все, кроме одного из серых людей, счастливо дремали, сваленные кучей, в то время, как мои спасители укладывали последнего. Это был здоровенный жлоб, и дрался он хорошо, но он уступал в классе противной стороне и вскоре оказался без сознания. Это было интересно, потому что оба напавших на него были женщинами — одетыми в скучные и колоритные бурадские сорочки и местные туфельки на высоком каблуке. Ближайшая обернулась, и я узнал сержанта Бэйз, и некоторые части головоломки стали укладываться у меня в голове.

Другая женщина была поменьше ростом и очень изящно сложена, с фигурой, которую я помнил, и лицом, которое я не мог забыть. Моя жена.

— Ну, ну, — успокоила меня Анжела, потрепав по одной щеке и давая быстрый поцелуй по другой. — Я надеюсь, ты сможешь немного побегать, милый, потому что на подходе еще больше этих бандюг.

Подтверждая это предположение, мимо просвистел неясной разновидности снаряд.

— Бегать... — хрипло произнес я и поплелся, все еще не совсем

уверенный в том, что случилось, но, по крайней мере, все еще достаточно умный, чтобы не задавать никаких вопросов. Бэйз обняла меня одной рукой, направляя меня в правильном направлении и таща за собой, в то время как моя жена облегчила меня от груза коробки и провода. Мы помчались таким вот образом, и я уверен, что мы представляли собой очаровательное зрелище — я, в своей прозрачной одежде, и две девушки, в своих изящных платьицах, за исключением того, что на улице не было никого, кто мог бы по достоинству оценить эту ситуацию.

— Не останавливайся! — крикнула Бэйз, потащив меня за угол. Позади нас раздалась близкие взрывы. Я игнорировал все, кроме задачи переставлять как можно быстрее одну за другой свои ноги, и гадал, сколько все-таки я протяну.

Бэйз, казалось, знала, что делает. Прежде, чем мы зашли слишком далеко в этом направлении, она повернула и втощила меня на несколько ступеней вверх по лестнице в здание. Она набросила на тяжелую дверь засовы, и мы потащились дальше, теперь немного помедленнее, через какие-то покинутые кабинеты задней части здания, где окна выходили во двор. Высота здесь была приемлемой для прыжка, и Бэйз прыгнула первой, гибкая, словно большая кошка, затем помогла спуститься мне, с помощью спускавшей меня Анжелы. Я был в их руках, словно глина, и к тому же это было очень приятное ощущение.

Бэйз побежала вперед открыть большую дверь. Внутри находилась клизантская командная машина, со все еще развевающимся на антенне генеральским флагом.

— Вот это мне больше нравится, — сказал я, подходя на ватных ногах.

— Вы, двое, на заднее сидение, — бросила Бэйз, натягивая военный китель и заталкивая волосы под клизантский шлем. Я не спрашивал, что случилось с первоначальным владельцем.

Анжела влезла прямо за мной, когда я заполз на заднее сидение и рухнул на пол, прильнув ко мне своими теплыми округлыми выпуклостями. Я почувствовал себя очень удобно, когда машина прыгнула вперед. Я наслаждался хорошим поцелуем, прежде чем смог получить какую-нибудь информацию.

— Твоя фигура улучшилась, — сумел выдохнуть я, когда делал передышку.

— Ты будешь очень счастлив узнать, что теперь ты гордый отец близнецов. Оба мальчики. С большими ртами и здоровым аппетитом, как и у их отца. Я назвала их Джеймс и Боливар, в твою честь.

— Как тебе угодно, милая. Я полагаю, ты не против сообщить мне, как это ты появилась здесь в самый нужный момент?

— Я явилась сюда позаботиться о тебе, и, как видишь, оказалась права.

— Да, конечно. Я имею в виду, механически. Когда я видел тебя в последний раз, ты направлялась в госпиталь с выпуклостью на животе и светом материнства в глазах.

— Ну, с этим все прошло прекрасно, как я уже сказала, разве ты не

понял? Потом я прослышала, что эти мерзкие клизанты отправились вторгаться еще на одну планету, и что ты, вероятно, принимаешь участие во вторжении.

— Инскин все это тебе рассказал?

— Конечно, нет! — изящно фыркнула она при этой мысли. — Я взломала досье и прочла записи. Он был очень рассержен, но не пытался остановить меня, когда я отправилась сюда с бригадой второго эшелона. Мне представляется, он знал, что мне лучше не мешать. Мы вышли на орбиту, получили сообщение, и я спустилась. Вот примерно и все, что могу сообщить. Дай-ка мне попробовать эту отмычку на том страшном ошейнике, что ты носишь. Не понимаю, почему ты позволил им обращаться с тобой таким образом.

— В твоей истории есть один-два пробела, — настаивал я. — Например: какое сообщение?

— Мое сообщение, — ответила за нее Бэйз, бесстыдно подслушавшая, не переставая вести машину. — Вы забываете, что я сержант гвардии и видела приготовленное вами сообщение, то, которое они забрали. Поэтому я, конечно, запомнила его, равно как и частоты. Эти свиньи отправили меня в тюремный лагерь для «штатских», так что я покинула его в ту же ночь. — Бэйз была очень уверена в себе, и оглядываясь назад, я понял: у нее на то есть причины.

— Я спустилась на разведкорабле, как только был получен этот вызов, — разговаривая, Анжела манипулировала отмычкой. — Мне пришлось с боем пробивать себе путь, что, разумеется, было нетрудно сделать. Для завоевателей Галактики эти люди очень неважные пилоты. А потом я встретила Бэйз.

Анжела коснулась губами моего уха и холодно произнесла:

— Насколько хорошо ты знаком с этой девицей? — и одновременно затянула ошейник.

— Встречался с ней всего только в тот раз, — выдохнул я, и давление ослабло. — Совсем не в моем вкусе.

— Не ври мне, Джеймс ди Гриз, тебе нравятся такие полненькие.

Я быстро заморгал и постарался вернуть разговор в прежнее русло.

— Но тогда как вы нашли меня? Что вы делали?

— Достаточно просто, — раздался щелчок, и ошейник расстегнулся. Я с облегчением потер побаливающую шею. — Есть только одно здание, где действуют эти люди в сером. Мы следили за ними, пытались найти в него вход. Единственное, что нам досаждало, так это солдаты, все время пытающиеся нас подцепить. Но мы выжали из них информацию и эту машину.

Я представил себе, как две эти милашки косят клизантских завоевателей своим собственным секретным оружием, и достаточно понимал, чтобы не спрашивать о судьбе водителя и его друзей.

— А теперь расскажи мне, что случилось с тобой? — потребовала Анжела и прильнула ко мне послушать хорошую историю. — Я умираю от желания узнать, что за штуку они надели тебе на шею, и почему, во имя неба, ты носишь этот ужасный прозрачный костюм.

Я им рассказал, и, что спорить, был вознагражден множеством

девичьих охов и, по крайней мере, одним взвизгом, когда я дошел до части о запястьях. Бэйз даже остановила машину, чтобы тоже посмотреть на шрамы. После этого они слушали с холодногоглазой неподвижностью, и я почувствовал жалость к любым серым людям, которые могли встретиться им в будущем. К тому времени, когда я закончил свою заораживающую и слегка отталкивающую историю, мы приблизились к тому месту, к которому стремились. При нашем приближении открылись широко ворота и закрылись за нами. Там были другие девушки, хорошо вооруженные и, по большей части, привлекательные, и я гадал, как же это партия консолосук сумела организовать сопротивление подобному правительству. Благодарите за это клизантцев. Когда дело доходит до правительства и армий, я всегда в сильной степени анархист, и придерживаюсь крайне невысокого мнения о тех и других. Но если уж иметь их, то делу, разумеется, помогает, если они хорошенькие. Я покачал головой и дал отвести себя в комнату, где находилась очень симпатичная армейская койка. Я рухнул на нее.

— Одежду,— произнес я,— и выпить, и не обязательно в такой последовательности.

Я застенчиво набросил на себя угол одеяла — не из стыда, а скорей, чтобы бдительные амазонки не подвергались искушению. И, кроме того, тут была моя жена. Она отлично поняла, что я имел в виду под словом «выпить», и оттолкнула стакан воды, который пыталась навязать мне одна из дам, и подала маленькую фляжечку с мощным напитком. Он мило обжег мне горло и протянул в мозг свои огненные щупальца.

— Боюсь, что мои мысли... Мое чувство реальности все еще путаное,— признался я и понял по выражению лица Анжелы, что она это понимает.— Они что-то сделали со мной, не знаю что, но это скоро, я уверен, пройдет.

— Я буду убивать их всех, страшно,— произнесла она сквозь плотно стиснутые зубы, и раздался ропот согласия всех слушательниц. Я на миг закрыл глаза, чтобы дать им отдых, а когда открыл их, в комнате не оставалось никого, кроме Анжелы. Горел свет, за окном было темно. Это было похоже на склеенную оборванную ленту с приличным вырезанным куском. Я уважал технику психического манипулирования Края и от души ненавидел его за это.

— Голоден,— сообщил я Анжеле, и она подошла, села рядом со мной и взяла меня за руку.

— Ты спал и бредил. Некоторые ужасные вещи.

— Я от этого чувствую себя лучше. Когда мы вернемся на базу, я дам медикам пропылесосить мои темные углы. Но в настоящее время есть вещи поважнее. Мы должны организовать здесь сопротивление, прежде чем Клизант организованно и прочно возьмет все в тиски. И...

— Нет.

— Что ты подразумеваешь под нет?

У меня было ощущение, словно я пропустил важную часть разговора. Было ли это другим результатом махинаций с моим мозгом или просто женский разговор?

— Я подразумеваю, что нет, мы этого делать не будем. Пока ты спал, я отправила длинный рапорт Инскину, все, что ты рассказал мне о планах Клизанта, и как они устраивают свои вторжения, и их замыслы приняться за Корпус, все.

— Ты, по крайней мере, подписалась моим именем? — обиженно спросил я.

Она погладила меня по руке.

— Конечно, дорогой. Это было твоей работой, и я бы даже не подумала попытаться поставить ее себе в заслугу.

Я мгновенно преисполнился сожаления за свои слова и извинился, а затем извинилась она: потому что мой скверный характер, вероятно, связан с модифицированием моего мозга, и мы выпили, а уладив это, я попытался вернуться к делу.

— Так значит, ты отправила доклад. А потом?

— Потом он пошел на передающий корабль по другую сторону этого солнца и был отправлен спигаммой Инскину. Пришел его ответ, и он гласил: «Сообщение принято, поздравляем, немедленно возвращайтесь!» Так что, как видишь, тебе придется вернуться.

Я фыркнул, а затем пригубил напиток.

— Ты думаешь, я вернусь?

— Ты болен, тебе требуется медицинская помощь, ты сделал то, что являлось твоей задачей...

— Я спрашиваю тебя не об этом. Ты думаешь, я вернусь?

Анжела попыталась принять свирепый вид, чего она не может сделать, если это не всерьез, а затем пожала плечами самым что ни на есть покорным образом.

— Конечно, нет. Если бы ты вернулся, ты не был бы тем мужчиной, за которого я вышла замуж. Значит, теперь мы сотрем с лица планеты этих бесов, спасем Бурату и остановим это вторжение.

— Не совсем все сразу, но это примерно то, что у меня на уме. Надо будет организовать движение сопротивления с нашими советами и материальной помощью. Бэйз должна бы с этим справиться, но есть одно дело, имеющее приоритет даже перед этим. Мы должны захватить в плен Края или одного из его серых людей.

— Какая чудесная мысль! Если они думают, что знают толк в пытках, то скоро узнают пару вещей. Помню, как...

— Анжела! Я думал совсем не об этом. На мгновение в тебе просвечивало много прежней, несмотря на твою реконструкцию.

— Чушь! Признаю, я могу применить один-два технических приема, усвоенных мною в те дни, но мотивы у меня совсем чистые. Лыбца защищает своего льва, и все такое прочее. Совершенно оправдано.

— Да, может быть, это и так, но я говорил совсем не об этом. Я хочу получить одного из серых людей в лабораторию и подвергнуть его исчерпывающему анализу. Когда ты сегодня вышибала дух из этой компании, ты не заметила в них чего-нибудь странного?

— Ничего особенного. Я, можно сказать, была занята другим. Только тот факт, что они недостаточно тепло одеты, поэтому их кожа ощущалась очень холодной.

— Именно так. И они никогда не смеются, не демонстрируют никаких эмоций, они не сплетничают, не разговаривают, если только не нужно сообщить что-то важное, и есть множество других привлекающих внимание мелочей.

— Что ты собственно хочешь сказать, мой дорогой, что они зомби, или роботы, или что-то такое? Я думала, что такого рода штуки появляются только в космических операх для детишек.

— Смейся, смейся, пока есть время. Не роботы или что-то такое, эти типы достаточно живые. Просто я не думаю, что они люди, вот и все. Есть чужаки среди нас.

— Наверно, тебе лучше еще немного поспать. Я выключу свет.

— Не ублажай меня, черт побери! Я думал об этом с тех пор, как впервые встретился с Краем, так что это не плод недавнего испытания. Есть всевозможные доказательства. Клизантские солдаты смертельно боятся Края и его бандюг и даже не говорят о них. Серые люди отрезаны от нормальной клизантской жизни, и во всех отношениях отличаются от них. Почти так, словно они не один и тот же народ. Я могу себе представить, как они делают обзор человеческих планет и находят, что Клизант вполне созрел, чтобы они его сорвали. Стратифицированный, милитаризированный образ жизни, все в мундирах. Все, что им требовалось, это сменить руководство наверху, и они у руля. И именно это-то они и проделали. Они не появляются ни за одним из столов или карт, столь дорогих военному уму — и все же, кажется, большую часть времени именно они управляют всеми делами.

— Ну...

— Вот. Ты не убеждена, но начинаешь сомневаться. Значит, ты сможешь мне доставить образчик серого человека?

— Помогу? — она захлопала в ладони от чисто девичьего энтузиазма. — Да я просто жду не дождусь этого. Конечно, он, может, будет немного поврежден, пока я доставлю его, но ведь покуда он по-прежнему функционирует, это на самом деле все, что имеет значение, не так ли?

Прежде чем я успел ответить, вбежала Бэйз и бросила на койку охапку одежды.

— Быстро одевайтесь, — приказала она. — Сапоги самые большие, что мы смогли найти, надеюсь, что они подойдут.

— Есть какая-нибудь причина для всей этой спешки? — спросил я.

— Разумеется, есть. Со всех сторон все кишит войсками и тяжелым оружием. Это здание полностью окружено неприятелем.

Глава 16

Сапоги были тесными, с изящными носками, но я втиснул стопу как можно дальше.

— Нас проследили досюда? — спросил я Бэйз.

— Нет, конечно, нет. Я не новичок в этом деле. И похищенной машины здесь нет, больше нет.

Я ломал свои ленивые мозги, думая, пока втискивался во второй сапог. Зазвенел телефон, и я замер — так же, как и две женщины — уставясь на него, словно на ядовитую змею. Он звякнул еще разок, а затем загорелся крошечный экран, и с него глядел столь же неэмоциональный, как и всегда, Край.

— Ты знаешь, что вы окружены,— сказал он.— Соппротивление бесполезно, ди Гриз, сдавайся спокойно, и никому из твоих друзей не будет причинено никакого вреда...

Мой сапог ударил в экран, и образ Края вспыхнул и умер, я с корнем вырвал весь аппарат и швырнул его об стенку. Я знал, что большинство телефонов можно включить с центральной станции, имея нужное оборудование, но сейчас было неподходящее время, чтобы видеть эту теорию доказанной.

— Без паники,— крикнул я, надо полагать, в основном себе, потому что Анжела и Бэйз оставались совершенно спокойными. Я заскакал по комнате, надевая второй сапог, и попытался извлечь какую-то ясную мысль из своего спутанного мозга. Последний прыжок кончился тем, что я сидел на койке, тяжело дыша и загибая пальцы.

— Давайте на минуту забудем про этот звонок и выясним, что случилось. Первое: нас не выследили, когда мы ехали сюда. Второе: наш транспорт исчез, так что и он навести не мог. Третье: Край знает, что я здесь, это значит, что они имплантировали в меня направленный передатчик. В такой случае, понадобятся хирург и хороший рентгеновский аппарат, как только мы отсюда выберемся.

— Ты забыл более простое объяснение,— заметила Анжела.

— Так не храни его в тайне. Если ты можешь выдать что-нибудь лучшее, чем я, то выкладывай.

— Пыточная коробка. Ты сказал, что она радиоуправляемая.

— Конечно. Направляющая аппаратура, вероятно, интегральная часть механизма. Эта штука все еще здесь, Бэйз?

— Да, внизу. Мы думали, что для нее может найтись применение.

— Уже нашлось. Когда мы скроемся, коробка останется здесь. Может быть, это удержит их внимание на здании, а коль скоро мы смоемся, они снова меня так легко не найдут. Теперь расскажи мне вкратце, Бэйз, что это за здание, и как нам из него выбраться.

— Это фабрика, принадлежащая одной из нас. И никакого возможного выхода из нее нет, мы обречены сражаться и умереть, но, умирая, мы дорого продадим свои жизни и захватим с собой много этих скотов...

— Это прекрасно, да, превосходно. Но мы дорого продадим свои жизни, только если будем вынуждены. Ди Гриз может найти дорогу к спасению там, где другие находят только отчаяние. Ваша владелица фабрики здесь? Хорошо, пришлите ее как можно быстрее.

Бэйз отправилась бегом, а я повернулся к своей жене.

— Я полагаю, ты привезла с собой обычное оборудование? Того сорта, что мы прихватывали с тобой на медовый месяц?

— Бомбы, гранаты, взрывчатку, газовые заряды — конечно.

— Пай-девочка. С тобой в качестве жены я испытываю растущее чувство беспокойства.

Бэйз вбежала быстро, а следом за ней еще одна амазонка в мундире. Немного постарше, наверное, с очень привлекательным налетом седины в волосах, и все же полногрудая и с округлыми формами на зрелый завораживающий лад. Я уловил стынувшее выражение в глазах Анжелы и быстро направил свои мысли к более срочным делам.

— Я Джеймс ди Гриз, межзвездный агент и шпион.

— Фаида Фиртина из гвардии,— рякнула она и отдала честь.

— Да, очень хорошо, Фаида, рад с вами познакомиться. Вольно. Как я понял, это здание принадлежит вам.

— Совершенно верно. «Фартина Амальга Мейтел Констракшен Роборецкие Лимитед». Прекрасный продукт на рынок.

— Что это за продукт?

— Роборецкие.

— Вы не сочтете меня тупицей, если я спрошу, то такое роборецкие?

— Роскошный продукт, необходимый для каждого порядочного дома. Робот, запрограммированный, обученный, собранный, специально спроектированный только для одной функции. Дворецкий, слуга, готовый помогать по дому, который делает дом родным и уютным, облегчая заботы хозяина, избавляя его от ежедневной работы, забот, стрессов современной жизни...

Было еще много в том же духе, явно цитаты из рекламной брошюры, но я этого уже не слышал. В голове у меня складывался, обретая форму, план, пока звуки стрельбы не прорвались сквозь мою цепочку мыслей.

— Они произвели пробную атаку,— сказала Бэйз, с командной рацией у уха.— Но были с потерями отбиты.

— Продолжайте сдерживать их. Некоторое время они не должны пробовать применить тяжелое оружие, поскольку надеются взять меня живым.— Я взмахом руки прервал владелицу фабрики, готовую опять завести устную рекламу.— Фаида, сделайте мне быстрый набросок наземного плана здания и района, непосредственно прилегающего к нему.

Она нацерила быстро и точно (несомненно, военная тренировка), указав двери, окна и окружающие улицы.

— Как выглядят ваши роборецкие? — спросил я.

— Примерно гуманоидные по форме и размерам, оптимальный облик для домашней среды, и вдобавок...

— Вот и отлично, сколько у вас есть готовых к отправке, прошедших полевые испытания или как вы их там назвали, с заряженными энергоблоками?

Она задумчиво нахмурилась.

— Я должна свериться с отделом доставки, но по приближенным подсчетам, я бы сказала, где-то между 160 и 180.

— Это будет совершенно то, что требуется для наших нужд. Вы страшно разоритесь, может ли ваша страховка покрыть потери, если они будут уничтожены за дело Буреды?

— Все роборецкие фирмы «Фиртина» охотно погибнут, можно было бы сказать с радостью, если бы у них были какие-то эмоции,

за дело свободы. Хотя, конечно, они не способны взять в руки оружие, так же как и совершать какие-нибудь акты насилия.

— Ну это не потребуется. Об этом можем позаботиться мы, наша бригада дворцовых сделает отвлекающий маневр, который позволит нам выбраться отсюда. А теперь подойдите сюда ближе, девочки, и я изложу вам свой план.

Старый ди Гризовский мозг, наконец, действительно заработал. Стрельба на заднем плане только стимулировала меня к большим усилиям, в то время как я возносился на волне радостного энтузиазма. Через несколько минут приготовления были завершены, и через полчаса мы были готовы к атаке.

— Вы знаете свой приказ? — спросил я тускло освещенный отдел доставки, заполненный роботами.

— Знаем, сэр, да, сэр, благодарим вас, сэр,— ответили они с наилучшим культурным акцентом.

— Тогда приготовьтесь к отправке. То, что вы сделаете сейчас — много-премного лучше всего, что вы когда-нибудь сделали бы за свою электронную жизнь на службе по дому. Когда я скажу выходить, вы выйдите, каждый по назначенной ему программе.

— Вы очень добры, сэр, благодарим вас, сэр.

Здесь, в отделе отправки фабрики, их было больше сотни, наша главная отвлекающая атака. Они стояли стройными рядами, гудя и жаждя тронуться. Передние ряды были одеты во всевозможные наряды, что мы сумели собрать, некоторые в форменных пилотках, другие в куртках, еще меньше носило брюки. Большая часть одежды была пожертвована ударницами, каковой факт приносил мне мало хорошего в моем новом воинском статусе. Вокруг было чересчур много загорелой плоти для того, чтобы мужчина мог ее полностью игнорировать. Было почти удовольствием побыть для разнообразия с роботами, одежда на которых была разнообразна и не открывала ничего интересного. Каждый из них сжимал обрезок трубы или пластика, или какой-нибудь другой предмет, напоминавший оружие. В грядущей сумятице их, как я надеялся, примут за атакующих людей. Я посмотрел на часы и поднес рацию ко рту.

— Готовность всем частям. Пятнадцать секунд до нуля. Бомбометчицам приготовиться. До последней секунды держитесь подальше от окон. То есть не высовывайтесь... Активировать бомбы... Бросай!

С улицы донеслась серия глухих взрывов, которые будут подхвачены со всех сторон здания, когда девушки метнут бомбы с верхних этажей. По большей части дымовые бомбы, хотя к ним было приめшено несколько с раздражающим и сонным газом.

Я дал бомбам пять секунд до максимальной густоты, а затем включил рубильник двери гаража.

Дверь с грохотом поднялась, открывая мало чего, кроме клубящегося дыма, начавшего немедленно струиться в гараж.

— Вперед, мои верные солдатики, вперед! — приказал я, и все левые ноги поднялись как одна, и ряды моей бригады роботов хлынули вперед.

— Благодарим вас, сэр! — сладкоречиво прозвучало в этих

металлических глотках совершенным тоном, и я отступил, пока они выбегали.

Теперь раздалась стрельба из верхних окон, немедленно подхваченная войсками снаружи. Все по плану. Пятнадцать секунд после нуля, время второй волны.

— Все другие части роборецких — пошел! — приказал я по рации.

В этот момент из других дверей и выходов фабрики в саване дыма и газа должны выступить роботы. Я не тратил времени на попытки организовать подслушивание вражеской командной связи, но вполне мог вообразить, что теперь происходило. Вернее, что, как я надеялся, теперь происходило.

Здание было окружено, все их войска наготове, наша цитадель видна со всех сторон в теплом полуденном солнце. Затем внезапная перемена, дым, химические раздражители, окружившие здание со всех сторон. Явный прорыв — и вот он! Дзинь, дзинь! Получай поганый бурадчик, а Анжелина как раз передо мной, так что я держался на нее. Размещение, я уверен, было совершенно случайное, поскольку ей было наплевать, если бы я вцепился в одну из полуголых бурадских милашек.

Двигаться вот так беспомощно, сквозь тьму, вызывало легкое замешательство, особенно когда мимо просвистел случайный снаряд. Случайный, я надеялся. Эта улица была узка и с обеих сторон блокирована клизантскими солдатами. Если бы они знали, что происходит, то могли бы прочесать улицу перекрестным огнем. Но, будем надеяться, что в данный момент они заняты роборецками.

Все, что нам требовалось сделать — это пересечь метров двадцать открытого пространства, до многоэтажного и многоквартирного здания на той стороне. Если мы доберемся туда незамеченными, у нас будет хороший шанс пройти через него до смежной улицы на другой стороне. Если мы и туда доберемся незамеченными, то там мы разделимся и рассеемся через кроличьи ходы улиц, дорожек, туннелей, будем надеяться, сливаясь с гражданским населением, исчезнуть прежде, чем наше отсутствие заметят. Будем надеяться.

Я считал шаги, так что знал, что почти добрался до здания, это означало, что половина наших была уже в безопасности, когда поблизости раздался голос:

— Это ты, Зобно? Что там сержант говорил насчет роботов? Это похоже на роботов?

Цепочка молча остановилась, затаив дыхание. Мы были так близко. Голос был мужской и говорил по-клизантски.

— Роботы, какие роботы? — переспросил я и, сняв руку со своего плеча, переложил ее на плечо Анжелы. — Двигай, — шепнул я ей на ухо. А потом покинул цепочку и тяжело затопал к нему в своих новых сапогах.

— Я уверен, что он сказал «роботы», — пожаловался голос; я осознал позади себя слабое шевеление, когда цепочка снова двинулась вперед. Я топал и кашлял, приближаясь к невидимому собеседнику. Мои руки вытянулись, готовые быстро сжимать и давить, как только он заговорит снова.

Все это прекрасно сработало бы и доставило бы мне маленькое садистское удовольствие, если бы вечерний бриз не отправил завихрение из-за угла здания. Ветер обвеял мое лицо прохладой, и в дыму открылся разрыв. Я смотрел на клизантинского солдата, в шлеме, вооруженного гауссовкой, с отпечатавшимся на лице потрясенным выражением. Отпечатавшимся по веской причине — вместо того, чтобы глядеть на солдата-солдата, он увидел неизвестного инвалида, разминающего пальцы, с красными глазами и небритой челюстью, одетого в совершенно прозрачную робу и женские сапожки, с висящими на плечах узлами и тюками. Разевать рот — это все, что он мог делать.

Этот паралич продолжался как раз достаточно, чтобы мне успеть добраться до него. Я схватил его за горло так, чтобы он не мог выкрикнуть предупреждение, и за гауссовку так, чтобы он не смог выстрелить в меня. Мы немного поплясали в таком стиле. Дым снова сомкнулся вокруг нас. Мой противник не кричал и не стрелял, но и не покорялся.

Он был рослым и мускулистым и держался за свою жизнь. К счастью, он не был слишком сообразителен и держался обеими руками за гауссовку, пытаясь вырвать ее у меня. Примерно в то время, как он сообразил, что мог держать ее одной рукой и лупить меня другой, я дал ему подножку и рухнул на него. Прежде, чем он стукнулся о землю, он сумел нанести мне два быстрых удара в живот, не вызвавших у меня ничего хорошего. Затем мы приземлились, и я вышиб из него дух. Это освободило мою руку на горле, и прежде чем он смог втиснуть в себя достаточно воздуха, чтобы закричать, я привел его в бессознательное состояние. Я сидел на нем, ожидая, пока голова перестанет кружиться и развяжется узел боли в животе, когда поблизости раздался новый голос.

— Что за шум? Кто там?

Я глубоко, с содроганием вздохнул, чуть выпустил воздух и потрудился над обладанием своим голосом.

— Это я,— всегда хороший ответ.— Я споткнулся и упал. Поранил палец...

— Значит, получишь за него медаль. А теперь заткнись.

Я заткнулся, взял гауссовку у моего обмякшего спутника и встал, сообразив, что совершенно потерял ориентировку в дымной темноте.

Совсем неприятное ощущение. Дым редел, а я был один без всякого чувства направления. Если я пойду в неверном направлении, это будет самоубийством.

Паника! Или, скорее, мгновение паники. Я всегда позволял себе по меньшей мере краткую панику в любой острой ситуации. Это вызывает прилив крови в кровеносные сосуды, заставляет сердце биться быстрее, высвобождает дозу адреналина и делает другие, полезные для человека в чрезвычайной обстановке, вещи.

Но только немного паники, время поджимало. А после того, как низкая звериная эмоция рассосалась, губы опять закрыли клыки, и волосы на загривке опустились, и все такое прочее, я поставил на работу старый логический центр.

Следующее: я не один. Безмолвная цепочка спасенных могла промаршировать в здание и в безопасности двигаться дальше, но моя Анжела меня не бросит. Я знал, столь же четко, как если бы мог видеть ее, что она стоит перед этой дверью к выживанию и ждет меня.

Следующее: у нее имелось чувство направления, у меня — нет. Следовательно, она должна прийти ко мне.

— Этот палец убивает меня, сержант,— прохныкал я, а затем засвистел в предполагаемой муке. Один короткий свист и один длинный. Буква «А» означала Анжелу на коде, как я знал, ей хорошо известно. Что я нуждаюсь в помощи, как я знал, она вычислит сама, как и все остальное.

— Прекратить этот свист и шум,— прорычал в ответ другой голос, закончив с ноткой презрения, перерастающего в подозрение.— Скажи-ка, кто ты?

Я порылся в памяти, ища имя, услышанное несколько минут назад.

— Это я, сержант, Зобно. Этот палец...

— Это не Зобно! — вмешался второй голос.— Зобно — это я.

— Нет, я! — крикнул я в ответ.— Кто это сказал?

— Вы оба подойдите сюда, сейчас же! — крикнул сержант.— Через пять секунд я стреляю.

Настоящий Зобно, спотыкаясь, потопал сквозь дым, а я не сумел ни заговорить, ни двинуться. И я уже ощущал, как меня рвут пули, когда что-то дернуло меня за руку, и я подпрыгнул.

— Анжела? — прошептал я и получил безмолвный ответ, когда она обняла меня. Я потянулся к ней, но она не дождалась, взяв меня за руку, она увлекла меня за собой. Позади нас в дыму звучали голоса, затем внезапный визг гауссовки и выкрики команд.

Я споткнулся о невидимые ступеньки, и поджидавшие руки втащили меня через дверной проем.

Глава 17

— Поисковая партия... поисковая партия...— слова смутно дошли сквозь горластое рычание атакующих плюшевых медвежат. Я мог бы отбиться от них, даже хотя используемые мной вместо мечей леденцовые палочки продолжали ломаться. Но даже без леденцовых палочек, дашь плюшевому мишке быстрый пинок в живот, и он опрокидывается, и никакой силы не остается.

С мишками я мог бы справиться в одиночку, не будь на их стороне еще проклятых деревянных солдат. Из них получится неплохой костер, и именно об этом я и думал, нащупывая спичку, когда один из них ткнул меня в руку штыком на своей игрушечной винтовке. Он уколол, а я сморгнул и открыл глаза, поднял взгляд на усатое лицо глядевшего на меня доктора Мутфака.

— Эта тревога, должен сказать, в самом деле в самое неудобное время. Я сделал вам инъекцию для нейтрализации гипнотического наркотика.— Он держал в руке шприц, и я потерял руку в том месте, где он уколол меня.— В крайне неудачное время.

— Не я это устраивал,— пробурчал я, все еще проснувшись только наполовину и все еще желая покончить с плюшевыми мишками.

— Лечение идет хорошо, и на то, чтобы опять начать все сначала, уйдет много времени. Я регрессировал вас до вашего детства, и — ух! У вас было очень интересное, чтобы не сказать отталкивающее, детство! Вы должны дать мне разрешение описать этот случай. Символ плюшевого медвежонка, нормально олицетворяющего собой тепло и уют, был преобразован вашим несносным подсознанием в...

— Позже, доктор, если позволите,— пришла мне на помощь Анжела — воплощение золотого шарма, она загорала на балконе, и носимый ей для этой операции кусочек ткани занимал примерно ту же площадь, что и крыло бабочки. Я сел, помотал головой, находящейся все еще в тумане от остатков наркотика. Помещение было колоритным и роскошным, с целой стеной, выходящей на балкон, с голубым небом, и еще более голубым океаном за ним, угнездившееся высоко на макушке отеля «Ринга Валичи». Этот отель, предположительно лучший на Бураде, и я вполне мог поверить в это, находился в центре лагуны, и приблизиться к нему можно было только по воде или воздуху.

Это давало нам заблаговременное предупреждение о любых нежелательных визитерах — такое предупреждение только что было получено. Порядок действий был разработан старательно. Во время мозгогнутой сессии на меня были надеты плавки, как раз на случай чрезвычайного положения, так что я взял Анжелу за руку, и мы рысью побежали к частному лифту. Когда мы вступили в него, звук моторов на взлетной площадке у нас над головами стал громче и отчетливей. Мы держались за скобы, когда высокоскоростной лифт выпал из-под нас.

— Ты чувствуешь себя пригодным для этого? — спросила Анжела.

— Просто немного словно в тумане, но это пройдет. Ты думаешь, этот выкачиватель мозгов что-нибудь смыслит в этом деле?

— Предполагается, что он лучший специалист на планете. Он выправит вставленные в тебя Краем вывихи психики, если это вообще кто-то может.

— Он мог бы работать немного быстрее. Уже три дня, а мы все еще не выбрались из моего детства.

— Ты, должно быть, был «ужасным» мальчиком. Кое-что из того, что я слышала...

Прежде чем я смог придумать резкое возражение, лифт, засвистев, остановился, и мы вышли на уровне воды. Из закрытого бассейна в океан вела лестница. Смотритель ждал нас с аквалангами наготове, и мы пристегнули их и нырнули. Прямо на дно и на прогулку среди рифов. Даже если они придут посмотреть, им здесь нас никогда не найти, я включил звуковую связь и вызвал оператора.

— Поиск не ахти какой,— сообщил он мне.— Я дам вам знать, когда они доберутся до нижнего уровня.

Мы с Анжелой нырнули поглубже. Выскочила и зашагала вокруг нас рыбка радужной окраски, а зеленые водоросли кланялись, когда мы проплывали мимо. Вода была чистой и теплой, и быстро восстанавливала мои силы, мысли и бодрый дух. Мы заплыли в грот, полностью

окруженный кораллами, найденный нами в предшествующую прогулку, и расположились на золотистом песке. Я обнял одной рукой Анжелу, и она прильнула ко мне, и ради удовольствия, и для того, чтобы наши маски соприкасались, и мы смогли разговаривать.

— Появилось что-нибудь новенькое насчет Края и его парней, пока док пробивался сквозь мое серое вещество?

— Их обнаружили, но это и все. Теперь, когда первая стадия вторжения завершена, клизантские вооруженные силы, кажется, располагаются для оккупации. Они забрали себе это огромное административное здание, называемое Октагоном, вероятно, из-за того, что у него восемь сторон, и вымели всех оттуда. Они, кажется, перенесли туда большую часть своих административных операций, и одного из серых людей Края видели входившим в это здание. Именно там они, должно быть, и окопались.

— Хотел бы я знать, почему они покинули свою прежнюю резиденцию.

— Несомненно, опасаясь тебя и твоей безжалостной мести.

Я фыркнул, хотя это и трудно было сделать в маске.

— Ты это только говоришь, но клянусь Велиалом, в этом есть больше, чем элемент истины. Требуется нанести нокаутирующий удар этой клизантской операции вообще, но этим серым людям требуется особое внимание. Но сначала мы должны заграбастать одного из них. Я должен проникнуть в это здание.

— Ты не сделаешь ничего подобного, — она ушипнула меня за кожу под ребрами, и я попытался шлепком отбросить ее руку, но под водой это неудобно. Я решил удовольствоваться тем, что ушипнул сам, а ее, разумеется, шипать было куда удобнее, чем меня. Некоторое время мы занимались подобной игрой, пока я не вспомнил, что она отвлекла меня, и безжалостно вернулся к прерванному разговору.

— Почему я не могу попробовать проникнуть в здание? Я буду замаскирован, я говорю по-клизантски. Я знаю, что у них и как...

— А они знают, что и как у тебя. У них будут над каждым входом камеры, скамливающие данные компьютерам, которые знают твой рост, сложение, вес, походку, словечки. Ты не можешь замаскировать все, и ты это знаешь. Они сцапают тебя в тот же миг, как ты туда войдешь.

— Ты говоришь это просто потому, что это правда, — прорычал я. — Так что, я полагаю, у тебя есть лучший план?

— Есть. Я говорю по-клизантски, и у них совсем нет данных обо мне, и я — опытный полевой агент, единственный на планете, кроме тебя.

— Нет.

— Почему же сразу нет? — нахмурилась она, и следующий шлепок был уже болезненным.

— Я только беспокоился о твоей безопасности.

От этого она растаяла: даже самая умная женщина — младенец, любящий, когда ему оказывают внимание, и потерялась о меня. Я почувствовал себя подлецом, каковым и являлся.

— Ты все-таки любишь меня, Джим, на свой собственный лад — ужасный, но со мной все будет в порядке, вот увидишь. Среди второго эшелона клизантцев есть немного женщин — не понимаю, как они могут носить эти уродливые мундиры, и мы с девушками заграбастали одну такую. С ее мундиром и удостоверением я проникну в здание, найду Края...

— Ты ведь не сделаешь какой-нибудь дурасти?

— Конечно, нет.

— Великолепно.

Загудел сигнал коммуникатора, и я включил его.

— Поисковая партия убралась, можете возвращаться.

Мы медленно поплыли обратно, рука об руку, наслаждаясь моментом. Доктор Мутфак ждал, когда мы вылезем из воды.

— Хорошо, мы продолжим там, где остановились, — в его улыбке совсем не было тепла. — Плюшевые медвежата, мы должны здесь прозондировать символику так, чтобы было можно перейти к более поздним делам.

Он нетерпеливо притопнул ногой, пока мы с Анжелой обнимали друг друга. Затем я позволил доктору отправить меня под наркоз, поскольку не хотел, чтобы Анжела уловила, что я нервничаю. Прежде чем отправиться, она помахала рукой и пошла одеваться, а Мутфак всадил мне в руку шприц, в его душе не было никакой романтики.

Мы, должно быть, немного продвинулись, потому что когда я проснулся вновь, плюшевые мишки уже исчезли, и последний запомнившийся мне сон имел какое-то отношение к взрывающимся космическим кораблям и солнечным вспышкам. Доктор Мутфак упаковывал свои инструменты, а снаружи, в ночном небе, таял последний отблеск дневного света.

— Очень хорошо, — сказал он. — Неплохо продвигаемся.

— Вы уже откопали следы какого-нибудь вмешательства Края?

— Следы! — ноздри его раздулись, и он запыхтел. — Они, как отпечатки кованых сапог, по всей коре вашего головного мозга! Эти люди — мясники! Повсюду блоки памяти, следы амнезии, связанные с узорами ложной памяти. Эти воспоминания — единственное, что имеет какую-нибудь клиническую ценность, я должен выяснить, какую технику они применяют. Они были помещены там очень быстро, и все же они невероятно полные. Вовлечены все чувства, и весьма детальные.

— За это я не поручусь.

— Я думаю, вы не найдете возможным отличить их от настоящих воспоминаний, вот какова сила техники. Я удалил некоторые крупные, которые беспокоили вас, в дальнейшем позаботимся и о других. А теперь посмотрите на свои запястья и расскажите мне о красных линиях, которые там увидите.

— Они выглядят просто, как красные линии, — сказал я. Затем вспомнил, как оказался в камере и по какой-то причине считал, что у меня отрублены кисти рук. — Не знаю, почему. Это были просто красные линии. Ложная память?

— Да, и необыкновенно отталкивающая.

Дверь распахнулась, и вбежала Бэйз, и когда она пролетала мимо, я уловил выражение ужаса на ее лице. Внезапный страх ударил меня в живот, и я сел, следя за ней, ничего не спрашивая, пока она включала телевизор.

Зажегся экран, и я оказался смотрящим на Края. Он почти улыбался, когда говорил:

— Это запись, она продолжает повторяться,— сказала Бэйз.

— ...что мы хотим дать ему знать. Кто-то там должен знать человека, известного как Джеймс ди Гриз. Свяжитесь с ним. Скажите ему, пусть прослушает эту передачу. Это сообщение для тебя, ди Гриз. Мы хотим, чтобы ты вернулся сюда. Здесь у меня Анжела. Она невредима — пока, и останется таковой до рассвета. Я предлагаю тебе связаться со мной и переговорить.

Добро пожаловать домой, Джеймс.

Глава 18

После этого несколько минут я был в шоке онемения, а в таком состоянии я предпочитаю быть один. Бэйз оказалась достаточно понятливой. Продолжавшая мерцать на грани сознания мысль, наконец, проявилась со всей ясностью. Мне придется сдаться и снова получить ошейник — этого никак не избежать. Мои воспоминания об этом были не очень приятными — фактически мой мозг задержался в черепной коробке.

В последнее время через мое серое вещество прошло чересчур много переживаний, и я не хотел их повторения, но все же это было неизбежным. Ошейник и пыточная коробка были частью моего плана — их придется нейтрализовать. Это будет отнюдь нелегко.

Я поразмыслил над всеми возможными вариантами, и когда план атаки вчерне был готов, послал за Бэйз и сообщил, что собираюсь сдаться.

— Вы не можете! — я клянусь, что эти замечательные большие глаза наполнились слезами.— Отдать себя этим дьяволам, чтобы спасти женщину. Если бы только все мужчины на этой планете были похожи на вас. Невозможно поверить...

Я воспротивился импульсу насладиться маленькой женской восторженностью и отвернулся, чтобы вскрыть один из контейнеров с орудиями убийства. При виде гранат Бэйз с интересом посмотрела на меня.

— Это будет второй частью операции,— сказал я ей.— О первой части я позабочусь сам, она будет заключаться в проникновении в здание и освобождении Анжелы. Я надеюсь также захватить и серого человека, но если это задержит меня, то мы отложим эту часть операции до следующего раза. Второй частью операции будет выход из Октагена, и для этого мне потребуется ваша помощь. Мне необходим план здания, я хочу поговорить с кем-нибудь, кто хорошо знает, что там где лежит, возможно, с кем-нибудь из штата ремонтников, для того

чтобы я мог найти уязвимое место. Вы можете сделать это сейчас?

— Тотчас же,— откликнулась она, убегая. Надежная наша девушка, Бэйз. Я стал копаться в контейнере со снаряжением.

До рассвета оставалось всего лишь два часа, когда мы готовы были двигаться. Я завершил разработку своей части операции, но и после этого устроить побег было не так-то просто. Октагон очень сильно походил на крепость, ввиду малых сил, какие мы могли собрать. И нам сильно мешало отсутствие у нас каких-либо воздушных судов и тяжелого вооружения. По воздуху или по земле, кажется, не существовало никакого выхода, но именно один из штата ремонтников, обнаруженный и вытащенный нами, дрожащей рукой отметил на плане спасительную лазейку.

— Кабельный канат, мэм и сэр, проходит под улицей и под стенами и выходит в субподвале 17. Большой туннель для кабелей, телефонов и всего такого прочего.

— Он, разумеется, будет кишеть клопами,— заметил я.— Но если мы правильно спланируем, то это не будет иметь никакого значения. Запишите леди, ибо я не люблю повторяться. Вот как будет проходить эта операция.

Пока были сделаны последние приготовления, до рассвета оставалось минут двадцать и я весь покрылся холодным потом. Передовые части уже выходили на исходную позицию, когда я сделал видеозвонок Краю. Нас соединили сразу же и я заговорил прежде, чем он успел что-либо произнести.

— Я хочу немедленно увидеть Анжелу и поговорить с ней, я хочу быть уверенным, что она цела и невредима.

Он не спорил. Он этого ожидал. Анжела появилась в фокусе в костюме Евы, и я увидел на ее шее тот ненавистный ошейник с проводами, уходящими вверх.

— С тобой все в порядке?

— Настолько прекрасно, насколько это возможно для меня в таком виде в этом положении и в одном помещении с этой тварью.

— Они ничего с тобой не сделали?

— Пока ничего, не считая того, что меня насильно раздели и застегнули на шее этот ошейник, прикрепив проводок к потолку, так, чтобы я не могла убежать. Но ты можешь представить, какие угрозы высказывал этот отвратительный субъект. Не думаю, что я могла бы прожить хотя бы минуту с таким мозгом.

Она застыла, ее глаза выкатились, хотя и не закрылись — Край сделал ей укол нервной пытки. Я понял в этот момент, что если он попадет ко мне в руки — ему конец. Его лицо снова появилось на экране, и с усилием, на которое я никогда не считал себя способным, я спокойно смотрел на него и молчал.

— Теперь ты явишься ко мне, ди Гриз, и сдашься. У тебя осталось всего несколько минут. Ты знаешь, что я сделаю с твоей женой, если ты не явишься. Если ты сдашься, ее тотчас же отпустят.

— Какие у меня гарантии, что вы сдержите слово?

— Никаких! Но у тебя нет выбора, не так ли?

— Я буду там,— сказал я как можно спокойнее и выключил видефон, не раньше, чем услышал, как Анжела выкрикнула мне за кадром: — Нет!

— Одежда уже высохла? — спросил я, сдергивая с себя рубашку и снимая сапоги.

— Вот-вот высохнет,— сказала Бэйз. Она и еще одна девушка держали фены над клизантским мундиром, который я выбрал для этого случая. Его насквозь промочили в химической ванне и теперь подвергли принудительной сушке.

— Достаточно! Мы не можем ждать больше.

Оставалось несколько влажных пятен, но это не имело значения. Внизу отеля нас ждал катер с громыхающим мотором. Пока что все шло хорошо. А на берегу стояла машина с доктором Мутфаком на заднем сидении, державшем черный чемоданчик на коленях и бурчащим что-то под нос.

— Не нравится мне это,— пробурчал он.— Это нарушение моего врачебного этического кодекса.

— Война — нарушение любого кодекса, этического или морально-го, уродство — против которого все средства хороши. Сделайте то, о чем я вас прошу.

— Я сделаю это, не может быть и речи, но человеку позволительно делать замечания по этической стороне совершаемого.

— Замечания делайте на здоровье, но наполняйте при этом шприц.

Мы припарковались на боковой улице. Октагон был за углом...

— Катализатор,— произнес я.— И не пролейте ни капли. Только подмышки, там, где влажность не заметят.

Я поднял обе руки и почувствовал теплоту жидкости из контейнера, а затем быстро опустил их, держа мокрую ткань между боками и предплечьями. Потом я вылез из машины и просунул мокрую руку в окошко. Игла воткнулась мне в кожу — дело сделано. Заворачивая за угол, я услышал, как отъехала машина.

Октагон вырисовывался передо мной, словно гора, небо позади него начало светлеть. Мы дотянули до самого предела. Впереди находился вход, тот, к которому меня направили. Около него стояло двое серых людей. У обоих имелись еще невынутые из кобур гауссовки. Они были очень самоуверенны. Я подошел к ним, и один из них застегнул на моем запястье поводковый браслет и провел меня через двери, мимо молчаливых часовых.

Поднимаясь по лестнице, я споткнулся и стал более внимательно смотреть под ноги. Инъекция начинала действовать. Я ничего не хотел говорить, а мои конвоиры по своей обычной моде не хотели этого никогда.

Они втолкнули меня в комнату. Там они вытащили свои пушки и наставили на меня, пока снимали браслет.

— Одежду долой,— приказал один из них.

Потребовалось усилие, чтобы не улыбнуться. Сбоку стоял флюороскоп и другое оборудование для проверки. Эти субъекты оставались верны шаблону, следуя той же схеме, той же рутине,

которую применяли, когда захватили меня в первый раз. Неужели они не понимали, что рутина была ловушкой и проигранной игрой?

Нет, не понимали. Я неловко стащил одежду и дал им вволю поработать над собой.

Они, конечно, ничего не нашли — искать-то было нечего. Или вернее была одна вещь, которую, как я надеялся, им не найти. Что и случилось.

Проверка медленно тащилась, и я не мог дождаться ее конца. В моей голове начал собираться туман от наркотика, я чувствовал себя завернутым в вату. Инъекция, должно быть, достигла пика своей формы, и скоро начнет ослабевать. То что необходимо сделать, должно быть сделано, пока наркотик действует максимально эффективно, иначе все проготования окажутся бесполезными.

— Надеть это, — велел деревяннотлицый конвоир и бросил мне знакомую прозрачную одежду. Я нагнулся поднять ее — и пришлось прятать улыбку, которую я не мог удержать. Сделано!

Они терпеливо ждали, пока я возился с робой. Я внимательно следил за пальцами, чтобы наверняка знать, что они выполняют свою задачу. Когда вокруг моей шеи застегнули ошейник, я чуть не испустил вздох облегчения.

Все шло почти точно по плану, плюс-минус пять секунд. Когда один из охранников взял пыточную коробку, я наклонил голову, следя за ногами, чтобы не споткнуться. Если это вызывало иллюзию подавленности, тем лучше. Мы прошли по широкому коридору мимо лестницы, и я мысленно отметил ее расположение, чтобы получить некоторое представление о расстоянии, отделяющем ее от цели нашего путешествия. Логова Края! Он ждал за письменным столом столь же терпеливо и безэмоционально, как и паук в паутине. Анжела сидела перед ним с подвешенной к потолку пыточной коробкой.

— С тобой все в порядке? — спросил я, проходя через дверь.

— Конечно. Ничего не случилось. Тебе не следовало бы приходить.

Как только я услышал это, я обратил внимание на Края, не забывая и про охранника, закрывающего за нами дверь.

— Теперь вы отпустите ее, не так ли?

— Конечно нет, в этом не было бы никакого преимущества, — выражение его лицо, когда он это говорил, ничуть не изменилось.

— Я и не думал, что вы отпустите. Вы можете сказать, как ее поймали?

— Ваша память содержала точное описание вашей жены, когда же мы обнаружили, что вашему побегу способствовали две женщины, то, естественно, предположили, что одной из них могла быть эта самая Анжела. Компьютер опознал ее, как только она вошла в здание.

— Мы сгупили, пойдя на такой риск, — сказал я, повернувшись лицом к ней, но смотря на охранника. От вот-вот готов был прицепить пыточную коробку к другому крюку на потолке — и, если он прицепит — мы в капкане.

Все, что я мог сделать — броситься на него.

— Остановите его! — крикнул Край, и охранник, глянув на меня, быстро нажал ряд красных кнопок на крышке.

Не стану притворяться, что это было приятное ощущение. Боль была достаточно сильна, чтобы разрывать мне желудок тошнотой и узлами завязывать мускулы. Я споткнулся и упал у ног охранника. Принятый мною наркотик блокировал большую часть боли, но не всю. Имелось, должно быть, еще несколько нервных троп, доступных для моторного контроля. Глаза мои наполнились слезами, и сквозь слезную плену я мог различить перед собой ботинок и ногу в форменной штанине. Плохо.

А затем рука охранника, когда он нагнулся, чтобы взять меня за шкуру. Я нанес хлесткий удар вытянутым средним пальцем и поцарапал кожу на его ладони. Он лишь вздрогнул и продолжал нагибаться, пока не упал рядом со мной, выронив коробку управления. Она упала так близко, что я смог дотянуться до нее и ударить по черной кнопке.

Боль прекратилась мгновенно. Я пополз и покатился, борясь с завязанными в узел мускулами, поднимаясь на ноги.

За несколько мгновений, прошедших с тех пор, как я напал на охранника, ситуация резко изменилась. Анжела лежала поперек стола Края, держась за ошейник и корчась от боли. Край стоял на коленях за столом и тянулся за пистолетом.

Я кинулся на него в тот момент, когда он его поднял. Мне не успеть. Я бросился слишком поздно. Он успеет выстрелить и тут-то и скажочке конец.

Но именно сейчас грянул отдаленный взрыв, пол вздыбился, с потолка посыпалась пыль и куски пластика, а освещение мигнуло. Край этого не ожидал, а я ждал этот жизненно важный момент, когда я скользнул по столу к нему и мой ноготь чиркнул его по коже.

Он выстрелил, но снаряд пропахал противоположную стену, потому что уже в момент выстрела он падал без сознания. Анжела, должно быть, напала на него, как только я напал на охранника. Повиснув на проводе, она вскинула ноги достаточно высоко, чтобы дать один хороший пинок Краю, скинувший его на пол. Он отомстил, схватившись за радиоуправление прежде, чем за пистолет, и этот маленький эксцесс садизма дал мне шанс добраться до него. Но Анжела теперь расплачивалась за это.

Я не мог смотреть на ее извивающееся тело, когда влез на стол рядом с ней. Перед креслом Края было много кнопок, но я не стал разбираться в них, а просто отцепил и отключил коробку.

Анжела открыла глаза и лежала не двигаясь, она просто смотрела на меня, пока я обшаривал ящики стола.

— Милый, ты несомненно гений! — слабо сказала она. Я нашел ключ и нагнулся, чтобы отомкнуть ее ошейник. — Как ты это сделал?

— Перехитрив их, вот и все. Они не нашли в моей одежде никакого оружия, потому что сама одежда была им. Ткань была пропитана тантуралином, превратившим ее в мощную взрывчатку. Я нанес на ткань жидкий катализатор под мышками, где тепло тела не давало ему реагировать. Пока я был в мундире, ничего не происходило, но как только они заставили меня снять его — как я был уверен, они

обязательно должны были это сделать — катализатор начал действовать, охлаждаясь, и когда он достиг критической точки...

— Бум и все взорвалось. Мой гений,— она притянула меня к себе, когда ошейник шелкнул, открывшись, и подарила мне жаркий и страстный поцелуй, на который я некоторое время отвечал тем же, пока не вспомнил, где мы находимся. Она не совсем твердо села и попыталась вставить ключ в мой ошейник.

— И у тебя, я полагаю, есть какое-то остроумное объяснение, как ты убил этих бесов?

— Они еще не мертвы, просто без сознания. Я заточил один ноготь, а затем смазал его Каланитом.

— Конечно! Он невидим глазу, и чтобы обнаружить хоть крошечный след его, необходим спектроанализ. Но его больше чем достаточно, чтобы привести оцарапанного в бессознательное состояние. Что дальше?

— Телефонный звонок, чтобы привести в действие вторую фазу операции, если взрыв не был слышен за пределами здания. Но у них есть прослушивающие устройства...

Прежде чем я успел закончить фразу, свет погас. Поскольку эта была темная комната, я заблудился и упал, потеряв контакт с реальностью.

— Ангела,— позвал я, сознавая хрипоту в своем голосе,— меня до бровей накачали наркотиками, отрубившими почти все болевые ощущения. Вот почему я смог справиться с охранником, несмотря на то, что он включил электрошоковую коробку. Но я совершенно онемел. Все, что я могу делать в темноте, так это слышать, тебе придется помочь.

— Что мне делать?

— Найди Края и приволоки его ко мне. Я намерен посмотреть, не сможем ли мы прихватить его с собой.

Она вытащила его из-за стола, не слишком мягко, судя по слышанным мной ударам, и помогла мне взвалить его на плечи.

— А теперь выведи нас отсюда. Тебе придется вести меня, потому что я совершенно не способен передвигаться в этой темноте. Перейди на другую сторону коридора, а потом налево, примерно сорок метров, пока не выйдешь к лестнице, а потом вниз до конца.

Ангела взяла меня за руку, и мы пошли. Я врезался во что-то, но это была не ее вина, поскольку у меня еще не имелось ни малейшего чувства осязания. По коридору следовать было легче и быстрее, ибо там она могла одной рукой касаться стенки. В отдалении были слышны голоса и два-три удовлетворительных вопля. Мой взрывчатый гардероб обеспечил неплохое отвлекающее действие, а в темноте это было вообще великолепно. Затем, как раз когда я поздравил себя с тем, как хорошо идут дела, замигал и зажегся свет.

Мы остановились, замерев и шурясь от яркого освещения, чувствуя себя актерами на сцене. По меньшей мере, дюжина зрителей.

Но все они игнорировали нас, увлеченные собственными бедами и едва осознавая присутствие друг друга. Толстый чиновник в мундире,

с ошалевшими от страха глазами налетел на нас, даже не заметив.

— К лестнице, быстро,— скомандовал я и припустил к ней с подпрыгивающим у меня на плечах Краем.

Конечно, это было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго. Аварийное освещение мигнуло и померкло до красноты, и готово было угаснуть совсем. Но шедший нам навстречу солдат имел достаточно времени, чтобы осмотреться и подумать, что же перед ним происходит. До него наконец дошло, что что-то не так, и вытащив гауссовку, он заорал:

— Стой!

Ангела держала пистолет наготове, раздался всего один выстрел, и солдат упал. Мы очутились на лестнице, и свет погас.

Маневрировать при спуске было трудновато, хотя некоторые ощущения стали возвращаться. Я в определенной степени уже мог нащупывать дорогу. Но один раз я уронил Края, и мы, немного посмеявшись, прокатили его вниз, а через мгновение я, споткнувшись, налетел на Ангелу и чуть было не сбросил нас вниз головой. После этого мы пошли осторожнее и пролетом ниже кто-то сказал:

— Мы ждем, чтобы вывести вас. Только стойте, не двигайтесь.

Это был девичий голос и к тому же говоривший не по-клизантски, иначе Ангела разнесла бы всю лестницу. Через мгновение чьи-то руки коснулись моей головы и надели на меня тяжелые очки. Я теперь смог все видеть в резком контрасте. Это были инфракрасные очки, а у поджидавшей нас девушки был переносной инфракрасный прожектор. Мы припустили бегом, а она вызвала кого-то по рации. У подножия лестницы нас ждала Бэйз.

— Мы расставили людей у все лестниц, чтобы не потерять вас. Теперь они возвращаются.

Они забрали у меня Края. Я не чувствовал ни боли, ни усталости, но по вибрации моих мускулов предчувствовал тяжкую боль — боль окончания действия наркотиков. Мы припустили быстрой рысью к открытой пасти служебного туннеля.

— Туда,— указала Бэйз,— на другом конце ждут машины.

Глава 19

Я стонал от каждого движения. Немного более глухо и театрально, чем следовало, но это отвлекало Ангелу от собственных неприятностей, заставляя ее чувствовать себя необходимой мне. Она квохтала, как наездка, добросовестно подкладывая под голову подушки, наливая мне утешающего и нарезая мне фрукты мелкими дольками.

Я надеялся, что эти обязанности жены не дадут ей вспомнить о пыточной коробке.

Воздух, проникавший в комнату, был теплым, а небо как всегда голубым.

— Были какие-нибудь потери? — спросил я.

— Никаких, о которых стоило бы говорить. Немного ожогов

и царапин и несколько легких ран среди авангарда. Все прошло точь-в-точь как ты и спланировал. Как только девушки услышали взрыв, они закоротили телефонные провода и устроили страшную путаницу на линии. Затем они прошли через туннель и вырубili аварийное освещение. Остальное ты знаешь, поскольку ты был достаточно любезен, чтобы не свалиться, пока мы не добрались до машины.

— Я был бы счастлив сделать это раньше, но меня не восхищала мысль, что меня поволокут по трубам амазонки. Бэйз, они, кажется, все еще невысокого мнения о мужчинах. Может быть, они сделают меня почетной девушкой?

— Давай посмотрим за тем, чтобы они ничего другого тебе не сделали. Недавно звонил доктор Мутфак и сказал, что с Краем уже можно поговорить.

— Тогда пошли. Я давно с нетерпением жду этого разговора.

Когда я вылез из постели, мои суставы затрещали и я почувствовал себя тысячелетним стариком. На мне были купальные принадлежности, как и на Анжеле. В роскошном отеле «Ринга» неофициальность была уставом. Это давало нам возможность нырнуть, спасая жизнь, если поблизости снова будут солдаты.

— Что произойдет, если появятся клизанты с проверкой? Есть план, как упрятать Края?

— Упрятать — самое подходящее слов. Поскольку он без сознания, его можно хранить в глубине одного из холодильников. Хорошая мысль, особенно если они забудут про него и оставят его там.

— Месть — потом, теперь — информация. Интересно, какие завораживающие факторы в нашем чужаке открыл доктор.

— Он не чужак, — настаивал доктор Мутфак. Пока я спал, он работал в маленькой, но полностью оснащенной лаборатории, являющейся частью мини-госпиталя отеля. — Я ручаюсь в этом своей репутацией.

— Единственная ваша репутация, которая мне известна, это репутация мозговжимателя, — сказал я. — Разве вы можете быть уверены?

— Я не потерплю, чтобы меня оскорбляли иностранцы! — закричал доктор, так вытянувшись в гнев, что макушка его головы почти дотянулась до моего плеча. — К оскорблениям со стороны женщин я привык, но от инопланетянина... Там, где вас породили, должно быть известно, что базисом всего медицинского образования является здоровая основа биологии и физиологии. Случилось так, что цитология мое хобби. Я мог бы показать вам клетки, которые заставили бы вас закричать от удивления, так что я знаю, о чем говорю! Клетки этого субъекта человеческие, так что он человек. Жизнеспособный «Гомо Сапиенс».

— Но отличия: такая чуждость, низкая температура тела, отсутствие эмоций и так далее...

— Все вполне в пределах царства человеческого и человеческой вариантности. Человечество очень адаптабельно, и поколения, выжившие в разной окружающей среде, производят приспособляющиеся

адаптации. В литературе приводятся гораздо более экзотические примеры, чем представляемый данным индивидуумом.

— Значит, роботом он тоже не может быть? — широко открыв глаза, невинно спросила Анжела и отскочила прочь, когда я протянул руку, чтобы схватить ее. Мои теории, кажется, держались не очень хорошо.

— Когда мы сможем поговорить с ним? — спросил я.

— Скоро, скоро.

— А можно спросить, что вы сделали, чтобы заставить его отвечать на вопросы?

— Хороший вопрос.— Мутфак огладил свою серебристую бороду на интерпретации таинств медицины для профана.

— Поскольку похоже, что именно этот человек является ответственным за вмешательство в работу вашего мозга, я не чувствовал того, что принято называть ответственностью врача перед пациентом, особенно когда пациент помог организовать вторжение на мою родную планету.

— Это хорошо с вашей стороны, док.

— Соответственно я не испытывал никаких колебаний, когда расстроил его нормальные мыслительные процессы для нашей, а не его, выгоды. Сделать это мне было нелегко. И я чувствую это таким же моральным преступлением, как и то, что было сделано с вами. Но ответственность за это я возьму на себя.

Мне помогло, что в момент доставки он был без сознания. Я всадил ложные воспоминания и вызвал регрессию по отношению к людям и эмоциям, вставив блоки памяти, и вообще сделал несколько ужасных вещей, за которые я буду нести крест до конца своих дней — крест ответственности.

Доктор Мутфак выглядел так, словно мог в любую секунду расплакаться, и я похлопал его по плечу.

— Вы, доктор, солдат на передовой линии фронта, делающий все для победы, и мы весьма уважаем вас за это.

— Ну, а я — нет, но беспокоиться об этом не стану сейчас, — он встряхнулся и снова стал человеком науки. — Через несколько минут я собираюсь вывести пациента из глубокого транса. На вид он будет проснувшимся, но его сознание не будет ориентироваться в окружающей обстановке. Его эмоции будут примерно как у ребенка двухлетнего возраста, желающего помочь. Помните об этом. Не нажимайте с вопросами и не ведите себя враждебно. Он от всей души будет стремиться помочь вам, но доступ к информации во многих случаях будет нелегко. Будьте снисходительны и перефразируйте вопрос. Не нажимайте слишком сильно. Вы готовы?

— Полагаю да, — сказал я, хотя с большим трудом мог представить Края в образе содействующего мальчика.

Мы с Анжелой промаршировали вслед за доктором в тускло освещенную палату госпиталя. Когда мы вошли, сидевший возле постели санитар встал. Мутфак наладил освещение таким образом, что большая его часть падала на Края. А затем сделал ему инъекцию.

— Это должно сработать очень быстро,— пояснил он.

Глаза Края были закрыты, лицо расслаблено и неподвижно. Его череп обматывали бинты, из-под которых тянулись провода к стоящей рядом машине.

— Проснись, Край, проснись,— негромко произнес доктор.

Лицо Края дрогнуло, щеки его дернулись, и глаза приоткрылись. На лице было выражение безмятежного спокойствия, а на губах след слабой улыбки.

— Как тебя зовут?

— Край,— он говорил тихо, мальчишечьим голосом. Не было и следа сопротивления.

— Откуда ты прибыл?

Он нахмурился, моргая и, глядя на меня, выдавливал какие-то звуки. Анжела наклонилась и, потрепав его дружески по руке, заговорила:

— Ты должен успокоиться, не торопись. Ты прибыл сюда с Клизанта, правильно?

— Правильно,— он кивнул и улыбнулся.

— А теперь подумай, у тебя же хорошая память, ты родился на Клизанте?

— Я — по-моему, нет. Я был там, доктор, долгое время, но родился не там. Я родился дома.

— Дома — это на другой планете, в ином мире?

— Правильно.

— Ты не мог бы сказать мне — на что похоже дома?

— На холод.

Когда он произнес это, его голос был таким же ледяным, как это слово, больше похожим на голос прежнего Края, и лицо его постепенно менялось, отражая мысли, эхом откликнувшиеся на его слова.

— Всегда холод. Ничего зеленого, ничего не растет, всегда холод. Приходится любить холод, а я никогда не любил, хотя мог ужиться с ним. Есть теплые планеты, и многие из нас уезжают на них. Но нас немного. Мы не очень-то часто видим друг друга, и я не думаю, что мы друг друга любим, да и с чего любить? В снеге, льде, холоде любить нечего. Мы ловим рыбу, вот и все, на снегу ничего не живет, вся жизнь в море. Я сунул однажды руку в море, но я не могу выжить в воде. Они же могут, и мы их едим. Есть и потеплее планеты.

— Вроде Клизанта? — спросил я так тихо, как Анжела. Он улыбнулся.

— Вроде Клизанта. Все время тепло, даже жарко, слишком жарко, но я не против этого. Странно видеть на суше иные существа, кроме людей. И много зелени.

— Как называется дом, холодный дом? — прошептал я.

Трансформация произошла сразу же. Край начал извиваться на койке, лицо его кривилось и искажалось гримасами, глаза широко раскрылись и уставились в одну точку. Доктор Мутфак кричал ему, чтобы он забыл вопрос и лежал спокойно, пытаясь в то же время всадить иглу в мечущуюся руку. Но было уже поздно. Реакция, пущен-

ная мной, продолжалась и лишь на миг в глазах Края появилось что-то разумное и ненависть, когда очнувшийся Край осознал, что происходит.

Но только на миг, мгновением спустя спина его выгнулась в безмолвном спазме и он рухнул, застывший и неподвижный.

— Умер,— объявил доктор Мутфак, посмотрев на показания приборов.

— Сессия была полезной,— заметила Анжела, подходя к окну и отдергивая шторы.— Время искупаться, если ты чувствуешь себя на это способным, дорогой. А потом нам придется придумать способ, как добыть доктору другого серого человека. Теперь, когда мы знаем, какую область нельзя затрагивать, мы можем заставить его протянуть побольше во время допроса.

— Я не могу! — отшатнулся доктор.— Только не это! Мы убили его! Я убил его! У него был имплантирован приказ, сопротивляться которому невозможно — умереть, но не выдать, где находится его планета. Это можно заложить — стремление к смерти. Я сейчас видел это. И больше не хочу!

— Нас воспитали по-разному, доктор,— спокойно и бесстрастно заметила Анжела.— Я застрелила бы тварь вроде Края в бою и не испытываю иных чувств из-за того, что его смерть произошла таким образом. Вы знаете, кто он и что он сделал.

Я ничего не сказал. Я был согласен с обоими. С Анжелой, выдавшей в Галактике джунгли с их законами, и с доктором, гуманитарием, выросшем в матриархате, стабильном и неизменном. Они оба были правы. Интересное животное — человек.

— Отдохните, док,— посоветовал я.— Примите одну из собственных пилюль. Вы были на ногах сутки, и это не могло пойти вам на пользу. Мы увидимся с вами, когда вы проснетесь, но прежде хорошенько отдохните.

Я взял Анжелу за руку и увел ее от печального маленького человека, уставившегося взглядом в пол.

— Ты ведь не чувствуешь сожаления по этой твари? — спросила Анжела. Выдавая мне свою озабоченность номер два, означавшую что-то вроде: «Я не ищу неприятностей, но если ты хочешь — ты их получишь».

— Я? На это мало шансов, любимая. Край — тот, кто недавно раскатал у меня в мозгу колючую проволоку и пытался то же самое проделать с тобой. Я только сожалею, что мы не смогли побольше выжать из него, прежде чем он нас покинул.

— Следующий расскажет больше. По крайней мере, мы теперь знаем, что твоя идея верна. Они вроде бы и не чужаки, но они и не уроженцы Клизанта. Если мы сможем искоренить их там, мы сможем остановить все это вторжение.

— Легче представить, чем достичь. Давай поплаваем, а поразмышляем над этим, когда вернемся — за выпивкой.

Вода расслабила мои мускулы и пробудила огромный голод и жажду. Я вызвал по радио прислугу и отдал распоряжения. Так что когда мы вышли из воды на берег, нас ждало мясо и пиво. Они едва

притупили остроту моего аппетита, но все же дали мне возможность вернуться в номер для более утонченного обеда.

Семь блюд: острый бурадский суп, прямо огонь, рыба, мясо и другие деликатесы, слишком многочисленные, чтобы упоминать их. Анжела немного поела и пригубила свой бокал, в то время как я расправился с большей частью еды. Насытившись, я со вздохом откинулся в кресле.

— Я думал, — сообщил я.

— Ты меня чуть не одурачил. Я-то думала, что ты лопал, как свинья в кормушке.

— Только побереги свой буколический юмор. Тяжелая ночная работа заслуживает хорошей дневной пищи. Клизант — вот наша проблема, или скорее серые люди, столь твердо контролирующие его экономику. Держу пари, что если мы сможем избавиться от них — у Клизанта не будет столь жгучего интереса к звездным завоеваниям.

— Это достаточно просто: программа спланированных убийств. Их не может быть слишком много. Край сам сказал об этом. Надо разделаться с ними. Я буду рада взяться за такое задание.

— О, нет, ты не возьмешься. Моя жена не станет наниматься в убийцы по контракту. Это не так просто — и физически, и морально. Серые люди могут организовать себе хорошую охрану. А это — цель оправдывает средства — политика банкротства. Ты видела, что случилось с доктором Мутфаком, когда он использовал средства, идущие вразрез с его моральными устоями. Мы с тобой, любовь моя, сделаны из материала пожестче, но все же и на нас действует, если мы займемся резней...

Она побелела, и я пожалел, что сказал ей об этом. Я взял ее за руку.

— Я не хотел говорить в таком смысле, я говорил не о прошлом.

— Я знаю, но все равно это разворошило нездоровые воспоминания. Давай забудем об убийствах. Что еще можно сделать?

— Множество вещей. Я уверен, что есть способ развалить постоянно расширяющуюся клизантскую империю.

Анжела поднесла к губам бокал, и на ее лбу появилась очаровательная морщинка.

— Что насчет организации контрреволюций и мятежей на завоеванных планетах? — предложила она. — Если мы займем клизантцев бойнями на только что завоеванных планетах, они не очень-то смогут расширять свои владения.

— Тут ты близко подходишь к нужной идее, но все же не совсем в точку. Мы не можем многого ожидать от движения сопротивления на этих планетах, если пример Бурады вообще что-то показывает. Ты слышала, что говорила Бэйз — бои затихают из-за террора. Если убиваешь одного из них, они режут в ответ двадцать бурадцев.

Этот народ после многих поколений мира психологически не способен вести партизанскую войну. Я даже сомневаюсь, стали бы клизантцы так злобно реагировать, если бы их не принуждали серые люди, все организующие и всем распоряжающиеся. Солдаты просто выполняют приказы, а выполнение приказов всегда было силой

клизантцев. Мы никогда не остановим этих людей, пытаюсь разжечь за их спиной мелкие бунты. Но ты права, насчет причинения им хлопот на разных планетах... Вся клизантская экономика и культура построены на непрерывающейся войне. Это похоже на какую-то безумную форму жизни, которая должна продолжаться, развиваться или умереть. Сам по себе Клизант не может построить и снабжать свои флоты, а должен полагаться на завоеванные планеты. Эти планеты находятся под абсолютным контролем Клизанта, так что они принимают заказы и выдают продукцию, и вторжение катится дальше и никто не может остановить это наступление.

— Желала бы я, чтобы клизантские завоевания были той безумной формой жизни, о которой ты говоришь. Какой-нибудь зеленой уродливой порослью. Мы могли бы вырвать ее с корнем, оборвать побеги...— Она разломила пополам мягкую булочку, чтобы продемонстрировать мне, что она имела в виду, а потом куснула ее.

Когда она снова начала говорить, я понял, что необходимо подумать.

— Стоп! — приказал я. — Ничего не говори. Я думаю. Я что-то вижу, оно почти тут.

Затем я принялся рассказывать по номеру, складывая два и два, получая четыре, прибавляя четыре и получая восемь и решая равноискусные проблемы математики и логики. Стало ясно. Все ясно, все части стали на свои места, а я рухнул в кресло и схватился за стакан.

— Я гений! — заявил я.

— Знаю. Именно поэтому я и вышла за тебя. Физически ты очень непривлекателен.

— Скоро ты будешь извиняться за это, женщина, а теперь выпьем за мой план и победу.

Мы чокнулись и выпили.

— Какой план?

— Пока еще не могу сказать, за исключением того факта, что ты будешь насмехаться, он еще не детализирован. Но он будет разрабатываться. Как ты думаешь, серые люди объявили о похищении Края?

— Сомневаюсь. Мы ничего не слышали по подслушиваемой нами командной сети. И я уверена, что это не та новость, о которой бы они хотели уведомить рядовых клизантцев.

— Так я и думал. Добавь к этому эгоцентричное отношение у них друг к другу. Я намерен сыграть на том факте, что не было широко-масштабного оповещения о Крае.

— Как?

— Доставая грим и оборудование для пластической операции. Я намерен попасть на военную базу в облики Края. Мне надо сделать там несколько важных вещей.

Она было начала протестовать, но я поднял палец, и она замолчала. Точно так же, как и я, когда она отправилась в Октагон. Ей нечего было сказать, и она это знала.

Она отправилась за требуемым оборудованием.

Мне требовался клизантский паспорт, и я добыл его самым простым из всех возможных способов — у врага. Поскольку я был не удовлетворен проделанной нами гримерной работой, то решил начать операцию в темноте, когда тусклое освещение поможет обману.

Одетый в мундир Края и неся свой собственный чемоданчик, я отправился с Гамалем к Октагону. Гамаль был членом вспомогательных полицейских сил, мужчиной то есть, поскольку большую часть вооруженных сил составляли женщины. Я бы предпочел одну из девушек — они казались более уверенными в себе, но в это время на планете находились клизантские войска, состоящие только из мужчин. Кучка клизантских женщин оставалась вне поля зрения.

Гамаль выглядел немного нервным, и мне не понравилось, как он выкатывал глаза, но приходилось довольствоваться им.

— Ты понял свою роль? — спросил я его, толкая в тень входа глубокого парадного.

— Да, сэр, разумеется, понял.

Не стучат ли у него зубы? Трудно сказать. На всякий случай я вынул пузырек, данный мне доктором Мутфаком для применения в случае крайней необходимости.

— Прими две таблетки, прожуй и проглоти. Это пилюли счастья, они должны поднять твой боевой дух, не отправляя плясать по улицам.

— Я не...

— Теперь ты да. Принимай.

Он принял, и я шмыгнул к Октагону, держась в тени и осторожно выглядывая за угол, прежде чем начать свою игру. Даже в столь поздний час в здание въезжали и выезжали машины. Но мне это не поможет.

Наконец подъехала маленькая машина, выбросила двух офицеров, а затем двинулась в моем направлении. Все системы работают нормально. Я вышел на улицу перед ней и взмахнул рукой, она, взвизгнув тормозами, остановилась, почти задев меня передним бампером. Водитель выглядел испуганным, и я постарался удержать его в таком состоянии.

— Вы всегда так ездите?

— Нет, сэр, но...

— Приберегите свои извинения, они меня не интересуют, — я влез в машину и уселся рядом с ним, пока он продолжал разевать рот. — Поезжайте дальше, я скажу вам, куда направляться.

— Сэр, эта машина, я хочу сказать, что...

Единственный холодный краевский взгляд заставил его завянуть, словно цветок на морозе, и он рванул машину вперед.

Как только мы выехали из поля зрения Октагона, я приказал ему остановиться и раздавил у него под носом сонную капсулу. Я был уверен, что отдых ему не помешает. А затем отвез его к месту, где ждал Гамаль. Он вскрыл дверь на стационарный склад, и мы отнесли туда клизантского солдата. После капсулы он проспит до утра, и пока

Гамаль переодевался в его форму, я удобно разложил у него под головой и ногами пачки бумаги.

— Ты знаешь, как водить эту машину? — спросил я.

— Должен бы, это одна из наших машин, они украли ее и нарисовали на ней свой грязный флаг.

— Вновь отбитый военный трофей. А теперь отвези меня в космопорт. И не останавливайся в воротах, просто притормози и продолжай катить. Все это блеф, так что держи нос кверху и постарайся не выглядеть таким напуганным. Будь мужчиной.

— Я и есть мужчина, — простонал он, — но это женское дело. Я не понимаю, как я вообще дал уговорить себя на это.

— Заткнись и езжай, и прими еще пару пилюль.

Космопорт был перед нами, и я больше беспокоился о своем водителе, чем о ком-нибудь там. Я видел, как они убирались с дороги Края. Предполагалось, что все они знали Края, и теперь я подвергал эту теорию проверке. Часовые вытянулись по стойке смирно, когда мы появились, а сержант начал что-то говорить, но я перебил его.

— Держитесь подальше от этого телефона. Я хочу поговорить с некоторыми людьми, и не хочу, чтобы вы предупредили их. Вы знаете, что с вами будем, еслислушаетесь?

Мне пришлось почти выкрикнуть последнее слово, поскольку Гамаль притормозил недостаточно и мы мчались мимо часовых. Но они наверняка расслышали, потому что не сделали никакой попытки приблизиться к своему телефону. Первый шаг.

— Я не могу этого сделать! — вдруг зарыдал Гамаль и завертел руль машины, пока мы не направились обратно к воротам. — Я еду домой. Я никогда не чувствовал призвания к этой работе в полиции, это все идеи моей матери, которая хотела дочку и сделала из меня девчоночницу. А я хотел быть простым домохозяином, как мой отец...

Ворота надвигались с огромной скоростью, и я выругавшись раздавил у него перед носом сонную капсулу и резко перехватил руль. Я вел машину одной рукой, и, сделав еще один поворот, мы унеслись в ночь. Я заколебался, прикидывая, что подумают часовые об увиденном. Борясь с управлением, я успел завести машину за один из ангаров, прежде чем нога Гамалья соскользнула с педали и мотор заглох.

На заднем сидении машины были какие-то ящики и узел армейского белья. Я вынул все, кроме одеял, которыми укрыл спящего на полу Гамалья.

Наверное, мне следовало застрелить его или просто выбросить. Но это же была не его вина, что он родился низким мужчиной при матриархате. Пока никто не приближался к машине, мы были в безопасности. Но к машине Края никто не проявлял интереса. Я подъехал к большому грузовику-транспортнику и припарковался подальше от входных огней. Теперь второй шаг.

— Вы знаете, кто я? — спросил я у старшины, стоящего у трапа. Мой голос был холодным и пустым.

— Да, сэр, знаю. — Он стоял по стойке смирно, уставясь перед собой.

— Отлично, тогда передайте старшему механику, чтобы он встретил меня на палубе «А».

— Его нет на борту, сэр.

— Я сделаю пометку о нарушении воинского долга, и вы сообщите ему, когда он вернется. Давайте тогда его помощника.

Я прошел мимо него, не удостоив даже лишним взглядом, и он прыгнул к телефону. К тому времени, когда я добрался до палубы «А», меня там ждал механик в промасленном комбинезоне, нервно вытирая руки тряпкой.

— Извините, мы разбираем один из генераторов...— голос его иссяк и выдохся, когда я прожег его взглядом.

— Я знаю, что у вас неполадки, именно поэтому я и нахожусь здесь. Отведите меня в машинное отделение.

Он поспешил туда, я же, тяжело топая, последовал за ним. Это пройдет даже легче, чем я думал. Трое побелевших рядовых оторвали взгляды от внутренностей генератора, когда мы вошли.

— Выставьте их отсюда,— велел я, и мне не пришлось повторять.

Я посмотрел на вскрытый генератор и мудро кивнул, словно понимая, что там ремонтируют. Обойдя отделение, я остановился возле генератора двигателя искривления и посмотрел на заводскую марку, покрытую непонятными символами.

— Почему вы используете эту модель?

Я еще не видел механика, не могущего сказать что-нибудь о каждом механизме, находящемся под его опекой, и этот не был исключением.

— Мы знаем, что это устаревшая модель, сэр. Но замена не прибыла вовремя, чтобы можно было установить и сбалансировать до полета.

— Принесите мне техсправочник.

Как только он повернулся ко мне спиной, я сжал ручку чемодана и на руку мне упала бомба. Я установил ее на сорок минут, взвел и активировал клейкие молекулы в ее основе. Затем я затолкал ее под толстую станину генератора искривления, где ее нельзя было заметить.

Быстро пролистав принесенный справочник и многозначительно похмыкав над некоторыми страницами, я вернул его обратно. Я чувствовал стыд, потому что работа оказалась такой легкой.

— Позаботьтесь, чтобы работа была сделана быстро,— велел я уходя, не уточняя, но получил горячие заверения, что так и будет сделано.

Я повторил свой маневр в другом корабле. Как раз к тому времени, когда я понял, что корабль мне чем-то знаком, по трапу спустился Остров и повернулся лицом ко мне.

Это внезапное столкновение поразило меня так же, как и его. Но его голос изменился, глаза выпучились, и он встал на мертвый якорь, тогда как я, будучи в роли Края, только холодно уставился на него. Узнает ли он меня? Я жил с ним в одной комнате и пил из одной бутылки. Личина Края была хороша, но можно ли быть уверенным, что она выдержит изучение тем, кто хорошо меня знает.

— Ну? — прошептал я, наконец, когда он не проявил намерения ни

говорить, ни двигаться, а только смотрел на меня преданным взглядом.

— Извините, сэр, вы застали меня врасплох. Я не ожидал увидеть вас здесь, если вы понимаете, что я имею в виду,— он начал потеть, а я хранил молчание.— Ваш голос...— произнес он наконец.

— Что-нибудь случилось?

Конечно, случилось. Я знал, что не могу заставить свой голос звучать, как у настоящего Края для того, кто совсем недавно говорил с ним, как с Васькой. Я знал, что один шепот очень сильно похож на другой, но ему об этом я не сказал.

— Рана,— прохрипел я.— В конце концов идет война, и некоторые из нас сражаются в ней.

— Да, конечно, я понимаю.

Я проследовал дальше, но он окликнул меня, и я с холодным нетерпением снова повернулся к нему.

— Извините за беспокойство, сэр. Я просто хотел узнать, не слышали ли вы что-нибудь о местонахождении Васьки...

— Это не настоящее имя. Он — шпион. Вы ведь не пытаетесь завести знакомство со шпионом?

Остров покраснел, но продолжал:

— Нет, конечно, нет, он, разумеется, шпион. Но мы одно время были друзьями и он тогда был неплохим человеком. Я просто интересуюсь.

— Интересоваться буду я, а вы занимайтесь пилотажем.

После этих чисто краевских слов я потопал на корабль. Остров удивил меня этим противостоянием Краю, где-то внутри его алкогольной шкуры боролось за освобождение человеческое существо.

Положить эту бомбу оказалось так же легко, как и первую. Передвигаясь на машине, я успел заминировать семь кораблей, когда взрыв первой мины застал меня в машинном зале восьмого.

— Что это? — спросил я, услышав отдаленные стенания сирены.

— Понятия не имею,— ответил пожилой механик и снова показал на двигатель.— Это импульсные трубки, второсортные и дрянные, а новые я достать не сумел...

— Я не интендант,— прорычал я.— Идите и узнайте, что случилось.

Пока его не было, я установил мину на три минуты и спрятал ее под станину.

— Что там? — спросил я, встречая его наверху у трапа.

— Взрыв на одном из кораблей, сэр. В машинном отделении.

— Где? Я должен посмотреть на это!

Я выкрикнул эти слова, уже сбегая с трапа. Теперь почти все мины должны рвануть и посыплются доклады. Во время первоначального замешательства я должен покинуть космопорт. Потому что они достаточно быстро сопоставят данные и обнаружат, что взрывы произошли на тех кораблях, где побывал Край. Края вряд ли сразу заподозрят, но начальство наверняка захочет поговорить с ним, вот этого мне и следовало избежать. Подойдя к своей машине, я увидел двух стоящих рядом с ней полицейских.

— Конечно, что вы здесь делаете?

— Мы увидели этого человека спящим на заднем сидении и разговаривающего с самим собой, мы подумали, что он пьян, пока не услышали, что он говорит на иностранном языке, похожем на тот, на котором говорят на этой планете. Вы знаете, кто он?

Я не колебался — это война и солдаты гибнут по множеству причин.

Мой голос проник в одурманенный мозг Гамала, потому что он поднял голову, как ни слабы у него нервы, но здоров он был как бык, раз смог двигаться после такого количества газа. Он вздохнул, затем он схватился за меня и закричал:

— Вы должны помочь мне! Увезите меня отсюда, они убьют меня! Это вообще была ошибка привозить меня сюда.

— Что он говорит? — спросил один из полицейских.

— Понятия не имею, хотя начинаю подозревать, что он может быть шпионом, вызвавшим диверсию в машинном отделении. Посадите его на заднее сиденье и езжайте со мной. Я знаю, как заставить его говорить членораздельно.

Поставив первую передачу, я отправился к выходу с космопорта. Но стоящий у ворот офицер поднял руку, и я вынужден был затормозить, чтобы не сбить его.

— Вы не можете выехать, база закрыта. — Он был холодноглазым, твердолицым и злым. Так же как и я.

— Я уезжаю. Приберегите свои силы и приказы для других.

— Мне приказано закрыть ворота для всех без исключения.

— У меня пленный, который может быть диверсантом, и двое охраняющих его. Ваше профессиональное рвение похвально, капитан, но вы должны знать, что я тот, кто отдает приказы, а не подчиняется им.

— Вы не можете уехать.

Был ли он упрям до грани сумасшествия или у него имелся специальный приказ насчет меня? У меня не было времени выяснять это.

Увидев в окно, как один из солдат разговаривает по телефону, поглядывая на меня, я вытащил пистолет и направил его на капитана.

— С дороги, или я застрелю вас, — сказал я как можно более скудно.

Он потянулся за своим пистолетом, а потом остановился. Еще миг он колебался, и я увидел в его глазах обыкновенный страх. Затем он неохотно отошел в сторону и я бросил машину вперед. Я мельком увидел солдата, выбежавшего из караулки и кричащего что-то в сторону удаляющейся машины.

После этого я не оглядывался но в зеркальце заднего обзора видел, как перешептывались полицейские, сидящие сзади. Я не мог рисковать.

Как только мы завернули, я бросил назад газовую гранату и остановился лишь затем, чтобы выгрузить не обочину свою пару спящих красавцев.

Гамаль теперь спал крепко, и я испытывал то же желание. Я широко зевнул и, следуя по боковой дороге, направился к дому.

Глава 21

— Объясните, ди Гриз, и пусть это объяснение будет понятным...

Инский находился в своем обычном очаровательном настроении и рассказывал по салону космического корабля.

— Сначала скажите, как там дети, мои сыновья, никогда не виданные своим отцом, как они там?

— Да, как им там живется? — спросила Анжела, удобно устраиваясь в одном из кресел. Инский зашипел, но вынужден был ответить.

— Прекрасно, набирают вес, много жрут, точь-в-точь как их отец. Вы их скоро увидите. А теперь хватит об этом. Я пролетел не знаю уж сколько световых лет, чтобы проконтролировать эту операцию, потому что, по-моему, она полностью остановилась. И что я вижу? Двое моих агентов решили, что с них хватит и встречают меня здесь, на орбите — хотя названная планета крошится под железной пятой Клизанта. Объясните.

— Мы победили.

— Мне не до шуток, ди Гриз, я могу расстрелять вас.

— Вы меня и пальцем не тронете, вы слишком много вложили в мою шкуру. И я говорю серьезно. Мы победили. Бурада, крошащаяся под железной пятой, этого еще не знает. Клизантские крошители тоже этого еще не знают. Только немногие избранные знают это.

— Я не принадлежу к этому счастливому числу. Говорите яснее.

— Требуется демонстрация. Анжела, милая, у тебя наша маленькая игрушка.

Она открыла ящик рядом со своим креслом и вручила мне Штуку. Она была гладкая, черная и не больше моей ладони. Внизу и на каждом ее конце имелись маленькие отверстия, а на одном из концов имелось еще и скопление крошечных линз. Я протянул ее Инскому, который подозрительно смотрел на меня.

— Вы знаете, что это такое? — осведомился я.

— Нет. И не могу сказать, что по-настоящему стремлюсь узнать.

— Это надгробный камень на могиле всех экспансионистских амбиций Клизанта. Какого типа судно, на котором мы находимся?

— Легкий эсминец класса «Гнешер». А какое это имеет значение?

— Терпение — и вы поймете.

Я взял у Анжелы коробочку дистанционного управления и вставил конец выступающего штыря на ней в соответствующее место в Штуке. Затем я выстукал на клавиатуре серийный номер для эсминцев класса «Гнешер». Все еще не отсоединяя коробочки, я отнес Штуку к выходу из салона, где мы могли видеть объемистый диск главного входа. Анжела последовала за мной, ведя протестующего Инского.

— Вы должны представить себе, что этот корабль стоит на планете и шлюз открыт. Рано или поздно они вынуждены будут сделать это. Штука будет ждать.

Так же как и оператор, наблюдающий за этим с расстояния в три километра. Шлюз открывается, и оператор активизирует Штуку. Она летит прямо к открытому шлюзу, пролетает его и...

Я нажал кнопку «пуск». Завизжали крохотные реактивные двигатели, и она рванулась из рук, словно страстное калибри прямо по коридору к корме.

— За ней! — крикнул я и возглавил погоню, дунув во все лопатки.

Мы настигли ее двумя этажами ниже, где ее ненадолго остановила запертая дверь. Но термитная пила в носу Штуки прожгла маленькое отверстие, и она снова газанула.

Когда мы добрались до машинного отделения, она уже почти прогрызла себе путь через дверь потолще и оказалась там одновременно с нами. Она сделала круг по помещению, такая маленькая и быстрая, что за ней невозможно было уследить, а затем подлетела прямо к генератору двигателя искривления, где и взорвалась, оставив после себя облако черного дыма.

— Безвредный пороховой заряд, — пояснил я, — заменяется в полевых условиях мощной взрывчаткой, более чем достаточной, чтобы разрушить генератор, но не причинить больше никакого вреда. Гуманное оружие, в самом деле.

— Вы — сумасшедший.

— Только для Клизанта и людей, продолжающих эту войну, если мы теперь поднимемся наверх, то за выпивкой я расскажу, как она будет остановлена.

Удобно устроившись и охладив глотку, я объяснил:

— Я лично покончил с генераторами на восьми кораблях, просто чтобы посмотреть, как это получается. Никаких проблем с планировкой корабля. Клизанские корабли еще более одинаковы, чем другие, потому что они любят однообразие, что делает нашу работу еще более легкой.

Штука спланирована выполнять эту работу. Оператор Штуки может спокойно сидеть за пределами космопорта, наблюдая в мощный бинокль за клизантскими кораблями. Когда открывается шлюз, Штука наносит удар.

Оператор должен всего лишь ввести тип корабля, нацелить ее и отправить в дело. У Штуки имеется банк памяти на молекулярном уровне и компьютерные цепи. Не останавливаясь ни перед чем, она проникает в машинное отделение корабля и уничтожает генератор. Конец клизантского вторжения.

— Конец одного генератора, — с презрением в голосе сказал Инскин. — Они закажут другие, вот и все дела.

— А вот и нет. Генераторы очень сложны в изготовлении. Очень мало заводов выпускает их, большинство планет закупает генераторы. Я уверен, что на Клизанте по меньшей мере один завод, но его можно найти и уничтожить из космоса.

— Так они получают генераторы со склада.

— Есть предел и складским запасам, и они очень скоро опустеют. Потому что мы отправим агентов на все планеты, где сейчас властвует Клизант, и они взорвут все генераторы двигателей искривления.

Нам не придется и близко подходить к столичной планете. Будут уничтожены двигатели всех кораблей в районе, контролируемом Клизантом. И они не смогут получить их где-нибудь за пределами

района, потому что такое эмбарго Корпус и сотрудничающие с ним планеты легко могут обеспечить. Конец империи.

— Как?

— Подумайте, Инскин, подумайте. Возраст не мог так сильно иссушить вашу мозговую оболочку, как вашу кожу. Ключ мне дала Анжела. Клизантцы должны продолжать экспансию или погибнуть. У них не хватает продовольствия на своей единственной планете для ведения такого рода войны. Поэтому они завоевывают планету, заставляют ее работать на себя, а затем восстанавливают свои лучшие силы и снова идут за новыми владениями. Да только вот больше не пойдут. У них все еще будут их планеты и материалы, но что от них толку, если их нельзя отправить туда, где они нужны? Экспансию придется прекратить, а когда кораблей останется совсем мало, они вынуждены будут отходить. Все дальше и дальше, пока не окажутся на своей родной планете, вот тут-то и делу конец.

Любая обособленная планета в состоянии прокормить себя. Но империя не может жить с перерезанными торговыми артериями. Я даю им не больше года, а потом Клизант станет еще одной захудалой планетой с массой людей в мундирах и без работы. Когда же все будет кончено, можно будет снова начать нормальную жизнь и торговлю. От силы год. Что вы думаете?

— Я думаю, что ты снова преуспел, мой мальчик, но я так и знал.

Он просиял, а я заговорщицки подмигнул Анжеле, мы подняли бокалы в тосте за него.

Глава 22

Мы стояли в шлюзе и ожидали высадки с корабля, когда прибежал один из экономов и вручил мне псиграмму. Анжела бросила на нее испепеляющий взгляд.

— Порви ее,— предложила она,— если это от поганца Инскина, отменяющего единственный нормальный отпуск, что мы когда-либо получали...

— Успокойся,— ответил я, быстро проглядев депешу.— Нашему отпуску ничего не грозит. Это от Бэйз...

— Если это грудастая нахалка все еще преследует тебя, то у нее будут неприятности.

— Не бойся, любовь моя. Связь чисто политического характера. Результаты первых выборов, устроенных после клизантского отступления. Мужскую партию консолосук вывели из правительства, и девушки вернулись к рулю. Бэйз назначена военным министром, так что я думаю, что будущее вторжение пройдет не так легко, как последнее. Далее псиграмма гласит, что мы оба награждены орденами «Голубых Гор» первого класса, и когда мы в следующий раз посетим Бураду, будет большая церемония с вручением орденов.

— Смотри, только не вздумай отправиться туда один, Скользкий Джим.

Я вздохнул, когда массивный люк космического корабля открылся и вместе со свежим воздухом в шлюз влетели бравурные звуки военного оркестра. На ясном небе, среди белых пуфиков облаков вертолеты тянули транспарант с надписью:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

— Очень мило,— заметил я.

— Уг-гу,— сказал Боливар или что-то вроде этого, или это сказал Джеймс? Их было очень трудно различить, а Анжела крайне холодно отнеслась к моему предложению написать «Д» на одном лобике и «Б» на другом. Временно.

Она склонилась над их крошечными фигурками в роботоколяске, поправляя одеяло и делая другие несущественные материнские вещи. Да только я-то знал, что она носит пистолет на поясе и держит нож в пеленках. У моей Анжелы материнские чувства, как у тигрицы: она заботится о своих детенышах, но и когти держит острыми, просто на всякий случай. Жаль бедного похитителя, который попытается умыкнуть наших деток!

— Это улучшение, по сравнению с обычным грохочущим эскалатором,— сказал я, показывая на платформу снаружи.

Верфь для ремонта кораблей блестела, надраенная и украшенная флагами, превращенная в пассажирский лифт. На ней были не только все прилетевшие, но и военный оркестр, развлекавшийся как мог. Мы сошли на платформу, и роботоколяска скатилась следом за нами. Джеймс или Боливар попытался выброситься через край, но щупальце толкнуло его обратно на подушки.

— Выглядит не так уж и плохо,— сказала Анжела, осматриваясь вокруг.— Не понимаю, на что ты жаловался?

— Когда я был здесь в последний раз, прием был несколько иным. Разве это не приятное зрелище?

Я показал на ряды военных кораблей, по бокам которых тянулись видимые даже отсюда следы ржавчины.

— Очень мило,— не глядя ответила она, укутывая ребенка, за которым и так уж хорошо присматривала роботоколяска. Подобно всем новоявленным отцам, я немного ревновал ее к детям и с нетерпением ждал следующего задания, когда я снова окажусь в фокусе ее внимания.

Я привык к брачным узам, и несмотря на свою врожденную тягу к свободе, начал наслаждаться ими.

— Разве это не опасно? — спросила Анжела, когда мы спустились на землю и двойной ряд солдат почетного караула вытянулся по стойке смирно с грохотом и лязгом. Их было не меньше тысячи, и все вооружены гауссовками.

— Оружие было сделано небоеспособным. Это было частью соглашения.

— Но можем ли мы доверять им?

— Абсолютно. Единственное, что они знают — выполнять приказы. Я тебе покажу,— добавил я и подвел ее к ближайшему солдату,

роботоколяска покатила за нами.— Оружие к осмотру! — рявкнул в своей лучшей плац-парадной манере.

Он четко бросил оружие на руку и с двойным клацаньем открыл затвор. Я выхватил его и заглянул в казенник. Без единого пятнышка. Посмотрев через ствол, я увидел только непроницаемую черноту.

— Что-то там забило ствол?

— Да, сэр, приказ, сэр.

— Какой именно?

— Свинец, сэр. Сам расплавил и влил его.

— Великолепное оружие. Носи его, солдат,— я швырнул ему винтовку, и он поймал ее и очень эффектно закрыл затвор. В нем было что-то очень знакомое.

— Я знаю вас, солдат?

— Наверное, сэр. Я служил на многих планетах. Одно время я был полковником.

Когда он сказал это, в его глазах появился отдаленный блеск, но он быстро растаял. Я не узнал его без бороды. Он был офицером, приставленным ко мне Краем и пытавшимся убить меня, когда мы высадились на Бураре.

— Я знал этого человека — офицер высокого ранга,— объяснил я Анжеле, когда мы прошли дальше.

— Теперь у него мало шансов на такую работу. Ему надо держаться за теперешнюю. Просто изумительно, но они все хорошо воспринимают это.

— У них нет выбора. Когда рухнула империя, они вернулись на Клизант и обнаружили, что сырьевая база истощена, а они даже не заметили этого. Так что им пришлось заняться земледелием.

Как я понял, сельское хозяйство переживает сейчас период буйного подъема, а серые люди исчезли... Инскин отправил агентов и обнаружил, что все они упаковались и уехали. Я полагаю, устраивать неприятности в другой части Галактики. В один прекрасный день нам придется проследить их до родной планеты.

— Мерзавцы. Вот где от планетоуничтожающей бомбы была бы хоть какая-то польза.

— Только не при детях,— сказал я, потрепав ее по щеке,— ты ведь не хочешь, чтобы они получили неверное представление о своей матери.

— Они получают верное. Но все-таки я подозрительно отношусь к этим экс-воjakам.

— Не нужно. После развала мы поместили сюда политических агентов, отдающих приказы, а выполнять приказы — единственное, что они умеют. Учитывая обстоятельства, они еще очень легко отделались.

Все еще не убежденная, Анжела фыркнула.

— Хотела бы я знать, какой это умник придумал туристический бизнес и предложил, чтобы мы отправились первым же кораблем?

— Я! Виноват в обоих случаях. И не смотри на меня кинжальным взглядом. Им требуется хоть какое-то занятие и приток валюты, а туризм — это единственное, что может организовать планета без собственных сырьевых ресурсов. У них есть пляжи, лыжные базы

и тому подобное, плюс жуткая привлекательность для некоторых ранее поработанных ими народов. Это работает, ты только подожди и сама увидишь.

Орда портые в мундирах столкнулась из-за нашего багажа, а затем пошла вперед с чемоданами к наземному транспорту.

По старой памяти я зарегистрировался в отеле «Злато-Злато», к тому же он оставался самым роскошным отелем в городе.

Манеры швейцара были лучше, чем в прошлый раз, а дежурный администратор даже поклонился, когда мы вошли.

— Добро пожаловать на Клизонт, генерал и госпожа ди Гриз и сыновья. Да будет ваше пребывание счастливым.

Путешествовать с титулом всегда приятно, а на Клизанте и подавно. Я оглядел фойе, а затем посмотрел на администратора.

— Остров! Ты ли это?

Он снова поклонился.

— Я действительно, Остров, сэр, но боюсь, что вы знаете меня лучше, чем я вас.

— Извини. Нельзя ожидать, чтобы ты сразу узнал меня с моим собственным лицом. Когда ты последний раз видел меня, ты думал, что я тварь по имени Край, а до этого ты знал меня как Ваську Хуля.

— Васька — не может быть! Да, я верю, конечно. — Его голос упал до шепота. — Теперь, надеюсь, вы примите, хотя и с некоторым опозданием, мои извинения. Я никогда не чувствовал себя хорошо, помогая Краю схватить вас. Даже, хотя я был без сознания полтора дня, я все равно был счастлив, когда вы сбежали. Я знал, что вы были шпионом и все такое, но...

— Не надо больше говорить. Вопрос закрыт. Я предпочитаю думать о тебе как о собутыльнике и компаньоне.

— Очень мило. Вы не окажите мне честь пожать руку?

Мы обменялись рукопожатиями, и я с любопытством посмотрел на него.

— Ты изменился к лучшему: прибавил в весе, отшлифовал манеры.

— Бросил пить, так что теперь приходится следить за диетой, и мне больше не надо беспокоиться о полетах и этих поганных космических кораблях! В моей семье всегда были работники отелей, семейная традиция и все такое прочее. Пока меня не поймал призыв. Приятно вернуться к делу, которое ты знаешь, причем на хорошую должность. Сейчас дефицит в квалифицированных служащих отелей. Распишитесь вот здесь.

Он вручил мне ручку и продолжал тем же нейтральным тоном, только значительно тише.

— Надеюсь, вы простите мои слова, но ситуация чрезвычайная, поэтому не подпрыгивайте и не оглядывайтесь. Но здесь, с тех пор как мы открылись, остановился один человек, как я считают, из людей Края, и он запугал всех моих служащих. До этой минуты я не знал, что ему надо. Но теперь я считаю, что он охотится за вами и надеюсь, что вы вооружены. Он подходит справа, сзади вас. Одет в темно-фиолетовый пиджак и желтую шляпу в полоску.

У меня был отпуск, и я был безоружен, в первый раз за многие годы. Я мысленно поклялся, что это в последний раз. Затем я вспомнил про Анжелу и увидел, что она снова склонилась над роботоколяской.

— Я не хочу тебя беспокоить, дорогая,— произнес я, чувствуя, как мурашки забегали по коже,— но подходящий сзади человек — убийца. Ты не могла бы что-нибудь предпринять и, если можно, оставить его в живых?

— Как мило, что ты просишь! — засмеялась она, похлопав по куче пеленок в коляске.

Я шагнул обратно к столу регистрации, наблюдая за ней: очаровательная, улыбающаяся, расслабленная, приглаживающая волосы.

И не торопящаяся к тому же. Я открыл было рот, чтобы упомянуть об этом факте, когда ее рука резко метнулась вниз. Позади меня раздался вопль и, пригнувшись, я обернулся.

Темно-фиолетовый пиджак потерял не только свою шляпу, но и пистолет тоже, который теперь лежал на полу. А обладатель всего этого добра тянулся к ножу, торчащему из его предплечья, делая слабые царапающие движения. Анжела подскочила к нему и, рубанув по шее, уложила на пол.

— Ничего себе планета отдыха,— фыркнула она, но я-то знал, что она наслаждалась.

— За это ты получишь медаль, моя радость. Корпус позаботится об этом парне, и мне представляется, что они выжмут у него информацию о его родной планете, что здорово поможет нам.

Я снова повернулся к Острову.

— Благодарю вас за спасение моей жизни.

— Я всегда считал, что в счет идут маленькие дополнительные услуги. А теперь можно мне проводить вас в номер?

— Можно и выпить водовок. Ты ведь выпьешь с нами стаканчик, не так ли?

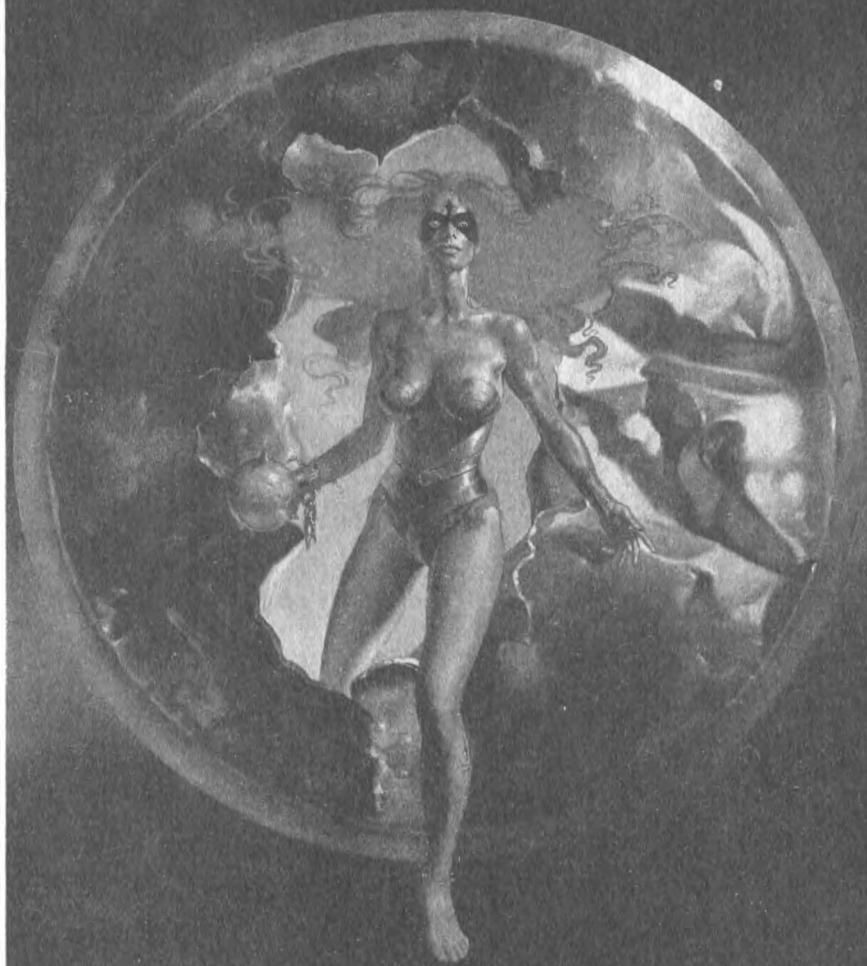
— Ну, только на этот раз. И должен сказать, что вам здорово повезло с такой талантливой, как и вы, женой.

— Этот брак был состязанием на стезе преступности и когда-нибудь я, может, расскажу тебе об этом.

Я нежно посмотрел на Анжелу, аккуратно вытирающую нож о рубашку потерявшего сознание, а затем спрятавшую его среди пеленок. Я был уверен, что когда дети станут постарше, они оценят ее таланты.

Она была такой матерью, какую следовало бы иметь каждому мальчику.

**КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ
СПАСАЕТ МИР**

Глава 1

— Джеймс Боливар ди Гриз,— вы мошенник,— сказал Инскин. Звуки из его глотки вылетали какие-то совсем животные, при этом он злобно тряс передо мной пачкой бумаг. Дело происходило в его кабинете, я стоял, прислонившись к стеллажам — картина оскорбленной невинности.

— Я не виновен. Все это холодная расчетливая ложь,— хныкал я. Прямо за мной находилось отделение для сигар, и я, одной спиной, без помощи рук, нащупывал его замок — на такие штуки я мастер.

— Мошенничество, обман, одно хуже другого.— Докладные на вас все еще поступают. Вы обманывали свою собственную организацию, наш Специальный Корпус, своих товарищей...

— Да нет же! — вскричал я, а сам в это время быстренько вскрывал замок.

— Недаром вас прозвали Скольским Джимом!

— Так это же просто детское прозвище. Когда моя мама купала меня в детстве, я показался ей очень скользким.

В это время сигарный ящик открылся, и я втянул носом ароматнейший запах.

— Да знаете ли вы, сколько наворовали? — его лицо налилось кровью, а глаза выпучились. Все это выглядело очень несимпатично.

— Я украл? Да я умру лучше! — трогательно провозгласил я, незаметно вытаскивая при этом пригоршню дьявольски дорогих сигар, предназначенных для очень важных персон. Уж лучше я выкурю их сам, так будет правильнее. Нужно признать, что я уделял гораздо больше внимания краже курева, чем нудным упрекам Инскина, так что не сразу заметил перемену в его голосе. Я вдруг понял, что едва слышу его слова — не то, чтобы мне хотелось их слышать. Он даже не шептал — было такое впечатление, словно в его горле вырубили регулятор громкости.

— Говори громче, Инскин,— сказал я твердо.— Или тебе стыдно за твой поклеп?

Я отошел от шкафа и повернулся к Инскину боком, чтобы он ненароком не увидел, как я засовываю в свой карман кучку редкостных сигар ценой не меньше сотни кредиток. Он продолжал невнятно бормотать, не обращая на меня внимания и беззвучно тряся бумагами.

— Ты что, нездоров?

В голосе у меня было немного настоящей озабоченности, потому что теперь он выглядел совсем уж худо. Даже когда я переменял место, он не повернул головы и, беззвучно шевеля губами, продолжал смотреть туда, где я стоял раньше. Он был очень бледен. Я зажмурился и поглядел на него.

Он вовсе не был бледный. Прозрачный. Сквозь его голову стала отчетливо видна спинка стула.

— Прекрати! — завопил я, но он, пожалуй, не услышал. — Что это за штучки? Объемные проекции, чтоб меня одурачить? И не трудись! Скользящий Джим не из тех, кого можно надуть, ха-ха!

Быстро пройдя через комнату, я протянул руку и ткнул указательным пальцем ему в лоб. Преодолев слабое сопротивление, палец вошел внутрь, а он как будто этого и не заметил. Только когда я отвел руку, раздался слабый хлопок, и Инскин исчез начисто. Осталась только пачка бумаг — лишенная поддержки, она упала на крышку стола.

— Бррргм! — проворчал я нечто невразумительное. Потом нагнулся и стал искать под стулом скрытый проектор, но в этот момент раздался противный треск, и дверь кабинета слетела с петель.

Ну, в таких-то делах я разбираюсь. Еще стоя на четвереньках, я быстро развернулся и как раз успел встретить первого вошедшего. Ребро моей ладони врезалось ему в горло, прямо под противогазную маску. Человек хрюкнул и упал, как подкошенный. Но вслед за ним ворвалось еще много народу, все в таких же масках и белых халатах, с маленькими черными ранцами за спиной. Часть — без оружия, часть — с импровизированными дубинками. Все это выглядело весьма необычно. Превосходящие силы оттеснили меня вглубь комнаты, однако я успел залепить одному ногой, а от второго отделался ударом в солнечное сплетение. Потом я прижался спиной к стене, и они набросились на меня всем скопом. Я врезал кому-то по загривку, он упал... и растаял, не успев долететь до пола.

Вот это интересно... Число людей в комнате стало быстро изменяться, когда некоторые из тех, кого я свалил, стали пропадать. Это было очень здорово и могло бы уравнивать шансы, если бы прямо как из воздуха не возникали все новые и новые люди. Я попытался прорваться к двери, но этот номер не прошел, а потом на мою голову обрушилась дубина и вышибла из нее остатки соображения.

После этого все стало похоже на драку под водой. Я повалил еще нескольких, однако делал это уже без души. Меня схватили за руки и стали тащить из комнаты. Я немного подергался и славно отругал их на полудюжине наречий, но все, конечно, бесполезно. Они поволокли меня из комнаты и дальше, в ожидавший лифт. Кто-то поднял газовый баллон и, как я ни старался отвернуть голову, струя газа попала мне прямо в лицо.

Никакого действия я не почувствовал, зато разозлился еще больше и стал лягаться, щелкать зубами и всюду ругаться. Люди в масках что-то мямлили — ругались, должно быть, и это взбесило меня еще пуще. К тому времени, когда мы добрались до места назначения, я был готов убивать, что в обычном состоянии для меня дело довольно

затруднительное, и убивал бы, не будь накрепко привязан к какому-то хитрому электрическому стулу, с электродами, прикрепленными к запястьям и лодыжкам.

— Хоть расскажите потом, собаки, что Джим ди Гриз умер как мужчина! — проорал я. На голову мне опустился металлический шлем и перед тем, как он закрыл мне лицо, я ухитрился выкрикнуть:

— В задницу ваш Специальный Корпус. И в задницу вашу...

Опустилась темнота, и я понял, что дожил до разрушения сознания, а может, и до электрического стула.

Но ничего не произошло, шлем снова поднялся и один из моих пленителей снова пустил мне в лицо струю газа. Я почувствовал, как моя злоба исчезает так же быстро, как и появилась. Тут я маленько поудивлялся и увидел, что они освобождают мне руки и ноги. И еще, в это время большинство из них уже сняло маски и я узнал техников и ученых Корпуса, которые обычно околачивались в этой лаборатории.

— Скажите мне кто-нибудь, какого черта все это затеяно?

— Дайте мне сначала закончить, — сказал один из присутствующих, седовласый мужчина с кривыми зубами, похожими на старые пожелтевшие надгробные камни, зажатые между губ. Он повесил мне на плечо один из ранцев и вытянул из него кусок провода. На его конце был небольшой диск, человек коснулся им моего затылка, и провод пристал.

— Ведь вы — профессор Койцу, верно?

— Да, — зубы задвигались вверх и вниз, как клавиши пианино.

— Скажите, пожалуйста, уместно ли будет, если я попрошу объяснений?

— Конечно. В данных обстоятельствах это будет естественно. Ужасно неприятно, что нам пришлось обойтись с вами так грубо. Это был единственный выход захватить вас врасплох. Захватить вас врасплох и как следует разозлить. В ярости рассудок замкнут сам на себе и может сам себя поддерживать. Если бы мы пытались вас уговорить, объяснить, что к чему, то провалили бы все дело. Пришлось просто напасть. Мы дали вам газ ярости и сами им надышались. Больше нечего было делать... черт возьми, пришла очередь Магистера! Это все сильнее чувствуется даже здесь, — один из белохалатников вдруг задрожал, сделался прозрачным и исчез.

— С Инскином вышла та же история, — сказал я.

— Конечно, он — в первую очередь.

— Почему? — спросил я, тепло улыбнувшись и решив, что это, пожалуй, самый идиотский разговор в моей жизни.

— Они борются против Корпуса. Начинают с руководителей.

— Кто?

— Не знаю.

Я услышал, как заскрипели мои зубы, но ухитрился сохранить внешнее спокойствие.

— Будьте добры объяснить более подробно, или найдите кого-нибудь, кто сможет рассказать эту историю лучше вас.

— Виноват. Прошу прощения.

Он промокнул бусинки пота со лба и алым кончиком языка облизал сухие концы зубов.

— Эта история началась слишком быстро, знаете ли. Экстренные меры и все такое. Кто-то когда-то где-то пытался изменить время. Естественно, они должны выбрать своим первым объектом Специальный Корпус, какие бы другие планы они при этом ни вынашивали. Так как наш Корпус является самой эффективной и широко разветвленной наднациональной и межпланетной организацией по охране законности в истории Галактики, то мы, естественно, становимся главным препятствием на их пути. Рано или поздно любой обширный план по изменению истории должен натолкнуться на противодействие Спецкорпуса. Вот они и решили расправиться с нами как можно раньше. Если они смогут устранить Инскина и других руководителей, вероятность существования Спецкорпуса сильно понизится и нас всех сдует, как только что сдуло бедного Магистера.

Я быстро моргнул.

— Не могли бы мы выпить чего-нибудь? Мне нужно прочистить мозги.

— Отличная идея. Пожалуй, я и сам выпью.

Диспенсер выдал по его выбору какую-то тошнотворную зеленую жидкость. Я же заказал большую порцию «Пота Сируисской Пантеры» и выпил одним глотком почти все. Это чудовищное варево дает такое потрясающее похмелье, что торговля им запрещена в большинстве цивилизованных миров. Эта штука пошла мне явно на пользу. Я прикончил стакан и из хитросплетений моего подсознания выскочило одно воспоминание.

— Остановите, если что не так: кажется, я однажды слышал вашу лекцию о невозможности путешествий во времени.

— Конечно, темпоральные исследования — моя специальность. Можете считать это выступление дымовой завесой. Мы освоили путешествия во времени уже много лет назад, но использовать боялись. Изменение темпоральных линий и тому подобное. Именно то, что творится сейчас.

Но мы вели обширную программу изысканий и исследований во времени. Именно поэтому, когда все началось, мы смогли понять, что происходит. Нападение было таким неожиданным, что у нас не было времени кого бы то ни было предупредить, хотя, по правде сказать, тут предупреждения не помогают. Мы выполняли свой долг. Ведь только мы могли что-то предпринять. Сначала мы соорудили вокруг этой лаборатории фиксатор времени, потом сделали портативные модели, как та, что вы сейчас носите.

— А как она работает? — спросил я, с большим уважением дотрагиваясь до металлического диска у себя на затылке.

— В ней хранится копия вашей памяти, которая записывается назад в мозг каждые три миллисекунды. Она, таким образом, напоминает вам, кто вы такой, и исправляет все изменения личности, которые могли появиться от искажения темпоральных линий в прошлом. Чисто защитный механизм, но это все, что мы пока можем.

Уголкем глаза я заметил, как еще один человек пропал с глаз. Голос профессора посуровел.

— Мы должны атаковать, если хотим сохранить Корпус.

— Атаковать? Сейчас?

— Нужно послать кого-нибудь в прошлое, чтобы найти силы, начавшие темпоральную войну, и уничтожить их, пока они сами не расправились с нами. У нас есть необходимое оборудование.

— Считайте меня добровольцем. Работенка как раз по мне.

— Оттуда нельзя будет вернуться. Это задание — без возврата.

— Тогда я отказываюсь от последних слов. Мне и здесь нравится.

Внезапно я весь сжался от воспоминания, восстановленного без сомнения всего три миллисекунды назад, и приступ страха начал качать мне в кровь всякие интересные химикалии.

— Анжела, Анжела моя, мне нужно с ней поговорить!

— Она же не единственная!

— Для меня она единственная, проф. Отойдите в сторонку, а не то я пройду через вас.

Он отступил, нахмурившись, что-то бормоча и постукивая себя по зубам кончиками ногтей, а я торопливо набрал номер на визифоне. Экран дважды звякнул, и в следующие несколько секунд, пока она не ответила, для меня прошли долгие годы.

— Ты здесь! — выдохнул я.

— А где мне еще быть?

По ее совершенному лицу пробежала тень, и она втянула в себя воздух, как будто она хотела уловить запах спиртного через экран.

— Ты опять пил, да еще так рано.

— Только капельку, и звоню тебе совсем не из-за этого. Как у тебя дела? Ты просто отлично выглядишь, совсем не прозрачно.

— Капельку? Больше похоже на целую бутылку, — ее голос заледенел, и она вновь стала похожа на прежнюю, неперделанную Анжелину — самую ловкую и безжалостную мошенницу всей Галактики, какой она была до тех пор, пока врачи Корпуса не выправили в ее мозгах какие-то извилины. — Вешай-ка трубку, прими пилюлю и позвони снова, как только протрезвеешь, — она потянулась к кнопке отбоя.

— Не-ет! Я совершенно трезв и жалею об этом. Это тревога, 3 — А, высший приоритет. Моментально двигай сюда и привози близнецов.

— Конечно, — она моментально вскочила на ноги, готовая бежать. — А где ты?

— Координаты этой лаборатории, быстро! — рявкнул я, поворачиваясь к профессору Койцу.

— Уровень 120, комната 30.

— Ты слышала? — сказал я, поворачиваясь к экрану.

Он был пуст!

— Анжела...

Я отсоединился, и снова набрал на клавишах ее код. Экран осветился и появилось сообщение: «несоединенный номер». Тогда я побежал к двери. Кто-то схватил меня за плечо, но я отшвырнул его в сторону, схватился за дверь и распахнул ее.

Снаружи ничего не было. Только бесформенное, бесцветное нечто, которое, когда я глянул через него, творило странные вещи с моим мозгом. Потом меня оттащили от двери и захлопнули ее. Профессор Койцу встал к двери спиной и тяжело задышал. Его лицо было искажено теми же непонятными ощущениями, которые испытывал и я.

— Исчезли,— сказал он хрипло.— Коридор, вся станция, все здание. Осталась только лаборатория, блокированная нашим фиксатором. Спецкорпуса больше не существует, во всей Галактике никто о нас даже не помнит. А когда выключится фиксатор, исчезнем и мы.

— Анжела, где она, где они все?

— Они даже не родились и никогда не существовали.

— Но я помню ее, я помню их всех.

— На это — весь расчет, куда жив хоть один человек, помнящий нас, помнящий Корпус, мы имеем микроскопический шанс в конце концов выжить. Кто-то должен сорвать темпоральную атаку. Если не ради Корпуса, то хотя бы ради цивилизации. Сейчас переписывают историю. Но это — не навечно, если мы сможем противодействовать.

Путешествие в прошлое на всю жизнь, без возврата, в чуждый мир, кто на это решится, будет самым одиноким из живущих, за тысячи лет до рождения своих современников, своих друзей.

— Готовьте. Я отправляюсь.

Глава 2

— Сначала мы должны выяснить, куда вы отправитесь. И в какое время.

Профессор Койцу, пошатываясь, пересек лабораторию, я последовал за ним, чувствуя себя почти так же скверно. Он забормотал что-то, склонившись над сложенным в гармошку листом компьютерного листинга, который с шелестом выползал из машины и громоздился на полу.

— Все должно быть точно, очень точно,— бормотал он.— Последнее время мы непрерывно зондировали прошлое, прослеживали источник этих возмущений. И в конце концов нашли искомую планету. Теперь следует точно установить нужное нам время. Если вы прибудете слишком поздно, может статься, что они закончат свое дело, а если слишком рано, то успеете умереть от старости раньше, чем эти дьяволы родятся на свет.

— Очаровательная перспектива. А что это за планета?

— Странное название, даже не одно. Она называется Грязь, или Земля, или что-то в этом роде. Предполагается, что это — легендарная прародина всего человечества.

— Еще одна? Никогда о ней не слышал.

— Это вполне естественно. Она взлетела на воздух в ядерной войне за тысячелетия до нас... Вот оно! Вас придется отправить в прошлое на 32 598 лет, и мы не сможем при таком расстоянии обеспечить лучшую точность, чем плюс-минус три месяца.

— Я, наверное, и не замечу. А какой это будет год?

— За много лет до начала нашего теперешнего календаря. Полагаю, по древним записям тогдашних дикарей это будет 1975 год от Р. Х.

— Не такие уж они и дикари, если развлекаются со временем.

— По всей вероятности, это и не они вовсе. Все сходится на том, что люди, которых мы ищем, просто базируются в этом времени.

— Как же я найду их?

— При помощи вот этого.— Один из ассистентов подал мне маленький черный ящичек с циферблатами, кнопками и прозрачным выступом, в котором свободно плавала иголка. Эта самая иголка вся дрожала, как охотничья собака, и постоянно указывала своим концом в одном и том же направлении, как бы я ни вращал ящичек.

— Это — детектор темпоральной энергии,— сказал Койцу.— Портативный, но менее чувствительный вариант наших больших аппаратов. Сейчас стрелка указывает на нашу темпоральную спираль. Когда вы прибудете на эту самую планету Грязь, используйте напряженность поля. Она поможет вам оценить расстояние до источника энергии.

Я поглядел на ящичек и почувствовал, что в голове у меня зашевелилась идея.

— Если я могу взять это, то, наверное, могу унести с собой и другое оборудование?

— Точно. Только небольшое по размеру, которое можно укрепить на теле. Дело в том, что темпоральное поле создает статический заряд, похожий на статическое электричество.

— Тогда я возьму все оружие, которое найдется у вас в лаборатории.

— У нас его совсем немного. Только самые миниатюрные образцы.

— Что ж, я возьму свое собственное. Работают у вас тут оружейные техники?

Он огляделся вокруг, подумал и сказал:

— Вот старый Ярл работал в отделе вооружений. Но у нас нет времени делать что-нибудь новое.

— Я не это имел в виду. Давайте его сюда.

Старый Ярл омолаживался совсем недавно и поэтому был похож на пресыщенного девятнадцатилетнего юнца, только взгляд у него, когда он подошел поближе, был стариковский, подозрительный.

— Мне нужен этот ящик,— сказал я, указывая на устройство у него за спиной. Он заскулил, словно пришпоренный пони, и отскочил прочь, прижимая ящичек к себе.

— Он же мой! Мой, говорю я вам. Вы его не получите. Бесчестно даже просить об этом. Ведь без него я просто исчезну.

В его моложавых глазах появились слезы старческого испуга.

— Не распускай себя, Ярл! Я вовсе не хочу, чтобы ты растворился. Мне нужен дубликат твоего ящика. Ну-ка, быстро займись этим.

Он заковылял прочь, что-то бормоча самому себе, а нас обступили техники.

— Я не понимаю,— сказал Койцу.

— Очень просто. Если я буду охотиться за большой организацией, мне понадобится мощное оружие. Если так случится, то я врублю себе старого Ярла в мозг, чтобы изготовить то, что мне нужно.

— Но ведь он станет вами, получит контроль над вашим телом. Этого никогда раньше не пробовали.

— А теперь сделаем. Тяжелые времена требуют отчаянных мер. А это подводит нас к другому вопросу. Вы говорите, что это будет путешествие во времени без возврата и я не смогу вернуться?

— Да. Темпоральная спираль забросит вас в прошлое, а там, чтобы вернуть вас, ее уже не будет.

— Однако, если ее можно будет там построить, я смогу вернуться?

— Теоретически... Но этого никогда не пробовали. Большую часть оборудования и материалов невозможно достать у примитивных туземцев.

— А если я достану материалы, то темпоральная спираль может быть построена? Кто, по-вашему, сможет ее изготовить?

— Только я сам, я и конструировал, и строил ее.

— Великолепно, тогда мне нужно и ваше устройство памяти... Ведите вашим парням надписать на ящиках имена, чтобы я не подключился не к тому специалисту.

К профессору подскочили техники.

— Фиксатор времени теряет мощности! — завопил один из них голосом, полным ужаса. — Когда он выключится, мы умрем, исчезнем без следа! Только не это... — выкрикнул он и свалился, потому что кто-то из окружающих выпустил ему в лицо заряд парализующего газа.

— Быстрее! — закричал Койцу. — Ведите ди Гриза к темпоральной спирали! Подготовьте его!

Техники схватили меня и потащили в соседнюю комнату, крича друг другу инструкции. Они едва не уронили меня, когда двое из них исчезли одновременно. В большинстве голосов слышались истерические нотки. И ничего удивительного — наступал конец света. Самые дальние стены становились уже смутными и туманными. Меня от паники спасали только тренировка и опыт. В конце концов мне пришлось отшвырнуть их от аварийного космического скафандра, в который они пытались меня засунуть, и застегнуться самому. Из всей компании спокойным оставался только профессор Койцу.

— Наденьте шлем. Но держите забрало поднятым до последней минуты. Отлично. Вот воспоминания, думаю, что коленный карман наилучшее место для них. Гравитатор у вас за спиной. Полагаю, что вы умеете им пользоваться. Оружие на груди. Вот темпоральный детектор...

И так далее и тому подобное, до тех пор, пока от тяжести едва можно было стоять. Я не жаловался. Если не возьму сейчас, не будет после. Вешай еще!

— Переводное устройство! — заорал я. — Как иначе я буду общаться с туземцами?

— У нас его нет, — сказал Койцу, засовывая мне под мышку связку контейнеров, — но есть мнемограф...

— У меня от него головная боль.

— ...так что вы можете выучить местный язык. Вот в этом кармане.

— Что мне делать, ведь вы еще не объяснили? Как я там окажусь?

— На большой высоте, точнее — в стратосфере. Там меньше шансов столкнуться с чем-то материальным. Туда мы вас и забросим. После этого все будет зависеть от вас.

— С соседней лабораторией все! — закричал кто-то и почти тотчас же растворился сам.

— К темпоральной спирали! — хрипло выкрикнул Койцу, и они поволокли меня через дверь. Они тащили меня все медленнее и медленнее, по мере того, как ученые и техники исчезали с глаз, как проколотые воздушные шары. Наконец их осталось только четверо и я, тяжело нагруженный, позорно покачиваясь, заковылял вперед сам.

— Вот темпоральная спираль, — задыхаясь, сказал Койцу. — Это столб, колонна из чистой энергии, которая закручена в спираль и держится в напряжении.

Она была зеленого света и мерцала, почти заполняя собой комнату: свернутая в кольцо полоса искрящегося света толщиной в мою руку. Она мне что-то напоминала.

— Это похоже на огромную заведенную пружину.

— Да, возможно. Но мы предпочитаем называть ее темпоральной спиралью. Она заведена... поставлена под напряжение. Силы тщательно рассчитаны. Мы поместим вас на ее внешний конец и освободим затвор. Когда вас вышвырнет в прошлое, спираль забросит себя в будущее, где энергия постепенно рассеется. Теперь — вам пора.

Нас осталось уже только трое.

— Помните меня! — выкрикнул низкорослый черноволосый техник. — Помните Чарли Нейта! Пока вы меня помните, я никогда...

Койцу и я остались вдвоем, стены исчезли, воздух темнел.

— Это конец! Прикоснитесь к спирали, — кричал он. Неужели его голос слабеет?

Я споткнулся и в падении потянулся к сверкающему концу спирали, растопырив пальцы. Коснувшись его, я ничего не почувствовал, но зеленое сияние сразу же окутало меня, сквозь него было очень плохо видно. Профессор стоял за пультом, что-то переключал, наконец потянулся к большому рубильнику.

Дернул его вниз...

Глава 3

Все остановилось.

Профессор Койцу замер за пультом с рукой, застывшей у включенного рубильника. Мой взгляд был устремлен прямо вперед, и я видел профессора только потому, что стоял к нему лицом. Застыли не только глаза — от ужаса у меня душа ушла в пятки, а мозг забился в стенки своего костяного вместилища, когда я понял, что перестал и дышать.

Насколько я знаю, сердце тоже остановилось. Что-то не так, я был в этом уверен. Ведь темпоральная спираль все еще туго свернута. Моя паника еще больше увеличилась, когда Койцу сделался прозрачным, а стены позади него — дымчатыми. Неужели настанет мой черед? Как знать...

Примитивная часть моего рассудка, унаследованная от обезьяны, бесновалась, завывала и вертелась волчком. И в то же время я чувствовал холодную отрешенность и любопытство. Ведь не каждому дается привилегия увидеть, как исчезает его мир, пока сам ты висишь в спиральном силовом поле, которое, возможно, забросит тебя в отдаленное прошлое. Я, правда, с удовольствием уступил бы эту привилегию любому добровольцу. Жаль, никто не вызывался. Вот я и торчал там, застывший, как статуя, с выпученными глазами, а лаборатория вокруг меня постепенно исчезала и оставила меня плавать в межзвездном пространстве. Видимо, даже астероид, на котором была построена База Специального Корпуса, больше не существовал в реальности этой новой Вселенной. Что-то стало подталкивать меня совершенно немыслимым образом и нести в направлении, о существовании которого я вовсе не подозревал раньше. Темпоральная спираль стала раскручиваться. Возможно, правда, что она раскручивалась с самого начала, но изменения времени скрывали это. Стало казаться, что некоторые звезды стали двигаться все быстрее и быстрее, пока не превратились в небольшие размытые штрихи. Пугающее зрелище. Я попытался закрыть глаза, но паралич все еще не прошел. Мимо проскочила звезда, да так близко, что я мог видеть ее диск, потом унеслась и оставила на моих сетчатках яркие, постепенно исчезающие полосы. Все вокруг ускорялось вместе с моим временем и в конце концов космос слился в серое марево: даже звездные перемещения стали слишком быстрыми, чтобы я мог за ними уследить. Либо это марево обладало гипнотическими свойствами, либо на меня действовало движение во времени, но только мысли у меня совершенно перепутались, и я впал в полубессознательное состояние между сном и обмороком. Это длилось очень долго, а может, мгновение — точно не знаю. Это могла быть секунда, а могла быть вечность. Быть может, оставался кусочек моего мозга, который осознавал страшно долгое течение всех этих лет. И если так, у меня нет никакого желания думать об этом. Мне всегда нравилось жить, и я, как крыса из нержавеющей стали в бетонных коридорах общества, всегда полагался только на свои силы в деле самосохранения. В мире есть значительно больше дорог к провалу, чем к успеху, к сумасшествию, чем к здоровью. И вся моя энергия всегда уходила на поиски верного пути. Поэтому-то я и выжил и сохранил способность худо-бедно соображать даже в этом безумном рейде по времени — выжил и стал ждать, что будет дальше. Через неизмеримый промежуток времени что-то случилось.

Я добрался до места. Конец путешествия был еще драматичнее начала, потому что все случилось моментально.

Я снова смог двигаться. Я снова стал видеть — свет ослепил меня

сначала и ко мне вновь вернулись все ощущения, которых я был лишен так долго.

К тому же я падал. В ответ на это мой давно парализованный желудок вздумал взбунтоваться, а потоки адреналина и тому подобных штук, которые мозг старался нагнать в кровь вот уже 32 598 лет — плюс-минус три месяца, устремились вперед, сердце застучало радостно и ритмично. Падая, я повернулся. Солнце скрылось с глаз, и я увидел черное небо, а далеко внизу — пушистые белые облака. Неужели это она? Грязь — таинственная прародина человечества? Как бы то ни было, но мне определенно доставило удовольствие очутиться где бы то ни было, и когда бы то ни было, лишь бы вокруг все было устойчиво и не исчезало бы вдруг. Все мое снаряжение было, кажется, на месте и, коснувшись регулятора на запястье, я почувствовал тягу заработавшего гравитатора. Отлично. Я выключил его снова и стал падать, пока не почувствовал, что скафандр вошел в верхние слои атмосферы. Достигнув облаков и окунувшись в их мокрые объятия, двигаясь вперед ногами, я уже спускался мягко, как падающий лист. Падая вслепую и непрерывно протирая запотевающее забрало шлема, я уменьшил скорость еще больше. Выбравшись из облаков, я переключил управление на «парение» и медленно оглядел новый мир — возможную родину человеческой расы и уже, наверняка, мою новую родину.

Прямо надо мной, как мягкий и влажный поток, висели облака. Внизу, в трех километрах от меня расстилались леса и поля, искаженные запотевшим забралом шлема. Так или иначе, но здешнюю атмосферу мне раньше или позже придется попробовать, поэтому, в надежде, что мои далекие предки дышали не метаном, я решительно приоткрыл забрало и быстро вдохнул.

Неплохо. Воздух холодный и слегка разряженный на такой высоте, но свежий и приятный. И главное — он не убил меня. Я широко открыл забрало, глубоко вдохнул и посмотрел вниз. С этой высоты вид был хорош. Волнистые зеленые холмы, покрытые какими-то деревьями, голубые озера, прямые дороги через долины, на горизонте — что-то вроде города, испускавшего мерзкие облака смога. Оттуда я должен держаться как можно дальше: сперва надо устроиться, оглядеться...

Наконец до моего сознания дошел звук, похожий на жужжание насекомого. Но на такой высоте не может быть насекомых. Я подумал бы об этом и раньше, не будь мое внимание приковано к пейзажу внизу. Как раз в этот момент жужжание переросло в рев, я изогнулся и поглядел через плечо. Челюсть у меня отвисла. За прозрачными стеклами шаровидной летательной машины, поддерживаемой в воздухе допотопным воздушным винтом, сидел человек, на лице которого было написано такое же изумление, как и у меня. Я перебросил контролер на запястье на «вверх» и скользнул назад, под защиту облаков. Неудачное начало. Пилот успел меня хорошо рассмотреть, хотя оставался шанс, что он просто не поверил своим глазам. Однако он поверил. Должно быть, в этом веке средства связи развиты отлично, так же, как боеготовность армии или страх, потому что не прошло и нескольких

минут, как я услышал внизу грохот мощных реактивных машин. Они покружили немного, гремя и воя, а одна даже пронеслась через облако. Я успел глянуть на серебристую стреловидную фигуру, потом она унеслась, оставив за собой кипящие облака. Пора сматываться. Горизонтальное управление гравитатора не слишком совершенно, но все же я тронулся прочь через облака, чтобы уйти как можно дальше от этих аппаратов. Перестав их слышать и выждав некоторое время, я рискнул опуститься чуть ниже границы облачности. Во всех направлениях — ничего... Я захлопнул забрало и выключил гравитатор.

Свободное падение не могло занять много времени, но показалось чертовски длинным. Меня посетили неприятные видения щелкающих детекторов, жужжащих, переваривающих информацию компьютеров,двигающихся металлических пальцев стволов и с ревом несущихся на меня военных машин. В падении я вращался и косил глазами во все стороны в поисках сверкающего металла.

Ничего такого не случилось. Только рядом лениво пролетали какие-то большие белые птицы, когда я пролетал мимо, они увернулись и резко закричали. Увидев внизу голубое зеркало озера, я дал гравитатору толчок в его направлении. Если покажется погоня, я смогу нырнуть под воду и скрыться из поля зрения их детекторов. Очутившись ниже уровня окружающих холмов и видя, что вода приближается до отвращения быстро, я врубил тягу. В тело глубоко впились лямки скафандра, я весь передернулся и застонал. Гравитатор за спиной опасно разогрелся, правда, я вспотел совсем по другой причине. До воды было уже близко, а при такой скорости она оказалась бы твердой, как сталь.

Когда я наконец остановился, ноги были уже в воде. В конце концов неплохое приземление. Когда я поднялся чуть-чуть над поверхностью воды, погоня по-прежнему не было, и я медленно тронулся к серым скалам, которые отвесно спускались в озеро у дальнего берега. Когда я снова открыл шлем, воздух был хорош и все вокруг — тихо. Ни голосов, ни грохота машин, никаких признаков человеческого жилья. Подлетев ближе к берегу, я услышал шум ветра в листве, но и только. Прекрасно, как раз такое местечко мне и нужно на первое время. Серые скалы оказались монолитной каменной стеной, высокой и недоступной. Я скользнул вдоль ее поверхности, пока не нашел карниза, достаточно широкого, чтобы на нем усесться. Это было здорово — сидеть.

— Давненько мне не удавалось присесть, — сказал я вслух, радуясь звукам своего голоса. — «Да, — напомнило мне подсознание, — примерно 33 тысячи лет».

Я снова погрузился — мне захотелось выпить. Однако именно этот важный продукт я забыл захватить с собой. Ошибка, которую нужно исправить в первую очередь. При выключенном питании скафандр начал нагреваться на солнце, и я скинул его, разложив все снаряжение на скале подальше от края.

А что теперь? Я услышал в боковом кармане треск и вытащил из него пригоршню дорогих, но, увы, сломанных сигар. Трагедия! Каким-

то чудом одна оказалась целой. Тогда я откусил кончик, зажег ее и глубоко затянулся. Просто чудо! Я немного покурил, болтая ногами над пропастью, и мое самообладание достигло обычного, совершенно несокрушимого уровня. В озере плеснула рыба, какие-то маленькие птички щебетали на деревьях; я стал обдумывать следующий этап. Мне необходимо укрытие, но чем больше я буду бродить в его поисках, тем больше шансов быть обнаруженным. Почему бы мне не остаться прямо здесь?

Среди различного хлама, который на меня навешали в последнюю минуту, был лабораторный инструмент под названием «массер». В тот момент я начал было возражать, но мне повесили его на пояс не спросив. Теперь я его рассмотрел. Рукоятка расширялась в массивный корпус, который вновь утончался в тонкий игловидный наконечник. На его острие создавалось поле, обладавшее любопытной способностью концентрировать большинство форм материи путем усиления межмолекулярных связей. Это поле втискивало вещество в значительно меньший объем, сохраняя массу неизменной. Некоторые предметы в зависимости от материала могли быть сжаты до половины их нормальной величины.

На противоположном конце мой карниз сужался, пока не исчезал совсем, я прошел по нему, сколько рискнул. Вытянувшись, я прижал острие к поверхности своего камня и нажал на кнопку. Раздался резкий щелчок, и съездившаяся плитка камня размером с мою ладонь отвалилась от поверхности скалы и соскользнула на карниз. В руке она оказалась по весу больше похожей на свинец, чем на камень. Швырнув ее в озеро, я включил инструмент и принялся за работу.

Стоило только приспособиться, и работа пошла быстрее. Я научился создавать почти сферическое поле, которое сразу отделяло от скалы шар сжатого камня размером с мою голову. После того как я попробовал сжать и скатить через край парочку этих гирь и едва сам не улетел вслед за ними, я стал подрезать скалу под углом и затем резать над получившимся склоном.

Шары отваливались, катились вниз под уклон и срывались с карниза по короткой дуге, поднимая внизу шумные всплески. Каждый раз я останавливался, чтобы прислушаться и оглядеться. Вокруг по-прежнему никого не было. Солнце спустилось близко к горизонту, когда я наконец закончил делать в скале уютную маленькую пещерку. Ее как раз хватило, чтобы уместить меня и все мое оборудование. Я с удовольствием залез в эту нору, предварительно быстро спустившись к озеру за водой. Концентраты были безвкусны, но питательны, так что мой желудок был почти удовлетворен этой трапезой. Когда стали появляться первые звезды, я начал планировать следующий шаг в покорении этой Грязи, как там ее, Земли.

Мое путешествие было, видимо, значительно более утомительно, чем я думал, потому что следующее, что я увидел, открыв глаза, было черное небо и огромная оранжевая полная луна, висящая над горами. Мой зад заledenел от контакта с холодной скалой, и я весь онемел от сна в неудобной, скрюченной позе.

— Вперед, могучий творец истории,— сказал я и застонал, когда заныли мои мускулы и закрипели суставы.— Вылезай и принимайся за работу.

Именно этим и следует заняться. Под лежащий камень вода не течет. Пока я торчу в этой дыре, все, что я могу придумать, может оказаться бесполезным, потому что из-за отсутствия исходных данных, я пока ведь не знаю даже, нужна ли это планета и эпоха, не значо вообще ничего. Необходимо вылезти и заняться чем-нибудь. Хотя есть одна вещь, которую нужно сделать без промедления — которую я должен был сделать прямо по прибытии. Проклинаю собственную глупость, я порылся в куче привезенного с собой хлама и извлек черный ящичек — детектор темпоральной энергии. Я осветил его маленьким фонариком: сердце у меня ушло в пятки, когда я увидел, что иголка свободна — время не было свернуто нигде на этой планете.

— Ха, придурок,— сказал я громко, обрадованный звуком своего голоса, который я любил больше всего на свете.— Машина будет работать много лучше, если ты включишь питание.

Экая оплошность. Глубоко вздохнув, я нажал выключатель.

По-прежнему ничего. Иголка висела так же беспомощно, и от этого зрелища мои надежды начали таять. Хотя по-прежнему оставались неплохие шансы на то, что эти темпоральные бандиты все же где-то здесь и просто на время выключили свои аппараты. Будем надеяться.

Теперь за работу. Я укрепил на себе несколько подручных устройств и отстегнул гравитатор от скафандра. Его батареи были еще наполовину полны. Этого мне хватит, чтобы много раз добраться до верха скалы и спуститься обратно. Я просунул руки в лямки, шагнул с карниза и прикоснулся к регулятору, превратив падение в пологую дугу, направленную к ближайшей дороге, замеченной мной при спуске. Пролетая низко над деревьями, я постоянно замечал ориентиры и направление. Громадные, усыпанные мерцающими циферблатами часы, которые я всегда ношу на левой руке, умели делать много больше, чем только показывать время. Прикосновение к правой стрелке высвечивало стрелку радиокompаса, показывающего направление на мой новый дом. Я продолжал скользить в молчании.

Наконец лунный свет отразился на гладкой поверхности, расщепившей лес, и я мягко опустился на землю среди деревьев. Сквозь ветки пробивалось достаточно света, так что когда я направился к дороге, преодолевая последние несколько метров с предельной осторожностью, фонарь мне не понадобился. Дорога была пустой в обоих направлениях, ночь молчала. Я нагнулся и осмотрел поверхность. Она была изготовлена из целой плиты какого-то белого твердого вещества, не металла и не пластика. Казалось, что в него вкраплены крошечные песчинки. Ничего интересного. Держась поближе к обочине, я повернулся в сторону города, который заметил раньше, и пошел пешком. Это очень медленно, но зато экономит энергию гравитатора.

Случившееся потом можно объяснить только беспечностью, смешанной с усталостью и моим незнанием этой планеты. Мысли мои блуждали: Анжела и дети, мои друзья из Корпуса. Все они существуют

теперь только в моей памяти и реальны не больше, чем мои воспоминания о персонажах какого-нибудь романа. Угнетающие мысли, а я, вместо того, чтобы их сразу отбросить, продолжал с ними нянчиться. Поэтому внезапно раздавшийся рев моторов захватил меня врасплох. В этот момент я проходил поворот дороги, проложенной, вероятно, сквозь небольшой холмик, так как по обеим сторонам возвышались крутые склоны. Мне бы следовало заранее предвидеть возможность попасть в этой щели в ловушку и позаботиться о способе избежать ее. Теперь же, пока я раздумывал, взобраться ли мне по откосу, включить гравитатор или проделать еще что-нибудь, впереди из-за поворота засверкал яркий свет, и рев стал громче. В конце концов я прыгнул в придорожную канаву, лег, уткнувшись лицом в ладони и постарался казаться по возможности как можно более незаметным. Одежда у меня была простого темно-серого цвета и вполне могла бы слиться с землей.

А потом меня оглушил дробный рев, окатило ярким светом — все это пронеслось совсем рядом. Тогда я сразу сел и поглядел вслед четырем странным машинам, только что пронесшимся мимо. Деталей не было видно, потому что я различил только их силуэты на фоне света их собственных фар. Они показались мне очень узкими, похожими на мотоциклы, сзади каждого был маленький красный огонек. Их звук начал стихать и вдруг смешался с пронзительным визгом и гоготанием, похожим на крик животного. Они остановились, должно быть, увидев меня. Щелкающие, лающие звуки отдавались эхом по выемке, лучи фар сделали полный круг и направились назад, ко мне.

Глава 4

«Когда не знаешь, что делать, подожди, может, противник ошибется первым», — вот мой любимый девиз. Я мог бы попытаться вырваться, вскарабкаться по склону, или улететь, но у этих людей, кто бы они ни были, могло быть оружие. Из меня вышла бы первосортная мишень. К тому же, даже сбежав, я все равно бы привлек к этой местности внимание. Лучше сперва поглядеть, что они из себя представляют. Повернувшись спиной, чтобы их фары не слепили меня, я терпеливо ждал, пока машины, гроыхая, подъедут и остановятся, образовав вокруг меня полукольцо из трещавших моторов и слепящих фонарей. Я прислушался к странным звукам, при помощи которых седоки переговаривались между собой, но не понял ни слова. Все было за то, что одет я с их точки зрения очень странно. Они, должно быть, договорились о чем-то, потому что мотор одного из невидимых экипажей, стукнув, замолчал, и его водитель вышел вперед, на свет.

Мы с интересом обменялись взглядами. Он был ростом немного ниже меня, но казался выше из-за похожего на корзину металлического шлема. Этот шлем, усаженный заклепками и увенчанный высоким острым наконечником, был очень непривлекательным, как и его остальная одежда... Она вся была выполнена из черного пластика со

множеством сверкающих пуговиц и пряжек. Как верх вульгарности он носил на груди стилизованный череп со скрещенными костями, весь утыканный какими-то поддельными камешками.

—? — сказал он весьма оскорбительным тоном, одновременно сильно выпячивая вперед челюсть.

Я улыбнулся, изображая милого, добродушного парня, и дружелюбно ответил:

— Мертвым ты будешь выглядеть еще отвратительнее живого, типчик, так что не говори больше со мной таким тоном.

Он поглядел озадаченно, и вновь между ними началась непонятная болтовня. К первому водителю присоединился еще один, столь же странно одетый. Он возбужденно показал на мое запястье. Все уставились на мой наручный хронометр, издавая при этом пронзительные любопытствующие крики, которые сменились на злобные, когда я спрятал руку за спину.

—! — сказал первый тип, выступая вперед с протянутой рукой. Раздался резкий щелчок, и в другом кулаке у него появилось мерцающее лезвие.

Ну что ж, такой язык мне понятен. Я едва не улыбнулся. Непорядочные люди, если только закон в этих землях не предписывает носить оружие и грабить на дорогах первого встречного. Что ж, зная правила, я могу по ним играть.

—? — воскликнул я, отступая и поднимая в отчаянии руки.

—! — закричал эта деревенщина, прыгая на меня.

— Ну, как насчет «. . .», а? — спросил я, залепив ему ногой в запястье. Нож полетел в темноту, а он издал крик боли, постепенно перешедший в клочкотание, когда я пальцем кольнул его в горло.

К этому времени они, должно быть, во все глаза смотрели на меня, поэтому я выпустил из нарукавного держателя в ладонь световую бомбу и бросил ее перед собой на землю, закрыв глаза прямо перед этим. Она тотчас взорвалась. Опушенными веками я почувствовал обжигающе яркий свет, и когда снова поднял их, то увидел перед глазами световых зайчиков. Это было много приятнее того, что испытали нападавшие. Временная слепота, если только их стоны и жалобы что-то значили. Никто не пытался меня остановить, когда я подошел и отвесил носком ботинка каждому по самым интересным местам. Они вопили от боли и бегали маленькими кругами до тех пор, пока двое из них случайно не столкнулись и не начали безжалостно дубасить друг друга. Пока они так развлекались, я осмотрел их экипажи. Станные штуки — только два колеса и никакого намека на гироскоп для стабилизации движения. Каждый имел единственное сиденье, на котором при езде водитель помещался верхом. Они выглядели не совсем безопасными, и мне бы совсем не хотелось управлять ими.

Но что же делать с этими типами? Мне никогда не доставляло удовольствия убивать людей, так что заставить их молчать таким образом было трудно. Если они преступники — а похоже на то — тогда, они, вероятно, об этой истории властям не доложат. Преступни-

ки! У них я узнаю все, что нужно. Одного вполне хватит, лучше взять того, первого — уж с ним-то я могу не церемониться. Он уже стонал, приходя в себя, но глоточек усыпляющего газа снова его выключил. У этого парня на талии был широкий, разукрашенный металлом ремень, который показался мне достаточно прочным. Я прикрепил конец ремня к одной из моих поясных пряжек и дружески подхватил его хозяина под руки. Потом тронул ручку управления гравитатора.

Мы поднялись беззвучно и плавно, оставив внизу маленькую шумную компанию, и устремились к моему озерному убежищу. Исчезновение их приятеля будет выглядеть весьма таинственно, и даже если они сообщат о нем властям, это все равно ни к чему не приведет.

Я собирался затаиться на несколько дней с моим пока дремлющим компаньоном и научиться здешнему языку. Лексикон, конечно, будет самый низкопробный, но это поправимо. Вскоре нам приветливо осклабился вход в мою нору, я скользнул в нее и грубо бросил мою бесчувственную ношу прямо на каменный пол.

К тому времени, когда он очухался, я уже разложил нужное оборудование и все приготовил. Молча, с удовольствием попыхивая извлеченной из карманного контейнера сигарой, я наблюдал, как он мучительно приходит в себя. Он долго облизывал губы, потом открыл, наконец, глаза и сел, застонав и схватившись за голову: у моего газа очень неприятные постэффекты. Однако память о направленном на меня ноже сделала меня равнодушным к его страданиям. Очумело озираясь, он с испугом оглядел меня и мое снаряжение и с надеждой — выход из пещеры. Как бы случайно подобрал под себя ноги. Чтобы в следующее мгновение неожиданно прыгнуть к выходу, чтобы тотчас же шмякнуться лицом о камень, натянув шнурок, держащий его за лодыжку.

— Пора кончать с играми и браться за работу,— беззлобно сказал я, садясь спиной к стене и укрепляя на его запястье свое устройство. Пока он спал, я состряпал эту штуку — очень примитивно, зато действительно. В ней были датчики кровяного давления и сопротивления кожи с индикаторами на выносной панели, которую я держал в руке. Простейшая разновидность детектора лжи. Кроме того, в ней была еще одна электрическая цепь. В обычных условиях я бы никогда не стал пробовать ее на человеке — таким методом обычно пользуются при обучении подопытных животных,— но в отношении этого типа можно было сделать исключение. Мы играли по его правилам, а эта штука могла сэкономить массу времени. Когда он начал, как я совершенно уверен, грубо браниться и срывать с руки мою коробочку, я нажал специальную кнопку. Тут его ударило током, он завопил и задержался. Не то чтобы это было очень больно, я все испытал на себе и установил такой уровень, который вызывал боль, хотя и с трудом, но терпимую.

— А теперь — начнем,— сказал я,— только дай мне самому подготовиться.

Молча, с широко открытыми глазами, он смотрел, как я укрепляю на висках у себя металлические пластины мнемोगрафа и подключаю его.

— Ключевое слово будет,— я поглядел на своего подопечного,— «противный». Теперь начнем.

Рядом со мной лежала куча разных простых предметов, я подобрал один и поместил у него перед глазами. Когда он осмотрелся, я громко сказал «камень» и замолчал. Он тоже молчал и через некоторое время я снова нажал обучающую кнопку. От внезапной боли он подпрыгнул, безумно оглядываясь.

— Камень,— повторил я тихо и терпеливо.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы постичь идею, но в конце концов он понял. За ругань или за любые не относящиеся к делу выражения следовал удар током и двойной удар — за «попытку соврать»: мой детектор всегда сообщал мне об этом. Такая жизнь ему быстро надоела, и он предпочел сразу же давать мне нужное слово. Мы очень быстро исчерпали весь запас предметов и переключились на рисунки и движения.

Я принимал на веру его «не знаю», если они повторялись не слишком часто, и мой словарь постепенно рос. Под действием микротоков мнемोगрафа новые слова втискивались в мозг, но, увы, небезболезненно. Когда голова стала прямо-таки раскалываться, я принял таблетку болеутолителя и приступил к игре в слова: в нашем распоряжении их было уже достаточно, чтобы перейти ко второй части процесса обучения — освоению грамматики. «Как тебя зовут»,— подумал я и добавил кодовое слово «противный».

— Как... имя? — сказал я вслух. Действительно, дрянной язык.

— Слэшер.

— Мое... имя... Джим.

— Отпусти-и, я же тебя не трогал.

— Сначала учиться... уходить потом. Теперь говори, какой год?

— Что, какой год?

— Какой год сейчас, дурень?

Я повторял этот вопрос по-всякому, пока его значение не просочилось, наконец, в его башку, на редкость тупую. Я даже весь вспотел.

— А-а, год, 1975. 19 июля 1975 года.

Прямо в цель! Через все эти столетия и тысячелетия темпоральная спираль бросила меня с феноменальной точностью. Я мысленно благодарил профессора Койцу и других исчезнувших ученых. Поскольку они жили теперь только в моей памяти, то это, пожалуй, был единственный способ выразить им свою признательность. Весьма обрadowанный, я продолжал занятия языком.

Мнемोगраф схватывал, упорядочивал и запихивал глубоко в мой измученный мозг все произносимое им. Подавляя стоны, я принял еще одну таблетку болеутолителя. К восходу я почувствовал, что знаю язык достаточно, чтобы совершенствоваться самому, и выключил аппарат. Мой собеседник заснул сидя, и падая, стукнулся головой о камень, но даже не проснулся. Я оставил его спать и отсоединил от нас обоих электронную аппаратуру. После ночного бдения я и сам устал, но с этим справилась таблетка стимулятора. В животе урчало от голода,

и я принялся за еду. Слэшер скоро проснулся и тоже получил свою долю. Правда, он съел свою плитку только после того, как я откусил от нее кончик и проглотил сам. Я удовлетворенно рыгал, он вторил. Поглазев некоторое время на меня и мое снаряжение, он заявил:

— Я знаю, кто ты.

— Так скажи.

— Ты с Марса, вот что.

— Что это, Марс?

— Такая планета.

— Да-а. Ты примерно прав. Это неважно. Сделаешь, что я скажу, сможешь прибрать кое-какие вещички?

— Я же тебе говорил, я на поруках. Если меня зацапают, век воли не видеть.

— Не дрожи. Держись за меня, и они тебя пальцем не тронут. Будешь кататься в зелененьких. Кстати, есть у тебя эти зелененькие? Хочу поглядеть, на что они похожи.

— Нет! — сказал он и потянулся к выпуклости, образованной куском материи, укрепленной на нижнем предмете одежды. К этому времени я уже замечал примитивную ложь этого типа без помощи прибора.

Успокоив парня усыпляющим газом, я достал из его одежды что-то наподобие кожаного конверта, наполненного хрустящими бумажками. Это, наверное, были те самые зелененькие, которых у него якобы не было. На вид они — просто смех! Простейшая копировальная машина может выдавать дубликаты этих штук бочками, если только они не наделены какими-либо скрытыми признаками. Для проверки я прошелся по ним самыми тонкими приборами и не нашел ни следа каких бы то ни было химических, физических или радиоактивных меток. Изумительно! Бумага, кажется, содержит что-то вроде коротеньких ниток из другого материала, но дубликатор напечатает на поверхности их изображение, которое вполне сгодится. Если бы у меня был дубликатор. А может, и есть? Ведь в конце концов они вешали на меня все снаряжение, какое только было под руками. Я разворошил кучу и там действительно нашлась маленькая настольная модель аппарата. Она была заряжена плиткой исключительно плотного материала, который каким-то образом разбухал внутри машины, давая листы гладкого белого пластика: на них и делались копии. После множества регулировок я ухитрился так понизить качество пластика, что он стал таким же мягким и грубым, как и «зелененькие». Теперь стоило мне коснуться копирующей кнопки, машина выдавала «зелененькую», точь-в-точь похожую на оригинал. Самой крупной бумажкой у Слэшера была десятка. С нее я и сделал несколько копий. Конечно же, номер у всех был один и тот же. Но мой опыт показывал, что люди никогда не разглядывают полученных денег.

Настало время приступить к следующему этапу моего внедрения в общество этой примитивной планеты Земля. Я выяснил, что название Грязь вовсе не точное и имеет совсем другое значение. Я надел на себя

снаряжение, которое могло понадобиться, и оставил все остальное в пещере вместе со скафандром. Когда оно мне понадобится, все будет на месте. Слэшер бормотал и похрапывал, пока я летал с ним назад через озеро и дальше низко над деревьями, к дороге. Теперь, днем, на ней было больше движения, я слышал рев машин и потому снова опустил ся в лесу. Перед тем, как разбудить его, я закопал гравитатор вместе с радиокompасом, который в случае чего поможет найти это место.

— Что-то,— выговорил Слэйшер, усаживаясь, как только антидот подействовал. Он непонимающе поглядел на лес.

— Поднимайся на копыта,— сказал я,— пора отсюда двигать.

Он заковылял за мной, еще наполовину во сне, пока я не помахал у него под носом пачкой денег — тут он сразу же проснулся.

— Как на твой взгляд эти зелененькие?

— Отлично, только у тебя ведь этого добра совсем не было.

— Добра у меня всякого достаточно, а вот денег не было. Ну, я и сделал их. Как они — о'кей?

— О'кей, никогда не видел лучше.— Он посмотрел на бумажки опытным взглядом профессионала.— Единственное — у них один и тот же номер. А так — высший класс.

Вернул он их мне очень неохотно. Человек без воображения и предрассудков. Именно такой мне и нужен. Вид этих денег выгнал из парня весь страх передо мной, и он, пока мы брели по дороге, активно принялся помогать мне в планировании приобретения еще большего их количества.

— Эта сбруя, которую ты носишь — издали, конечно, она о'кей. Из машин никто ничего не заметит. Но нужно достать тебе другие шмотки. Тут под горой есть что-то вроде универмага. Ты подождешь в сторонке, пока я схожу и куплю все, что нужно. По правде, может, удастся раздобыть и колеса. Ноги меня прямо убивают. Тут есть маленькая фабрика со стоянкой, посмотрим, что у них там есть.

Фабрика оказалась приплюснутым угловатым зданием со множеством труб, выплевывающих дым и отраву. С одной стороны было собрано множество разноцветных экипажей. Низко пригнувшись по примеру Слэшера, я быстро подобрался к ближайшему из них, стоящему во внешнем ряду. Убедившись, что нас не заметили, мой компаньон открыл замок на раздутой ярко-красной машине с помощью зубастой металлической штуковины и поднял большую крышку. Я заглянул внутрь и подивился излишней усложненности и удивительной примитивности двигательной установки, которая оказалась там. Вот уж действительно, угодил в прошлое! По моей просьбе Слэшер описал мне ее, пока заворачивал провода, которые, видимо, управляли включением.

— Мы зовем это двигателем внутреннего сгорания. Почти новый, должно быть, лошадей триста. Забирайся внутрь и погнали, пока никто не видел.

Я заметил для себя — позднее поинтересоваться теорией этого

«внутреннего сгорания». Из разговоров я уже знал, что лошадь — это большое четвероногое, так что, может быть, внутреннее сгорание — это миниатюризация животных с целью уместить большее их число в моторе. Но как ни примитивно выглядело это устройство, двигалось оно довольно быстро. Слэшер манипулировал рычагами и крутил большое колесо, мы вынеслись на дорогу и дальше, видимо, нас никто не заметил. Я с радостью доверил управление своему спутнику и стал разглядывать этот новый для меня мир.

— Где у вас хранятся все деньги? Ну, такое место, где их запирают?

— Ты, должно быть, говоришь про банки. Дома с толстыми стенами, большими сейфами и вооруженной охраной. В любом городе есть хотя бы один такой.

— И чем больше город, тем больше банк?

— Ты верно схватываешь.

— Тогда поезжай в ближайший большой город и найди самый большой банк. Мне понадобится масса денег. Мы обчистим его сегодня ночью.

Слэшер взглянул на меня в благоговейном ужасе.

— Ты шутишь! У них там сплошная сигнализация и все такое.

— Плевать я хотел на эти уловки из каменного века. Только дай мне город и банк, а потом еще поест и выпить. К вечеру я сделаю тебя богачом.

Глава 5

По правде говоря, мне никогда не приходилось грабить банки с такой легкостью, или взламывать более простые замки. Заведение, которое я выбрал, находилось в центре города с совершенно невероятным названием «Хартфорд». Это было прочное строение из серого камня, все отверстия в нем были заделаны толстыми металлическими прутьями. Однако все это сводилось на нет тем, что к банку по обе стороны примыкали другие здания. Крыса ведь редко входит через парадную дверь. Когда мы отправились на дело, было начало вечера и Слэшер весь трясся от ужаса, несмотря на громадное количество проглоченного им низкосортного алкогольного варева.

— Нужно еще подождать, — ныл он. — На улице полно народу.

— Это мне и нужно. Кому какое будет дело еще до двух человек. А теперь припаркуй эту машину за углом, как договорились, и принеси сумки.

Я нес в маленьком футляре свой инструмент, а Слэшер следовал за мной с двумя большими чемоданами, которые мы успели купить по дороге. Впереди, в здании слева от банка, было темно, и дверь, конечно, заперта на замок. Не беда. Этот замок я осмотрел еще днем и решил, что никаких хлопот с ним не будет. Приборчиком в левой руке я обезвредил сигнализацию, а правой в это время орудовал отмычкой. Замок открылся так легко, что Слэшеру даже не пришлось останавли-

ваться: он просто прошел мимо меня со своими сумками. Ни одна живая душа на улице не обратила на нас ни малейшего внимания. Коридор привел к новым запертым дверям, которые я преодолел с такой же легкостью. Наконец, мы добрались до места.

— У этой комнаты должна быть общая стена с банком. Нужно уточнить,— сказал я.

Тихо насвистывая, я принялся за работу. Будьте спокойны, это было мое не первое ограбление банка, и я вовсе не собирался делать его последним. Из всех многочисленных форм преступной деятельности ограбление банков — наверняка самое полезное для личности и общества. Личность, ясное дело, получает кучу денег, это само собой. К тому же, она приносит пользу обществу тем, что снова пускает в обращение массу наличных. Экономика стимулируется, лавочки процветают, народ с огромным интересом читает о преступлениях, а полиция получает шанс проявить свои многочисленные таланты. Я, правда, слышал, что иные дураки утверждают, будто это вредит банкам. Форменная чушь. Все банки застрахованы, так что ничего не теряют, а страховые суммы ничтожны в общем обороте страховых компаний. Поэтому, единственный результат, который может получиться — это микроскопическое уменьшение выплачиваемых в конце года дивидендов. Совсем малая цена за все доброе. Поэтому, прижимая к стене ультразвуковой зонд, я чувствовал себя не вором, а благодетелем человечества. Ну, правильно, с другой стороны большое помещение — несомненно банк.

В стене проходило множество труб и кабелей: вода и энергия, я полагаю, что также, безусловно, сигнализация. Я отмечал на стене их положение до тех пор, пока система не стала кристально ясна. Там была область, свободная от всех препятствий, и я ее пометил.

— Войдем здесь,— сказал я.

— Как же мы проломим стену?— Слэшер колебался между страхом и алчностью: и денег хочется, и страшно. Ясно, что он — мелкий преступник, и это — самое большое дело в его жизни.

— Зачем ломать, дурачок? — сказал я добродушно, поднимая массер.— Мы просто попросим ее открыться перед нами.

Конечно, он и понятия не имел, о чем я говорю, но вид мерцающего аппарата его по-видимому успокоил. Я переключил механизм так, что вместо увеличения притяжения молекул он уменьшил его почти до нуля. Медленно и осторожно я провел наконечником массера по намеченной области стены, затем выключил его и убрал.

— Ничего не получилось,— пожаловался Слэшер.

— Сейчас выйдет.— Я слегка толкнул стену рукой, и вся подготовленная площадь развалилась с легким шипением, скользя вниз, как тонкая пыль — в которую она, собственно, и превратилась. Мы заглянули в отверстие, в ярко освещенное помещение банка.

Невидимые с улицы, мы вползли внутрь и начали красться вдоль высокого прилавка, за которым днем сидят кассиры. Строители предусмотрительно поместили сейфы в самом низу здания, чтобы их не было видно с улицы, поэтому, спустившись по ступенькам, мы смогли

выпрямиться и продолжить наше дело с возможным комфортом. Сначала быстро прошли через две запертые двери и решетку из толстых стальных прутьев. Их замки и сигнализация были так просты, что не стоили даже упоминания. Дверь сейфа выглядела более внушительно, однако открыть ее оказалось проще всех.

— Гляди-ка,— обрадованно воскликнул я.— Тут есть часовой механизм, который по утрам автоматически открывает дверь.

— Я знаю,— простонал Слэшер.— Давай убираться отсюда, пока не сработала сигнализация...

Когда он побежал вверх по лестнице, я дал ему подножку и уперся ногой ему в грудь, пока объяснял.

— Это ж только хорошо, дурачок. Для того, чтобы открыть эту штуку, нужно просто перевести часы, как будто уже утро.

— Невозможно! Они закрыты двумя дюймами стали!

Конечно, откуда ж ему знать, что самый обычный манипулятор «СМ» предназначен для работы через любые стенки. Почувствовав, что поле захватило шестерни, я повернул его, и стрелки закрутились. Глаза у Слэшера выпучились, механизм издал удовлетворенный щелчок, и двери распахнулись.

— Тащи сумки,— приказал я, заходя в сейф.

Весело мурлыкая и насвистывая, мы туго набили их крепенькими пачками хрустящих банкнот. Слэшер закрыл и застегнул свой чемодан первым и стал нетерпеливо подгонять меня.

— Что за спешка? — спросил я, закрывая сумку и собирая инструменты.— Нужно время, чтобы все сделать как следует.

Убирая последние приборы, я заметил, как одна из стрелок дернулась и замерла. Любопытно. Я отрегулировал напряжение поля, встал, держа индикатор в руках, и огляделся. Слэшер торчал у дальней стены и возился с какими-то металлическими ящиками.

— Что ты делаешь? — спросил я вкрадчиво.

— Гляжу, нет ли в этих боксах каких-нибудь камешков.

— Ах, вот чем ты занят, спросил бы меня сначала.

— Я и сам могу,— угрюмо и самоуверенно ответил он.

— Да, но я к тому же могу не трогать при этом сигнализацию и не вызывать полицейских. Это ты как раз сейчас и сделал,— сказал я холодно и злобно.

Просто красота, как Слэшер побледнел. Его руки так задрожали, что он даже уронил ящик, потом подпрыгнул и кинулся к сумке с деньгами.

— Вот дубина,— буркнул я и здорово наподдал ему по заднице.— Теперь забирай вещи, выходи наружу и заводи машину. Я — следом за тобой.

Пошатываясь, Слэшер вскарабкался по лестнице. Я последовал за ним более спокойно, останавливаясь у всех дверей и решеток, запирая их за собой, чтобы максимально усложнить работу полиции. Они будут знать, что в банк пытались вломиться, но не узнают о грабеже, пока не разбудят кого-нибудь из банковских чиновников и с его помощью не откроют сейф. К тому времени мы благополучно смоемся.

Но, поднявшись по лестнице, я услышал визг покрышек и увидел в окно подъехавшую полицейскую машину. Однако быстро, невероятно быстро для такого древнего и примитивного общества. Хотя, может быть, это как раз и естественно. Наверняка преступления и их раскрытие поглощают большую часть их энергии. Не тратя, правда, в тот момент времени для философии, я пополз за кассовой стойкой, толкая перед собой сумку. Пролезая через дыру в другое здание, я услышал громохание ключей в замке входной двери. Все правильно. Когда они войдут, я как раз выберусь на улицу. Так оно и получилось. Выглянув наружу, я увидел, что все пассажиры полицейской машины вошли в банк, а вокруг уже собралась небольшая толпа любопытных... Все стояли спиной ко мне. Я медленно вышел и побрел прочь по улице.

Эти первобытные фараоны что-то уж очень быстры на ногу. Видать, от большого опыта в ловле моих коллег. Не успел я дойти до угла, как они уже вывалились из той же двери, что и я, до боли в ушах дужа в пронзительные свистки. Они вошли в банк, увидели дыру в стене и прошли по моему пути. Я быстро оглянулся — сплошные оскаленные зубы, синие мундиры, латунные пуговицы и пистолеты — и припустил бегом.

За угол и в машину.

Вот только улица оказалась пуста и машины не было.

Должно быть, Слэшер решил, что заработал для одного вечера вполне достаточно и уехал, оставив меня в руках закона.

Глава 6

Я не утверждаю, что изготовлен из более прочного материала, чем большинство людей. Хотя чувствую, что это большинство, оказавшись в таком положении, как я,— 32 тысячи лет в прошлом с массой краденых денег на руках и наседающей на пятки полицией — изрядно испугалось бы. Только тренировка и тот факт, что за свою жизнь я слишком часто попадал в подобные ситуации, заставили меня спокойно бежать вперед, обдумывая следующий ход. Через несколько мгновений тяжеловесные прислужники закона вылетят из-за угла, к тому же наверняка в это время кто-то уже вызывает подмогу по радио, чтобы перерезать мне дорогу. Думай быстрее, Джим.

Сказано — сделано. Раньше, чем я успел пробежать и пять шагов, весь план спасения был намечен, отредактирован, набран, отпечатан и переплетен в маленькую брошюру, открытую перед моим мысленным взором на первой странице.

Во-первых, убраться с улицы. Заскочив в ближайший подъезд, я бросил сумку с деньгами и зажал в пальцах мини-гранату из наружного держателя в рукаве. Она прекрасно поместилась в круглую замочную скважину и с внушительным треском разнесла в шепки замок и часть косяка. Мои преследователи еще не появились, поэтому я повременил с открытием развороченной двери до их прихода. Резкие

крики и свистки показали, что я замечен. Дверь вела в длинный коридор, я встал в его дальнем конце и, когда вооруженный блюститель закона осторожно заглянул в дверной проем, поднял руки, сдаваясь.

— Не стреляйте, копы! — закричал я. — Я сдаюсь. Я бедный молодой человек, которого привела к преступлению дурная компания.

— Не двигайся, или мы тебя продырявим! — радостно завопили они, осторожно входя внутрь и светя мне в глаза сильными фонариками. Я просто стоял, цепляясь пальцами за воздух, пока лучи не скользнули в сторону и не раздался двойной стук падающих тел. Этого и следовало ожидать, потому что воздуха в помещении было куда меньше, чем сонного газа. Осторожно дыша через фильтры в ноздрях, я содрал мундир с того из моих сопящих друзей, на которого больше походил фигурой, и надел его поверх собственной одежды. Ну и намучился я с этим дурацкими застёжками. Потом подобрал его оружие и снова вложил в кобуру, опять взял свои сумки и вышел, направляясь по улице назад к банку. Напуганные жители выглядывали из дверей, как звери из нор. На углу я повстречался с другой полицейской машиной. Как и следовало ожидать, их здесь собралось множество.

— Со мной награбленное, — сказал я крепкому человеку за рулем. — Несу обратно в банк. Мы прищучили этих крыс, всю банду, вот та дверь, отправляйтесь туда.

Последний совет был излишен, потому что машина уже умчалась. Первый полицейский автомобиль все еще стоял на том самом месте, где я его видел в последний раз. Под робкими взглядами зрителей я бросил сумки на сидение и забрался внутрь.

— Давайте, расходитесь. Представление окончено! — заорал я, манипулируя незнакомыми приборами. Чертова прорва, достаточно, чтобы управлять космическим кораблем, не то, что неуклюжей наземной колымагой. Никакого эффекта. Толпа отхлынула, затем снова пододвинулась. Я слегка вспотел, прежде чем заметил, что крошечная замочная скважина на панели пуста и с запозданием вспомнил, как Слэшер говорил что-то о ключах для запуска этих машин. Вокруг все громче завывали сирены. Я спохватился и стал шарить по странному набору карманов и кармашков своего мундира.

Ключи! Целое кольцо ключей. Ликуя, я стал пихать их один за другим в замочную скважину, пока не сообразил, что все они для нее слишком велики.

Снаружи толпа, как зачарованная, подходила все ближе, пораженная моими действиями.

— Назад! Назад! — заорал я и выхватил из кобуры оружие, чтобы придать вес своим словам.

Как видно, оно было заряжено и готово к действию, а я неосторожно коснулся не той кнопки. Раздался ужасный взрыв, возникло облако дыма, и оружие выскочило из руки. Какой-то метательный снаряд пробил металлическую крышку машины. Большой палец у меня сильно болел.

По крайней мере зрители убралась и притом в спешке. Когда они разбежались по всем направлениям, я увидел, что сзади подъезжает еще одна полицейская машина, и почувствовал, что дела идут совсем не так хорошо, как хотелось бы. Должны быть другие ключи. Я стал снова шарить, швыряя найденные вещицы на другое сиденье, пока они не иссякли. Другая машина остановилась позади моей, дверцы открылись.

Металлический блеск в маленьком кожаном футляре? Ну да, пара ключей. Один из них мягко вошел в нужное отверстие как раз в тот момент, когда блюстители порядка подошли с обеих сторон к моей машине.

— Что здесь происходит? — спросил ближайший. Ключ повернулся, раздался стон мотора и металлическое щелканье.

— Неприятности! — сказал я, хватаясь за металлические рычаги.

— Выходи ка, ты! — сказал он, вытаскивая оружие.

— Дело жизни или смерти! — закричал я, надавливая на одну из педалей, как это делал Слэшер. Мотор взвыл, колеса завертелись, машина, проснувшись, рванула с места.

Конечно же, не в ту сторону — назад. Раздался ужасный грохот и звон, полицейские исчезли. Я снова схватился за рычаги. Один из фараонов появился впереди, поднимая оружие, но тут же отпрыгнул, как ужаленный, когда я нашел нужную комбинацию и автомобиль с ревом рванул на него. Дорога чиста, и я свободен.

Но на пятаках висит полиция. Раньше, чем я добрался до угла, другая машина тронулась и понеслась вперед. На ее крыше закрутились цветные огни, завывала сирена. Я стал править одной рукой, а другой зашелкал переключателями: побрызгал водой на ветровое стекло, потом поглядел, как ее вытерли движущиеся щетки, послушал громкую музыку, согрел себе ноги струей теплого воздуха и в конце концов заполучил воющую сирену и, быть может, и вертящиеся огни. И мы понеслись по широкой дороге, пока я не почувствовал, что так спастись негоже. Полиция знает свой город и свои машины и может по рации вызвать подмогу мне на перехват. Сообразив это, я завертел баранку и свернул на ближайшую улицу. Так как двигался я намного быстрее, чем следовало, шины завизжали, машина въехала на тротуар и перед тем, как соскочить снова на дорогу, стукнулась боком о дом. Преследователи приотсали, не желая поворачивать столь же картинно, но вновь сумели пристроиться в хвост, когда я прогремывал за следующий угол. Сделав два поворота направо, я ехал теперь прямо назад и снова приближался к месту ограбления.

Это может показаться безумным, но на самом деле было самым безопасным среди стаи таких же воющих и сверкающих бледно-голубых машин. Автомобили поворачивали, пятились и мешали друг другу, я же со своей стороны делал все, что мог, для увеличения беспорядка. Было очень интересно: масса ругани и красноречивых жестов... Я задержался бы, наверное, и дальше, не возобладал осторожность. Когда веселье достигло максимума, я выбрался из свалки и заехал за угол. Погони не было. С более разумной скоростью, выключив сирену и притушив свет, я поехал по улице, ища, где бы

пристать. Ускользнуть в полицейской машине невозможно, да я и не собирался этого делать. Мне необходима крысиная нора, чтобы затаиться.

И эта норка должна быть роскошной. Нельзя делать ничего наполовину. Чуть дальше я увидел то, что мне требовалось: сияние света и вывесок, мерцающий украшениями, великолепный, экстра-класса отель, всего в двух шагах от места преступления. Здесь меня точно не станут искать — надеюсь. Определенный риск есть всегда. За следующим поворотом я остановил машину, снял мундир, положил в карман пачку денег и, взяв две свои сумки, побрел гуляючи, к отелю. Когда машину найдут, то подумают, что я сменил ее на другую — очевидная уловка — и еще расширят район поисков.

— Эй, вы,— окликнул я служителя, который гордо стоял у входа.— Несите багаж!

Тон был оскорбителен, манеры грубы, и он, наверное, проигнорировал бы меня, не заговори я тут на другом языке и не сунь ему в руку крупную купюру. Быстрый взгляд на нее породил улыбки и фальшивое раболепие. Подхватив вещи, он засеменил вслед за мной в вестибюль.

Сверкающая деревянная обшивка, мягкие ковры, скрытый свет, сильно декольтированные женщины в сопровождении пожилых мужчин с отвисшими животиками. Такое место мне и нужно. Пока я шел наискосок от конторки, многие с удивлением поднимали брови, глядя на мою грубую одежду. Тип за конторкой презрительно поглядел на меня поверх своего длинного аристократического носа, и я нутром почувствовал, как начинает образовываться ледок. Я расколол его пачкой денег, брошенной на стол.

— Вы имеете удовольствие встретиться с богатым, но эксцентричным миллионером,— сказал я ему.— Это для вас.— Банкноты исчезли, как только я их отпустил.— Я только что вернулся с веселенькой прогулки и хочу занять самый лучший номер.

— Да, что-нибудь можно устроить, но сейчас свободны только Императорские апартаменты, и это стоит...

— Не приставайте ко мне с деньгами, возьмите это и дайте знать, когда понадобится еще.

— Да, это можно устроить. Не будете ли вы так добры вписать здесь свое имя...

— А вас как зовут?

— Меня? Роско Амбердекстер.

— Какое совпадение — меня тоже так зовут, но вы можете обращаться ко мне просто «сэр». Должно быть, наше с вами имя здесь очень распространено. Так что заполните все сами, раз мы однофамильцы.

Я помнил его к себе, он наклонился вперед, и я хрипло прошептал:

— Я не хочу, чтобы про меня знали. Все охотятся за моими денежками. Если управляющий захочет дополнительную информацию, пошлите его ко мне,— вместо информации он, конечно, получит на лапу, но это вполне сойдет, я думаю.

Дальнейшее плавание, начавшееся на волне зелененьких, проходило гладко. Меня проводили в мои апартаменты, и я щедро одарил двух носильщиков за то, что у них хватило ума не уронить багаж. Они открывали и закрывали дверцы и показывали мне все удобства. Один по моей команде позвонил в ресторан и заказал массу еды и питья, после чего они удалились в наилучшем настроении, с оттопыренными карманами. Я положил сумку с деньгами в шкаф и открыл другую.

И замер.

Стрелка индикатора темпоральной энергии сдвинулась и теперь упорно показывала в направлении окна и внешнего мира.

Глава 7

Руки попробовали было задрожать, но я быстро это пресек, затем вытащил детектор, осторожно положил его на пол и поглядел вдоль стрелки в точку под окном, куда она указывала. Быстро подбежав, я отметил эту точку крестом, затем вернулся и проверил. Пока я глазел на стрелку во второй раз, она свободно закачалась и указатель темпоральной энергии вернулся на нуль.

Но я их засек! Кто бы ни были эти типы, они действуют из настоящего. Однажды они уже использовали свою темпоральную аппаратуру и наверняка используют снова. Уж тогда я их буду ждать. Впервые с тех пор, как меня занесло на эту грубую, варварскую планету, в груди затеплилась искорка надежды. До сих пор я действовал инстинктивно, просто сохраняя свою жизнь и постигая обычаи этого странного мира, стараясь ни на минуту не задумываться о будущем, которого не будет, если только мне не удастся заново создать его. Этим-то я и займусь теперь.

После плотного обеда, разметаив целые водопады банкнотов, я отправился ко сну. Ненадолго, правда: двухчасовая снотворная таблетка погрузила меня в глубочайший из возможных снов, с почти непрерывными сновидениями. Я проснулся, чувствуя себя почти по-человечески. В соседней комнате, в баре, была масса интересных бутылок, некоторые с очень даже приятным содержимым, и я уселся с наполненным стаканом перед стеклянным глазом прибора под названием ТВ. Мое произношение местного языка, по-видимому, оставляло желать лучшего, и я хотел послушать кого-нибудь, говорящего на лучшей его разновидности.

Сделать это было не так-то просто. Во-первых, трудно отличить учебные каналы от развлекательных. Я нашел что-то похожее на нравоучительную пьесу на исторические сюжеты, в которой все герои носили широкополые шляпы и ездили на лошадях. Однако весь словарь содержал менее ста слов, и большинство персонажей погибло от пуля прежде, чем я успел понять, о чем действие. Ружья вообще играли важную роль в большинстве спектаклей, которые я просмотрел, хотя зрелище разнообразилось садизмом и различными видами членовредительства. Все это насилие и частые гонки с места на место в различных

экипажах не оставляли людям много времени для межполового общения: краткий поцелуй был единственным проявлением привязанности или полового влечения, которое я видел. Большинство спектаклей было трудно для понимания еще потому, что без конца прерывалось коротенькими интермедиями и поучительными лекциями о достоинствах различных потребительских товаров. К утру я понял, что с меня хватит. Язык мой усовершенствовался лишь микроскопически, поэтому вместо комментариев я пнул стеклянный ящик ногой и отправился мыться в розовую комнату, утыканную экспонатами, иллюстрирующими историю водопроводного дела.

Утром, как только открылись магазины, я разослал во все стороны и в изобилии снабдил деньгами нескольких служащих отеля, и скоро ко мне в номер стали стекаться покупки. Новое платье, под стать моему высокому положению и роскошные чемоданы для него. Плюс множество карт, тщательно выполненное устройство под названием магнитный компас и книга по теории навигации. Это оказалось удивительно просто: определить точное направление, которое показал детектор, перенести его на местную карту и получить вполне точную оценку расстояния до источника темпорального поля в единицах, называемых милями.

Длинная черная линия на карте указывала мне направление, черта поперек нее — расстояние: вот и цель. Мои линии пересекались в точке, которая, видимо, принадлежала области большого скопления населения, самого большого, пожалуй, на всей карте.

Называлась эта область очень странно — Нью-Йорк-сити. Никаких указаний на то, где находится Нью-Йорк-сити не было. Да это и не имело значения. Теперь я знал, куда мне ехать.

Мой отъезд из отеля больше напоминал отбытие коронованной особы, чем простое расставание: в мою честь раздавались приветственные крики и пожелания скорейшего возвращения. Что ж, может быть. Наёмный автомобиль забросил меня в аэропорт, услужливые руки тотчас отнесли багаж к нужным воротам. Тут меня поджидала большая неожиданность — ведь я и думать забыл об ограблении банка. А вот кое-кто отлично помнил.

— Открывайте-ка сумки,— сказал мрачного вида блюститель порядка.

— Конечно,— ответил я очень весело. Я заметил, что все остальные пассажиры подвергаются такому же обыску.— Могу я узнать, что вы ищете?

— Деньги. Банк ограбили,— пробормотал он, ковыряясь в моих вещах.

— Боюсь, что я никогда не ношу при себе большие суммы,— сказал я, крепко прижимая к себе сумку с деньгами.

— С этим все в порядке, теперь посмотрим другую.

— Если вы не против, то не на людях сэр. Я ответственный правительственный чиновник, и эти бумаги — высочайшей секретности,— я процитировал это слово в слово из телепередачи.

— В той комнате,— сказал он, указывая.

Я почти сожалел, что ввернул эту фразу, так по-детски она звучала.

В комнате, когда вместо сумки я вскрыл усыпляющую газовую гранату, он принял несколько шокированный вид, а потом уснул. У стены стоял большой металлический ящик, наполненный многочисленными бланками и бумагами, так милыми бюрократическому уму; я переупорядочил их и ухитрился выкроить место для своего похрапывающего приятеля. Чем дольше его не обнаружат, тем лучше. Если не случится непредвиденных задержек, то до того, как он очнется, я уже буду в Нью-Йорке. Ведь ему придется просыпаться естественным путем. У них тут нет зитидота или моего газа.

Когда я выходил из комнаты, другой служащий в мундире с интересом поглядел на меня. Поэтому я повернулся и заговорил со все еще открытой дверью: «Благодарю вас за любезное содействие, ну что вы, никакого беспокойства, никакого беспокойства». Я закрыл дверь и, проходя мимо, улыбнулся чиновнику. Он нехотя приложил кончики пальцев к козырьку фуражки и схватился за багаж какого-то пожилого пассажира.

Я прошел дальше, неся свою сумку, и не очень удивился, обнаружив у себя на лбу крохотные капельки пота.

Полет был короткий, шумный, безынтересный, пожалуй, слишком тряский — в огромном аппарате с неподвижными крыльями, который, по-видимому, приводился в движение реактивными двигателями, сжигавшими жидкое топливо. Хотя запах того топлива был повсюду, и я уже успел к нему привыкнуть, никак не верилось, что они так просто сжигают невосполнимые запасы углеводородов. Пришлось пережить несколько неприятных моментов при посадке, но никакой тревоги здесь не было. Поездка в Центр из пригородного аэропорта оказалась весьма мучительной: тряска, крики, невероятный шум. Поэтому, пройдя наконец в дверь прохладного гостиничного номера, я почувствовал облегчение. Тем не менее, когда под действием тишины и двух стаканчиков местной дистиллированной отравы, к которой я уже успел пристраститься, ко мне вернулась способность размышлять, я был вполне готов к следующему шагу.

Каким же он будет? Разведка или атака?

Благоразумие диктовало необходимость осторожного поиска источника темпоральной энергии, чтобы выяснить, против кого и чего я действую. Уже было решившись, я легко выбрал себя за то, что осмелился даже подумать о прямом нападении, и вдруг передумал... Сработала холодная логика. Я повернулся и ткнул пальцем в свое отражение в зеркале.

— Ты дурень, — я с отвращением погрозил себе пальцем. — Это один таксист обзывал другого: недоносек безмозглый. Ведь у меня только одно преимущество — именно внезапность. Любая разведка может наделать шуму, и эти темпоральные бандиты поймут, что за ними следят и, может быть, даже нападут сами. Конечно, начав темпоральную войну, они наверняка готовы к возможному возмездию. Но не могут же они оставаться на чеку недели и месяцы, может быть, даже годы? Стоит им узнать, что я поблизости, в этом времени и месте, как

они примут все возможные меры предосторожности. Чтобы это предотвратить, я должен нанести удар, и ударить сильно, хотя и не знаю, по кому.

— Какая разница? — сказал я, открывая футляр с гранатами. — Конечно, было бы интересно узнать, кто и почему нападает на Корпус. — Но так ли это важно и нужно? Конечно же, нет, — я поглядел поверх маленькой термоядерной бомбочки в красные усталые глаза своего отражения и потряс головой. — Нет, нет, нет. Они должны быть уничтожены, и точка. Сейчас. Быстро.

Передо мной не было другого пути, поэтому я спокойно и уверенно укрепил на себе все самые мощные средства уничтожения, когда-либо созданные за тысячелетия самых любимых человеческих исследований — военных. В обычных обстоятельствах я не сторонник принципа «убей или убьют тебя». Дела, как правило, не доходят до такой контрастности. Только не сейчас, и поэтому я не чувствовал ни малейших угрызений совести по поводу своего решения. Идет необъявленная война против всего человеческого будущего — иначе почему именно Специальный Корпус стал первым объектом нападения? Кто-то, какая-то группа желает получить контроль над всем пространством и временем. Это, вероятно, самый эгоистичный и безумный план в истории, и совершенно безразлично, кто или что его исполняет. Смерть им, пока не уничтожено все достойное.

Покидая отель, я представлял из себя ходячую бомбу, оружие уничтожения. Черный ящик детектора темпоральной энергии находился в атташе-кейсе, который я нес в руке. В его крышке я проделал отверстие, через которое были видны показания индикатора. Где-то рядом был враг, и когда он двинется, я буду начеку.

Ждать пришлось недолго. Совсем неподалеку, если верить показанию стрелки, высвободилось огромное количество невидимой темпоральной энергии — я на верном пути. Определяя на ходу направление и дистанцию, я бросился вперед, почти не замечая окружающих людей и машин. Потом едва не попав под мчащийся грузовик, все-таки замедлил темп и стал более осторожным. Впереди показалось обширное открытое пространство с зеленью посередине. Удручающе однообразные высокие дома, огромные призмы из металла и стекла, молчание в отравленном воздухе, неотличимые друг от друга. Какой из них мне нужен? Стрелка вновь качнулась, дрожа от напряжения и поворачиваясь по мере того, как я двигался. Индикатор расстояния указывал на самый верх шкалы.

Здесь. В этом черном с медью здании.

Я вошел внутрь, готовый ко всему. Ко всему, кроме того, что произошло на самом деле.

Они запирали за мной все двери, подбегали и перекрывали все выходы. В этом участвовали все. Посетители, лифтеры, даже продавец из табачного киоска. Бежали ко мне, теснили, и глаза у всех горели холодным огнем ненависти. Меня обнаружили. Должно быть, они засекли мой детектор. Они знают, кто я. Они напали первыми.

Глава 8

Это развивалось как кошмар наяву. Все мы иной раз бываем подвержены приступам паранойи и чувствуем, что весь мир против нас. Теперь я столкнулся с этим на деле. Инстинктивный страх охватил меня на мгновение, а потом я его стряхнул и начал действовать.

Однако хватило и этого мгновения сомнения. Мне бы следовало стрелять, жечь, убивать, уничтожать все вокруг, как и планировалось. Но я вовсе не предполагал оказаться лицом к лицу с таким множеством людей. Поэтому выиграть я не мог. Конечно, я кое-что сделал газом, бомбами, голыми руками, но недостаточно. Все новые и новые руки цеплялись за мою одежду — без конца. Они вовсе не были ласковы, эти люди, набросившиеся на меня с такой же бешеной ненавистью, какую я питал к ним. Две стороны медали. И каждая видит в другой свое уничтожение. Меня преследовали и догнали. И тогда наступило забытие, оно было почти приятно.

Не то чтобы мне долго позволили в нем пребывать. Боль и резкий запах, обжигающий ноздри, вновь поставили меня лицом к лицу с неприятной действительностью. Передо мной стоял, глядя на меня, какой-то человек, огромный, высокий, с чертами лица, смазанными моим расфокусированным зрением. Видимо, меня держало множество рук, которые стискивали и трясли меня. По лицу провели чем-то мокрым, очистив то, что мешало моему зрению, и я смог рассмотреть его так же хорошо, как он меня.

В два раза выше обычного человека, такой громадный, что мне пришлось откинуться назад, чтобы рассмотреть его нависшую фигуру. Кожа, залитая румянцем, темные, угловатые глаза. Когда он открывал рот, то было видно, что многие зубы у него остроконечные.

— Из когда ты? — спросил он грубо рокочущим голосом на языке, который мы использовали в Корпусе. Видимо, я реагировал на это, потому что он улыбнулся победоносно и холодно.

— Специальный Корпус, должно быть. Последняя вспышка перед темнотой. Как много вас здесь? Где остальные?

— Они вас... найдут, — ухитрился я выговорить. Какой маленький успех с моей стороны по сравнению с их победой. Пока они не знают, что я один, есть шанс остаться в живых до выяснения. Это не займет много времени, я эффективно связан, все снаряжение отнято. Я беззащитен. Они быстро проследят меня назад во времени до отеля и скоро узнают, что бояться больше некого.

— Кто вы? — спросил я. Язык — мое единственное оружие. Вместо ответа он победоносным жестом поднял вверх оба кулака. Ответ пришел ко мне автоматически. — Вы безумец.

— Конечно! — заорал он возбужденно и одновременно держащие меня руки задергались и закачались. — Так оно и есть. Хотя однажды они убили нас за это, им не удастся снова нас обыграть, на этот раз победа будет за нами, потому что мы истребим наших врагов, прежде чем они родятся, обречем их на несуществование.

Я вспомнил, что Койцу что-то говорил об уничтожении Земли в далеком прошлом. Может быть, это сделали, чтобы остановить безумцев? Неужели сейчас это переделывается? Его выкрики прервали мою мысль.

— Заберите его. Пробуйте самым основательным образом — для моего удовольствия и чтобы ослабить его волю, потом высосите из его мозга все знания. Нужно многое выяснить.

Когда меня поволокли из комнаты, я понял, что нужно делать. Ждать. Подальше от этого человека, от толпы, среди искусных палачей и в относительном, очень нужном мне уединении.

Случай представился, когда в белой лаборатории техники накинута на тащивших меня людей и оторвали меня от них. Они были так же зверски грубы друг с другом, как и со мной. Целая иерархия ненависти. Должно быть, великан был прав — они безумцы. Какое извращение человеческой истории вывело этих людей на сцену? И представить невозможно.

И снова ожидание. Я хранил спокойствие, зная, что представиться может только одна возможность, и я не должен ее упустить. Дверь закрылась. Меня прижали спиной к столу, прикрепив к нему лодыжки. Кроме меня, в комнате было еще пять человек. Остальные навалились на меня. Я оттопырил челюсть и как можно сильнее нажал на крайний зуб.

Это было мое последнее оружие, абсолютное, которое я никогда еще не испытывал. Как правило, я даже не носил его, считая, что в обычных конфликтах жизни со смертью не стоит платить такую цену за победу. Тут был другой случай. Когда я надавил, искусственный зуб треснул, и капелька горькой жидкости, содержащаяся в нем, скатилась мне в горло.

Меня пронзила боль и, едва появившись, исчезла, поглощенная наркотиками, убивающими нервную чувствительность, помогавшими перенести действие других ингредиентов. Это было дьявольское зелье, приготовленное медиками Корпуса по моему предложению. Прежде его испытывали только в меньших дозах на подопытных животных. Сюда входили все когда-либо открытые стимуляторы, включая новый класс синергаторов — сложных химических соединений, которые позволяли человеческому телу раскрыть свои феноменальные резервы естественной силы, о которых давно знали, но считали невозможным использовать.

Время ускорило, и люди, нависшие надо мной, задвигались медленнее. Увидев это, я подождал еще доли секунды, чтобы снадобье полностью подействовало, а потом вытянул руки. Хотя каждый из крепко сложенных мужчин навалился на меня, это не имело значения.

Не почувствовав веса и даже не приложив специального усилия, я оторвал обоих от пола и стукнул лбами перед тем, как швырнуть их в третьего, стоящего у другого конца стола. Они столкнулись и, упав, покатались. Лица искажены смесью боли и ужаса. Они еще падали, а я уже сел и, схватив толстые металлические зажимы, приковывавшие

мои ноги к столу, вырвал их с корнем. Это показалось мне простейшим делом. Кажется, я причинил какой-то вред своим пальцам, но отметил это лишь как мелкий, не имеющий никакого значения эпизод. В комнате оставалось еще два человека, и они все еще поворачивались ко мне, потому что борьба с первыми тремя отняла всего лишь несколько мгновений. Как по нотам. Видя их еще неподготовленными — одного с наполовину вытасненным оружием — я бросился вперед, выделив каждому по кулаку, повалил обоих и швырнул в валявшуюся кучу — к трем коллегам. Их было пятеро против меня одного, и я не мог позволить по отношению к ним никакого снисхождения, даже если бы и хотел. Теперь, когда мои руки были не совсем в порядке, я бил ногами до тех пор, пока в куче не прекратилось всякое движение, и только тогда дал возможность холодному рассудку пробиться через бешеную ярость берсерка.

Что теперь? Бежать. От моей собственной одежды остались одни лохмотья, и я безжалостно сорвал их. Мои мучители были одеты в белое, и я потратил некоторое время на то, чтобы расстегнуть все непривычные застёжки и одеться в наименее испачканный из их костюмов.

На лбу у меня оказалась рваная рана, которую я аккуратно забинтовал — затем замотал себе кисти. Мне никто не помешал, да это и не отняло много времени. Закончив, я вышел и заспешил по коридору, по которому меня так недавно тащили. Здание жужжало, как растревоженный улей, и все, кого я встречал, казались слишком занятыми, чтобы обращать на меня внимание. Даже в вестибюле, где народ роился вокруг моего снаряжения, разложенного для осмотра на большом столе, никто мной не заинтересовался. Будь для этого подходящее время, я бы посмеялся.

Осторожно, никого не потревожив, я подобрался к столу и активизировал связку газовых бомб, задержав дыхание, пока не вставил носовые фильтры. Газ действует очень быстро, и даже те, кто увидел, что я проделываю, не успели перед падением никого предупредить. Воздух подернулся дымкой от скопления газа, я подобрал свой гаусс-пистолет и распахнул огромную дверь в соседнюю комнату.

— Ты! — закричал он, его массивное красное тело выпрямилось как раз тогда, когда газ уложил на пол все его окружение. Он коснулся и потянулся ко мне, борясь с газом, который должен был свалить его моментально, пока я не обрушил на его голову пистолет. Все же его глаза, налитые смертельной злобой, не отрывались от меня, пока я привязывал его к стулу. Только закрыв за собой дверь, я уловил момент снова взглянуть ему в лицо, и увидел, что он все еще в сознании.

— Что вы за человек? — слова просились ко мне на язык непрошенными. — Кто вы?

— Я — ОН, который будет править вечно, разум, который никогда не умрет. Освободи меня!

В его словах была такая сила, что я почувствовал, как меня тянет

к нему помимо воли, его круглые глаза почти гипнотизировали меня. Я был как в тумане, может быть, оттого, что кончалось действие наркотиков. Я затряс головой и быстро заморгал. Но другая часть моего Я по-прежнему была начеку, по-прежнему не поддавалась влиянию этой великой силы великого зла.

— Долгое правление, но не очень приятное,— я улынулся.— Разве что вы что-нибудь сможете сделать с этими ужасными солнечными ожогами.

Лучше нельзя было сказать. Это чудовище было абсолютно лишено чувства юмора и привыкло, надо думать, только к рабской услужливости. Сначала он завыл, совершенно по-животному, потом разразился речью, бешеным потоком безумия, которое клокотало вокруг, пока я делал последние приготовления, чтобы закончить эту темпоральную войну.

Безумен? Да, но безумен организованным безумием, которое размножается и заражает окружающих. Тело у него было искусственное: я видел теперь шрамы и следы пересадок, да он и сам об этом говорил. Сфабрикованное тело, все из трансплантантов, краденое, с искусственным скелетом — тело, красноречиво говорившее о складе ума того, кто предпочел жить в такой страшной оболочке.

Есть еще такие же, как он, но он лучший, он одинок — было очень трудно уловить смысл в том, что он говорил, но я запоминал, что мог, чтобы разобраться в будущем. Одновременно я отвинчивал вентиляционную решетку, сыпал в воздушную систему свои порошки и вообще готовился подбросить песочку в механизм этой сатанинской мельницы.

Он и его сторонники были уже однажды уничтожены в прежней истории. Он сам сказал мне это. Каким-то неведомым путем они получили еще один шанс захватить власть во Вселенной, но номер вновь не пройдет. Меня, Скользкого Джима ди Гриза, грабителя-одиночку без постоянного адреса, уже не раз призывали для важных дел, и я всегда добивался успеха. Теперь меня просят спасти мир. Раз нужно, я сделаю.

— Они не могли выбрать лучшего человека,— сказал я гордо, оглядывая огромные механизмы темпоральной лаборатории, аккуратно усыпанной распростертыми телами. Гигантская зеленая закрученная пружина темпоральной спирали как будто улыбалась мне, и я улынулся в ответ.

— Бомбы в механизм, а ты меня подвезешь,— воскликнул я счастливо, делая нужные приготовления.— Уничтожить аппаратуру и оставить этих психов здешним властям, хотя красномордым, наверное, стоит заняться специально.

Это правильно, и я подивился, чего ожидаю. А ждал я, наверное, возможности прикончить его в пылу борьбы — не могу я хладнокровно убивать даже самого безжалостного убийцу. Хотя придется на этот раз. Приведя себя к пониманию этого, я переставил переключатель гаусс-пистолета на разрывные снаряды и заглянул в первую комнату.

Удобный случай представился значительно быстрее, чем я рассчи-

тывал. На меня обрушилась, сыпя ударами, огромная красная туша. От толчка я покатился к противоположной стене, извиваясь и пытаюсь прицелиться.

Быстро двигаясь, он включил рубильник и ринулся в сторону темпоральной спирали. Пули тоже двигались быстро, они со свистом вылетели из гаусс-пистолета и взорвались в его теле.

И тут он исчез. Брошенный во время — вперед или назад — не знаю, потому что аппаратура начала мерцать и растворяться, пока я еще бежал к ней... Будет ли он мертв, когда явится по назначению? Должно быть — да, ведь я использовал разрывные снаряды.

Действие некоторых наркотиков начало уже проходить. Пальцы болели, и утомление начало стучаться в край моего сознания. Пора было уходить. Сначала забрать снаряжение, потом сматываться. В отель, потом в больницу. Небольшой отдых, пока они будут меня штопать, даст мне время рассудить, что предпринять дальше. Технология этого века может оказаться достаточно развитой для постройки темпоральной спирали, а ведь у меня в том черном ящике по-прежнему заперта память профессора. Денег, вероятно, потребуется очень много, но всегда есть масса способов их раздобыть.

Болезненно пошатываясь, я побрел наружу.

Глава 9

Я нес с собой чемоданчик-дипломат с самыми обыкновенными вещами: гранатами, газовыми бомбами, взрывчаткой, носовыми фильтрами и парой пистолетов — стандартный джентльменский набор.

Выпрямившись, развернув плечи, одним словом, весьма воинственно, я зашел в контору военно-морского казначейства. Держался я так хотя бы для того, чтобы поддержать достоинство мундира — новехонького, сверкающего золотом, усеянного нашивками мундира командира флота Соединенных Штатов.

— Доброе утро, — сказал я звонко, затворяя за собой дверь и быстро и незаметно запирая ее зажатым в руке инструментом.

— Так точно, сэр.

Сидевший за столом хмурый старшина говорил достаточно вежливо, но было ясно, что его внимание всецело занято работой с бумагами, аккуратно сложенными на столе, а всякие незнакомые офицеры должны дожидаться своей очереди. Подобно тому, как любая армия держится на сержантах, всеми флотами управляют старшины. Моряки сновали по всевозможным военно-финансовым делам, а в дверном проеме напротив я увидел раскрытую пасть стандартного казенного сейфа. Я положил чемоданчик на стол старшины и распахнул его.

— Я читал в газетах, — сказал я, — что военные, когда просят дотации, всегда округляют цифры вверх до следующего миллиона или миллиарда долларов. Это меня восхищает.

— Да-да, сэр,— сказал старшина, щелкая клавишами арифмометра, явно не интересуясь ни моей способностью читать, ни комментариями прессы.

— Я думаю, вам будет интересно. Так или иначе, мне пришла в голову одна мысль. Нужно поделить деньги. При такой свободе обращения с ними у вас должна быть целая куча лишних — для меня. Именно поэтому я и собираюсь вас застрелить, старшина.

Что ж, это привлекло его внимание. Я дождался, пока его челюсть отвисла, а глаза едва не вылезли из орбит, и нажал на курок длинноствольного пистолета. Он издал звук «шуф» и вздрогнул в руке, старшина хрюкнул и исчез под столом.

Это заняло всего лишь мгновение, и остальные в комнате едва успели заметить, что происходит необычное, когда я повернулся и перестрелял их всех одного за другим. Перешагнув через награждение тел, я высунул голову в заднюю комнату и позвал:

— Хо-хо, капитан, вот и я!

Он отвернулся от сейфа, пробормотал какое-то морское проклятие и заполучил в шею иголку. Свалился он так же быстро, как и остальные. Снадобье у меня было мощное — усыпляет моментально. Из передней комнаты уже раздавался храп. Жалованье было налицо: пачки хрустящих банкнот, аккуратно разложенные на множестве подносов. Я раскрыл свой складной чемодан и стал укладывать в него первую связку благословенной зелени. В этот момент оконное стекло разлетелось вдребезги, и в меня полетели пули.

Только я этого не дождался. Если бы они стреляли сквозь стекло, меня бы наверняка изрешетили свинцовые пули, так нравящиеся людям этой эпохи. То, что прежде, чем открыть стрельбу, они разбили стекло, дало моим отлично настроенным рефлексам долю секунды, необходимую для работы, к которой они всегда готовы. Я перекувыркнулся и откатился назад, выхватив из кармана мини-бомбы еще раньше, чем коснулся пола. Бомбы грохнули и запылали, воздух моментально потерял прозрачность. Вслед за первыми я швырнул еще, и стрельба прекратилась. Извиваясь на полу, как змея, оставив между собой и окном громаду сейфа, я начал, работая на ошупь, набивать чемодан деньгами. Пускай меня обнаружили, загнали в угол, и я — в смертельной опасности — это вовсе не повод бросать награбленное. Уж коли я пошел на эти хлопоты, они должны быть по крайней мере оплачены.

Волоча за собой ноги, я пополз к первой конторе, и уже было миновал дверь, когда снаружи раздался рев громкоговорителя.

— Мы знаем, что ты внутри. Выходи и сдавайся, или мы тебя продырявим. Здание окружено — у тебя нет шансов!

Около двери дым поредел и, встав в темноте, я увидел, что голос говорил правду. Там стояли грузовики, вероятно, наполненные безжалостными и хорошо вооруженными полицейскими. И еще джипы с установленными сзади крупнокалиберными ручными пулеметами.

Вполне достойный комитет по встрече.

— Ведь вы, крысы, не возьмете меня живьем! — закричал я, как

сеятель, разбрасывая вокруг себя во всех направлениях дымовые и световые бомбы, а заодно и разрывную гранату побольше, которая снесла часть задней стены. Под прикрытием всей этой суматохи я подполз к спящему старшине и содрал с него китель. Служил старшина уже долго, так что на его куртке нашивок было больше, чем полос у тигра, и лоснились локти. Я отбросил в сторону свой китель, надел взятый у спящего, затем обменялся фуражками. Эти люди снаружи расставили мне, по-видимому, хитрую ловушку, а это значило, что они знают обо мне значительно больше, чем мне хотелось бы. Однако их знание можно было обернуть против них быстрой сменой моего чина. Я швырнул еще несколько бомб, сунул пистолет в карман, подобрал оба чемодана и распахнул переднюю дверь.

— Не стреляйте! — завопил я хрипло, выбравшись на свежий воздух, и встал в дверном проеме, как прекрасная цель. — Не стреляйте — он держит меня на мушке. Я заложник! — я старался выглядеть испуганным, что не потребовало особых усилий, когда я увидел выставленную против себя маленькую армию.

Затем я шагнул немного вперед и посмотрел через плечо, давая каждому как следует рассмотреть меня. При этом я пытался не обращать внимания на ощущение, что у меня на груди нарисована здоровенная мишень с большой черной точкой прямо на сердце.

Ни один не выстрелил.

Я потянул это мгновение еще чуть-чуть, потом нырнул со ступенек и откатился в сторону.

— Огоны! Дайте ему! Я в порядке!

Это было в высшей степени зрелище. Все ружья выстрелили сразу, сорвали дверь с петель и выбили все стекла. Передняя стена здания стала дырявой, как дуршлаг.

— Цельтесь выше! — закричал я, отползая под прикрытием ближайшего джипа, — все наши парни на полу.

Они стали стрелять выше и еще энергичнее, да так, что начал отделяться верх здания от основания. Я прокрался мимо джипа, ко мне подошел офицер и упал, когда я прямо у него под носом раздавил капсулу сонного газа.

— Лейтенанта ранило! — закричал я, запихивая его и чемоданы на заднее сидение джипа. — Его надо увозить.

Шофер был очень услужлив и сделал, что сказано, едва дав мне время сесть самому. Прежде чем мы проехали пять метров, пулеметчик уже спал рядом с лейтенантом, а как только водитель врубил высшую передачу, задремал и он. Довольно сложное дело — вытащить его из сиденья и забраться туда самому — и все это, несясь на хорошей скорости. В конце концов я все это сделал и надавил хорошенько на педаль газа.

Они очень быстро сообразили в чем дело. Первый из джипов пустился за мной еще тогда, когда я засовывал водителя к остальным на заднее сиденье. Этот барьер из тел оказался большой удачей — потому что никто больше не стрелял. Однако они висели у меня прямо на хвосте. Я круто повернул вокруг здания и послал врассыпную целый

взвод каких-то салаг. Затем быстро оглянулся на преследователей. Вот это да! 20—30 машин всех сортов неслись вслед за мной, обгоняя друг друга в реве гудков и сирен: легковые джипы, грузовики, даже один или два мотоцикла. Просто прелесты! Джим ди Гриз — благодетель человечества. Куда бы я ни двинулся, за мной следует счастье. Я повернул в большой ангар и понесся между рядами припаркованных вертолетов. Механики разбежались в стороны в облаках брошенных инструментов, а я круто развернулся среди машин и понесся к раскрытым воротам ангара.

Когда я вылетел с одной стороны, мои преследователи как раз въехали в здание с другой. Совсем неплохо.

Вертолет — почему бы и нет. Ведь это Гринфилд — самозванная вертолетная столица мира. Если они могут их чинить, то могут, конечно, на них и летать.

К этому времени вся морская база наверняка накрепко заперта и окружена. Нужно поискать другой путь наружу. Вдалеке с одной стороны маячил зеленый стеклянный силуэт диспетчерской башни, туда я и направился. Передо мной расстилалась взлетная полоса, на ней стояли плоскобрюхие вертолеты с рокочущими моторами и медленно вращающимися лопастями. Я с визгом остановил джип перед раскрытым настежь люком, но когда я вставал, чтобы забросить в него свои чемоданы, чей-то тяжелый башмак попытался ударить меня по голове.

Конечно же, их предупредили по радио, и всех остальных в радиусе ста миль. Это очень досадно. Пришлось нырнуть под удар, схватить башмак и бороться с его обладателем, пока орда моих верных преследователей ревела за спиной. Хозяин башмака знал слишком много об этом виде спорта, так что я смухлевал и закончил матч раньше времени, выстрелив ему в ногу одной из своих иглок. Потом я швырнул внутрь деньги, за ними — несколько гранат с сонным газом и, наконец, забрался сам.

Не желая беспокоить похрапывающего за приборной доской летчика, я уселся в кресло второго пилота и вынул глаза на циферблаты и ручки. Для такого примитивного аппарата их было более чем достаточно. Методом проб и ошибок я ухитрился найти все необходимое, но к тому времени вертолет был окружен плотным кольцом машин, и толпа вооруженных дубинками и ружьями военных полицейских в белых касках состязалась за право первым войти в вертолет.

Сонный газ валил их, даже тех, кто был в противогазах. Я подождал, пока их набралось достаточное количество, и дал полный газ.

Видимо, бывают и лучшие взлеты, но, как однажды сказал мне инструктор, все, что поднимает тебя в воздух — удовлетворительно. Я видел, как подо мной люди, ища спасения, разбежались, услышал скрежет колес по крыше одного грузовика. Потом мы повисли в воздухе, медленно развернулись и затарахтели прочь: на юг и к океану. Не одна только случайность привела меня именно в это военное заведение, когда мои деньги стали подходить к концу.

Гринфилд расположен в нижнем конце Калифорнии, с Тихим океаном по одну сторону и Мексикой по другую. Нельзя забраться дальше на юг и на запад, продолжая оставаться в Соединенных Штатах. Как раз в этот момент мне почему-то расхотелось оставаться в этом государстве. Теперь, когда почти все вертолеты флота и морской пехоты в стране спешили за мной в погоню, я сообразил, что к ней подключатся и истребители. Однако Мексика — суверенное государство, другая страна, и погоня не станет следовать за мной туда, по крайней мере, я на это надеюсь. Во всяком случае возникнут какие-нибудь проблемы и прежде чем их разрешат, я буду далеко.

Передо мной неслись белые пляжи и голубая вода, а я занимался выработкой плана спасения, а также знакомился с управлением. После многих проб и ошибок и нескольких тошнотворных нырков я отыскал автопилот. Отличное устройство, которое можно установить на парение или полет по курсу. Именно то, что нужно! Простой взгляд на него предоставил мне готовый план. Подо мной пролетела граница, затем арены корриды, затем розовые, лиловые, желтые дома мексиканского морского курорта. Они быстро пронеслись мимо, и сразу же вслед за ними началась мрачная береговая линия, Байя Калифорния, черные зубы скал, окруженные пеной, песок и отвесные ущелья, спускавшиеся к морю, серые кустарники, пыльные кактусы. Редко — дом или лагерь. Прямо впереди в океан вдавался скалистый полуостров. Я повел машину над ним и вниз по другую сторону. Остальные вертолеты отстали от меня только на несколько секунд.

Только эти секунды мне и были нужны. Я установил автопилот на «парение» и перебрался через спящих блюстителей порядка. Океан был примерно в десяти метрах внизу. Огромные вращающиеся лопасти вырывали из него облака брызг. Я швырнул в него оба чемодана и повернулся, чтобы сделать укол в шею летчика. Он зашевелился и заморгал — антидот сонного газа действует почти мгновенно — а я установил автопилот на прямой полет и кинулся к открытому люку.

И очень вовремя. Вертолет уже двигался вперед на полной скорости, когда я оказался в воздухе. Высота была небольшая, но я все же успел сориентироваться ногами вниз, так что они первыми вошли в волны. Я погрузился, глотнул воды, закашлялся, всплыл и стукнулся головой об один из своих непотопляемых чемоданов. Вода была много холодней, чем я рассчитывал. Я начал дрожать, а левую ногу свело судорогой. Чемодан помог мне держаться на поверхности, так что, брыкаясь, барахтаясь и поднимая пену, мне удалось добраться до второго чемодана. Пока я этим занимался, наверху раздался могучий рев, и рокошущая свора вертолетов пронеслась мимо, подобно ангелам мщения. Я уверен, что никто из них не глядел вниз, на воду, все глаза были сосредоточены на одиноком вертолете, летящем далеко впереди по направлению к югу. Пока я смотрел, эта машина начала раскачиваться и свернула по медленной плавной дуге. Неожиданно появился реактивный самолет с треугольными крыльями, спикировал рядом

с самолетом и стал вокруг него кружить. Время у меня было, но не слишком много. А на голых скалах полуострова и на пустынном песке пляжа спрятаться было совершенно негде.

«Импровизируй,— сказал я себе, гребя к берегу и отфыркиваясь.— Тебя ведь недаром зовут Скользким Джимом. Выскользни из этой переделки». Судорога схватила всю, и единственное, что мне хотелось сделать — это уйти под воду. Потом под ногами оказался песок. Я вышел, пошатываясь и задыхаясь, на берег.

Мне следовало укрыться без посторонней помощи. Мимикрия — древняя штучка матери-природы. Разозленные вертолеты по-прежнему роились на горизонте, когда я начал бешено, голыми руками разгребать песок.

«Прекрати! — приказал я себе и сел раскачиваясь.— Используй мозги, а не мускулы — урок номер один».

Ну конечно. Я взял гранату, активизировал ее и бросил в неглубокую ямку. Граната бабахнула вполне удовлетворительно и пустила во все стороны фонтаны песка. После нее остался аккуратный кратер, который как раз мог вместить мои чемоданы. Я швырнул их туда и стал с бешеной скоростью рездеться, швыряя одежду им вслед. Вертолеты, должно быть, поболтали друг с другом и теперь разворачивались, снова направляясь к берегу.

Чисто случайно тщеславие заставило меня надеть сегодня утром яркочерное нижнее белье, которое издали легко могло сойти за купальный костюм. Я разделся до этих шорт и забросал яму песком, прикрыв все.

К тому времени, когда надо мной пронесся первый вертолет, я уже лежал лицом вниз и загорал, как обычный пляжный купальщик. Они прошли над головой, выстроившись в цепь, прочесывая окрестности. Я сел и поглядел на них, как сделал бы всякий в такой ситуации. Потом они пролетели над скалистой грядой и унеслись. Шум моторов постепенно замер в отдалении.

Но не надолго, это ясно. Что мне делать? Сидеть смирно и прикидываться дурачком. Я сам выбрал себе эту роль и теперь должен играть ее до конца.

Много времени им не понадобилось. Тот, кто ими командовал, приказал выстроиться в линию и прочесывать океан, пляж и холмы. Теперь они двигались медленно, по пути рассматривая, наверняка с помощью сильных биноклей, каждый дюйм.

Пришлось еще разок искупаться. Я задрожал, едва вода забурлила вокруг моих лодыжек, и наверняка знаю, что посинел, когда она поднялась еще выше. На мою голову обрушились волны, и я величаво поплыл по-собачьи.

Вертолеты вернулись, и один повис надо мной, подняв облако брызг. Я погрозил ему кулаком и проорал вполне натуральные проклятия под звук его мотора. Кто-то высунулся из открытого люка и звал меня, но я не вслушивался. Помахав еще некоторое время кулаком, я нырнул и поплыл под водой, пытаясь заставить свою нетронутую судорогой ногу работать за обе. Вертолет полетел вслед за остальными, а я вновь

проделал свой мучительный путь на берег, чтобы солнце и ветер могли меня высушить.

Как же я отсюда выберусь?

Глава 10

Как только вертолеты скрылись из виду, я уподобился кроту и раскопал одежду и чемоданы, бегом отнес их вверх по берегу, выше приливной линии. Еще одна бомба, и еще одна зарытая яма — только на этот раз я предварительно надел брюки и ботинки и убедился, что часть моего снаряжения находится в карманах. Несколько быстрых разрезов превратили форменную рубашку с короткими рукавами в спортивную футболку. Когда эта одежда начала подсыхать, то потеряла всякое сходство с военной формой — и к лучшему. Перед уходом я разбросал и разровнял песок, чтобы скрыть следы моих раскопок, тщательно запомнив ориентиры — три больших пика в глубине материка — чтобы потом найти эту точку. Затем направился к прибрежной дороге, находящейся в нескольких сотнях метров отсюда.

Мне по-прежнему везло. Едва я выбрался на дорогу, ведущую на север, как ко мне подъехала похожая на жука машина на высоких колесах. Универсальным жестом я поднял большой палец. Ответом мне был скрежет тормозов. Теперь я разглядел, что на заднем сиденье сидели двое загорелых молодых людей, одежда которых была в большем беспорядке, чем моя. Такая мода, подумал я. Может быть, они примут меня за своего.

— Человече, а ты мокрый, — прокомментировал один, пока я залезал на заднее сиденье.

— Я тут наклюкался и решил пройтись по водичке.

— Нужно как-нибудь попробовать, — ответил водитель. Машина рванулась вперед по дороге.

Не прошло и минуты, как навстречу нам в сверкании огней и реве сирен пронеслись два громоздких черных седана. На их бортах было большими буквами написано... Для того, чтобы перевести это, лингвистических познаний почти не требовалось. Мои новые друзья, отказавшись от предложения освесить, посадили меня в деловую часть города Тихуана и быстро уехали. Я остался сидеть за столиком перед кофе и большим стаканом текилы, лимоном, солью и рассудил, что спасся от тщательно расставленной ловушки.

А это действительно была ловушка. Теперь, когда я мог остановиться и хорошенько подумать, это стало очевидно. Все эти джипы и грузовики не могли возникнуть из воздуха. И очень сомнительно, что кому-то удалось собрать такие силы за весьма короткий срок — даже если сработала сигнализация.

Я шаг за шагом припомнил все свои действия и окончательно убедился, что не мог ее потревожить.

Тогда как же они проводали, что должно случиться?

А узнали они потому, что какой-то временной попрыгунчик

прочитал обо всем в газетах, рванул назад в прошлое и послал предупреждение. Я почти ожидал такого поворота, хотя это и не значило, что получил от него удовлетворение. Я слизнул с руки соль, заглотив текилью и впился зубами в лимон. Эта комбинация как бы прожигала себе дорогу вниз по горлу, а на вкус оказалась просто восхитительной.

Он жив. Я уничтожил его организацию в этом добром от Рождества Христова 1975 году, но ОН отправился творить бóльшие и худшие подлости в другую эпоху. Темпоральная война снова в разгаре. ОН и его сумасшедшие хотят контролировать всю историю и все времена, и эта безумная затея вполне может увенчаться успехом, потому что они уже уничтожили Спецкорпус будущего, единственную организацию поддержания порядка, которая могла их остановить. Точнее, они уничтожили весь Корпус, за исключением меня. Я же прыгнул назад, в прошлое, чтобы уничтожить их самих, и тем самым воссоздать Корпус на вероятных путях будущей истории. Большое задание. Я выполнил его на 99,9 процента. Оставшаяся жизненно важная десятая процента по-прежнему сулила хлопоты: чудовищный Он ускользнул от меня в конце темпоральной спирали, хотя и был уже хорошенько нашингован разрывными пулями из моего пистолета. Не иначе, как бронированные кишки! В следующий раз придется использовать что-нибудь посерьезнее. Атомная бомба на подносе с завтраком или что-нибудь в этом роде.

За работу. Прежде я надеялся, что удастся построить темпоральную спираль, чтобы швырнуть меня назад в будущее, когда дело доходит до путешествий во времени, грамматика всегда оставляет желать лучшего. Одним словом, вперед-назад. В объятия моей Анжелы и к похвалам коллег. Но не сейчас прямо, потому что они реально не существуют.

Темпоральная война — тонкая штука и иногда может быть весьма запутанной. Время могло быть более последовательным. Я очень рад, что мне не требовалось знать теорию — для того, чтобы мотаться взад-вперед по времени таким темпоральным теннисным мячиком, прилагая отчаянные усилия для выполнения своего задания.

Следующее утро не принесло никаких сложностей — нужно было лишь достать машину и откопать деньги. Правда, при этом пришлось заставить уснуть прямо на работе нескольких переодетых полицейских. Перетащить деньги назад, в Соединенные Штаты, было даже проще. Еще до полудня я появился в конторе «Чиэзнер Электроникс Инкорпорейтед» в Сан-Диего. В результате я получил большую и хорошо оборудованную лабораторию с маленькой приемной, в которой сидела не слишком любопытная секретарша. Место я устроил как только мог хорошо, и теперь пришла очередь браться за дело профессору Койцу.

— Вы понимаете, проф,— сказал я, обращаясь к маленькому металлическому ящичку с его именем на крышке,— все устроено и готово к работе.— Я потряс ящик.— Однажды вы мне расскажете, как ваши воспоминания могут существовать в этом аппарате, когда вас самих нет и не будет никогда, потому что ОН и его психи уничтожили

Корпус. А лучше — не говорите ничего. Я совсем не уверен, что хочу это знать.

Я поднял коробку и обвел ее вокруг себя, показывая комнату.

— Лучшее оборудование, которое можно достать на краденые деньги. Все современные исследовательские инструменты, до которых я мог добраться, запасы всевозможных запчастей, запасы сырья. Каталоги всех электронных, физических фирм. Большой счет в банке, чтобы покупать все, что понадобится, и куча подписанных чеков, которые только и ждут, чтобы их заполнили. Тщательно записанный лингафонный курс языка. Инструкции. История всего, что случилось. Передаю все это вам, проф, и обращайтесь хорошо с этим телом. Оно — единственное, которое у нас с вами осталось.

Не давая себе возможности передохнуть, я лег на кушетку, прикрепил контакт ящика воспоминаний сзади шеи и повернул выключатель.

— ЧТО случилось? — сказал Койцу, проскальзывая в мой мозг.

— Много всякого. Вы в моей голове, Койцу, так что не делайте ничего опасного.

— Исключительно интересно. Да, действительно, ваше тело. Дайте-ка мне двинуть рукой. Перестаньте вмешиваться. На самом деле, почему бы вам не уйти на время, пока я посмотрю, что происходит.

— Я не уверен, что хочу этого.

— Ну, вы должны. Глядите, я нажимаю.

— Нет! — закричал я, но без толку.

Накатилась бесформенная чернота, и я полетел вниз по спирали, в огромную пустоту, отброшенный электронно-усиленными воспоминаниями Койцу.

Время тянется так медленно.

Моя рука сжимала черный ящик, на нем грубыми большими буквами было написано «Койцу», пальцы лежали на переключателе «выключено». Память вернулась. Я мысленно затрясся и стал искать стул, чтобы присесть. И заметив, что уже сажу, я уселся еще плотнее.

Я был в отпуске, и кто-то другой управлял моим телом. Теперь, снова обретя контроль, я заметил слабые следы-воспоминания о работе, о долгих днях, возможно, неделях напряженной работы. На пальцах были ожоги и мозоли, а на тыльной стороне правой кисти — новый шрам. В это время завертелся магнитофон, должно быть, в нем был таймер — и со мной заговорил профессор Койцу.

— Первое — не делайте этого снова. Не позволяйте записанной памяти моего мозга обрести контроль над вашим телом. Потому что я все помню. Я помню, что больше не существую. Эти мозги — в коробочке — может быть, все, что у меня когда-нибудь еще будет. Если я поверну этот выключатель, я перестану быть. Может оказаться, его никогда не включают снова. Вероятно, так и будет. Это — самоубийство, а я не самоубийца. Невероятно тяжело коснуться

тумблера. Я думаю, сейчас мне это удастся. Я знаю, какова ставка. Что-то неизмеримо большее, чем псевдожизнь этого законсервированного мозга. Так что я приложу все усилия, чтобы повернуть тумблер. Сомневаюсь, удастся ли мне это во второй раз. Повторяю: не делайте этого больше никогда. Помните!

— Помню, помню,— пробормотал я, выключая магнитофон, ища сначала, чего бы выпить. Койцу — хороший человек. Его бар был снабжен так же, как и при мне. Стакан солодового виски тройной очистки со льдом выгнал из головы часть тумана. Я уселся и снова включил аппарат.

— К делу. Как только я начал осматриваться, стало очевидным, почему эти темпоральные преступники выбрали эту эпоху. Общество только что ворвалось в технологическую эру, но люди психологически остались в темных веках. Национализм, какая глупость; загрязнение среды, преступления, всепланетная война, безумие...

— Достаточно лекций, Койцу, ближе к делу.

— ...но нет никакой необходимости читать лекции по этому поводу. Достаточно сказать, что все материалы для темпоральной спирали здесь есть. А обстановка в обществе такова, что можно успешно скрывать большие предприятия по манипулированию временем. Я построил темпоральную спираль, и она взведена и настроена. Я построил аппарат для зондирования времени и с его помощью определил временное положение этого создания по имени ОН. По причинам, известным только ЕМУ, он действует теперь из эпохи, находящейся в далеком прошлом этой планеты, примерно 170 лет отсюда. Я могу только предполагать, но мне кажется, что его теперешние действия — только ловушка — несомненно, для вас. Каким-то способом — я не мог разобраться — он возвел темпоральный блок перед 1805 годом, поэтому вы не можете вернуться в достаточно ранний период, чтобы захватить его во время создания его теперешнего предприятия. Будьте осторожны, ОН, видимо, работает с большими силами. Я поместил рычаги управления так, что вы можете выбрать любой год из пяти после 1805 года, в течение которых проявляется их активность. Город называется Лондон. Выбор за вами. Желаю удачи.

Я выключил магнитофон и, подавленный, снова пошел за выпивкой. Вот так выбор. Выбери год, в котором тебя пришьют. Отправляйся назад в дикарское общество и стреляйся с ЕГО подручными. Даже если я выиграю, что тогда?! Я буду заперт там на всю жизнь, застряну во времени. Безрадостная перспектива. По сути, у меня лишь иллюзия выбора. ОН отслеживает меня в 1975 году, и, очень может быть, ЕМУ в следующий раз удастся стереть меня в порошок. Много лучше драться с НИМ самому. Весело. Я налил себе еще и потянулся за первой книгой, стоящей на длинной полке.

Койцу не тратил времени даром. Кроме изготовления всего оборудования, он собрал небольшую отличную библиотеку об интересующих меня годах, печальной декаде девятнадцатого столетия. Местом моего назначения был Лондон, и коль скоро это стало ясно, величайшую важность приобретало имя одного человека.

Наполеон Буонапарте. Наполеон I, император Франции, большей части Европы, едва не ставший императором всего мира. Странно, как мало отличалась мания величия этого человека от ЕГО собственных амбиций. Это не могло быть совпадением. Тут должна была существовать связь. Я еще не знал пока, какая. Но был гнетуще уверен, что скоро узнаю. Тем временем я стал читать все подряд, касающееся этого периода, до тех пор, пока не почувствовал, что разузнал все необходимое. Единственным светлым пятном в этом деле было то, что Англия говорила на разновидности того же самого языка, что и Америка. Так что мне не пришлось возвращаться к мучительным для моей головы урокам с мнемографом.

Конечно, оставался вопрос с тамошней одеждой, но у меня были более чем достаточные иллюстрации того периода, чтобы заказать все необходимое. В итоге, театральный костюмер в Голливуде снабдил меня полным гардеробом, начиная от обтягивающих штанов и курток со множеством пуговиц до огромных плащей и шляп. Моды того времени оказались весьма удобными: я мгновенно их одобрил, скрывая свои многочисленные приборы в обширных складках одежды.

Так как я попаду в точно выбранное время независимо от того, когда покину это, то я решил не спешить и подготовиться как следует. Но, в конце концов, все благовидные предлоги для отсрочки кончились, время пришло. Мое оружие и инструменты были отрегулированы и подготовлены: здоровье отменное; рефлексы мгновенные; состояние души — паршивое, но чему быть — того не миновать. Я появился в приемной, секретарша усталилась на меня поверх своего иллюстрированного журнала, не переставая жевать резинку.

— Мисс Киппер, выпишите для себя чек на четырехнедельную зарплату. Вы уволены.

— Вам не нравится моя работа?

— Вы работали как следует, но из-за дурного управления эта фирма обанкротилась. Я уезжаю за границу, спасаюсь от кредиторов.

— У-у-у, какая жалость.

— Благодарю за сочувствие. Давайте я подпишу чек...

Мы пожали руки, и я проводил ее наружу. За помещение было заплачено за месяц вперед. Я не имел ничего против того, чтобы владелец получил оставленное мною оборудование, однако у меня выработалось совершенно определенное недоверие к аппаратуре темпоральной спирали, которая останется в действии после моего ухода. Со временем и так намухлевали более чем достаточно. У меня не было ни малейшего желания вводить в эту игру новых участников.

Втиснуть себя в скафандр вместе со всей своей допотопной одеждой оказалось тяжким трудом, и в конце концов мне пришлось снять ботинки и куртку и привязать их снаружи вместе с остальным снаряжением. Я проковылял к панели управления и собрался с мыслями для окончательного решения. Я знал, куда хочу прибыть и, следуя инструкциям Койцу, уже ввел в машину необходимые координаты. Лондон исключается. Если у них есть какие-нибудь

детекторы, они непременно заметят мое прибытие. Я хотел появиться географически достаточно далеко, чтобы меня не обнаружили, но достаточно близко, чтобы я не мучился от длительного путешествия в примитивном транспорте того времени. Все, что я о нем прочитал, заставило меня собраться. Итак, я остановился на долине Темзы около Оксфорда. Массив Уитернских холмов будет между мной и Лондоном, и их крепкие скалы поглотят радарные и зет-лучи и все остальные виды детекторного излучения. Прибыв на место, я смогу отправиться в Лондон по воде, что-то около ста километров, а не по тогдашним отвратительным дорогам.

Туда я и отправлюсь. А вот когда — это другое дело. Я внимательно уставился на аккуратно нумерованные циферблаты, как будто они могли мне что-нибудь ответить. Но они оставались немymi. В 1805 году установлен темпоральный барьер, так что раньше я прибыть не могу. Сам 1805 год казался уж очень похожим на ловушку; они будут наготове в это время, бдительно ожидая. Поэтому я должен появиться позднее. Но не намного, иначе они успеют выполнить все зло, которое у них на уме. Ну что ж, два года недостаточно для их работы, но достаточно — по крайней мере, я надеюсь — чтобы застать их хоть немного врасплох. Я глубоко вздохнул, установил циферблат на 1807 год и нажал активатор. Через две минуты аппаратура разовьет полную мощность. Свинцовыми ногами я добрался до мерцающей зеленой петли темпоральной спирали и коснулся ее выступающего конца.

Как и прежде, не было никаких ощущений, только сияние, окружавшее меня, сделало остальную комнату едва видимой. Две минуты казались больше похожими на два часа, хотя часы сказали мне, что до прыжка еще больше пятнадцати секунд. На этот раз я зажмурил глаза, вспомнив мерзкие ощущения моего предыдущего временного прыжка. Когда спираль освободилась и швырнула меня назад сквозь время, я был напряжен, взволнован и слеп.

Зонк! Весьма неприятно, когда спираль развернулась, меня понесло в прошлое, а ее энергия рассеялась в будущем. Интересное теоретическое положение, которое в настоящий момент меня совершенно не интересовало. По каким-то причинам это путешествие взбудоражило мои кишки намного сильнее предшествующего, и я был очень занят, убеждая себя, что блевать внутри скафандра совсем неподобающая вещь.

Справившись с этим, я понял, что ощущение падения происходило от того, что я на самом деле падаю. Так что я открыл глаза и увидел себя среди проливного дождя. Совсем недалеко в лесу смутно выделялись стремительно приближающиеся мокрые поля и, казавшиеся очень колючими, деревья.

После нескольких мгновений панической борьбы с управлением гравитатора я смог включить его на полную мощность. Ремни затрещали и застонали от внезапного ускорения. Я тоже затрещал и застонал. Тогда стало казаться, что лямки прорезают мне тело до костей и что кости тоже долго не выдержат... Я искренне ожидал увидеть, как мои ноги и руки оторвутся и пролетят мимо, когда

вломился в тонкие ветви поджидавшего дерева, отскочил от сука побольше и шлепнулся на землю. Кажется, гравитатор по-прежнему работает на полную, и как только травянистый склон остановил мое падение, я снова полетел — теперь вверх и снова треснулся о тот же сук, вылетел сквозь вершину, прихватив с собой множество всяких сучков и веточек. Снова я поиграл с управлением и постарался сделать это на сей раз удачнее. Я спланировал вниз, на этот раз мимо дерева и, упав, как мокрое перо, на траву, остался на ней лежать.

— Чудесное приземление, Джим,— простонал я, ощупывая себя в поисках сломанных костей.— Тебе следует работать в цирке.

Я был избит, но цел — это я понял после того, как таблетка болеутолителя прояснила мне голову и притупила нервные окончания. С запозданием я огляделся вокруг в поисках свидетелей моего приземления, но сквозь дождь я не увидел ни души и никаких следов человеческого жилья. На соседнем поле паслось несколько коров, не потревоженных моим драматическим появлением. Итак, я прибыл.

«За работу»,— приказал я себе. И стал разгружаться под прикрытием большого дерева. Первая вещь, которую я снял, был изобретенный и сооруженный мной контейнер. Он раскрылся и собрался в окованный латунью кожаный ящик, характерный для этого периода. Все остальное, включая гравитатор и скафандр, как раз вместились в него. К тому времени, когда я загрузил и запер его, дождь перестал, и слабенькое солнце стало с трудом пробиваться через облака. Уже середина дня, определил я по его высоте. Достаточно времени, чтобы до темноты найти убежище. Но в каком направлении? Разбитая тропа через коровье пастбище должна куда-то вести. Я пошел по ней вниз с холма, перебравшись через наклонную изгородь, чтобы до нее добраться. Коровы повели в моем направлении своими круглыми глазами, не обращая на меня во всем остальном никакого внимания. Это были большие животные, знакомые мне только по фотографиям, и я попытался вспомнить все об их драчливости. Эти звери, очевидно, тоже ничего про это не помнили, и совсем меня не тревожили, пока я шел вверх по дороге с ящиком на плече, вперед, навстречу этому миру. Тропа привела меня к перелазу, выходившему на проселочную дорогу. Неплохо. Я перебрался на нее и как раз размышлял, какое направление избрать, когда приближающаяся допотопная повозка заявила о своем присутствии громким скрипом и волной зловония, принесенной ветерком. Вскоре она с громким стуком появилась в поле зрения. Двухколесный деревянный реликт, влекомый костлявой лошадью и доверху наполненный субстанцией, которая, как я узнал позднее, именуется навозом — естественным удобрением, высоко ценным за его полезность для посевов и то, что из него добывают одну из жизненно важных составляющих оружейного пороха. Водитель этой повозки, неопрятно выглядевший крестьянин в бесформенной одежде, ехал на расположенной впереди платформе. Я шагнул на дорогу и поднял руку. Он дернул за несколько ремней, которыми управлялось тягловое животное, и все сооружение со стоном остановилось. Он поглядел на

меня сверху, пожевывая пустыми деснами — воспоминание о давно исчезнувших зубах. Потом вытянулся и коснулся костяшками пальцев лба. Я читал об этом жесте, который представлял часть отношений низших классов к высшим и понял, что мой выбор костюма был правильным.

— Любезный, я направляюсь в Оксфорд, — сказал я.

— Э-э-э?.. — ответил он, приставив замызганную руку к уху.

— Оксфорд! — прокричал я.

— Да, Оксфорд, — счастливо кивнул он в знак согласия. — Это туда, — указал он через плечо.

— Я направляюсь в этот город. Ты довезешь меня?

— Я еду туда, — он указал вперед по дороге.

Я вытащил из бумажника золотой соверен, приобретенный у торговца старинными монетами, и показал ему. Это было больше денег сразу, чем он, вероятно, видел за всю свою жизнь. Его глаза широко открылись, а десны резко щелкнули.

— Я еду в Оксфорд.

Чем меньше говорить об этой поездке, тем лучше. Пока неподдрессированный говновоз мучил сидишную часть моего тела, мой нос подвергался нападению со стороны его груза. Но, по крайней мере, мы ехали в верном направлении. Мой шофер хихикал и бормотал себе под нос что-то непонятное, совершенно обезумев от жадности при виде моей золотой «манной», и понукал древнего одра ковылять с максимальной для него скоростью. Когда мы выехали из-под деревьев, выглянуло солнце и впереди появились серые здания университета, бледные на фоне сланцево-серых облаков. Весьма привлекательное зрелище, по правде сказать.

— Оксфорд, — сказал возница, указывая корявым пальцем. — Мост Магдалины.

Я слез вниз и потерял свои избитые окорока, глядя на изящную арку моста через маленькую речку. Рядом со мной раздался глухой удар, когда мой ящик шлепнулся на землю... Я было начал возмущаться, но мой транспорт уже развернулся и пустился назад по дороге. Так как я имел не больше желания въехать в город на телеге, чем возница — везти меня, я не стал спорить. Однако он мог по крайней мере сказать что-нибудь, например, до свидания. По-настоящему это не имело значения. Я взвалил ящик на плечо и побрел вперед, прикидываясь, как будто не вижу одетого в голубой мундир солдата, стоящего у хижины на конце моста. Солдат держал какое-то громадное пороховое оружие, оканчивающееся чем-то вроде острого лезвия. Однако он отлично видел меня и опустил свое приспособление, так что оно загородило мне дорогу, и придвинул свое чернобородое лицо прямо к моему.

— ? — выговорил он что-то невнятное. Понять невозможно. Вероятно, это был городской диалект, так как я без труда понимал деревенщину, который привез меня сюда.

— Не будете ли вы любезны повторить? — попросил я дружелюбным тоном.

—, — прорычал он и занес нижний деревянный конец своего оружия, чтобы попасть мне по диафрагме.

С его стороны это было не очень любезно. Я продемонстрировал ему свое отвращение, отступив в сторону, так что удар пришелся в пустоту, и ответил ему той же монетой, но с большим успехом — засадил коленом в его диафрагму. Он согнулся пополам, и я рубанул его по шее, как только этот случай представился. Поскольку он потерял сознание, я подхватил его оружие, чтобы, падая, оно не сработало.

Все это произошло исключительно быстро, и я обратил внимание на дикие взгляды проходившей публики. Кроме этого, я заметил бешеный взгляд другого солдата, стоявшего в дверях обветшалой будки. Солдат подымал на меня свое оружие. Безусловно, это не незаметное появление в городе, но, раз начав, я вынужден был и закончить.

Сказано — сделано. Я нырнул вперед, что позволило мне опустить на землю ящик и одновременно избежать нападения. Раздался взрыв, и язык пламени пронесся у меня над головой. Потом приклад моего ружья поднялся вверх и угодил под подбородок моему второму противнику — он полетел назад и вниз, а я бросился вслед за ним. Если внутри есть люди, то будет лучше разобраться с ними в замкнутом пространстве.

И точно, там оказались еще солдаты. И в изрядном количестве, так что я, позаботившись о ближайшем маленькими грязными приемами ближнего боя, активизировал гранату с сонным газом, чтобы утихомирить остальных, я должен был это сделать — хотя мне и не хотелось. Не спуская настороженных глаз с двери, я быстро измазал одежду и надавал по ребрам людям, которые свалились от газа, с тем, чтобы изобразить дело так, как будто они пали жертвой насилия.

Как же я теперь отсюда выберусь? Наилучшим ответом было — быстро, потому что публика наверняка сразу разнесет тревожную весть. Однако, когда я подошел к двери, то увидел, что прохожие подошли поближе и старались рассмотреть, что происходит. Когда я вышел наружу, они заулыбались и радостно зашумели, а один громко выкрикнул:

— Да здравствует его милость! Поглядите, как он разделался с этими французишками.

Раздались радостные крики. Я стоял пораженный. Что-то было совсем не так. Потом я понял — один факт тревожил меня с тех пор, как я впервые увидел колледж. Флаг, гордо развевающийся на вершине ближайшей башни. Где же на нем английские кресты?

Это был французский триколор.

Глава 11

Пока я пытался сообразить, что бы это значило, через толпу протиснулся человек в простой одежде из коричневой кожи и громко приказал толпе замолчать.

— Расходитесь по домам, ну! Сейчас придут лягушатники и поубивают вас всех. И никому об этом ни слова. Если не хотите висеть на городских воротах.

Возбуждение сменилось страхом, и народ начал быстро расходиться. Лишь два человека пробирались сквозь редешую толпу, желая подобрать разбросанное внутри оружие. Сонный газ уже рассеялся, поэтому я не стал им препятствовать. Первый, подходя ко мне, поднял к шапке два пальца.

— Отлично сработано, сэр, но вам нужно скорее уходить, потому что кто-нибудь мог услышать этот выстрел.

— Куда мне идти? Я никогда в жизни не был в Оксфорде.

Он быстро осмотрел меня с ног до головы, как и я его. И принял решение.

— Идемте с нами.

И очень вовремя. Потому что, когда мы, нагруженные ружьями, скользнули на боковую улицу, я уже слышал на мосту тяжелую поступь марширующих башмаков. Но мои спутники были местные жители, знали все повороты и проходные дворы и, насколько я мог судить, нам совсем ничего не грозило. Мы бежали и шли в полном молчании почти час, пока не достигли большого амбара, который, очевидно, и был местом нашего назначения. Я вошел вслед за остальными и поставил свой ящик на пол. Когда я выпрямился, мужчины, тащившие ружья, схватили меня за руки, а человек в кожаной одежде приставил к горлу исключительно острый нож.

— Кто вы такой? — спросил он.

— Меня зовут Браун. Джон Браун. Из Америки. А как ваше имя?

— Бревстер, — потом, не меняя тона. — Как, по-вашему, почему бы нам не убить вас, как шпиона?

Я спокойно улыбнулся, чтобы показать ему, насколько глупа эта мысль. Внутренне я был совсем не спокоен. Шпион? Почему бы и нет? Что я могу ответить? Думай быстренько, Джим, ведь нож убивает так же верно, как атомная бомба. Что мне известно? Французские солдаты оккупируют Оксфорд. Это значит, что они высадились в Англии и захватили ее или ее часть. Существует сопротивление этому вторжению, державшие меня люди служат доказательством этому. Отталкиваясь от этих соображений, я попытался импровизировать.

— Я выполняю здесь секретное поручение. — Это всегда полезно. Нож по-прежнему прижат к моему горлу. — Америка, как вы знаете, поддерживает ваши цели.

— Америка помогает французам. Так сказал ваш Бенджамен Франклин.

— Да, конечно, мистер Франклин несет громадную ответственность. Франция слишком сильна, чтобы бороться с нею сейчас, поэтому мы поддерживаем ее. Это на поверхности, но есть люди, вроде меня, которые идут вам на помощь.

— Как это вы докажете?

— Что я могу? Бумаги можно подделывать. К тому же носить их с собой смертельно опасно, и вы бы им не поверили. Но у меня есть

вещь, которая говорит сама за себя, и я еду в Лондон, чтобы доставить ее нужным людям.

— Кому? — нож чуть-чуть отодвинулся.

— Я вам не скажу. Но по всей Англии есть люди подобные вам, люди, желающие свергнуть ярмо тиранов. Мы снеслись с некоторыми из этих групп. И со мной то самое свидетельство, о котором я говорил.

— Что же это?

— Золото.

Это — уж наверное — привело их в замешательство. Я почувствовал, как хватка на моих руках ослабла. И я стал развивать свой успех.

— Вы никогда не видели меня прежде, и, вероятно, никогда не увидите больше, но я могу оказать вам финансовую помощь для покупки оружия, подкупа солдат, помощи заключенным. Почему, по вашему, я напал сегодня на этих солдат — у всех на виду? — спросил я, повинуясь внезапному импульсу.

— Скажите нам,— ответил Бревстер.

— Чтобы повстречаться с вами.

Я медленно оглядел их удивленные лица.

— Во всех частях света есть лояльные англичане, которые ненавидят захватчиков и будут бороться, чтобы вышвырнуть их с этих зеленых берегов. Но как их найти и помочь? Я только что показал вам один способ — и снабдил вас этим оружием. Теперь я дам вам и золото для продолжения борьбы. Так же, как я доверяю вам, и вы должны довериться мне. У вас будет достаточно золота, и если вы пожелаете, то сможете улизнуть отсюда и счастливо прожить жизнь в каком-нибудь другом месте. Но я думаю, вы этого не сделаете. Вы рисковали жизнью из-за этих ружей и вы поступите достойно. Я дам вам золото и уйду. Мы никогда впредь не встретимся. Мы должны доверять друг другу. Я верю вам...— и замолчал, предоставляя им возможность закончить фразу самим.

— По мне все правильно, Бревстер,— сказал один из мужчин.

— По мне, тоже,— поддержал другой.— Давай возьмем золото.

— Я возьму золото, если есть, что брать,— сказал Бревстер, опуская нож, но по-прежнему неуверенно.— Может быть, все это — ложь.

— Может быть,— быстро сказал я, прежде чем он начал дырывать мою сшитую на живую нитку историю,— но это не так. И, к тому же, не имеет никакого значения. Сегодня ночью вы увидите, как я уезжаю и мы никогда не встретимся больше.

— Золото,— сказал мой страж.

— Давайте посмотрим на него,— сказал неохотно Бревстер. Мой блеф удался. Теперь он попался.

С величайшей осторожностью я открыл ящик, в почки мне упиралось ружье. Золото у меня имелось. Это была единственная правдивая часть моего рассказа. Оно лежало, разложенное по множеству маленьких кожаных мешочков, предназначенных для финансирования моих действий. Что сейчас и началось. Я вытащил один и торжественно передал Бревстеру.

Он вытряс на ладонь несколько сверкающих крупинок, и все на них уставились. Я нажимал:

— Как мне добраться до Лондона? По реке?

— На всех шлюзах на Темзе часовые,— все еще глядя на золотой песок у себя на ладони, ответил Бревстер.— Вы не доберетесь дальше Абингтона. Только на лошадях, окольными дорогами.

— Я не знаю окольных дорог. Мне нужны две лошади и кто-нибудь в провожатые. Как вы знаете, я могу заплатить.

— Вас проводит Люк,— сказал он, подняв, наконец, взгляд.— Он был раньше ломовым извозчиком, но он доведет вас только до стен. Много французишек — добирайтесь сами.

— Отлично.

Итак, Лондон оккупирован. А как остальная Англия?

Бревстер вышел, чтобы позаботиться о лошадях, а Гай достал немного грубого хлеба и сыра, а также эль, который оказался вполне приемлемым. Мы заговорили, вернее говорили они, а я слушал, вставляя иногда слово, но опасаясь задавать любые вопросы, из боязни продемонстрировать мое почти полное невежество. Но картина постепенно начала вырисовываться. Англия была полностью оккупирована и умиротворена, так было уже в течение нескольких лет; точная цифра была неясна, хотя борьба все еще продолжалась, в Шотландии. Было мрачное воспоминание о вторжении, какой-то гигантской пушке, которая причиняла ужасные разрушения, о единственной битве, в которой была уничтожена эскадра Канала. За всем этим я чувствовал ЕГО раздвоенное копыто. История переписывалась.

Однако это прошлое не было прошлым того будущего, из которого я прибыл. От размышления на эту тему моя голова начала раскалываться от боли. Может быть, этот мир существовал в петле времени, отдельно от основного потока истории. Или это был альтернативный мир. Профессор Койцу разобрался бы, но я думаю, что ему не понравилось бы быть вынутым из черного ящика для ответа на мои вопросы. Я должен разобраться в этом без его помощи. Думай, Джим, заставь шестеренки в твоей старой черепушке завертеться. Ведь ты гордишься тем, что ты называешь своим разумом, так примени его ради разнообразия к чему-нибудь, кроме мошенничества. Тут должна быть какая-то логика. А: в будущем это прошлое не существует. В: теперь оно точно существует. Но, С: может значить, что мое присутствие здесь уничтожает это прошлое и саму память о нем. Не представляю, как это можно достичь, но сама мысль источала такую теплоту и уверенность, что я схватился за нее. Джим ди Гриз Преобразователь Истории. Потрясатель Мира. Прекрасная картина — и я лелеял ее, дремля на сене,— я довольно скоро проснулся, почесываясь от нашествия многочисленных насекомых, ползающих по моему разгоряченному телу.

Лошадей доставили только после наступления темноты, и мы решили, что лучше всего отправиться на рассвете. Я ухитрился достать из моего ящика средство от насекомых. И потому наслаждался относительно спокойной ночью перед утренней скачкой.

Эта скачка! Мы были в пути три дня, прежде чем достигли Лондона,

и даже на задку у меня поверх одних болячек вскакивали новые. Мой простодушный компаньон, по-видимому, получал массу удовольствия от путешествия, рассматривая его как своего рода прогулку, непрерывно говорил о местности, по которой мы проезжали, и по вечерам на постоялых дворах напивался до бесчувствия.

Мы пересекли Темзу повыше Хенли и сделали длинный объезд на юг, держась подальше от мало-мальски значительных центров населения. Когда мы снова подъехали к Темзе у Саутварка, то увидели перед собой весь лондонский мост, а за ним крыши и шпили Лондона. Видеть их было довольно трудно из-за высокой стены, проходившей вдоль противоположного берега. Стена имела чистый, с иголки, вид, сильно отличаясь по законченности от остального города. Неожиданная мысль пришла мне в голову.

— Ведь это новая стена,— сказал я.— Верно?

— Да. Закончена два года назад. Многие здесь поумирали, женщины и дети. Они согнали всех на эту стройку, как рабов. Она окружает весь город. Она никому не нужна, просто он сумасшедший.

Эта стена была нужна, и хотя мысль эта была очень лестной, стена эта мне все равно не нравилась. Она была построена из-за меня — чтобы не пустить меня внутрь.

— Нужно найти тихую гостиницу.

— Гостиница «Георг», вон там,— он громко причмокнул,— к тому же хороший эль, отличный.

— Это подойдет вам, а мне нужно прямо у реки, с видом на этот мост.

— Знаю такое место, «Боров и дрофа», на Пиклхерин-стрит, у самого начала Вайн-Лайм, там отличный эль.

На вкус Люка самое мерзкое варево было прекрасно, коль скоро оно содержало алкоголь. Так или иначе «Боров и дрофа» вполне соответствовали нашим нуждам. Низкопробное заведение с потрескавшейся вывеской над дверью, изображавшее приготовившихся к драке невероятного вида свинью и еще более невероятную птицу. Позади была ветхая пристань, где могли высаживаться жаждущие лодочники. Я получил комнату с окнами на реку. Устроив свою лошадь на конюшню и поторговавшись о плате за комнату, я запер дверь на засов и распаковал электронный телескоп. С его помощью я получил крупную, ясную, подробную и безрадостную картину города за рекой.

Он был окружен десятиметровой стеной из крепкого кирпича и камня, несомненно утыканной всякой следящей аппаратурой. Если я попробую проникнуть под ней или над ней, меня наверняка заметят. О стене надо забыть. Единственный вид, который был виден с моего наблюдательного поста, был противоположный конец лондонского моста, и я внимательно его изучил. Движение на мосту было медленное, потому что все тщательно обыскивались перед пропуском внутрь. Одного за другим людей уводили в дверь помещения, устроенного внутри стены. Насколько мне было видно, все они возвращались — но как будет со мной? Что происходит там — внутри? Я должен это выяснить. Внизу как раз подходящее для этого место.

Все любят людей щедрых, таким я и стал.

Одноглазый хозяин, бормоча и посмеиваясь про себя, ухитрился найти в своем подвале бутылку сносного кларета специально для меня. Местные жители были более чем довольны, поглощая эль кувшин за кувшином. Эти сосуды были сделаны из кожи, пропитанной дегтем, который добавлял букету определенную пикантность, но потребитель, видимо, не возражал. Моим лучшим информатором был щетинистобородатый гуртовщик по имени Квини. Он был один из тех, кто перегонял скот с ферм на бойни, а также помогал мясникам в их кровавых делах. Как можно догадаться, его чувствительность была не из высочайших, чего нельзя было сказать о его способности пить. Напиваясь, он разговаривал, а я впитывал каждое слово. Он въезжал и выезжал из Лондона каждый день и я, выделяя по кусочкам из потока сальностей и брани крупницы нужной мне информации, постепенно составил точную, как я надеялся, картину процедуры пропуска.

Там был обыск, это я и сам мог видеть из окна, иногда тщательный, иногда и поверхностный. Но одна часть этого порядка никогда не изменялась.

Каждый входящий в город должен был сунуть руку в дырку в стене караульной. Ничего больше. Просто засунуть. Ничего там не трогать, просто сунуть внутрь по кисть и снова вытащить.

Потягивая вино и не обращая внимания на взрывы мужественных приветствий вокруг себя, я размышлял над этим. Что они могут при этом обнаружить?! Возможно, отпечатки пальцев, но я всегда использовал ложные отпечатки и менял их три раза со времени последней операции. Температуру? Щелочность кожи? Пульс или кровяное давление? Могут ли жители этого туманного для меня прошлого отличаться какими-нибудь телесными характеристиками? Вполне возможно ожидать каких-нибудь изменений за более чем тридцать тысяч лет. Я должен узнать теперешние.

Это удалось сделать достаточно легко. Я сделал детектор, который мог записывать все эти характеристики, и прикрепил его под одеждой. Приемник был замаскирован под кольцо, которое я носил на правой руке. На следующий вечер я пожал руки всем, кому мог, и, забрав свой стакан, вернулся к себе в комнату. Записи были точны в пределах 0,006 процента. И были весьма показательны. Мои собственные данные весьма хорошо вписывались в пределы естественных отклонений.

«Ты не думаешь, Джим,— обвинил я свое отражение в волнистом зеркале.— Должна быть какая-то причина для этой дыры в стене. И эта причина — какой-то детектор. Вопрос в том, что он обнаруживает? Я отвернулся прочь от своего отражения.— Давай, давай, не уклоняйся. Если не можешь ответить так, поставь все на голову. Что вообще можно обнаружить?»

Так пошло лучше. Я вытащил лист бумаги и стал делать список всего, что может быть замечено и измерено, начиная прямо с частоты. Свет, тепло, радиоволны и т. п., затем перешел к вибрациям и шуму, радарным отражениям, ко всему и вся, не пытаюсь применить все эти

вещи к человеческому телу. Еще рано. Я займусь этим, когда сделаю список как можно подробнее. Исписав весь лист, я победоносно пожал себе руку и перечитал его, применительно к человеку.

Ничего. Я вновь впал в уныние, вышвырнул список прочь, потом снова взялся за него. Нечто услышанное или имевшее отношение к услышанному мной о Земле от профессора Койцу. Ну да! Койцу сказал: «Уничтожена атомными бомбами».

Радиоактивность. Атомный век еще в будущем, единственной радиоактивностью на этой планете является природный фон. Проверка не заняла много времени. Я, создание будущего, обитатель Галактики, со средой жесткой радиации. Мое тело в два раза радиоактивнее фона, замеренного в комнате, в два раза радиоактивнее тел моих приятелей в баре — я специально спустился вниз проверить их. Теперь, зная чего опасаться, я придумал способ перехитрить их. Вывернув свои старые мозги наизнанку, я быстро разработал план и задолго до рассвета был готов к атаке. Все устройства, спрятанные на мне, были из пластика, неразличимого детектором металла, если они его используют. Все, сделанное из металла, было помещено в пластиковую трубку шириной не толще моего пальца и длиной не больше метра, которую я свернул и положил в карман. В самый темный предрассветный час я выскользнул наружу и стал красться по сырым улицам в поисках своей жертвы.

Я нашел ее достаточно быстро, французского часового, охраняющего один из входов в ближайшие доки. Короткая драка, немного газа, бесчувственное тело и темная подворотня. Через две минуты я появился с противоположного конца в его мундире, неся точно на французский манер его ружье на плече. В его ствол была вложена трубка с моими приборами. Пусть попробуют найти их своим детектором. Время я рассчитал точно, и когда с первыми лучами солнца ночной караул возвращался в Лондон, я маршировал в последнем ряду. Я пройду незамеченный среди врагов. Прекрасная возможность оставить их в дураках. Не будут же они осматривать своих собственных солдат.

Но в дураках оказался я. Когда мы маршировали через ворота в дальнем конце моста, я заметил интересную вещь, которую не мог видеть в телескоп из своего окна.

Каждый солдат, завернув за угол караульной, на мгновение останавливался и под холодным взглядом сержанта засовывал руку в темное отверстие.

Глава 12

—! — сказал я, споткнувшись о неровный настил моста. Не знаю, что означает это слово, но французские солдаты употребляли его чаще всех остальных и оно, видимо, подходило к случаю. При этом я толкнул соседнего солдата, и мой мушкет больно стукнул его по голове. Он завопил от боли и оттолкнул меня. Я отлетел назад, ударился ногами о низкие перила и полетел в воду.

Отлично выполнено. Там было быстрое течение, и я ушел под воду, зажав между коленями мушкет, чтобы не потерять его. После этого я вынырнул всего один раз, молотя руками по воде и пронзительно крича. Солдаты столпились на мосту, крича и указывая, и когда я убедился, что произвел требуемый эффект, я позволил своему намочшему платью и тяжелому ружью утащить меня под воду. Кислородная маска была у меня во внутреннем кармане, и мне понадобилась лишь секунда, чтобы вытащить ее и натянуть. Затем я освободил ее от воды, сильно выдохнув и вдохнув чистого кислорода. После этого нужно было просто медленно и лениво плыть поперек реки. Прилив уходил, так что, прежде чем я пристану к берегу, течение унесет меня вниз на достаточное расстояние. Итак, я избежал раскрытия, остался жить, чтобы вновь собрать силы и бороться, и был совершенно подавлен провалом своей попытки пробраться за стену. Да и вода была не особенно теплой. На протяжении долгого времени меня толкали вперед мысли о ревущем огне в моем камине и кружке горячего рома. В конце концов я увидел впереди в воде темный силуэт, который постепенно превратился в корпус маленького корабля, привязанного к доку; мне были видны его сваи. Я остановился под килем, извлек из мушкета трубку с инструментами и, засунув мушкет в рукав камзола для веса, спустил камзол, мушкет и трубку на дно реки. Сделав несколько глубоких выдохов, я снял и также убрал кислородную маску и, по возможности тихо, выплыл на поверхность рядом с судном.

Я выплыл только для того, чтобы увидеть фалды и заплатанные штаны сидящего на перилах надо мной французского солдата. Он трудолюбиво надраивал иссиня-черное дуло необыкновенно зловещего вида пушки, торчащей над берегом рядом с ним. Она выглядела значительно более совершенной, чем все орудия девятнадцатого столетия, которые я видел, потому, несомненно, что она вовсе и не принадлежала этому периоду. Руководствуясь совсем не праздным интересом, я изучил орудия, применявшиеся в только что оставленную мной эпоху, и поэтому сейчас узнал в этом орудии 75-мм безоткатную пушку. Идеальное орудие для установки на легком деревянном суденышке — из нее можно стрелять, не разнося судно на кусочки. К тому же, она может аккуратно разнести в клочья любой деревянный корабль задолго до входа в радиус действия его, заряжающихся с дула пушек, не говоря уж об уничтожении полевых армий. Всего несколько сот таких орудий, перенесенных в прошлое, могли бы изменить историю. Что они и сделали. Солдат надо мной обернулся и плюнул в воду, я снова опустился под воду и скрылся среди свай.

Ниже по течению, вне видимости с французского корабля, была лодочная пристань. Там я и вынырнул. Поблизости никого не было. Мокрый, дрожащий, подавленный, я выбрался из воды и заспешил к темному отверстию улицы. Там кто-то стоял, я протрусил мимо, но потом решил остановиться, потому что этот человек ткнул мне в бок дуло громадного неуклюжего пистолета.

— Идите вперед, — сказал он. — Я отведу вас в уютное место, где вы сможете переодеться в сухую одежду.

Только он сказал не «одежду», а «одеждью». У моего пленителя определенно был французский акцент.

Мне оставалось только выполнить указание, подкрепленное тычками его примитивного оружия. Примитивное или нет, оно так или иначе могло проделать во мне отличную дыру. Дальний конец улицы был начисто перегорожен стоявшей там каретой. Ее дверь была распахнута в непрошеном приглашении.

— Залезайте,— сказал мой пленитель,— я вслед за вами. Я видел, как несчастный солдат упал с моста и утонул, и подумал, что, если он выплывает? Что, если он хороший пловец и может пересечь реку? Куда тогда его принесет течение? Хорошая математическая задача, и я успешно решил ее.

Дверь захлопнулась, и карета тронулась. Мы были одни. Я упал вперед, повернулся, нырнул и попытался схватить пистолет — и схватил его за рукоятку, потому что мой похититель уже держал его за дуло, протягивая мне.

— Конечно же, держите его, мистер Браун, если вам угодно. Он больше не понадобится,— и он улыбнулся, видя мое удивление, ухмыльнулся и навел дуло себе в грудь.— Это был наипростейший способ убедить вас поехать со мной в карете. Я наблюдал за вами несколько дней и уверен, что вы не любите французских захватчиков.

— Но ведь вы — француз?

— Конечно же! Сторонник покойного короля, а теперь беглец со своей родины. Я выучился ненавидеть это корсиканское ничтожество, пока здешний народ лишь смеялся над ним. Но теперь никто больше не смеется, и мы объединены общей целью. Но, пардон, позвольте представиться. Я — граф д'Озон, вы можете звать меня просто Чарли, поскольку все мои титулы теперь в прошлом.

— Рад познакомиться, Чарли,— мы пожали руки.— Зовите меня просто Джон.

Прежде, чем мы смогли продолжить этот интересный разговор, карета с грохотом и стоном остановилась. Мы находились во внутреннем дворе большого дома, и я, по-прежнему с пистолетом, вошел внутрь вместе с графом. Я был по-прежнему подозрителен, хотя причин к этому, по-видимому, было очень мало. Все слуги были очень стары и ковыляли вокруг, бормоча между собой по-французски. Один древний слуга, скрипя коленями, наполнил для меня ванну, помог раздеться и стал намыливать спину, совершенно игнорируя то, что я по-прежнему держал в руках пистолет. Мне приготовили нагретую одежду и хорошие башмаки. Оставшись один, я переложил в новую одежду свой арсенал и инструменты. Когда я спустился вниз, граф поджидал меня в библиотеке, потягивая из хрустального бокала какой-то интересный напиток, которым до краев был наполнен и стоящий рядом с ним сосуд. Я протянул ему пистолет, а он мне — полный бокал. Жидкость скользнула по моему горлу теплой музыкой, а мои ноздри вдохнули облако изысканного аромата, подобного которому я никогда не встречал.

— Сорок лет выдержки, из моего поместья, которое, как вы можете понять, находится в Коньяке.

Я прилебнул еще и поглядел на него. Сильный человек. Высокий и гибкий, седеющие волосы, высокий лоб, тонкие, почти аскетические черты лица.

— Зачем вы привезли меня сюда? — спросил я.

— Чтобы мы могли объединить наши усилия. Я изучаю натуральную философию и вижу теперь много неестественного. Армии Наполеона имеют оружие, которое не делают нигде в Европе. Иные говорят, что оно из далекой, но я не верю. Это оружие обслуживается людьми, плохо говорящими по-французски, непонятными и злыми. Ходят разговоры, что в окружении корсиканца находятся еще более непонятные и зловещие люди, чужеземцы неслыханные, как и вы. Скажите, как может человек переплыть реку под водой?

— При помощи машины, — молчать не было смысла, граф слишком хорошо знал, о чем спрашивать. Когда у врага есть такие пушки, какую я видел, нет смысла скрывать его природу. Глаза графа расширились, когда я сказал это, и он осушил свой стакан.

— Я так и думал: я думаю, вы знаете больше об этих странных людях и их орудиях. Они не из мира, который мы знаем, ведь так? Вы знаете о них и вы здесь для того, чтобы с ними бороться?

— Они пришли из страны злобы и безумия, принесли с собой свои преступления. Да, я воюю с ними... Я не могу рассказать о них все, потому что и сам не знаю всю историю. Но я здесь для того, чтобы уничтожить их и все ими сделанное.

— Я был в этом уверен! Мы должны объединить наши усилия. Я окажу вам любую помощь.

— Можете начать с обучения меня французскому. Мне нужно пробраться в Лондон и, похоже, язык мне понадобится.

— Но... есть у нас время?

— Хватит часа или двух — еще одна машина.

— Я начинаю понимать, но не уверен, нравятся ли мне все эти машины.

— Нельзя их любить или не любить. Они свободны от эмоций. Мы можем только использовать их на добро или на зло, так что проблема машин, как и все остальное — человеческая проблема.

— Склоняюсь перед вашей мудростью. Конечно, вы правы. Когда мы начнем?

Я вернулся за своими вещами в «Боров и дрофу», затем переехал в комнату в доме графа. Последовал ужасающе-мучительный вечер работы с мнемोगрафом (головная боль — слишком слабое слово для обозначения побочных эффектов использования этой дьявольской машины), в результате которого я выучился разговорному французскому. Теперь, к удовольствию графа, мы беседовали на этом языке.

— А следующий шаг? — спросил он.

Мы только что пообедали, и притом прекрасно, и вновь вернулись к коньяку.

— Мне нужно поближе рассмотреть одного из этих псевдофранцу-

зов, которые, как видно, всем заправляют. Появляются они по эту сторону реки поодиночке или, хотя бы, маленькими группами?

— Да, но их передвижения бессистемны. Поэтому нужно получить свежие сведения,— он позвонил в серебряный колокольчик, стоящий рядом с графином.— Хотите, вам доставят одного из них оглушенным или мертвым?

— Вы очень любезны,— сказал я, поднимая стакан, чтобы бесшумно появившийся слуга мог его снова наполнить.— Я займусь этой частью дела сам. Только укажите мне, и я сделаю все остальное.

Граф отдал приказания, слуги удалились, а я снова занялся своим стаканом.

— Это не займет много времени,— сказал граф.— Когда вы получите информацию, есть у вас план дальнейших действий?

— Только приблизительно. Я должен проникнуть в Лондон. Найти ЕГО — верховного демона этого уголка ада, потом, полагаю, убить его. А также уничтожить определенное оборудование.

— А выскочка-корсиканец? Вы его тоже устраните?

— Только если он будет мешать. Я не простой убийца, мне трудно убивать, но мои действия неминуемо изменят весь ход дела. Новое оружие перестанет поставляться, а боеприпасы скоро кончатся. Собственно говоря, эти негодяи могут и вовсе исчезнуть.

Граф приподнял бровь, но по своей любезности воздержался от комментариев.

— Ситуация очень сложная. По правде сказать, я не совсем понимаю ее и сам. Это связано с природой времени, о которой я и сам знаю очень мало. Но, кажется, время, в котором мы живем сейчас, не существует для будущего. Будущие исторические книги говорят, что Наполеон был разбит, его империя уничтожена, что Британия никогда не была захвачена.

— Если бы так было!

— Это может быть, если я доберусь до НЕГО. Однако, если история снова изменится и вернется к тому, что должно было бы быть, то весь этот мир, как мы его знаем, может исчезнуть.

— Во всех опасных предприятиях следует идти на определенный риск.— Граф слегка шевельнул рукой, как бы отпуская кого-нибудь, оставаясь спокойным и собранным. Удивительный человек.— Если этот мир исчезнет, то, должно быть, возникнет другой, более счастливый?

— Грубо говоря, да.

— Тогда мы должны быть более настойчивыми. В этом другом, лучшем мире, другой я вернусь в мое поместье, снова будет жива моя семья, будут цветы весной и счастье на Земле. Отдать эту теперешнюю жизнь... это презренное существование. Однако я бы предпочел, чтобы знание об этой возможности не вышло за стены этой комнаты. Я не уверен, что все наши помощники согласятся с такой философской точкой зрения.

— Полностью согласен с вами. Хотел бы и я, чтобы все было по-другому.

— Не думайте об этом, дорогой друг. Не будем больше касаться этой темы.

И мы оставили эту тему. Мы обсуждали живопись и виноделие — и опасности, органически присущие производству дистиллированных напитков. Время двигалось быстро — как и люди графа — и еще прежде, чем мы начали второй графин, его позвали, чтобы получить требуемые данные.

— Великолепно, — сказал он, вернувшись, потирая от удовольствия руки. — Маленькая компания людей, которых мы ищем, прямо сейчас развлекается в публичном доме на Мармейд-Корт. Конечно, вокруг стража, но я полагаю — для вас это не составит неприятствий?

— Ни малейшего, — сказал я, вставая. — Будьте добры, предоставьте мне какой-нибудь транспорт и проводника, и я обещаю вернуться в течение часа.

Все было сделано, и я выполнил свое обещание. Придурковатый тип с выбритой головой и обезображенным шрамами лицом отвез меня в карете в соседнее здание — что-то вроде конторы, теперь закрытой и запертой при помощи чудовищного механизма, который было чрезвычайно сложно открыть. Не то чтобы механизм был сложен для меня — как бы не так — но замки были такие большие, что моя отмычка не доставала до них! Нож, однако, достал. Я вошел, поднялся наверх и перебрался на крышу соседнего здания. Там я прицепил свою паутину к самой прочной из большого выбора печных труб. Ниточка паутинки была тонкая, почти невидимая, и практически неразрывная нить, сделанная из одной-единственной цельной молекулы. Она медленно разматывалась с катушки, укрепленной лямками у меня на груди, и я опустил ее вниз, к темным окнам. Темным для других, но два луча ультрафиолета из УФ-прожекторов на моих чувствительных очках делали для меня все, куда бы я ни посмотрел, ясным, как день. Я бесшумно проник в окно, поймал нужного мне индивидуума со спущенными штанами и усыпил его и его подружку дозой газа, забрался с ним на руках на крышу со скоростью, которую только могла предложить бесшумно сматывающаяся катушка паутинки. Спустя несколько минут моя добыча храпела на столе в подвале у графа, а я раскладывал свое оборудование. Граф с интересом наблюдал.

— Хотите получить информацию от этого образчика свиной породы? В обычных условиях я не признаю пыток, но мне кажется, что этот случай для раскаленной кочерги и острого ножа. Какие преступления совершили эти существа! Говорят, что аборигены Нового Света могут совершенно содрать с человека кожу, не убив его при этом.

— Звучит неплохо, но нам не понадобится, — я выровнял инструменты и подключил контакты. — Снова машина. Я буду держать его без сознания, и пройду через его мозг в шипастых башмаках. В определенном смысле это еще худшая пытка. Он скажет все, что нам нужно, даже не зная, что говорит. Потом он ваш.

— Нет, нет, спасибо,— граф с отвращением поднял руки.— Всякий раз, когда убивают одного из них, граждане страдают от многочисленных убийств и репрессий. Мы побьем его немного, отберем одежду и все остальное и бросим в темной аллее. Это будет похоже на грабеж и ничего больше.

— Еще лучшая идея. Теперь я начну.

Это было похоже на плавание по канализации — шарить в этом мозгу. Одно слово — безумие, а он был, безусловно, безумен, как и все они, но откровенная порочность непростительна. Проблема заключалась не в получении информации, а в сортировке. Он хотел говорить на своем собственном языке, но в конце концов согласился на французский и английский. Я спрашивал и спрашивал и, наконец, узнал все, что хотел. Был призван мой компаньон Жюль. На него была возложена задача оглушить его и, содрав мундир, подбросить где-нибудь. Тем временем граф и я с удовольствием вернулись к неоконченному графину...

— Их штаб-квартира находится, по-видимому, в месте, называемом Сент-Пол. Вы знаете, где это?

— Они не останавливаются перед святотатством. Это кафедральный собор, шедевр великого сэра Кристофера Рена, вот здесь, на карте.

— Здесь находится так называемый ОН, а также, видимо, все его машины и инструменты. Но чтоб добраться туда, мне необходимо войти в Лондон. Есть хорошая вероятность, что я смогу пересечь стену в его мундире, потому что его тело так же радиоактивно, как и мое — это тест, который они используют для обнаружения чужих. Однако могут существовать пароли и другие способы идентификации и, может быть, на их языке. Нужен отвлекающий маневр. Среди ваших последователей есть кто-нибудь знакомый с артиллерией?

— Безусловно. Рене Дюпон — бывший майор артиллерии — весьма знающий солдат, и он в Лондоне.

— Как раз нужный человек. Уверен, ему доставит удовольствие управляться с этими мощными орудиями. Перед рассветом мы захватим артиллерийское судно. С первым лучом солнца, когда откроются ворота, начнется обстрел. Несколько снарядов в ворота обескуражат охрану, затем нужно бросить корабль. Это будет делом ваших людей.

— Этим приятным делом я буду руководить лично. Но где будете вы?

— Маршировать в город вместе с частями, как уже пытался раньше.

— В высшей степени опасно. Если вы появитесь слишком рано, вы будете обнаружены при появлении, а может быть, погибнете при обстреле. Слишком поздно — и ворота будут закрыты.

— В таком случае вы должны рассчитать все исключительно точно.

— Я пошлю за наилучшими имеющимися хронометрами.

Глава 13

Майор Дюпон был краснолицый и седовласый человек с внушительным округлым животом. Однако он был достаточно энергичен, знал свою артиллерию и был сейчас поглощен страстным желанием поработать с невероятным оружием захватчиков. Прежняя команда артиллерийского корабля, включая охрану, спала под палубой значительно крепче, чем ей хотелось бы, пока я разбирался с механизмом безоткатного орудия и объяснял его майору. Он уяснил все моментально и расплылся в бешеной радости. По сравнению с его опытом использования неровных пушечных жерл, зарядки с дула, медленно горящего пороха и тому подобных неудобств его профессии, это было откровением.

— Заряд, пыж и снаряд в одном корпусе. Чудесно! И этот рычаг открывает затвор? — спросил он.

— Во время стрельбы держитесь подальше от этих отверстий, потому что при выстреле газ выходит отсюда, компенсируя отдачу. Используйте прямой прицел, расстояние слишком мало. Я полагаю, на такой дистанции не придется делать поправку на ветер, и не нужно стрелять навесом, скорость выстрела намного больше, чем вы привыкли.

— Рассказывайте еще! — сказал он, поглаживая сталь.

Следующий шаг. Граф позаботится о том, чтобы на рассвете корабль передвинули выше по течению и поставили на якорь у набережной ниже лондонского моста. Я позабочусь о том, чтобы прибыть на место в заранее оговоренное время. Его морской хронометр был так велик, что походил на кочан капусты, был сделан из стали и латуни и громко тикал. Однако граф заверил меня в его точности и мы установили его по моим атомным часам размером не больше ногтя и точностью до секунды в год. Это было последнее, что нужно было сделать, и когда я поднялся, чтобы уходить, он протянул мне руку. Я пожал ее.

— Мы всегда будем вам благодарны за помощь, — сказал он, — у моих людей есть новые надежды, и я разделяю их энтузиазм.

— Это мне нужно быть благодарным за помощь. В особенности, принимая во внимание, что победа может обернуться для вас плохо.

Он отбросил эту мысль, как бесполезную — очень храбрый человек.

— Как вы объяснили, умирая, мы победим. Мир без этих свиней — достаточная награда, даже если мы не будем этому свидетелями. Исполняйте ваш долг.

Я отправился исполнять. Стараясь забыть, что судьба миров, цивилизаций, целых народов зависит от моих действий. Малейшая ошибка, случайность — и для них все будет кончено. Поэтому случайностей не должно быть. Подобно альпинисту, который не смотрит вниз и не думает о пропасти внизу, я выгнал из своей головы мысль о неудаче и, чтобы подбодрить себя, старался вспомнить что-нибудь веселое. Сразу на ум не приходило ничего, поэтому я стал думать о том, как разделаться с НИМ и его системой. И это было действительно

но вдохновляюще. Я поглядел на часы. Пора было идти. И я быстро пошел не оглядываясь. Улицы были пустынные, все добрые люди дома в постелях, и мои шаги эхом отдавались от зданий вдоль темной улицы. Позади меня небо посерело от приближающегося рассвета.

В Лондоне полно темных аллей, дающих идеальное укрытие, ими я и воспользовался, не упуская при этом из виду лондонский мост. Наконец появились первые солдаты. Некоторые шагали в ногу, другие едва тащились, и все выглядели усталыми. Я и сам чувствовал себя усталым и поэтому посасывал таблетку стимулятора и не отрывал глаз от часов. В идеале мне следовало появиться на мосту, когда начнется обстрел, достаточно далеко от ворот, чтобы не пострадать, но достаточно близко, чтобы проникнуть в них во время суеты, которая возникнет после открытия огня. Со своего наблюдательного пункта я замечал время, которое требовалось разным группам солдат, чтобы пересечь мост до тех пор, пока не получил точную оценку. На часах бежали цифры, наконец наступил момент, когда я по-военному расправил плечи и бойко пошел вперед.

— ? — выкрикнул чей-то голос, и я понял, что обращаются ко мне. Я был так поглощен расчетом времени, что совершенно позабыл о возможности того, что ЕГО дьяволы будущего также будут идти по мосту.

Я махнул рукой, скорчил злобную гримасу и быстро зашагал вперед. Окликнувший меня человек с озадаченным лицом заспешил за мной. По моему мундиру он знал, что я принадлежу к его компании, но мое лицо было для него новым. Наверное, он хотел узнать от меня, как идут дела в родном сумасшедшем доме. Но я не хотел затевать с ним никаких разговоров потому, что не понимал их языка. Я заспешил вперед, с неудобством чувствуя, что он торопится за мной. Потом сообразил, что иду слишком быстро и теперешним шагом подойду к воротам как раз в тот момент, чтобы быть разнесенным на куски.

Проклинать свою беспечность не было времени — его только хватило, чтобы выбрать желательное продолжение этой хлопотливой истории. В настоящий момент мне вовсе не хотелось быть разорванным на части. Я уже видел канонерку, вышедшую на позицию, и фигуры на ее палубе. Великолепно... Я уже почти слышал разрывы. Сзади загрохотали тяжелые шаги, и легшая мне на плечо рука развернула меня.

— ? — воскликнул он, затем выражение его лица изменилось, глаза расширились, и рот раскрылся. — ! — заорал он. Он узнал меня, наверное, по фотографии.

— Ну да, бливит, — сказал я и выстрелил ему в шею наркотической иглой из пистолета, зажатого в ладони. Но раздался еще один крик «..... !», и один из его товарищей протиснулся сквозь ряды солдат. Его тоже пришлось уложить. Это естественно заинтересовало всех находящихся поблизости, раздалось несколько испуганных криков и кое-кто поднял оружие. Я прислонился спиной к парапету моста и подумал, уж не придется ли мне перестрелять всю французскую армию.

Не пришлось. Первый снаряд, не слишком точно пущенный майором

конной артиллерии, ударил в мост в каких-нибудь десяти метрах от меня.

Раздался солидный взрыв, и воздух наполнился свистящими кусками кирпича и стали. Я бросился на землю со всеми остальными. Некоторые из них, правда, упали навеки. Лежа, я воспользовался удобным случаем и всадил иголки в каждого из ближайших ко мне солдат, которые были свидетелями предыдущей сцены.

Тем временем Дюпон учился владеть своим оружием, и следующий снаряд ударил в городскую стену. Среди людей на мосту поднялась суматоха, я же орал и бегал вместе со всеми, с удовольствием видя, как очередной снаряд пробил ворота и взорвался внутри караульной. Теперь, как и следовало ожидать, все движение повернулось в сторону от ворот. Я плюхнулся на живот и ужом пополз вперед. Снаряды теперь взрывались в самих воротах и поблизости от них, вызывая вполне приличные разрушения. Я быстро посмотрел на часы и заметил, что конец обстрела совсем близок. Сигналом будет снаряд, пущенный в стену далеко от моста. После этого будет еще несколько выстрелов, но уже не по воротам, а по другим удобным целям.

Снаряд ударил в стену в доброй сотне метров вниз по реке и проделал в ней аккуратную дыру. Я вскочил на ноги и побежал.

Какая прекрасная куча обломков! Повсюду хлам и битый кирпич, воздух наполнен пылью и вонью горелой взрывчатки. Если после обстрела кто-то и выжил, то они давно сбежали. Я перелез через кучу обломков и скользнул за ближайший угол. Единственными свидетелями моего не слишком деликатного вторжения была пара, выглядывающая из какого-то подъезда, англичане, судя по одежде. Увидев меня, они тотчас повернулись и убежали... Итак, несмотря на небольшие неприятности на мосту, план сработал идеально.

Пушка на реке вновь открыла огонь. Это не входило в мой план. Что-то пошло неправильно. Сделав последний выстрел, мои сообщники должны были сойти на берег и удалиться в надежное убежище. Раздалось еще два взрыва почти одновременно. Пушка не могла стрелять так быстро.

Это стреляло другое орудие.

Улица, на которой я находился, Аспер Темз-стрит, шла параллельно стене. Теперь я был уже достаточно далеко от моста, так что мое присутствие уже не ассоциировалось с тамошними событиями — и к моим услугам была лестница, ведущая на вершину стены на наблюдательную площадку, сейчас пустую. Возможно, благоразумие диктовало последовательное выполнение моих планов, но я уже много лет подряд не прислушивался к его голосу и не собирался делать этого и сейчас. Я быстро огляделся вокруг — поблизости никого — и забрался наверх. С вершины открывался прекрасный вид на реку.

Майор по-прежнему управлял своим орудием, быстро стреляя по другой канонерке, которая поднималась вверх по реке под полным парусом. Новоприбывший, хотя и поставленный в невыгодное положение движением платформы, был более опытен и точен

в обращении с оружием. Снаряд уже пробил огромную дыру в носу судна моего соратника, и пока я смотрел, другой попал в середину палубы. Оружие замолчало, задрав сверху ствол, стрелок исчез. Какая-то фигура перебежала через пристань и скрылась в безвредном теперь судне. Я извлек свой электронный бинокль и направил его на палубу. Зная, что увижу, еще прежде, чем поднес его к глазам.

Это граф пришел на помощь своим людям, но еще до того, как он прыгнул на борт, майор, с окровавленным лицом, поднялся и снова стал к оружию. Развернул его и послал следующий снаряд.

Отлично сделано, прямо в ватерлинию под вражеским оружием. Пушка замолчала, и корабль стал погружаться. Когда я снова поглядел на майора, то увидел, что он перезарядил свою пушку и выпалил в мост, во вражеских солдат на нем. Граф помогал ему заряжать. Они оба улыбались и казались очень довольными собой. Выстрелы следовали теперь быстрее, а я спустился по лестнице вниз.

Их нельзя было винить. Они сами знали, что делали — наконец стреляли по врагу, которого ненавидели все эти годы, стреляли из превосходного, весьма эффективного оружия. Оба будут продолжать стрелять, пока не погибнут. Наверное, этого они и хотели. Чтобы эта жертва принесла хоть какие-нибудь плоды, я должен продолжить свое собственное дело.

Я хорошо изучил карту графа. Вперед, по улице Утиной Ноги, потом на Кэннон-стрит и налево. Там были люди, торопливые, испуганные гражданские, в противоположном направлении беглым шагом шли солдаты. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

А там, впереди, в конце улицы, возвышались громадные стены и купол, несомненно собор Святого Пола.

Близится конец еще одной дороги. Мое последнее свидание с НИМ.

Глава 14

Мне было страшно. Человек, утверждающий, что он никогда не испытывает страха — или лжец, или сумасшедший. Я достаточно часто испытывал это чувство, чтобы распознать его запах. Но никогда я не чувствовал такой железной тяжести, как сейчас. В жилах ледяная вода, сердце молотится в груди, ноги будто пустили в землю корни. Сознательным усилием я ухватил свой мозг за горло — не простой подвиг — и как следует встряхнул его.

Отвечай, мозг,— скомандовал я,— что это за заячья дрожь? Наложил в штаны? Тело и душа, вы уже были в разных переделках. Бывало и похуже, но мы прорвались через все это. И как правило, с победой. Что же сейчас нового?

Ответ пришел очень быстро.

Я нержавеющей грызун, всегда действовал под полом общества, всегда по-своему, на свой страх и риск. На ура!

Но теперь на кону стоит слишком многое.

Слишком много жизнью зависит от моих действий. Слишком много? Великое небо! На кону спасение всей Вселенной. Просто не верится.

— Ну и не верь себе,— пробормотал я, роясь в аптечке. Если думать все время об этой ставке, то не станешь рисковать и не будешь вообще ничего делать. Я никогда в жизни прежде не прибегал к искусственным эмоциям, но всему бывает начало. Я держал при себе «таблетки берсерка» как амулет, чтобы знать — они здесь, если когда-нибудь понадобятся, и поэтому никогда ими не пользовался. До сегодняшнего дня. Я открыл футляр и смахнул пыль с невинного вида пилюли.

— Выходи драться, Джим,— сказал я и проглотил ее.

Эти таблетки всюду поставлены вне закона. И правильно. Не только потому, что к ним очень быстро вырабатывается и физическое и психологическое пристрастие, но и по социальным мотивам. В этой желатиновой пилюле заключена особая форма безумия — состав, который растворяет совесть и мораль цивилизованного человека. Без морали, без совести. И без страха. Ничего, кроме распущенного «Я» и твердой уверенности в своей мощи и правоте, божественном позволении делать, что угодно, не чувствуя при этом жалости и страха. Политики, нагрузившись берсеркитом, свергали правительства и управляли империями. Спортсмены били все рекорды, часто при этом губя и себя, и своих противников. Не слишком приятная штука.

Очень приятная штука. Я испытывал краткий укол совести, пока не почувствовал, как химикалии захватывают контроль над моим мозгом, но это произошло очень быстро.

— Я пришел за тобой, Ты! — сказал я, улыбаясь от неподдельной ярости.

Это было самое восхитительное из испытанных мной когда-нибудь ощущений — чувство неограниченной мощи, очистительный ветер, гулявший по всем пыльным уголкам моего мозга. Делай, что хочешь, Джим, что пожелаешь, потому что ты единственная настоящая сила в этом мире. Как слеп я был все эти годы! Уродливые предрассудки морали, крошечные привязанности, разрушительная любовь к ближнему. Каким калекой я был! Теперь я люблю себя, потому что я Бог. Наконец я понял значение Бога, о котором всегда бормотали древние религии.

Я — это я, единственная сила во всей Вселенной. А ОН, в этом здании впереди, думает с тщеславием смертного, что может превзойти меня, остановить и даже убить. Что ж, посмотрим, что случится с такими идиотскими планами.

Прогулялся вокруг. Достаточно прочное здание, без очевидной охраны, наверняка нашиповано различным детекторами. Пробраться околным путем, тайно? Неразумно. Единственное мое преимущество — это внезапность и способность быть совершенно безжалостным. Я хорошо вооружен — ходячая машина смерти, и никто не может остановить меня. Войти будет достаточно просто, люди непрерывно входят и выходят, все в таких же, как у меня, мундирах. Изнутри, как из улья, доносится деловое жужжание и гул. Их встревожило нападение на ворота. Я должен ударить сейчас, пока они растревожены. Все

оружие в порядке и наготове, я завершаю свой ленивый обход здания и направляюсь к белым каменным ступеням парадного входа.

Собор был громаден. Теперь, с вышвырнутыми скамьями и всем религиозным оборудованием, он казался еще больше. Я зашагал вперед по длинному нефу храма, как будто все вокруг принадлежало мне — да так оно и было. Оружие наготове, прямо под руками. Неф был пустынен, вся деятельность сосредоточилась на его дальнем конце, в сапиде, где обычно стоял алтарь. Сейчас его не было. Вместо него был установлен разукрашенный трон. На троне сидел ОН. Высокомерный от сознания своей власти. Он наклонялся вперед своим гигантским красным телом и отдавал распоряжения стоящим внизу помощникам. В трансепте храма стоял длинный стол, заваленный картами и бумагами и окруженный красочно одетыми офицерами. Они, повидимому, слушались приказов человека в простом синем мундирном сюртуке. Он был очень маленького роста, лоб пересекала черная блестящая прядь волос. Судя по описанию, это был тиран-Наполеон. Как я и думал, он просто передавал подчиненным ЕГО инструкции. Улыбаясь, я поднес руки к оружию.

Знакомые переливы света привлекли мое внимание к меньшей аспиде, расположенной справа. Там стояла аппаратура темпоральной спирали, вокруг суетились занятые своими делами техники. Скоро они умрут, как и все здесь. У меня будет транспорт, чтобы вырваться из этой варварской эпохи. Придется перед уходом оставить здесь небольшую атомную бомбу. Конец совсем близок.

Когда я подошел к столу, никто не обратил на меня ни малейшего внимания. Придется сначала использовать сонный газ, потому что он подействует на всех их одновременно. Потом, когда я расправлюсь с хозяином, будет сколько угодно времени, чтобы заняться рабами.

Одна ударная граната и две термитных. Я активизировал их большим пальцем и швырнул — раз, два, три — по широкой дуге ЕМУ на колени. Пока они были еще в воздухе, я стал бросать на стол, под шокированными взглядами офицеров, пригоршню за пригоршней газовые гранаты. Они еще шипели и лопались, а я уже развернулся и пустил в ход игольчатый пистолет — не дай Бог повредить аппаратуру — чтобы разделаться с техниками у темпоральной спирали.

Все было кончено за несколько секунд. Упало последнее бесчувственное тело, и наступила тишина. Прежде чем отвернуться, я швырнул несколько гранат ко входу в неф, чтобы каждый входящий попал в газовое облако. Потом я посмотрел на НЕГО.

Чудесненько! Колонна ревущего огня, а в середине нечто, которое могло быть человеком. Трон также горел, и столб жирного дыма растекался, поднимался вверх к гигантскому куполу.

— ТЫ разбит! ОН! Разбит! — завопил я, наклоняясь через стол, чтобы лучше разглядеть. ОН не пережил этого нападения.

Наполеон поднял голову от стола и сел.

— Не будьте идиотом, — сказал он.

Не трать времени на размышления, я постарался его убить. Но он был наготове и выстрелил из трубообразного оружия, спрятанного

в ладони, раньше меня. В лицо мне брызнул огонь, потом оно онемело, онемело все тело, я потерял контроль над ним и рухнул лицом на стол. Не чувствовал я и рук Наполеона, когда он перевернул меня на спину. Он смотрел на меня сверху, улыбаясь и победоносно хохоча. И в его смехе была значительная доля безумия. Он глядел мне в лицо, в глаза, которыми я по-прежнему мог управлять, ожидая, что они расширятся, когда я наконец пойму.

— Поразительно,— закричал ОН.— Ты только сейчас сообразил правильно. ОН — это Я. Ты проиграл. Ты сжег, уничтожил этого чудесного андроида. Его единственное назначение было обмануть тебя, заставить действовать именно так. Все здесь — само существование этого мира, эта петля времени, нужны только как ловушка для тебя. Неужели ты забыл, что тело — просто скорлупа для меня, для вечного МЕНЯ? Мой мозг победил смерть и живет вечно. Теперь он — имитация безумного императора. Он никогда не знал, что такое настоящее безумие.

Ты проиграл, а Я — навеки победил!

Глава 15

Это была только временная неудача.

Полагаю, что в обычных условиях я чувствовал бы себя разбитым, испуганным, разозленным, раздираемым множеством бесполезных эмоций. Теперь же я просто ждал удобного случая снова убить ЕГО. Это стало уже утомительным — после двух попыток ОН по-прежнему жив. Я решил, что третья должна быть окончательной.

ОН наклонился и стал рвать мою одежду, обыскивая меня с грубой тщательностью. Разрывая ее на мелкие кусочки, он собирал все снаряжение, укрепленное на мне: нож с лодыжки, пистолет с пояса, гранаты из волос. Через несколько секунд я лишился своего оружия. То небольшое, что осталось, было вне досягаемости. Очень тщательно обыскав, ОН бросил меня, швырнув мое бессильное тело на стол, лицом вверх.

— Я все подготовил для этого момента, все! — разговаривая, ОН поднял мои запястья и защелкнул на них тяжелые металлические обручи, соединенные коротким отрезком массивной цепи. Когда кандалы замкнулись, сверкнула короткая вспышка света, их концы сплывались. Хотя я ничего не чувствовал, но увидел, как под металлом моментально покраснела моя кожа. Не имеет значения. Только когда все это было сделано, ОН приложил к моему запястью иглу.

Чувствительность стала возвращаться, сначала дикая боль в запястьях. Оказывается, возвращение чувствительности приносит острую боль. Я не обращал на это внимания, хотя ее спазмы потрясали все тело. В конце концов я даже непроизвольно скатился со стола и тяжело упал на пол. ОН сразу нагнулся и, подхватив меня, потащил через широкое пространство огромного собора. Даже в этом маленьком теле его сила была чудовищной.

В то короткое мгновение, что я лежал на полу, мои пальцы успели что-то ухватить. Не знаю, что это было — что-то маленькое, металлическое — я крепко сжимал его в кулаке.

Примерно в пяти метрах от приборов управления темпоральной спиралью стояла крепкая металлическая колонна, достигавшая мне до пояса. Она тоже дожидалась меня. ОН широко развел мои руки и вложил соединявшую их цепь в канавку на вершине колонны. Еще одна вспышка, и цепь срослась с металлическим монолитом. ОН отпустил меня, я качнулся, но не упал. Мое тело вновь обрело чувствительность, и я снова овладел им, пока ОН пошел к приборам и сделал какие-то манипуляции. В громадном соборе царила тишина, если не считать наваленных тел, то мы были одни.

— Я победил! — завизжал он неожиданно, слегка пританцовывая и брызгая слюной. — Понимаешь ли ты, что теперь ты в петле времени, которого не существует, которое я создал, чтобы заманить тебя, которое исчезнет, как только я его покину?

— Я это подозревал. В наших учебниках Наполеон проиграл.

— Здесь он победил. Я дал ему оружие и помощников, чтобы завоевать мир. Потом, когда было готово мое новое тело, я убил его. Петля во времени появилась, когда я сделал это. И ее существование воздвигло временной барьер, который исчезнет вместе с ней. Это случится, когда Я уйду, но не моментально — это было бы слишком легко для тебя. МНЕ будет приятно думать, что ты торчишь здесь один, понимая, что проиграл, и что твое будущее никогда не будет существовать. В этом здании есть фиксатор времени. Оно будет здесь и когда Лондон исчезнет со всем остальным миром, даже дольше, чем ты. Раньше, чем он выключится, ты можешь умереть от жажды. Можешь и не умереть. Я победил.

Последние слова он выкрикнул, снова поворачиваясь к пульту. Я разжал кулак, чтобы посмотреть, какое же оружие, лежащее у меня в ладони, поможет разбить его в этот последний момент.

Это был маленький латунный цилиндр, весивший всего несколько граммов. В одном его конце были проделаны маленькие дырки, и когда я перевернул его, оттуда посыпался мелкий белый песок. Песочница, применявшаяся для просушки чернил при письме. Можно желать и большего, но придется довольствоваться этим.

— Я уйду, — сказал ОН, включая механизм.

— А как же эти ваши люди? — спросил я, выгадывая время для размышлений.

— Безумные рабы. Они исчезнут с тобой, сослужив свою службу. Меня ожидает целый мир таких, как они. Скоро таких миров будет много. Скоро все будет моим.

К этому нечего было добавить. Он прошел по каменным плитам, чудовище в образе маленького человека, коснулся ручек сверкающего конца темпоральной спирали и был мгновенно охвачен ее сверкающим зеленым пламенем.

— Все мое! — сказал он, и в его глазах горел такой же зеленый огонь.

— Я так не думаю.

Я несколько раз подбросил на руке песочницу, испытывая ее вес и оценивая расстояние до пульта, добросить я смогу с легкостью. Регулировка временной шкалы представляла из себя ряды клавиш, очень похожих на клавиши музыкального инструмента. Теперь некоторые из них были нажаты. Если мне удастся нажать хотя бы еще одну из них, регулировка изменится. Он прибудет в другое место и время, а может быть, не прибудет вовсе. Я медленно замахнулся, оценивая расстояние и траекторию, по которой должен пролететь крохотный цилиндр, чтобы попасть в нужное место.

Должно быть, он увидел, что я собираюсь сделать, потому что стал завывать от бешенства, пытаюсь вырваться из временного поля, которое аккуратненько приковывало его к концу спирали. Я хладнокровно прицеливался, пока не убедился, что все правильно.

— Вот так,— сказал я и запустил песочницу к пульта по высокой дуге.

Она взлетела вверх, ярко блеснула в столбе солнечного света, врывающегося сквозь затемненное окно, и упала вниз.

Она ударила по рядам клавиш и, гремя, упала на пол.

Темпоральная спираль освободилась, его яростные крики оборвались, и Он исчез из виду. В тот же самый момент свет переменился, стал сумеречным. За окнами все стало серо. Я уже видел такое в самом начале, во время темпоральной атаки на Корпус. Лондон, весь мир снаружи больше не существовал. Не существовал в этой точке пространства и времени, был только кафедральный собор, кратковременно удерживаемый фиксатором времени.

Он победил? Я почувствовал первый признак тревоги, должно быть, проходит действие наркотика. Я внимательно вглядывался, но в полутьме было почти невозможно разглядеть показания индикаторов. Изменилось ли показание одного из них перед включением спирали? Я не был уверен. Да это и не имело значения, по крайней мере, для меня здесь. Для меня не имело никакого значения, каким будет будущее — адом или раем. С возвращением эмоций мне стало интересно, будет ли существовать мой мир, появится ли Спецкорпус и родится ли однажды моя Анжела? Мне этого не узнать. Я резко дернул за цепи, но они, конечно, держали крепко.

Это конец. Конец всему. Возвращающиеся ко мне эмоции были самыми мрачными из возможных, но я ничего не мог поделать. Конец.

Глава 16

Оказывались ли вы когда-нибудь запертыми в кафедральном соборе Св. Пола в 1807 году от Рождества Христова, когда весь остальной мир снаружи провалился в небытие, в полном одиночестве, прикованным к стальной колонне, в ожидании собственного уничтожения? Не многие могут утвердительно ответить на такой вопрос. Я могу, но, честно говоря, это необычное отличие не доставляет мне никакого удовольствия.

Могу свободно признать, что чувствовал себя несколько подавленно. Я немножко подергал за металлические манжеты, удерживающие мои запястья... Они были слишком прочны и надежны, и я понял, что как раз такие безнадёжные попытки вырваться доставили бы ЕМУ больше всего безумного удовольствия.

Впервые в жизни я испытал полное и абсолютное поражение. Оно произвело на мои мысли ошеломляющее и отупляющее действие — как будто я уже стоял одной ногой в могиле. Исчезло всякое желание бороться, и я постепенно пришел к выводу, что легче всего будет просто ждать падения занавеса. Ощущение катастрофы было столь сильно, что подавляло всякое недовольство таким безвременным концом. Мне следовало бы бороться, обдумывать путь к спасению, но мне не хотелось даже пробовать. Такое поведение изумило меня самого.

Пока я был погружен в такое созерцание собственного пупка, возник звук. Это было едва слышимое гудение, такое слабое, что я ни за что не услышал бы его, если бы не абсолютная тишина небытия, охватившая мой гроб-собор.

Звук рос и рос, надоедливый, как жужжание насекомого и, в конце концов, я обратил на него внимание, хотя бы и помимо воли, потому что в этот момент я не хотел знать ничего, кроме ощущения своего чудовищного положения. Наконец он стал достаточно громким, и стало ясно, что он исходит откуда-то из-под купола. Несмотря на отсутствие интереса, я поглядел вверх, и как раз в этот момент раздался громкий хлопок раздвинутого воздуха.

Вверху в темноте появилась фигура человека в скафандре. На нем был гравитатор, судя по тому, как медленно он спускался ко мне. Я был так ошарашен, что был готов практически к чему угодно, когда он открыл темный лицевой щиток своего скафандра.

Готов ко всему? Кроме того, что это был не он, а она.

— Сбрасывай эти глупые цепи,— сказала Анжела.— Стоит оставить тебя одного, и ты всегда впутаешься в какую-нибудь историю. Отправишься сейчас же со мной и все тут.

Даже если бы я не обомлел от изумления, говорить было особенно нечего. Так что я просто по-идиотски разинул рот и немножко потряс цепями, пока она, легкая, как осенний лист, скользила по полу. В конце концов ее несомненное физическое присутствие вывело меня из столбняка и я приложил все усилия, чтобы не ударить в грязь лицом.

— Анжела, радость моя. Ты спустилась с неба спасти меня.

Она шире открыла щиток скафандра и поцеловала меня через отверстие, потом сняла с пояса атомный кинжал и занялась моими цепями.

— Теперь объясни мне, что это за загадочная чепуха о путешествиях во времени. И отвечай быстро, у нас только семь минут, по крайней мере, так сказал Койцу.

— Что он еще сказал тебе? — спросил я, размышляя, как много она знает.

— Не пытайся забивать мне баки. Скользкий ди Гриз! Хватит с меня Койцу.

Я быстро отскочил назад, когда она махнула у меня под подбородком атомным кинжалом, потом сбил огонь с груди, моя одежда затлела. Рассерженная Анжела бывает весьма опасна.

— Любовь моя,— сказал я страстно, пытаюсь обнять ее, не спуская при этом глаз с кинжала.— Я не стану от тебя ничего скрывать. Я не такой. Просто от всех этих путешествий во времени мозги у меня скорчились и нужно, прежде чем рассказывать по порядку, узнать, на чем кончается твоя информация.

— Ты отлично знаешь, что я только что говорила с тобой по телефону. «Срочно, спешно, приезжай скорей», крикнул ты и дал отбой. Я и приехала в лабораторию Койцу. Они все бегали и возились с аппаратурой и были слишком заняты, чтобы мне что-нибудь объяснить. Они только и кричали назад, в прошлое. И этот ужасный Инскин ничуть не лучше. Он сказал, что ты исчез, исчез прямо из его конторы, когда он читал тебе обвинительное заключение. Он наверное прознал что-то о тех деньжатах, которые ты прикарманил на черный день. Еще была какая-то ахиня о том, что ты спасаешь мир или Галактику, но я не поняла ни слова. И все это продолжалось очень долго, пока они не смогли отправить меня сюда.

— Ну, да,— сказал я скромно.— Спас тебя, спас Корпус, вообще все на свете.

— Я была права: ты пьянствовал.

— Уже очень давно капли в рот не брал,— пробормотал я капризно.— Если хочешь знать, вы все исчезли — пуф — и нет. Койцу оставался последним, так что он мог бы тебе рассказать. Корпус, все вы даже не родились и никогда не существовали — только в моей памяти.

— А я помню слегка по-другому.

— Может быть. Благодаря моим усилиям ЕГО планы были расстроены.

— Что это еще за ОН? Ты совсем поглупел от пьянства.

— Его зовут ОН, а у меня уже несколько часов капли во рту не было. Неужели ты не можешь слушать не прерывая? Эта история и так достаточно запутана.

— Запутанная и, наверняка, связанная со спиртом.

Я застонал. Потом поцеловал ее, на этот раз крепче и дольше. Задержка, которая нам обоим очень понравилась. Это ее немного смягчило, и я продолжил, прежде чем она вспомнила, что ей следовало на меня злиться.

— Против Спецкорпуса была предпринята темпоральная атака, поэтому профессор Койцу забросил меня в прошлое, чтобы разрушить этот мерзкий заговор. Я отлично сработал в 1975 году, но ОН ускользнул туда, откуда появился, а потом еще дальше в прошлое и расставил здесь, в 1807 году, хитрую западню для меня. Вот я и попался, но ЕГО план до конца не сработал, потому что мне в последний момент удалось изменить настройку ЕГО темпоральной

спирали, так что ОН отправился не в то время, куда собирался. Должно быть, это помешало ЕГО темпоральной войне, иначе бы ты не пришла ко мне на помощь.

— О, дорогой! Как здорово! Я всегда говорила, что стоит тебе по-настоящему захотеть — и мы спасем мир.

Смена настроения, быстрая, как ртуть. Вот что такое моя Анжела. Она поцеловала меня с истинной страстью, иначе и не скажешь, а я, гремя своими цепями, радостно обнял ее, но она пронзительно вскрикнула и врезала мне, да так, что я отлетел задыхаясь.

— Время! — она поглядела на часы и ахнула. — Я из-за тебя забыла. Осталось меньше минуты. Где эта темпоральная спираль?

— Здесь! — потирая все еще болящие ребра, я показал ей аппарат.

— А пульт?

— Вот.

— Какой некрасивый. А где указатели?

— Вот эти циферблаты.

— Вот настройка, которую мы должны использовать. Койцу сказал — с точностью до тринадцатого знака, он очень настаивал.

Я, как сумасшедший пианист, заиграл на клавишах и даже вспотел. Стрелки дернулись, замерли и закрутились как бешеные.

— Тридцать секунд, — ласково сказала Анжела, чтобы меня подбодрить. Я вспотел еще сильнее.

— Есть! — выдохнул я, когда она объявила: десять секунд. Я врубил таймер и включил главный рубильник. Темпоральная спираль засверкала зеленью, и мы бросились к ее выступающему концу.

— Стой ближе и прижмись ко мне как можно крепче, — сказал я. — У темпорального поля есть поверхностный эффект, и мы должны быть рядом.

Она откликнулась на это с удовольствием.

— Жаль только, что на мне этот глупый скафандр, — сказала она, покусывая мне ухо. — Без него было бы замечательно.

— Может и так, но было бы неудобно прибыть назад в Спецкорпус в таком виде.

— Не тревожся об этом. Мы пока направляемся не туда.

Я почувствовал под ложечкой укол тревоги.

— Что ты говоришь? Куда же мы направляемся?

— Не имею ни малейшего представления. Койцу сказал только, что прыжок будет на 20 000 лет вперед, как раз перед разрушением этой планеты.

— Снова ОН и его безумная шайка, — завопил я. — Ты только что отправила нас иметь дело с всепланетным сумасшедшим домом — они там будут все против нас!

Все застыло, когда включилась темпоральная спираль, и я был брошен во время с болезненным выражением на лице. Это выражение оставалось на нем 20 000 лет, это было все, что я чувствовал.

Трах! Это было как падение в ванну пара и «падение» было самым подходящим словом для этого. Горячие облака испарения поднимались вокруг нас, и невидимая поверхность могла быть в десяти метрах или десяти милях под нами.

— Включи свой гравитатор,— крикнул я,— мой остался в несуществующем девятнадцатом веке.

Возможно мне не надо было орать, потому что Анжела включила прибор на полную мощность на подъем и выскользнула из моих нежных объятий, как масляный угорь. Я ухватил одну из ее ног и бешено вцепился в нее обеими руками где-то поверх башмака цельного скафандра.— Эта часть быстро сползала с ее ноги.

— Я бы хотела, чтобы ты не делал этого,— крикнула она мне.

— Полностью с тобой согласен,— бессвязно пробормотал я, сквозь плотно сжатые губы.

Комбинезон начал вытягиваться и вытягивался до тех пор, пока ее нога не стала вдвое длиннее нормальной величины, и я стал подпрыгивать вверх, а затем снова вниз, как будто висел на резинке. Я быстро взглянул вниз, но там был виден только сплошной туман. Материал космического костюма прочен, но он никогда не был рассчитан на такое растяжение. Что-то надо было делать.

— Прекрати подъем! — крикнул я, и Анжела мгновенно отреагировала.

Мы были в свободном падении и, как только движение замедлилось, нога скафандра сократилась и швырнула меня вверх, в объятия Анжелы.

— Хм..! — только и сказал я.

Она взглянула вниз и, взвизгнув, вновь включила гравитатор на полную мощность. На этот раз я не был готов к этому, и посему выскользнул из ее объятий и падал теперь по направлению твердого ландшафта, внезапно открывшегося внизу.

За те доли секунды, что были мне отпущены, я сделал то небольшое, что мог. Распластавшись в воздухе, широко расставив руки и ноги, я постарался приземлиться прямо на спину. И почти добился этого до удара. Все потемнело, я был уверен, что погиб, темнота заполнила мой мозг, промелькнула последняя мысль. Это было не только сожаление о том, что мало было сделано, но и то, что некоторые вещи я мог делать бы и немного чаще.

Я не мог быть без сознания больше нескольких секунд. Рот был полон грязи неприятного вкуса, я выплюнул ее, выскреб еще больше из глаз и огляделся.

Я плавал в полужидком море грязи и воды, из которого вырывались большие пузыри и лопались с легкими хлопками. Они источали зловоние. Дистрофического вида камыш и водяные растения росли по берегам.

— Жив,— заорал я.— Я жив!

Шлепнувшись на сиропообразную поверхность, я распределил удар

по всей поверхности спины. Боль пульсировала кое-где, но, вероятно, ничего не было сломано.

— Похоже, что там очень гадко,— сказала Анжела, паря в нескольких футах под моей головой.

— Именно так гадко, как это выглядит оттуда, и если ты не возражаешь, мне хотелось бы выбраться отсюда. Не могла бы ты спуститься, чтобы я смог ухватиться за твои лодыжки, что позволит тебе выдернуть меня с таким же звуком, с каким вынимают сапоги из грязи?

Гнилое болото с громким хлопанием вцепилось в меня, чтобы удержать; и только посопротивлявшись, отпустило, громко вздохнув. Я болтался на лодыжках своей любимой, пока мы дрейфовали над явно бесконечным болотом, которое терялось в тумане во всех направлениях.

— Смотри туда, направо! — закричал я. — Как будто канал с проточной водой. Мне кажется, умывание и чистка не помешают.

— Поскольку я уже намучилась с тобой, не могу не согласиться.

Течение было слабым, но все же было, насколько я мог судить по проплывавшему мимо стволу дерева. Посреди ленивого потока был золотистый песчаный островок, как будто специально для нас приготовленный. Я прыгнул, как только Анжела спустилась, она не успела еще приземлиться, как я уже разделся и соскребал с себя всякую мерзость, стоя в воде. Вынырнув, отплеываясь, я увидел, что она сняла свой душный комбинезон и расчесывала свои длинные локоны, которые в данный момент оказались белокурыми. Это было прелестно, меня наполнили всякие романтические мысли, когда яростный огонь пронзил мой копчик и я катапультировался из воды, визжа как собака, которой в дверях прищемили хвост. Привлекательная и женственная Анжела оставалась Анжелой, расческа моментально сменилась пистолетом, и в тот самый момент, когда я коснулся песка, прогремел единственный точный выстрел.

Пока она прикрепляла повязку на двойной ряд отметин от зубов на моей ягодице, я смотрел на рыбину, наполовину изувеченную выстрелом, но все еще дергавшуюся, которая несколько ошиблась в выборе обеда. В ее широко разинутой пасти было больше зубов, чем на складе зубоврачебного кабинета, и в быстро затягивающихся поволокой глазах определенно был дьявольский огонек. Ухватив ее за хвост, чтобы избежать ее сокращающихся челюстей, я бросил ее далеко в воду. Это послужило началом такого бурного волнения на поверхности, и судя по частям тела, которые высовывались на поверхность и снова шлепались в воду, я понял, что был атакован одним из самых небольших экземпляров.

— 20 000 лет не принесли никакой пользы этой планете,— сказал я.

— Ополаскивайся до конца, а я покараулю. После этого пообедаем.— Всегда практичная женщина.

Пока я чистился, она отстреливала неумных хищников, включая одну большую рыбу с жирными боками и рудиментными конечностями, которая вразвалку вышла из воды, чтобы пообедать мною. Вместо

этого мы сами ею полакомились, из ее боков были извлечены толстые прекрасные куски филе, которое хорошо прожарилось под лучом теплового прожектора. Анжела предусмотрительно прихватила с собой флягу моего любимого вина, что сделало пищу незабываемой. После обеда я вздохнул, рыгнул и удовлетворенно вытер губы.

— Ты не раз спасала мою жизнь за последние 20 000 лет,— сказал я.— Поэтому я больше не сержусь за то, что так внезапно был унесен в эту парилку вместо возвращения в Корпус. Но можешь ты по крайней мере объяснить мне, что произошло и что Койцу сказал тебе?

— Он стремился наговорить очень много, но суть я поняла. Он работал со своей машиной времени, или как они там называют, и сопровождал твои прыжки во времени, так же, как и тот, о котором он упоминал как о враге, которого ты называешь ОН. Враг сделал что-то со временем, создал вероятностную петлю, которая длилась пять лет, затем подошла к пределу. Тогда ОН покинул коллапсирующую петлю, а ты нет. Вот почему Койцу послал меня в прошлое несколькими минутами раньше, чем она закончилась, чтобы вытащить тебя. Он дал мне данные темпоральной спирали времени, которые позволят нам сопровождать ЕГО в это время. Я спросила, что предположительно мы должны делать здесь, но он все бормотал: «Парадокс, парадокс», и не ответил мне. У тебя есть какие-нибудь идеи насчет того, что должно произойти?

— Все довольно просто. Надо найти ЕГО и убить. Игра стоит свеч. Я два раза пытался это сделать: первый раз стрелял в него, второй пустил в ход гранаты, но оба раза меня постигала неудача. Может быть, на третий раз повезет.

— Может быть, тебе стоит предоставить мне заботу о нем,— мягко произнесла Анжела.

— Прекрасная идея. Мы уничтожим его вместе. Мне порядком надоело это временное преследование.

— Как мы его найдем?

— Проще простого, если у тебя есть энергетический детектор времени.

Благодаря предусмотрительности Койцу он был. Анжела протянула его мне.

— Обычный щелчок переключателем, и стрелка покажет нам направление к нашему врагу.

Щелкнул переключатель, но лишь освободил немного сконденсировавшейся влаги, которая вытекла мне на ладонь.

— Кажется, он не работает,— сказала Анжела, ласково улыбаясь.

— Либо так, либо они не используют в данный момент темпоральную спираль.— Я покопался в своем снаряжении.— Мне пришлось оставить свой скафандр и некоторые другие вещи в 1807 году, но Скользящий Джим никогда не расстанется со своим искажателем. Я гордился приспособлением, которое изобрел сам, и это была одна из вещей, которые ОН не отобрал у меня. Стойкий к различным средам, он не мог находиться только в расплаве металла. Компактный, не более

чем в ладонь величиной, он мог определить слабейшие проблески радиации в огромном диапазоне частот. Я включил его и провел обычный контроль.

— Очень интересно,— сказал я и попробовал радиочастоты.

— Если ты сейчас же не просветишь меня,— я больше никогда не спасу тебе жизнь.

— Придется, поскольку ты навеки влюблена в меня. Я нашел два источника, один из которых слабый и очень далекий. Другой не может быть далеко и прослушивается в большом диапазоне частот, включая атомное излучение, тепловое, а также радиопередачу. И что-то еще очень настойчивое. Достань крем от солнечных ожогов — ультрафиолетовое излучение на максимуме. Держу пари, что мы уже подгорели.

Мы смазались кремом и, несмотря на жару, надели достаточно одежды, чтобы защититься от невидимого излучения, льющегося с закрытого тучами неба.

— Странные события происходят на Земле,— сказал я.— Излучение, этот влажный климат. Я боюсь...

— Я — нет. После выполнения миссии ты сможешь выполнить палеонтологические исследования. Давай сначала убьем ЕГО.

— Сказано решительно. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я настрою аппаратуру так, что мы в равной степени сможем оценить преимущества гравитатора.

— Смешно звучит,— сказала она, освобождая стропы.

Легкое как воздух сиамское приспособление подняло нас над морем грязи и понесло в направлении замеченной активности. Грязь и топь продолжались достаточно долгое время, и я начал ворочаться в стропях, когда наконец появилась земля. Сначала это были камни, появившиеся из воды, затем каменистое плато. Потребовалось еще немного энергии, чтобы поднять нас на его край, и тут индикаторная стрелка быстро поползла вниз.

— Скоро придется идти пешком,— сказал я,— что по крайней мере лучше, чем плавание.

— Если только животные на суше не стоят тех, что в воде.

Моя Анжела всегда оптимистична. И пока я подыскивал ответ поядовитее, гряда камней впереди озарилась вспышкой света, за которой последовала резкая боль в ноге.

— Я ранен! — закричал я, больше от удивления, чем от боли: потянувшись к тумблерам гравитатора, я увидел, что Анжела уже убрала мощность.

Мы опустились на большую гряду камней, замедляя ход, и в последний момент остановились. Я перевалился на одной ноге под прикрытие нависающего валуна и подумывал о том, как бы достать мою индивидуальную аптечку в то время, как Анжела уже разорвала одежду на ноге, посыпала антисептиком, ввела обезболивающее и прозондировала рану. Она всегда опережала меня во всем, но никогда не относилась ко мне неуважительно.

— Небольшое проникающее ранение,— объявила она, обрабатывая

ногу аэрозолью.— Заживет быстро, нет сомнений, не наваливайся на нее, а я пока убью того, кто бы там ни был.

Я ослаб от лекарств и прежде чем я ответил, она бесшумно исчезла среди камней. Нет ничего похожего в мире на любящую и нежную жену, которая в то же время хладнокровный убийца. Хотя брюки носил я, пистолеты носили оба.

Вскоре после ее ухода послышались звуки разрывов, шум катящихся камней и, спустя короткое время после этого, несколько ужасных криков, которые тут же сменились гробовым молчанием. Надо отдать дань доблести Анжелы, и я ни на секунду не усомнился в ее безопасности. Я задремал, сраженный лекарствами, циркулирующими в крови, и проснулся только тогда, когда почувствовал, что меня дергают за стропы гравитатора. Я вскрикнул и уставился, моргая, на нее, когда она распласталась рядом.

— Можно мне спросить, что произошло? — спросил я.

Она нахмурилась.

— Там только один человек. Я не нашла других. Это что-то вроде фермы, какой-то цех и поле злаков. Должно быть, я поскользнулась. Сбила его, а потом еле могла удержаться, чтобы не убить его, пока он лежал без сознания.

Я поцеловал ее, когда мы поднимались.

— Сознательнее, моя сладкая, прошу тебя. Некоторые из нас родились с этим, другим это было привито искусственно. Результат один и тот же.

— Не думаю, чтобы мне это нравилось. В прошлом я действительно была на это способна.

— Когда-нибудь мы все станем цивилизованными.

Она вздохнула и кивнула, а затем быстро чмокнула меня в щеку.

— Возможно, ты прав. Но это было бы нам только интересно, раздробить его на мелкие кусочки.

Мы были теперь над осыпью и над господствующим здесь утесом. Здесь, на вершине, было небольшое плато, на котором находилось приземистое здание, сложенное из сцементированных камней. Дверь была открыта, и я протиснулся в нее, опираясь на плечо Анжелы. Внутри слабый свет, падающий из маленьких окошек, открывал большую, бардачную комнату с двумя скамьями около дальней стены. На одной из них лежал связанный человек, который ворошил и бормотал что-то сквозь кляп.

— Забирайся в другую постель,— сказала Анжела,— а я пока посмотрю, можно ли добиться чего-нибудь человеческого от этого ужасного существа.

Я уже сделал первые шаги в направлении скамьи, когда вдруг одна мысль проникла в мои путанные мозги, и я остановился, как вкопанный.

— Постели. Их две? Кто-то еще должен быть здесь рядом.

Ответ застыл на губах Анжелы, так как в двери позади нее кто-то появился, паля из еще более шумного оружия.

Глава 18

Он шумел главным образом из-за того, что оружие было выбито из его рук, как только он нажал на спуск, а немного позже он был выбит за дверь. Я увидел все это, когда с разбегу грохнулся, покотившись и вытаскивая пистолет в тот момент, когда Анжела откидывала свой в сторону.

— Ну, с этого достаточно,— сказала она, явно обращаясь к безмолвной паре ботинок в дверном проеме.

— Пережиток это цивилизации или нет, я считаю, что стрельба — лучшее средство самообороны. Я увидела этого среди камней, подкрадывающегося к нам, но не смогла в него попасть. Сейчас будет намного тише. Я приготовлю немного приятного теплого супа, а затем ты немного подремлешь...

— Нет! — сомневаюсь, чтобы кто-нибудь когда-нибудь говорил «нет» более твердо. Я выпучил глаза и пожирал ими ее, продолжая свой монолог в том же тоне.— Есть, конечно, определенное пассивное удовольствие, когда за тобой ухаживают и наставляют как глупого ребенка — но с меня довольно. Я напал на ЕГО след до этого и прогнал из двух берлог и поэтому хочу покончить с ним сам. Я знаю его методы. И я во главе этой экспедиции, поэтому ты будешь следовать за мной, а не вести меня, и подчиняться приказам.

— Есть, сэр,— ответила она, опустив ресницы и склонив голову. Не для того, чтобы скрыть улыбку? Об этом я не думал. Я — глава.

— Я — глава,— сказал я еще более твердым и громким голосом.

— Есть, босс,— сказала она и весело захихикала, в то время как человек на кровати ворочался и сопел, а ботинки в дверном проеме оставались без движения.

Мы приступили к работе. Наш пленник стал шумно ругаться на неизвестном языке, когда я вытащил кляп, и пытался укусить меня за палец, когда я переворачивал его. На полке стоял грубого вида приемник, который передавал новости на том же языке, когда я включил его. Анжела была намного продуктивнее меня, она подкатила к двери ужасное транспортное средство, выглядевшее, как наспех собранная пурпурная пластиковая ванна, закрепленная на четырех осях с колесами. Оно забормотало и зашипело на меня, когда я забрался наверх, чтобы изучить его.

— Очень просто в обращении,— сказала Анжела, показывая свою техническую осведомленность.— Здесь есть выключатель, который ее заводит. И две рукоятки для поворота колес в стороны. Вперед — для увеличения скорости, назад — для остановки...

— И нейтральная середина,— сказал я, чтобы продемонстрировать и свою осведомленность, а также мужское превосходство.

— А этот покрытый свинцом чурбан посередине, должно быть, ядерный генератор. Незакрытый желоб с радиоактивным материалом, нагреватель жидкости, здесь преобразователь тепла, вторичная жидкость для привода электрического генератора, двигатель на каждом колесе; ужасно примитивно, но практично. Куда мы на нем поедем? —

Она показала.— Там, кажется, дорога или что-то типа тропы, идущей через обработанное поле. И насколько я помню — знаю, ты сразу поправишь меня — это кажется в том самом направлении, откуда ты засек сигналы.

Слабое женское сопротивление, и я его проигнорировал. В частности, вскоре она оказалась права, что и подтвердил искатель...

— Тогда выезжаем,— сказал я вновь командным тоном.

— Мы убьем пленника? — спросила она с надеждой.

— Благодарю, нет. Но я возьму его одежду, поскольку моя превратилась в тряпку. Если мы сломаем радио, то оставим в секрете для кого бы то ни было, что прибываем. Он перегрызет свой кляп и веревки за пару часов, так что можно возложить на него обязанности по похоронам его напарника. А мы тем временем оседлаем своего коня и будем в пути.

Твердость моего авторитета слегка потускнела от скрипа костей под остатками моей рубашки, скребущих по быстро краснеющей поверхности моего тела. Пока Анжела успокаивала радио, я наложил еще крема на кожу. Несколько минутами позже мы тряслись по хорошо наезженному тракту, который петлял по плато.

В этом месте было меньше тумана, но не на что было обращать взгляд. Грубый ландшафт пересекался оврагами, которые уносили воду от частых ливней, а также перемещал тот тонкий пахотный слой, который еще оставался. Худосочные растения прижимались к камням в надежде на защиту от непогоды. Вскоре мы пересекли ответвляющуюся колею, но указатель направления на искателя держал нас на верном курсе. Твердые сидения были в высшей степени неудобны, и я приветствовал собирающиеся сумерки — чего, конечно, я не сказал вслух — и повернул на заросший холм, сложенный из больших камней, на ночлег.

Утром я был еще слаб, но чувствовал себя лучше. Живительные лекарства вызвали бешеный рост моих клеток, что наполовину залечило мои всевозможные раны и разбудило дьявольский аппетит. Мы пообедали и выпили из запасов, которые принесла Анжела, в соединении с черствым хлебом и сухим мясом, изъятыми у воинственных фермеров. Анжела взяла управление в свои руки, а я держал пистолет, совсем не восторгаясь меняющимся ландшафтом. Колея теперь петляла вниз по склону плато, сменяющегося вертикальным каменным откосом. Затем появилось еще несколько топей и неприятные на вид джунгли, в которые углублялась дорога. Ползучие растения росли достаточно низко, чтобы причесывать наши головы, а сырые растения сплетались наверху. Воздух, которым и так невозможно было дышать, стал еще более влажным и горячим.

— Не нравится мне это место,— сказала Анжела, объезжая болотистую поляну, которая растянулась поперек дороги.

— Мне оно нравится еще меньше,— сказал я, с пистолетом в одной руке и обоймой гранат в другой.— Если дикая жизнь здесь чем-нибудь похожа на ту, что в реке, у нас будет достаточно развлечений.

Постоянно начеку, я посмотрел вперед, назад, вправо и влево, и пожалел о том, что глаза у меня не на стебельках. Среди деревьев мелькали бесчисленные подозрительные твари, и изредка доносились тяжелые удары, но ничего не появлялось, чтобы угрожать нам. Единственное, за чем я не следил, это за поверхностью дороги, а именно там нас подстерегала опасность.

— Там поперек дороги упавшее дерево, — воскликнула Анжела. — Просто переедем через него...

— Я бы не стал! — воскликнул я, но немного опоздал, потому что колеса нашей машины уже перевалили через ствол (зеленый), который лежал поперек дороги и терялся в джунглях по обе стороны.

Центральные колеса были как раз на нем, когда он вздрогнул и изогнулся в большую петлю. Повозка перевернулась, и мы с Анжелой были резко выброшены. Ударившись о землю, втянув голову, я покатился и встал с пистолетом наготове, и правильно сделал. Псевдоствол приятно извивался, пока из зарослей возле дороги появилась его передняя часть. Змея, с большой как бочонок головой, разинутой пастью, шевелящимся языком, с глазами бусинками, шипящая, как паровой котел. В то время, как справа от этой пасти сидела Анжела, тряся головой и совершенно не понимая, что происходит. Оставалось время только для одного выстрела, и я не хотел промахнуться. Как только эта ужасная голова стала опускаться, я подпер левой рукой пистолет и выпустил заряд прямо в пасть этой штуковине. С глухим стуком отстреленная голова упала в облаке дыма.

Это был ее конец, но судорога пробежала по всей длине мускулистого тела. Прежде чем я мог скрыться, извивающаяся петля ударила меня, обвила вокруг и швырнула на деревья. После этого я с хрустом пролетел сквозь ветки, и одна из них двинула меня по затылку, и все закончилось изумительным слепящим взрывом боли.

Не знаю, сколько прошло времени. Меня привела в сознание боль в голове плюс новая и более острая боль в ноге. Я открыл один глаз и увидел что-то маленькое и коричневое со множеством когтей и зубов, которое пыталось разорвать одежду на моей ноге в надежде пообедать.

Первый же голодный укус привел меня в чувство, и я ударил животное ботинком. Оно заворчало в ответ на это и показало мне все свои зубы, но тут же скрылось в зарослях после моей слабой попытки еще одного удара в его направлении. Я чувствовал себя очень слабым. Еще немного времени ушло, чтобы не просто лежать, а собраться и вспомнить, что произошло. Дорога, змея, удар...

— Анжела! — заорал я и попытался встать на ноги, игнорируя волны боли, которые переливались во мне. — Анжела!

Ответа не было. Я проталкивался сквозь колючий кустарник навстречу неприглядному зрелищу. Длинный ряд коричневых животных, родственников тому, что напал на меня, работали над телом змеи и уже освободили большие участки скелета, похожие теперь на отполированные прутья клетки. Мой пистолет исчез. Я вернулся назад и исследовал то место, где упал, но и там его не было.

Что-то было не так. Совсем не так. И неприятный шепоток паники стал закрадываться мне в душу.

Пока я стоял вдалеке от них, жующие твари игнорировали меня, поэтому я сделал большой крюк вокруг дороги. Машины тоже не было. И Анжелы.

Этот неоспоримый факт никак не приживался во мне среди боли ран. И надо было что-то делать с насекомыми, которые жужжали вокруг раны на голове. Моя аптечка была еще в кармане, ею я в первую очередь и воспользовался. Через несколько минут я уже не чувствовал боли, был простимулирован и готов к действию. Но к какому действию? Мелькающие мысли пытались сосредоточиться на том, где машина. Ее следы были достаточно ясно видны в грязном грунте, который так же ясно показывал тайну исчезновения Анжелы. Там были по крайней мере два отпечатка больших мускулистых ног вокруг того места, где была перевернута машина. Еще след от колес другой машины. Либо за нами ехали, либо это случайные туристы, появившиеся на сцене после инцидента со змеей. Комья грязи и примятая трава показывали, что обе машины уехали в том же направлении, в каком двигались и мы. Я аллюром припустился туда же, пытаюсь не думать о том, что могло произойти с Анжелой.

Мой аллюр продолжался недолго. Из-за жары и усталости пришлось перейти на мягкий шаг. Освежители избавили меня от одного, а стимулятор от второго. Следы были явно видны, и я шел по ним. Меньше чем через час дорога выбралась из джунглей навстречу сухим скалам. Выйдя за поворот, я мельком увидел машину, стоящую впереди, и быстро повернул назад. Нужен план. Мой пистолет исчез, поэтому вопрос о том, чтобы перестрелять похитителей, даже и не вставал. Поскольку оставшиеся приспособления моей экипировки не могли быть оружием, хотя у меня оставалась целая пригоршня гранат, которые Анжела дала мне.

Это было решение. Горстка слезоточивых бомб, чтобы вывести похитителей из строя прежде, чем они успеют выстрелить в меня. И может, пара пусков взрывчатки на случай, если враг далеко от Анжелы и придется применять более серьезное средство уничтожения.

С таким вооружением я крался от одного камня к другому, затем глубоко вдохнул и прыгнул на открытое место, где ждали обе повозки.

И тут же получил деревянной дубиной по затылку, которую держал часовой, тихо ждущий всякого, на ком можно применить это эффективное средство.

Глава 19

Я был без сознания всего доли секунды, но этого оказалось достаточно, чтобы связать мои руки и ноги и отобрать все вооружение, которое они у меня нашли. За эту оплошность я мог винить только себя и свою невнимательность. Усталость и стимуляторы сделали свое дело, так как меня потащили по траве и бросили рядом с Анжелой.

— У тебя все в порядке? — прохрипел я.

— Конечно. И немного лучше, чем у тебя.

Это было правдой. Ее одежда была порвана и на некоторых местах были синяки от падения на землю. Кое-кто должен заплатить за это и заплатить сполна. Я услышал, как скрипят мои зубы. Она была связана, так же, как и я.

— Они подумали, что ты мертв, — сказала она. — И я тоже. — Ее слова были полны таким невысказанным чувством, что я попытался улыбнуться, но улыбка получилась неискренней. — Я не знаю, сколько мы лежали там, я тоже была без сознания. Когда очнулась, то была уже связана, а они забрали все пистолеты и весь груз в машине. Потом мы поехали. Я никак не могла остановить их. Все они разговаривают на этом ужасном языке.

Они выглядели так же безобразно, как звучал их язык, все в неряшливой одежде, подпоясанные засаленными кожаными ремнями, с копнами грязных волос и такими же грязными бородами. Я имел неосторожность более пристально взглянуть на одного из них, как вдруг он подошел ко мне и стал вертеть мою голову из стороны в сторону, сравнивая мою потрепанную наружность с качественной фотографией моей персоны, которая у него была.

Я лязгнул зубами в сторону его пальцев, но он вовремя их отдернул. Это, должно быть, один из ЕГО людей; фотография это доказывала, хотя я и не знал, как он мог раздобыть ее. Нет сомнения, что она была сделана во время наших встреч во времени и до этих пор хранилась в его кармане. В этот момент я заметил, что самый безобразный и вонючий из всех влюбленно смотрит на Анжелу, тут я вцепился в его ногу, но был отброшен, как футбольный мяч.

Надо отдать должное Анжеле, она всегда была целеустремленной девушкой. Когда она знала, чего хотела, она всегда получала это, независимо от способа. Сейчас она увидела единственный путь, которым мы могли выбраться из этой кутерьмы, и использовала его. Женские чары. Без тени сомнения она стала расточать знаки внимания этому ужасному животному. Она не могла говорить на их языке, но язык, на котором она изъяснялась, был стар, как мир. Отвернувшись от меня, она улыбалась волосатому скоту и кивком головы подозвала его. Ее плечи были откинuty назад, четко очерчена очаровательная фигура, бедра застенчиво отклонены.

Конечно, это сработало. Среди этих скотов возникла небольшая оживленная дискуссия. Но волосатый сбил одного из них с ног, прекратив этим дебаты. Они с ревностью смотрели, как он шествовал к ней. Она улыбнулась ему со всем возможным теплом и протянула ему страстные связанные руки.

Какой мужчина мог сопротивляться этому бессловесному приглашению? Конечно, не эта неуклюжая туша. Он обрезал путы на ее руках и отложил нож, когда она потянулась развязать ноги. Когда он потянул ее за ступню, Анжела нетерпеливо поднялась. Он заключил ее в медвежьи объятия, склонив к ней лицо.

Я мог бы сказать ему, что он находился бы в большей безопасности,

если бы попытался поцеловать саблезубого тигра, но не стал. Что произошло потом, видел только я, поскольку ревнивые наблюдатели были закрыты громадой его тыла. Кто бы смог представить, что эти нежные пальчики могут собраться в одно твердое острие, и эта тонкая рука может так глубоко проникнуть в брюхо этого животного? Прелестно. Он продолжал наваливаться на нее, лишь слегка вздрогнув. Еще мгновение она удерживала его вес, затем отступила назад, закричав, когда он упал на землю. Прекрасная картина женской невинности, руки у шеи, широко раскрытые глаза, пронзительный крик при странном поведении сильного мужчины, корчащегося у ее ног. Конечно, двое других подбежали, но на их лицах росло выражение холодного удовлетворения. Первый нес мой пистолет.

Ангела занялась ими. Как только он подбежал достаточно близко, она бросила в него нож, который вытащила у того животного, прежде чем ранить его. Я не видел, куда он попал, потому что третий в этот момент побежал в моем направлении, и я согнул ноги в надежде, что он окажется рядом. Так и произошло. Я выбросил ноги вперед и попал ему по коленям, моментально сбив его с ног. Как только он грохнулся, я перекатился вперед и, прежде чем он смог встать, ударил обеими ботинками в висок. Потом повторил процедуру, потому что чувствовал себя гадко. На этом все кончилось. Ангела вытащила нож из своей неподвижной жертвы, вытерла о его одежду, затем подошла освободить меня.

— Ты убьешь тех, которые еще дергаются? — спросила она с притворной сдержанностью.

— Надо бы, но хладнокровное убийство не для меня. Думаю, что с них достаточно. Полагаю, что если мы возьмем их запасы и сломаем машину, этого хватит. Ты была великолепна.

— Конечно. Вот почему ты и женился на мне, — она быстро поцеловала меня, потому что немного позднее ей пришлось повернуться и всадить каблук в лоб лохматого, который начал шевелиться. Он снова заснул. Мы собрались и поехали.

Мы были недалеко от цели несколькими часами позже, когда стало ощущаться движение воздуха, которое становилось все сильнее по мере продвижения по дороге среди скал. Внезапно поворот привел нас прямо к краю аллеи, резко уходящей вниз — я бросил машину в вираж и, развернувшись, скрылся за поворотом.

— Ты видела? — спросил я.

— Конечно же, — ответила Ангела, пока мы ползли вперед на животах, на этот раз более осторожно, и заглянули за поворот.

Ветер здесь был сильнее, окропляя широкую аллею из невидимого водоема где-то внизу. Воздух здесь был прохладнее и, хотя наверху нависали вездесущие облака, в аллее не было тумана, закрывавшего перспективу. Напротив нас высила гора, переходящая в монолитный утес, на котором возвышался колоссальный черный камень. Эрозия превратила его в фантастическое сплетение башен и башенок, люди превратили это дальше, создав замок, покрывающий вершину горы.

Там были окна и двери, флаги и вымпелы, лестницы и подпорки. Флаги были ярко-красные, исчерченные едва заметными черными

изображениями. Некоторые из башен были выкрашены и это, со всем ужасом конструкции, означало только одно.

— Это нелогично, я знаю,— сказала Анжела,— но от этого местечка меня бросает в дрожь. Оно выглядит... трудно объяснить, возможно, «бессмысленно» — лучшее слово для этого.

— Абсолютно верно. Это означает, что если мы в нужном пространстве и времени, то место, которое выглядит вот так, должно быть местом ЕГО пребывания.

— Как мы доберемся до него?

— Очень хороший вопрос,— сказал я вместо нормального ответа. Как бы забраться в этот чертов замок? Я почесал затылок, потер лоб, но эти незаменимые рецепты на этот раз не сработали. Уголком глаза я заметил какое-то слабое движение, посмотрел в ту сторону, потянулся за пистолетом и остановился на полпути.

— Не делай резких движений, особенно не хватайся за пистолет,— спокойно сказал я Анжеле.— Обернись не торопясь.

Мы повернулись вместе, стараясь не делать ничего, что могло бы вызвать движение в пальцах, лежащих на спусковых крючках дюжины или около того людей, которые бесшумно появились позади нас и стояли с направленными в нашу сторону ружьями.

— Будь готова упасть вперед вслед за мной,— сказал я и повернулся назад, чтобы увидеть еще четырех человек, которые появились так же бесшумно на аллее прямо перед нами.— Отменяю последнюю команду, улыбайся нежно и непринужденно. Разделаемся с ними, когда окажемся посреди них.

Последнее было скорее как моральный стимулятор, чем руководство к действию. Не похожие на людей с дикими взглядами, у которых мы отобрали наш многоколесный драндулет, эти были намного спокойнее и тверже. Они были одеты в одинаковые серые пластиковые комбинезоны, которые переходили наверху в шлемы, закрывавшие головы. Их оружие было длинным, словно ружья, с раструбами на концах, смертоносным на вид. Мы послушно затрусили вперед, когда один из них стал махать рукой в нашем направлении. Другой из членов этого сужающегося круга выступил вперед и осмотрел нас, но подошел не слишком близко, чтобы другие смогли применить оружие?

— ? — спросил он, затем продолжил, поскольку мы молчали.—

— — сказал он на эсперанто с резким акцентом.

— Ну, это уже лучше,— ответил я на том же языке.— Могу я спросить вас, джентльмены, почему вы находите нужным направлять оружие на простых путешественников, как мы?

— Кто вы? — спросил Красная Борода, выходя вперед.

— Могу я спросить вас то же самое?

— В моих руках оружие,— ответил он хладнокровно.

— Преклоняюсь перед вашей логикой. Мы туристы с Земли на той стороне моря...

Он прервал меня коротким резким словом.

— Это невозможно, так как мы оба знаем, что на планете всего один материк. А теперь правду.

Единственный континент? Что же случилось с матерью Землей за эти 20 000 лет? Ложь не прошла, но может быть, сработает правда? Иногда это бывало.

— Поверите ли вы мне, если я скажу, что мы путешественники во времени?

Это достигло цели. Он выглядел озадаченным, в то время, как среди людей, стоявших ближе и слышавших, что я сказал, началось движение. Красная Борода строго на них посмотрел, прежде чем снова заговорить.

— Какое вы имеете отношение к НЕМУ и к тем существам наверху, в городе?

Многое зависело от моего ответа. Правда уже сделала свое дело, должна сработать и на этот раз. Кроме того, он сказал «существа», а это мог быть ключ к разгадке. Нельзя поверить, чтобы эта молчаливая и дисциплинированная сила была на стороне врага.

— Я должен убить ЕГО и сорвать их планы.

Это произвело должный эффект, некоторые из людей даже опустили ружья, прежде составляющие единую линию. Красная Борода пробормотал команду, и один из людей поспешно отправился куда-то. Мы стояли молча, пока он возвращался с зеленым металлическим кубом размером с его голову, который он протянул командиру. Должно быть, куб был полый, потому что он нес его легко. Красная Борода поднял куб.

— Мы имеем их более сотни. Они опускались с неба весь месяц и во всем идентичны. Мощный радиосигнал изнутри приводит нас к ним, но мы не смогли ни разрезать, ни разрушить металл. На внешней стороне на пяти гранях куба нанесен текст на разных языках. Те, которые мы знаем, сообщают одно и то же. Передайте это путешественникам во времени. На днище есть две надписи, которые мы не смогли прочесть. Вы можете?

Он осторожно передал куб мне, и я взял его с еще большей осторожностью, так как все ружья были направлены на меня с ювелирной точностью. Металл казался излучающим, превосходя твердостью сплав, используемый для атомных космических лайнеров. Я осторожно повернул куб днищем вверх и сразу прочел обе строки перед тем, как вернуть куб.

— Я могу прочитать их,— сказал я, и все удивились перемене в моем голосе.

— Первая строка гласит, что ОН и его люди покинут этот временной интервал точно через 2.7 дня после моего прибытия сюда.

Раздалось бормотание, а Ангела перебила Красную Бороду с тем же вопросом.

— А что во второй строке?

Я попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

— О, да. В ней говорится, что планета будет разрушена ядерными взрывами, как только они уйдут.

Глава 20

Тент был сделан из того же серого материала, что и одежда наших похитителей, и хорошо защищал от жаркой атмосферы снаружи. Небольшой агрегат урчал в углу, стерилизуя и охлаждая воздух. Присутствовали даже прохладительные напитки, и я мучился, пытаюсь найти выход из дилеммы, пока не зашел в тупик. Хотя оружие все еще было на виду, но в действиях сквозило невысказанное доверие. Красная Борода решил формально закрепить его.

— Я выпью с вами,— сказал он.— Я — Диян.

Это было похоже на ритуал, поэтому я повторил формулу и представился, то же сделала и Анжела. После этого оружие исчезло. Я сел там, где мог вовсю наслаждаться бризом от кондиционера и решил сам задать несколько вопросов.

— Есть ли у ваших людей более тяжелое вооружение, чем те ружья?

— Того, которое необходимо — нет. То немногое, что мы принесли, было выведено из строя во время сражения с ЕГО силами.

— Не слишком ли велик этот континент, чтобы перебросить его из вашей страны?

— Размеры континента не играют роли. Наши космические корабли слишком малы, а все приходится доставлять с нашей родной планеты.

Я быстро заморгал, чувствуя себя немного не в своей тарелке.

— Так вы не с Земли? — спросил я.

— Наши предки отсюда, но сами мы — уроженцы Марса.

— Вы не можете сообщить мне немного больше фактов? — в моем вопросе прозвучала неуверенность.

— Простите, я думал, что вы знаете. Позвольте наполнить ваш бокал.

История начинается много тысяч лет назад, когда внезапное изменение радиации увеличило температуру здесь, на Земле. Под словом «внезапно» я, конечно, подразумеваю многие годы, столетия. С изменением климата и таянием ледяных шапок было поставлено под угрозу существование жизни на планете. Изменялись береговые линии, затоплялись низины, были стерты большие города. С этим можно было бороться, но сейсмическая деятельность привела к смещению масс на поверхности Земли, полюса освободились от ледяного покрова, а освобожденная вода покрыла другие области. Землетрясения и потоки лавы, опускающиеся земли и возникающие горы. Все это было ужасно, мы много раз видели видеозаписи в наших школах. Интернациональными усилиями была снаряжена экспедиция для освоения Марса, чтобы сделать его пригодным для обитания людей. Это требовало изменения атмосферы с увеличением содержания двуокиси углерода, чтобы смягчить радиацию Солнца, транспортировку льда с колец Сатурна и т. д. Это было сделано с большой амбицией в расчете на скорый успех, но нации Земли потерпели банкротство, отдав все свои силы нечеловеческой попытке. Наступил упадок, войны, слабые правительства пали, а жестокие люди стали бороться за больший кусок

жизненного пространства в новом мире. В это время вода продолжала подниматься, и первым поселенцам на Марсе пришлось сражаться против жадных завоевателей с едва живого мира, чтобы сохранить порядок. В истории эти годы известны как годы Смерти, так много умерло людей — цифры невероятные. Но в конце концов мы уцелели и Марс — зеленый и гостеприимный мир.

Земля несчастна и по сей день. Контакт между планетами был прерван, и выжившие из многих миллиардов бились здесь в смертельной битве за жизнь. У нас нет видеозаписей этого периода длительностью в тысячелетия, но результаты налицо. Этот единственный континент, оставшийся над водой, а также несколько островов, отмечающих бывшие горные системы. А также ужасные законы землян. Когда была возможность, мы перестраивали старые космические корабли и помогали, чем могли. Наша помощь не была оценена. Выжившие убивали чужаков и получали от этого удовольствие. Все люди — чужаки. Солнечная радиация создала здесь мутации всех видов среди людей, растений и животных. Многие мутации быстро погибли, а выжившие находятся на одном уровне. Итак, мы помогали, чем могли, но реально сделали очень мало. Люди служили постоянной опасностью друг другу, но не Марсу. До тех пор, пока ОН не объединил их несколько сот лет назад.

— Действительно ли ОН жил все это время?

— Похоже на то. Его разум такой же «вывернутый», как и у всех остальных, но он может сотрудничать с ними. Они идут за ним. И в самом деле, они вместе работают, строя город, который вы видели, строя подобие общества. Он настоящий гений, хотя и извращенный, у них есть работающие фабрики и элементарная технология. Первое, что они сделали, это запросили большую помощь с Марса и не повсорили нам, когда мы ответили, что они и так получили по максимуму. Их безумные требования не тревожили бы нас, если бы у них не было межпланетных ракет с ядерными зарядами, которые были направлены на нашу планету.

После того как здесь появились первые установки, была организована эта экспедиция. На Марсе мы выжили благодаря взаимопомощи, у нас не было иного пути, поэтому мы не воинственный народ. Но нам пришлось создать оружие и применить его, чтобы обеспечить свое существование. ОН — причина всех бед, поэтому мы должны захватить или убить ЕГО. Если нам придется уничтожить других, чтобы выполнить это, мы пойдем на это. Тысячи умирают в своих домах, и радиация проникает в атмосферу Марса.

— Наши цели совпадают, — сказал я ему. — Он провел временную атаку на наших людей с теми же опасными результатами. Мы очень точно сложили наши различные планы.

— Как мы реализуем их? — нетерпеливо спросил Диян.

— Не знаю, — хмуро ответил я.

— У нас осталось десять стандартных часов на операцию, — произнесла Анжела.

Как все женщины, она была настоящим прагматиком. Пока мы

теряли время, плача о прошлом, она пришла к выводу, что решение проблемы принадлежит будущему. Я нахмурился, чтобы высказать свое недовольство ею, но решил отложить это для более подходящего времени, так как времени и не оставалось.

— Всеобщая атака,— сказал я.— У нас есть оружие, которое мы можем присоединить к вашему. Атака по всему фронту, мы найдем слабое место, сконцентрируем наши силы, прорвемся к победе. У вас осталось тяжелое вооружение?

— Нет.

— Ну... придется обойтись без него. Как насчет прорыва обороны крепости одним из ваших кораблей, для создания таким образом еще одного фронта?

— Они все уничтожены диверсантами. Другие придут с Марса слишком поздно. Мы не сильны в военной науке и умении убивать, в то время, как они живут этим всю жизнь.

— Не оставляйте надежду, ха-ха! — засмеялся я, но это прозвучало некстати. Сумерки были такими плотными, что казалось, можно отрезать от них куски.

— Гравитатор,— сказала Анжела так тихо, что только я слышал ее.

— Мы используем гравитатор! — сказал я громко, чтобы слышали все. Хороший генерал хорош только при быстрой работе штаба.

Весь план был теперь ясен, горел огненными буквами у меня перед глазами.

— Это будет обходная операция. Анжела вместе со мной избавится от всего ненужного нам снаряжения, чтобы дать полную нагрузку гравитатору. Затем мы прикрепим к нему многоместную упряжь. Я подсчитаю все точно позднее, а сейчас предполагаю, что он сможет поднять пять или шесть человек через стены внутрь, прежде чем сгорит. Нас с Анжелой двое, остальные — ваши лучшие люди...

— Нет, это работа не для женщины.— запротестовал Диян. Я понимающе пожал ему руку.

— Такая хрупкая и нежная, она стоит любых десяти мужчин, находящихся в этой палатке. А нам потребуется каждый человек. Поскольку войска снаружи будут вести вполне реальную атаку, которая может закончиться прорывом. Вначале на главном направлении, а затем на флангах. Когда сражение будет в наивысшей точке, мой отряд перелетит за противоположную стену и пробьет ее. Теперь займемся организацией.

Мы занялись делами. Больше работали мы с Анжелой, потому что эти мирные марсианские пахари ничего не смыслили в военной науке и, кроме того, были слишком счастливы, переложив ответственность на нас.

Когда все было на мази, я лег передохнуть, я был на ногах что-то около двух полных дней и 20 000 лет и поэтому невообразимо устал. Тех трех часов, что я урвал, было, естественно, недостаточно, я проснулся ворча и моргая и проглотил стимулятор, чтобы немного прийти в себя. Снаружи было темно, но все так же жарко.

— Мы готовы к отправке? — спросил я.

— Теперь в любую минуту, — ответила Анжела, свежая, сосредоточенная, без следов забот, которые ей выпали — должно быть, она тоже принимала стимулятор. — У нас есть еще около четырех часов, но большая часть этого времени уйдет на занятие нужных позиций. Атака начнется с рассветом.

— Проводники знают дорогу?

— Они воюют здесь почти год, так что должны знать.

Это был последний бой. Люди знали это. Это было в выражении их лиц и в развороте плеч. Сегодня мог быть только один победитель. Возможно, они не были рождены бойцами, но они быстро учились. Подошел Диян во главе трех из его мужчин, которые несли металлическое устройство с пристегнутыми ремнями, в центре которого был смонтирован гравитатор.

— Мы готовы, — сказал он.

— Каждый знает, что ему нужно делать?

— В точности. Мы уже попрощались, и отряды первого удара выдвинулись.

— Тогда пошли и мы.

Диян шел впереди, хотя я до сих пор не пойму, как он находил дорогу в этой темной парилке. Мы плелись за ним, согнувшись под тяжестью ноши, и чем меньше я скажу о последующих часах, тем лучше. Рассвет застал нас у цели — самой высокой и самой крепкой стены.

Когда она появилась над нами из сумерек, черная и угрюмая, то вовсе не казалась привлекательной. Я сжал руку Анжелы, чтобы показать, что я бесстрашен и подбодрить ее. Она сжала в ответ мою, чтобы показать, что знает — я испуган, как и все остальные.

— Мы сделаем это, Джим, — сказала она, — ты ведь знаешь.

— О, все будет в порядке, предсказатель будущего доказывает это. Но он не может показать, сколько людей сегодня погибнет — или кто из нас останется в живых в обозримом будущем.

— Мы бессмертны, — сказала она с такой уверенностью, что я рассмеялся, и мой моральный уровень поднялся до эгоистических вершин. Я звучно поцеловал ее.

Внезапно вдаль раздался взрыв, отражаясь и перекатываясь по стенам, как раскаты грома. Атака началась. Время пошло и теперь все измерялось им. Я помог всем влезть в стропы и после этого посмотрел на часы. Когда подошло время, я тоже надел ремни и проверил ручки гравитатора.

— Пристегнитесь, — скомандовал я, наблюдая, как бегут секунды, — будьте готовы разрезать ремни, когда мы приземлимся с той стороны.

Я нажал кнопку, и с металлическим звоном узлов мой маленький отряд из шести человек поднялся в воздух для атаки.

Мы поднимались вдоль черной поверхности камня, как медленный лифт — хорошая мишень для всякого, снабженного оружием и метким глазом. Мне приходилось наращивать скорость постепенно, чтобы наша конструкция не развалилась, но я и так задал максимальное возможное ускорение до тех пор, пока мы не достигли максимальной скорости подъема. Гравитатор стал ощутимо нагреваться, так как ему пришлось работать на полную мощность. Было бы очень неприятно, если бы он отказал.

Мимо проносились глубокие бойницы, к счастью, никем не охраняемые, черный камень сменился серой стеной, и наверху показалась зубчатая вершина парапета. Я направился прямо к ней и убрал мощность, как только мы достигли парапета. Ускорение подняло нас вверх к высокой арке, и после этого события протекали с нарастающей быстротой.

На стене было двое часовых, удивленных и сердитых, готовых открыть огонь. Но мы с Анжелой выстрелили первыми, используя игольные пистолеты, чтобы оставаться незамеченными как можно дольше. Оба рухнули в тишине, их лица и шеи были словно подушечки для булавок, а я включил двигатель для приземления.

Посадка! Внизу не было ни дворика, ни прочной крыши! Мы приземлились на куполообразную кровлю большого цеха, сделанную в виде навеса из стеклянных панелей, закрепленных на металлических балках. Мы посмотрели на нее, ужаснулись, когда пролетали сквозь нее, и я включил полную мощность, чтобы остановиться.

Мы столкнулись с внезапным сопротивлением, конструкция тоже изогнулась, хрустнула и начала рассыпаться. Купол был слишком близок, и мы не смогли остановиться вовремя. Шесть пар ботинок ударили одновременно, и около шести тысяч квадратных метров стекла полетели вниз.

Это было прекрасно. Бесшумная внезапная атака, принесшая серые привидения в крепость. Основная рама звякнула и наклонилась, некоторые из балок заскользили по ней. У меня мелькнула мысль, что мы последуем за всем тем стеклом, которое теперь со звоном билось внизу, где все слилось в одну громкую какофонию. Затем гравитатор в последний раз сверкнул, сделал последний рывок и загорелся.

— Обрезайте крепления! — закричал я, обрывая стропы, которые крепили гравитатор к нашей конструкции. Они сопротивлялись, резали руки, затем, наконец, поддались. Гравитатор упал вниз в зал, где кричали находящиеся там люди, и взорвался.

Я вздохнул и бросил туда несколько дымовых шашек и зажигательных гранат для пущей паники.

— О нашем присутствии теперь знают все, — сказал я, отскакивая в безопасное место, — нужно быстрее выбраться из этого ада и приступить к делу.

Осторожно двигаясь, сбрасывая стекло, которое скользило вместе

с балками по наклонной плоскости, мы, наконец, добрались до безопасного парапета.

— Включи радио,— сказал я Дияну, когда он добрался до меня.— Прикажи своим ребятам свернуть атаку, если они нигде не прорвались, но не прекращать стрельбу.

Они были отбиты со всех сторон.

— Тогда прикажи им побережь себя. Мы сделаем все внутри.

Мы двинулись. Анжела и я шли впереди, где могли отразить всякое нападение, которое могло возникнуть, в то время как остальные прикрывали фланги и тыл. Мы быстро продвигались вперед. Нам нужно было двигаться как можно быстрее, сея беспорядок по мере продвижения и найти ЕГО. Первая дверь привела нас на огромную винтовую лестницу, уходящую вниз в бесконечность. Мне не понравился ее вид, поэтому я бросил туда несколько гранат, и мы прижались к стене.

— Куда? — спросила Анжела.

— Расположение зданий наверху более плотное, чем во всем этом районе.

Невдалеке что-то взорвалось, и Анжела сбила снайпера с окна наверху точным выстрелом навскидку. Мы совершили небольшую пробежку, затем прижались к стене над прямым спуском на нижнюю аллею, пока я выбивал закрытую дверь.

Это место было придумано сумасшедшим. Надо было знать ЕГО, чтобы иметь полное представление. Коридоры и лестницы, стены с острыми углами, в одном месте нам пришлось ползти на четвереньках под низким потолком. Именно здесь произошло первое несчастье. Пятеро из нас уже выбрались из этой комнаты, когда ее потолок быстро и бесшумно опустился на нашего замыкающего, прежде чем он успел издать хоть один звук. Нас прошиб холодный пот.

Враги, которых мы встречали, были большей частью без оружия и либо разбежались, либо уничтожались иглами наших пистолетов. Теперь мы двигались в полном молчании и так быстро, как могли, между бессмысленно декорированными стенами, стараясь не смотреть на ужасные рисунки, которые, казалось, покрывали каждый метр свободного пространства.

— Минутку,— тяжело дыша, произнесла Анжела, останавливая меня, когда мы прошли через высокую арку к лестнице, которая уходила из виду далеко вниз, причем ступеньки у нее были разной высоты,— ты знаешь, куда мы идем?

— Не точно,— пропыхтел я в ответ.— Просто пресекаем всякое сопротивление, удаляясь от поля сражения, и распространяем панику.

— Я думала, у нас более важные задачи. Такая, например, как найти ЕГО.

— У тебя есть какие-нибудь предложения? — должен сказать, что поторопился это выпалить.

Анжела парировала моментально с притворной улыбкой.

— А как же. Ты можешь попробовать включить локатор темпорального поля, который висит у тебя на шее. Надеюсь, есть смысл в том, что мы принесли его сюда.

— Именно это я и собирался сделать,— солгал я, пытаюсь скрыть тот факт, что полностью забыл о нем в пылу атаки.

Стрелка поколебалась и указала точно на пол под нашими ногами.

— Идем вниз и только вниз,— приказал я,— там, где работает машина времени, должен быть ОН, тот, из кого я сделаю котлету.

Для меня это слишком много значило, поскольку это была третья и последняя попытка. Я подготовил специальную бомбу, на которой написал его имя. Это была адская смесь концентратора, гарантирующего коагуляцию протонов в радиусе пяти метров, с грузом отравленной шрапнели и термитного заряда, который должен был сжечь его гущенное отравленное тело.

После этого сражение возобновилось с новой силой. Струи пламени и дыма из огнемета преградили на время путь по лестнице. Опаленные и все в дыму, мы просочились сквозь дыру, которую я пробил бластером, в комнату, напоминавшую лабораторию. Ряды реторт тянулись во всех направлениях, теряясь среди шаров-кристаллов. Темные жидкости, испаряясь, наполняли воздух тяжелым запахом. Рабочие не были вооружены и все попадали перед нами. Теперь мы продвигались медленнее и даже остановились передохнуть.

— Уфф! — сказала Анжела, переводя дух.— Видел ли ты, что в этих сосудах?

— Нет и не хочу. Пошли,— если что и могло вывести из себя всегда спокойную Анжелу, так это мое нежелание обращать внимание на вещи, на которые указывала она. Я обрадовался, когда мы пересекли последнюю комнату и оказались перед другой лестницей.

Мы подходили все ближе к цели. Сопротивление росло, и нам приходилось буквально пробивать себе дорогу. Только тот факт, что защищающиеся были вооружены кое-как, позволял нам вообще пробивать путь. К счастью, большая часть оружия была пущена в ход на стенах, поэтому люди выходили против нас с ножами, металлическими прутьями и полосами, со всякой всячиной. Даже с голыми руками. Вопя и толкаясь, они отбрасывали нас только за счет своего численного превосходства. Здесь нас постигло еще одно несчастье, когда человек со шпагой вынырнул из боковой ниши и проткнул марсианина прежде, чем я успел его застрелить. Они умерли вместе, а нам не оставалось ничего другого делать, как покинуть их и продолжать прорываться. Внезапно я посмотрел на часы и остолбенел — мы опаздывали.

— Подождите! — громко закричал Диян.— Стрелка, она больше не показывает!

Я подал сигнал всем остановиться в широком проходе, который мы пересекали, и они развернулись, прикрывая фланги. Я посмотрел на детектор темпоральной спирали, который нес Диян.

— Куда он показывал, когда ты в последний раз смотрел на него?

— Прямо вперед, вниз по коридору. И стрелка совсем не наклонялась, как будто эта машина, на которую она указывает, находится на этом уровне.

— Она работает только тогда, когда темпоральная спираль заряжена. Должно быть, она уже отключилась.

— ОН мог уйти? — спросила Анжела, высказав вслух то, что я пытался выкинуть из головы.

— Наверное, нет,— сказал я с деланной уверенностью,— в любом случае нужно пробиваться насколько возможно. Итак, последняя попытка, вперед!

Мы прорвались. И столкнулись с еще одним несчастьем, когда пытались пройти аллею деревьев со свисающими ветками, сплошь покрытыми иглами. Они были покрыты ядом. В конце концов я сжег их последней термитной гранатой. Обмундирование и гранаты служат недолго. Затем произошла маленькая перестрелка, которая опустошила мой игольный пистолет. Я откинул его в сторону и ударил в тяжелую дверь, которая перекрывала проход в этом направлении. Ее нужно было взорвать, а гранаты кончились. Я повернулся к Анжеле в тот момент, когда плита, соединяющаяся с дверью, скользнула вверх.

— Ты проиграл в последний раз,— сказал ОН, подло ухмыляясь мне с экрана.

— Я всегда ждал этого разговора,— сказал я, затем обратился к Анжеле на языке, которого он не понимал: — Остались еще гранаты?

— Я говорю, а вы будете слушать,— сказал ОН.

— Одна,— ответила Анжела.

— Я весь внимание,— сказал я ему.— Взорви эту дверь,— обратился я к ней.

— Я разместил всех людей, которые мне нужны, в надежном месте в прошлом, где нас не найдут. Я отослал туда все нужные машины, послал туда все необходимое для постройки темпоральной спирали. Я ухожу последний и, когда я уйду, спираль саморазрушится.

Взорвалась граната, но дверь осталась в стояке. Анжела расколола ее разрывными пулями. Он продолжал говорить, как будто ничего не произошло.

— Я знаю, кто ты, маленький человечек из будущего, знаю, откуда ты. Тем не менее, я уничтожу тебя до того, как ты родишься. Я уничтожу тебя, мой личный враг, и после этого прошлое и будущее, и вся вечность будут мои, мои!

Он орал и размахивал руками, а тем временем дверь упала, и я первым ворвался внутрь. Мои пули крушили деликатную механику спирали, бомба с надписью «ОН» сверкнула в воздухе. Но он уже использовал темпоральную спираль — ее зеленый цвет угасал. Он ушел, спираль осталась, уже никому не нужная.

Моя бомба разорвалась и причинила больше вреда нам, чем тому, кто только что исчез и кому она предназначалась. Мы попадали на пол, когда смерть просвистела над нами. Когда мы подняли головы, спираль рассыпалась и дымилась.

Он заговорил снова, в то время как ствол моего пистолета глядел на него.

— Я сделал эту запись на тот случай, если мне придется вас покинуть, за что прошу извинить,— он захихикал над собственной плоской шуткой.— Теперь я ушел — ты не сможешь последовать за мной, но я могу проследить тебя сквозь время. И уничтожить. С тобой

другие мои враги, и я хочу, чтобы они тоже увидели мое величие. Они умрут, вы все умрете. Я контролирую миры, вечность, уничтожаю миры. Я уничтожу Землю. Я оставляю вам время, чтобы все обдумать и страдать. Вы не сможете избежать этого...

Через час все ядерное оружие на этой планете будет взорвано... Земля будет уничтожена.

Глава 22

Надо было удовлетвориться хоть чем-то, и я сделал один выстрел, взорвав этот проигрыватель, откуда звучал ЕГО ненавистный голос. Аппарат разлетелся облаком осколков пластика и элементов электроники. Страшный смех был прерван на середине. Анжела пожала мою руку.

— Ты поступил очень правильно,— сказала она.

— Но не совсем хорошо. Мне очень жаль, что я втянул тебя в это дело.

— Я бы не хотела, чтобы случилось по-иному. Что бы ни случилось с нами, мы будем вместе.

— Звучит так, словно с вашими людьми может произойти что-то ужасное,— сказал Диян.— Мне очень жаль.

— Не о чем горевать, мы все в одинаковом положении.

— В каком-то смысле да. Остался час. Но Марс спасен, и тот, кто умрет здесь, утешится хоть этим. Наши семьи и наши люди будут жить.

— Если бы я мог сказать то же самое,— сказал я с невыразимой грустью, подняв пистолет и застрелив двух врагов, которые пытались ворваться сквозь изломанную дверь,— затерянные здесь, мы потеряны для всего времени. Мы, еще живые сейчас, скоро сгорим как свечи.

— Разве мы не можем ничего сделать? — спросила Анжела. Я пожал плечами.

— Ничего не могу придумать. Мы не можем обезвредить водородные бомбы. Оборудование темпоральной спирали уничтожено, так что здесь тоже нет выхода. Нам нужна новая темпоральная спираль, но ее негде взять, если только она не упадет к нам с неба.

Эхом моим словам послужил треск раскрывающегося пространства наверху, я откатился и принял выжидательную позицию, думая, что это новая атака. Но это оказалось большой зеленой металлической коробкой, которая повисла в воздухе. Анжела смотрела на меня, широко раскрыв глаза.

— Если это темпоральная спираль, то хотя бы объясни, как ты это делаешь.

Впервые в жизни я промолчал, а потом и вообще лишился дара речи, поскольку коробка начала опускаться перед нами и, прежде чем она окончательно опустилась, я прочел надпись на ее боку: «Темпоральная спираль. Вскрывать осторожно». Два гравитатора, прикрепленные к ее вершине, временное приспособление, управляющее ими при спуске, маленький радиопередатчик, также прикрепленный к коробке с криво

введенной надписью «Включить» на корпусе. Я застыл и сидел, моргая, тогда как всегда практичная Анжела вышла вперед и нажала кнопку включения. До нас донесся звучный голос профессора Койцу:

— Я предлагаю вам пошевелиться. Бомбы, как вы знаете, должны скоро сработать. Меня просили передать тебе, Джим, что аппарат, который приведет бомбы в действие, расположен в этой комнате, за консервными банками. Он выглядит как портативное радио, поскольку и является таковым. Если его выключить, то бомбы сейчас же включатся. Что будет, конечно, очень неудобно. Ты должен набрать три цифры: шесть, шесть, шесть, которые являются шифром. Набирай их справа налево. Когда наберешь, нажми кнопку «Выключено». А теперь отключи меня, пока не сделаешь этого. И двигайся побыстрее.

— Хорошо, хорошо,— сказал я раздраженно и отключил его. Он посмел разговаривать со мной командным тоном, с индивидуумом, который не сможет родиться через 10 000 лет или около того. Таким способом выразив свое недовольство, я пошел выполнять, сбрасывая коробки с консервами на пол. Это были длинные, желто-зеленые цилиндрические громады с сублиматором.

Радио было там. Я не стал его передвигать, а только набрал шифр, как было приказано, и нажал кнопку, ничего не произошло.

— Ничего не произошло,— сказал я.

— Произошло именно то, чего мы все ждали,— сказала Анжела, встав на цыпочки, чтобы поцеловать меня в щеку,— ты спас мир.

Очень гордый собой, я вернулся к передатчику, под восхищенными взглядами марсиан, и снова включил его.

— Не думай, что ты спас мир,— сказал Койцу.— Вот олух. Ты лишь отодвинул взрыв на 28 дней. Однажды включенные бомбы затаились на этот период, затем они самоуничтожатся. Но марсиане смогут от них спастись. Я верю, что их ремонтные корабли в пути. Они их заберут.

— Будут через пятнадцать дней,— ответил Диян.

— Пятнадцать дней более чем достаточно. Земля будет уничтожена, но когда на ней восстановятся прежние условия, для вас это будет более победой, чем трагедией. Настало время вскрыть коробочку. Наверху, под панелью управления, есть атомный резак. Если его окошечки направить на внешнюю стену под углом в пятнадцать градусов, он прорежет туннель наружу. Марсиане смогут выйти по нему. Я предлагаю сделать это как можно быстрее. Теперь нажми кнопку «А» и запусти спираль. Джеймс, Анжела, пристегнитесь к гравитаторам как можно быстрее и отправляйтесь сразу же, как только загорится сигнал готовности.

Еще не веря во все это, я сделал, как было сказано. Темпоральная спираль шелкнула, зашипела и завывала, как раненая. Диян вышел вперед с протянутой рукой.

— Мы никогда не забудем тебя и того, что ты сделал для мира. Еще не рожденные поколения узнают о тебе и твоих подвигах из книг.

— Ты уверен, что вы поступите правильно? — спросил я.

— Ты смущаешься этого, потому что ты великий и гуманный

человек,— меня впервые уверяли в этом.— Будет сооружена статуя с надписью: «Джеймс Боливар ди Гриз — спаситель мира».

Каждый марсианин пожал мне руку, это было очень впечатляющее зрелище.

Зажегся сигнал готовности, и после нескольких прощальных слов мы надели гравитаторы и — чего я так желал последнее время — окунулся в холодный огонь силы времени. Я хотел что-то сказать, но запоздалая фраза застыла у меня на губах, а вокруг все завертелось.

Обычный скачок во времени, ни лучше, ни хуже. Это был тот вид транспортировки, к которому я никак не мог привыкнуть. Звезды проносились как пули, вокруг вращались спиральные галактики, движение не было движением, время не было временем, все было необычно. Единственное, что было хорошего в прыжке, это его конец. Мы обнаружили себя в гимнастическом зале на базе Специального Корпуса, в самом большом открытом здесь павильоне. Мы парили в воздухе, я и моя Анжела, глупо улыбаясь друг другу и атлетам внизу. Мы пожимали друг другу руки от счастья, что будущее все же лежало впереди.

— Добро пожаловать домой,— сказала она, и именно это я хотел услышать больше всего.

Мы полетели вниз, помахав друзьям и не отвечая пока на их вопросы. Сначала к Койцу и дежурному по Корпусу на доклад. Промелькнуло чувство неудовлетворенности, что ОН и на этот раз ушел от меня.

Койцу поднял глаза и удивился:

— Что это вы здесь делаете? — спросил он.— Кажется, вы устранили ЕГО. Разве ты не получил моего послания?

— Послания? — спросил я, быстро моргая.

— Да. Мы сделали 10 000 металлических кубиков и отослали их на Землю. Уверен, что вы получили один из них. Радиомаяк и так далее.

— А, это старое послание. Получили и действовали согласно ему, но вы немного опоздали. Что вот эта штука делает здесь? — боясь, что мой голос изменится до неузнаваемости я показал дрожащим пальцем на машину в другом конце комнаты.

— Это? Наша новая спираль номер Один, более компактный вариант. На что она тебе? Мы только что закончили ее.

— И никогда ею не пользовались?

— Никогда.

— Так, все ясно. Сейчас вы прикрепите к ней парочку гравитаторов, можно эти, передатчик и атомный резак и отправите это назад, чтобы спасти Анжелу и меня.

— У меня есть карманный передатчик, но почему...— он вынул знакомую машинку из халата.

— Сначала сделайте, объяснения потом. Мы с Анжелой просто взорвемся, если вы этого не сделаете.

Я принес краски, написал «Включить» на передатчике, затем «Темпоральная спираль. Вскрывать осторожно» на машине. Через несколько минут после ЕГО отбытия с Земли, которое было отмечено

на временной развертке, мы запустили груз с большой темпоральной спирали. Койцу наговорил запись под мою диктовку и только после этого, как весь груз ушел в прошлое, я глубоко и удовлетворенно вздохнул.

— Мы спасены,— сказал я,— а сейчас стаканчик того, что вы мне обещали.

— Я не обещал...

— Это не имеет значения.

Койцу что-то пробормотал себе под нос и чесал в затылке, пока я готовил напитки нам с Анжелой.

Мы чокнулись, смочили пересохшие глотки и теперь улыбались с довольным видом.

— Как хорошо,— сказал я,— сколько веков прошло с тех пор, как я в последний раз выпивал.

— Итак, в конце концов все проясняется,— сказал Койцу, удовлетворенно выпятив в улыбку челюсти.

— Ничего, если мы посидим, пока будем слушать? Мы так устали за последние несколько тысячелетий.

— Да, пожалуйста. Позвольте, я опишу ход событий. Они предприняли временную атаку на Корпус и очень удачную. Остались вы и я.

— Все правильно. Хотя, как только я отправил тебя в 1975 год, я увидел, что все стало по-прежнему. Очень удивительно. Всего мгновение я был один, затем лаборатория заполнилась людьми, которые и не знали, что их нет. Мы провели большую работу по управлению техникой трасс времени, на достижение нужных результатов ушло почти четыре года.

— Вы сказали — четыре года?

— Почти пять, если быть точным. Трассы очень удалены и трудно управляемы, многие к тому же и переплетены.

— Анжела! — воскликнул я, внезапно поняв.— Ты никогда не говорила мне, что была здесь одна пять лет.

— Я не думаю, что тебя нравятся женщины старше тебя.

— Я обожаю их, если они — ты. Ты была одинока?

— Ужасно. Вот почему я добровольно отправилась за тобой. У Инскина был доброволец, но он сломал ногу.

— Дорогая, держу пари, что знаю, как это произошло! — она не умеет краснеть, но тем не менее опустила глаза.

— Давайте проследим ход событий дальше,— сказал Койцу.— Вот что произошло. Мы проследили тебя из 1975 года в 1807, а также ЕГО и его шпионов. Там была петля времени, аномалия некоторого рода, которая в конце концов замкнулась в кольцо. Можно сказать, что она была готова взорваться вместе с тобой, заключенным внутри, но в последний момент удалось дать дополнительную мощность спирали, чтобы предотвратить запечатывание петли, прежде чем она исчезла. Именно тогда Анжела отправилась к тебе с координатами для твоего следующего 20 000-летнего прыжка за НИМ. Ты должен был последовать за НИМ, потому что таким образом можно было

контролировать твой прыжок. Хотя ход истории был известен к тому времени, и мы знали, чем все кончится.

— Вы знали? — спросил я, чувствуя, что что-то где-то упустил.

— Конечно. Природа атаки была известна, хотя вы должны были до конца сыграть свою роль.

— Вы можете объяснить еще раз? И помедленнее.

— Конечно. Ты пытался сорвать ЕГО операции дважды в глубоком прошлом и в конечном итоге, переключив ЕГО машину, послал ЕГО в мрачные для Земли времена. Он потратил большое количество времени, почти две сотни лет, продвигаясь к власти и объединяя ресурсы всей планеты. Он был гений, хотя и сумасшедший. И смог это сделать. ОН тоже помнил тебя, Джим, и несмотря на двухсотлетний срок, не забыл, что ты — его враг. Таким образом ОН начал временную войну, чтобы уничтожить тебя раньше, чем ты сможешь устранить ЕГО, устроив тебе ловушку на планете, готовой к уничтожению атомными взрывами. Оттуда он вернулся в 1975 год, чтобы атаковать Корпус. Ты последовал за ним, и он ушел в 1807, приготовив там для тебя петлю времени. Я не знаю, куда он планировал отправиться оттуда, но его планы изменились и он отправился на 20 000 лет вперед.

— Да, я это сделал, изменив настройку его спирали как раз перед тем, как он ушел.

— На этом все кончилось. Теперь можно расслабиться, и я хочу выпить вместе с тобой.

— Расслабиться! — это слово вырвалось из моего горла вместе со странным неприятным звуком. — Из того, что вы сказали, я могу заключить, что это я начал атаку на Корпус, изменив настройку темпоральной спирали, которая послала его в мир, где он начал операцию по уничтожению Корпуса.

— Это, по-моему, единственное объяснение.

— А нет ли другого? По-моему, он просто возвращается в кольцо времени. Убегая от меня, нагоняя меня, убегая от меня... Уфф! Когда он родился, откуда он?

— Твои условия бессмысленны в этом роде темпоральных отношений. Он состоятелен только во времени этой петли времени. Пусть будет так, хотя это очень неточно, точнее будет сказать, что он никогда не родился. Ситуация стоит за пределами нашего нормального понимания времени. Так же как и тот факт, что вы вернулись сюда с информацией, которую нужно было послать тебе, чтобы предупредить об остановке атомных бомб. Откуда изначально происходила эта информация? От тебя. Поэтому ты послал ее себе, чтобы предупредить тебя об атомных бомбах, чтобы...

— Достаточно! — взревел я, дрожащей рукой хватаясь за бутылку. — Просто отметьте, что миссия выполнена и выписывайте премию.

Я наполнил бокалы снова и, лишь обернувшись, понял, что Анжелы нет. Она выскользнула в то время, пока я пытался постичь ход войны, и я уже начал волноваться, куда она могла уйти, когда она вернулась.

— Они прелестны, — сказала она.

— Кто, кто? — сказал я, не сообразив.

Но когда я увидел сузившиеся глаза Анжелы, то понял, какую непростительную ошибку допустил.

— Действительно кто! Ха-ха! Прости меня за небольшую шутку. Ну конечно же, это наши двойняшки, наши веселые гукающие детки прелестны.

— Они здесь со мной.

— Так вкати же коляску.

— Детишки, — сказала она, когда они вошли, и я заметил сильную нотку иронии в том, как она это сказала.

Им шел шестой год, этот маленький факт я как-то упустил из виду. Они шли спокойно, крепкие парни шагали в ногу. Хорошо сложенные, с отцовской твердой выправкой, и я счастлив был видеть, — с характерной для матери сдержанностью.

— Тебя очень давно не было, папа, — сказал один из них. — Я Джеймс, а это Боливар. Добро пожаловать домой.

Нужно поцеловать их или еще как мне поступить? Они серьезно протянули свои ручонки, и я, совершенно серьезно, пожал их. Хорошие ребята... нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к этой семейной традиции. Анжела сидела, гордо откинувшись, и по ее взгляду я понял, что полностью прощен.

— Анжела, я думаю, ты больше не сердишься на меня. Прелести семейной жизни, кажется, наилучшая награда для того, кто решил покончить с беззаботной жизнью негодяя, работающего без контракта.

— Очень правильное слово! — выкрикнул ужасно знакомый голос, — и еще бесчестный обманщик, мошенник и так далее, — в дверях стоял Инскин, помахивая пачкой бумаг в моем направлении, — пять лет я ждал тебя, ди Гриз, и на этот раз ты не убежишь. Никаких объяснений типа временной войны. Ты украл, ты стащил у собственных малышей... Уфф!

Он сказал «уфф», потому что Анжела поднесла ампулу со снотворным к его носу, и стал клониться вниз. Мальчики с завидной реакцией выступили вперед и осторожно опустили его на пол. Анжела освободила его от пачки бумаг, пока его укладывали.

— После пяти лет разлуки ты нужен мне больше, чем этому назойливому старику. Давайте сожжем эту пачку и стащим корабль, пока он приходит в себя. Пройдут месяцы, пока он найдет нас, а если за это время что-нибудь случится, что потребует нашего безотлагательно-го присутствия, ему снова придется принять нас на работу. Тем временем мы прекрасно проведем второй медовый месяц.

— Звучит прекрасно, но как быть с мальчиками? Это не то путешествие, в которое можно брать детей.

— Вы ведь не управитесь без нас, — сказал Боливар. Где я видел это непоколебимое выражение лица? Наверное, в зеркале.

— Куда вы, туда и мы. Если у вас проблемы с деньгами, мы можем заработать сами. Смотрите.

Я все понял, когда он только начал вытаскивать огромную пачку

кредиток, на эту сумму они могут объехать всю Галактику. Но я также успел поглядеть на знакомый золотой штамп на бумажнике.

— Деньги Инскина! Вы ограбили старого человека, когда делали вид, что помогали ему, — я посмотрел на Джеймса. — Надеюсь, ты сможешь узнавать время по наручным часам, которые я вдруг обнаружил на твоей руке?

— Идут по стопам отца! — гордо сказала Анжела. — Конечно же, они отправятся с нами. И не волнуйтесь насчет денег, мальчики. Папа может наворовать столько, сколько нужно нам всем.

Это было уже слишком.

— А почему бы и нет! — засмеялся я. — За преступников! — и поднял бокал.

— За время! — сказал Койцу, вникнув в суть дела.

— За преступников во времени! — крикнули мы оба вместе, осушили бокалы и разбили их о стену, а Койцу стоял и по-отцовски улыбался нам вслед, когда мы схватили детей в охапку и ушли, перешагнув через спящего Инскина.

Перед нами расстился яркий и славный мир, каждым уголком которого мы собирались насладиться.

СОДЕРЖАНИЕ

Крыса из нержавеющей стали	3
Мсть крысы из нержавеющей стали	97
Крыса из нержавеющей стали спасает мир	215

ИБ 2247

Гарри Гаррисон

«Стальная крыса» / «Библиотека зарубежного криминалистического и приключенческого романа». Выпуск 3/ Издано при содействии кооперативного предприятия «Мелор». Художественный редактор *А. Саяпин*. Технический редактор *Л. Заичкина*. Корректор *Н. Епифанова*.

Сдано в набор 12.09.90. Подписано в печать 15.05.91. Формат бумаги 60×90/16. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0. Уч.изд. л. 19,3. Заказ № 2848. Тираж 100 000 экз. Цена 22 руб. Заказное.

Библиотека «Лооминг». 200001, г. Таллинн, ул. Харью, 1.

Отпечатано на Смоленском полиграфкомбинате. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Уважаемые читатели!

В издательство приходит множество писем с просьбой продолжить в нашей серии публикацию романов А. и С. Голон «Анжелика». Напоминаем читателям, что серия «БЗАКИПР», в отличие от других, разнополярна по жанру и ставит своей задачей не останавливаться на издании однотипных книг (будь это даже «Анжелика»), а познакомить Вас с лучшими произведениями выдающихся зарубежных мастеров детектива, приключений и фантастики в силу сложившихся обстоятельств малоизвестных русскому читателю.

С уважением А. Саяпин

22 р.

Уважаемый читатель!
Часть средств от продажи
этой книги пойдёт
в Детский фонд
и на другие
благотворительные цели

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА